**Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»**

На правах рукописи

ЛИТВИНОВ Вячеслав Петрович

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИЦИИ НА РОССИЙСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ СРЕДНЕЙ АЗИИ (1865-1917 гг.)

Специальность: 5.6.1. Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
Арсланов Рафаель Амирович

Москва, 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ..... 3

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ..... 15

1.1. Анализ историографии проблемы **..... 17**

1.2. Источниковедческий обзор исследования..... **4**7

1.3. Методологические основы исследования..... **70**

ГЛАВА 2. ПОЛИЦИЯ В РОССИИ И ТУРКЕСТАНЕ ДО И ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К ЦАРСКОЙ ИМПЕРИИ..... 85

2.1. Полиция в царской России: общее и особенное **..... 86**

2.2. Полиция в мусульманских ханствах Средней Азии: до их присоединения к Российской империи и в период ее протекторатов **..... 109**

ГЛАВА 3. СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДОКТРИНЫ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ 134

3.1. Нормативно-правовое обеспечение организации и деятельности полиции в крае (1865-1886 гг.) **..... 135**

3.2. Полицейские проекты царской власти конца XIX – начала XX века**..... 180**

ГЛАВА 4. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ СЛУЖБ В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ 216

4.1. Организация полиции в сельских районах Туркестанского края **..... 218**

4.2. Городская полиция в Туркестанском крае **..... 242**

4.3. Организация сельской и городской полиции в Семиреченской и Закаспийской областях **..... 289**

ГЛАВА 5. МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЧИНОВ ПОЛИЦИИ В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ 327

5.1. Заработная плата полицейских служащих в регионе**……328**

5.2. Пенсии, льготы и преимущества полицейской службы в Русском Туркестане**..... 365**

5.3. Обеспечение полицейских чинов квартирным и форменным довольствием **..... 391**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 426

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 436

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется, прежде всего, возрождением института полиции в современной России и той ролью, которую она играет в системе обеспечения правопорядка и государственной безопасности страны. Современное звучание теме придает также необходимость переосмысления деятельности полиции на национальных окраинах Российского государства в условиях нарастания в начале XX в. социально-политических противоречий, ставших одним из факторов распада империи. Актуальность темы состоит также в том, что ее разработка предоставляет возможность рассмотреть способность, да и готовность полиции выполнять интегративные функции на окраинных территориях империи, с преимущественно мусульманским составом населения. Это, в свою очередь, позволит определить степень эффективности полиции как инструмента, призванного решать охранительные и социально-стабилизирующие задачи.

При этом в исследовании акцентировалось внимание на преобладании мусульманского населения в Русском Туркестане, в котором даже в канун революции 1917 г. проживало лишь около 5 % приверженцев неисламских религий. И хотя Россия «ушла» из Средней Азии в конце XX в., часть проблем, с которыми сталкивалась имперская полиция в регионе – религиозный экстремизм, зачастую маскирующийся под соблюдение исламских традиций, наркомания, бытовая антисанитария и пр., сегодня вернулась вместе с «трудовыми мигрантами» в страну, что привносит дополнительный импульс к актуальности теме исследования.

Проведение объективного анализа прошлого российской полиции наряду с прочим позволит очистить его как от идеологических интерпретаций советской историографии, так и националистических искажений, доминирующих в исторических трудах современных авторов

среднеазиатских республик, представляющих царскую полицию лишь как инструмент колониального господства Российской империи.

Особое значение исследованию придает то, что сегодня в условиях противостояния нашей страны со странами Запада и роста националистических настроений в государствах Центральной Азии усилилась тенденция представить вектор истории России как постоянное империалистическое расширение территории, а, например, присоединение Средней Азии как «абсолютное зло», несущее страдания и колониальную эксплуатацию местным народам [1] . При этом российская полиция изображается как главный карательный орган царской власти в регионе. По словам известного исследователя Б.Н. Миронова, «… национальные историки отказываются от общего с Россией прошлого и стремятся ее опорочить, обвиняя в геноциде, колониальном захвате, уничтожении самобытности добровольно присоединенных или аннексированных народов»[2]. Анализ же фактов позволил историку прийти к выводу, согласно которому «…на самом деле положение коренного населения Центральной Азии в последней трети XIX – начале XX в. улучшалось…»[3].

Свой вклад в улучшение жизни населения региона внесла и полиция, изучение деятельности которой позволит преодолеть устоявшиеся стереотипы и восстановить реальную картину ее участия в культурном и правовом развитии Средней Азии.

Научная значимость темы определяется недостаточной изученностью истории имперской полиции: правовых принципов ее организации, материального обеспечения чинов, источников финансирования и др. Особенно много лакун в исследовании ее истории на «национальных

---

[1] Подробнее об этом см.: Германова В.В. Вторжение Российской империи в Среднюю Азию (Заметки историографа на полях учебников по истории Узбекистана) // Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 362

[2] Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2014. Т. 1. С. 80-81.

[3] Там же. С. 84

окраинах» (Сибирь, Кавказ, Дальний Восток и др.) в том числе, - российской территории в Средней Азии (Русском Туркестане).

Объектом исследования является административное - «военно-народное управление» в Русском Туркестане.

Предмет исследования: организация и деятельность дореволюционной полиции на российских территориях Средней Азии, принципы ее формирования и материального обеспечения.

Цель научного исследования состоит в реконструкции основных принципов и направлений деятельности имперской полиции в Русском Туркестане, что позволит получить новые знания о взаимоотношении центра и национальных окраин, а в итоге, - определить степень эффективности управленческой системы государства в условиях нараставшего кризиса.

В соответствии с поставленной целью необходимо будет решить следующие **задачи**:

- определить соответствие издавна сложившейся в среднеазиатских ханствах полицейской службы с общими мировыми традициями, а также со спецификой мусульманских государств;

- охарактеризовать организационное состояние «общей» имперской полиции до и после присоединения Средней Азии к России;

- рассмотреть процесс разработки правовых основ организации и деятельности имперской полиции в регионе с учетом общегосударственных установлений и особенностей жизни коренного населения;

- выявить основные принципы формирования кадров российской полиции в Средней Азии; ее связь с армейскими структурами, а также проблемы организации полицейских служб на сельском и городском уровнях;

- проанализировать материальное обеспечение личного состава полиции;

- выявить источники формирования пенсий, виды пособий и льгот, а также дополнительные преимущества, сопряженные с прохождением службы;

- определить место и роль имперской полиции в системе «военно-народного управления» Русского Туркестана;

- доказать, что деятельность российской полиции в регионе в целом носила позитивный характер, способствовала сохранению стабильности, улучшению условий жизни местного населения.

Степень научной разработанности. Поскольку в первой главе диссертации будет проведен развернутый анализ научной литературы темы, то в данном разделе целесообразно ограничиться лишь общей характеристикой сложившейся историографической ситуации.

Прежде всего, следует отметить, что общая история дореволюционной полиции до сих пор не стала предметом комплексного научного изучения. Безусловно, здесь сказалось идеологизированное отношение к проблеме со стороны советской историографии. С учреждением института полиции в РФ появились труды по ее дореволюционной истории[4]. Однако существенным пробелом современной историографии остается недостаточное внимание к деятельности имперской полиции на национальных окраинах [5]. Следует заметить, что хотя в трудах историков-туркестановедов эта проблема и затрагивалась, но она так и не стала предметом специальной разработки[6].

Источниковую базу диссертации составили опубликованные законодательные документы, делопроизводственные источники, почерпнутые из центральных и местных архивов, публицистические материалы, а также источники личного происхождения, подробно рассмотренные в соответствующем разделе диссертации.

---

[4] См. напр.: Российская полиция: Три века служения Отечеству. Сборник статей Юбилейной Международной научной конференции. Часть 1-2. / Под. ред. В.Л. Кубышко. 21 декабря 2018 г. М.: Академия управления МВД России, 2019.

[5] Территории Польши и Финляндии автор не рассматривает – В.Л.

[6] См.: труды С.Н. Абашина, Д.Ю. Арапова, Д.В. Васильева, Т.В. Котюковой и др.

Методология и методические подходы, ставшие теоретической основой проведенного исследования, получили подробное освещение в третьем разделе первой главы. Здесь же кратко отметим значение диалектики, без опоры на которую невозможно раскрыть и осмыслить связь явлений общественно-исторического процесса.

Методологическую основу диссертации составляет теория модернизации, позволяющая осмыслить тему в контексте межкультурного взаимодействия. Обращение к данному подходу позволяет не только увидеть региональные особенности модернизационного процесса, но и выявить существенные противоречия в деятельности полиции. С одной стороны, она представала носителем прогресса, устанавливая современные нормы права, а с другой, стремясь к обеспечению порядка и стабильности, становилась инструментом сохранения основ традиционного общества. Использование социокультурного подхода дает возможность рассмотреть деятельность полиции как организма, внедренного в инокультурную общественную среду, пытающего нивелировать местные различия ради достижения правового и политического единообразия.

Хронологические рамки исследования включают в себя период от образования Туркестанской области в феврале 1865 г. (преобразована в 1867 г. в Туркестанское генерал-губернаторство) до падения царской власти в результате Февральской революции 1917 г.

Территориальные рамки исследования включают в себя ареалы Средней Азии, которые находились под российской юрисдикцией, в том числе русские поселки в Бухарском ханстве. Для работы было важно именно это обстоятельство, а не то, каким ведомством они управлялись. При этом учитывалось, что в 1882-1897 гг. часть региона - Семиреченская область не подчинялась военному министерству, а находилась в ведении МВД.

Терминологические особенности исследования заключаются в том, что в работе применяется различные определения: «Средняя Азия», «Русский Туркестан», «Туркестанский край». Каждое из них имеет свой

конкретный смысл. Под термином «Средняя Азия» имеется в виду весь регион, включая Бухарское, Кокандское (до 1876 г.) и Хивинское ханства. «Русский Туркестан» - это российские территории в регионе, а «Туркестанский край» - административно-территориальное образование в Российской империи, включавшее в 1867-1882 гг. две – Сырдарьинскую и Семиреченскую области, в 1882-1897 гг. три, так называемых «коренных» - Сырдарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую, а в 1898-1917 гг. все пять российских областей, то есть Семиреченскую и Закаспийскую. В современной историографии активно используется термин «Центральная Азия», включающий Среднюю Азию и Казахстан. Однако с точки зрения географической науки, которую разделяет и диссертант, к Центральной Азии относятся наряду со Средней Азией территории от памирских пределов Восточного Туркестана до Внутренней Монголии в Китае.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. До прихода России в Среднюю Азию в регионе повсеместно сложились полицейские системы, действовавшие на основе мусульманского права (шариата), местных обычаев и ханских повелений. Имперское правительство сохранило их фактически в неизменном виде, но подчинило ведению туркестанской военной администрации.

2. Деятельность полиции в дореволюционной России осуществлялась на основании генеральной «конституции» царизма - «Общего губернского учреждения», которое устанавливало общие и особые нормы управления губерниями Центральной России и национальными окраинами. В проекте «Туркестанского положения» 1867 г., «Положении об управлении Туркестанским краем» 1886 г., в «Закаспийском положении» 1890 г. и «Степном положении» 1891 г. нашли отражение нормы «Общего губернского учреждения», но учитывалась и региональная специфика, и прежде всего, подчинение Русского Туркестана Военному министерству.

3. Центральная власть старалась унифицировать правовые основы деятельности региональной полиции. Принимались решения о передаче

Туркестанского генерал-губернаторства в ведение МВД, но вплоть до революции 1917 г. сохранялась устоявшаяся система.

4. Формирование полицейских кадров в Русском Туркестане подчинялось как общегосударственным законодательным установлениям, так и специальным, относившимся к краю в целом, где определялась численность полицейских команд в отдельных местностях. Инициатива в выдвижении соответствующих законопроектов принадлежала как центральным, так и региональным учреждениям. Поскольку край находился в ведении военного министерства, то полицейские законопроекты предлагались этим ведомством, включая Туркестанское генерал-губернаторство. Такого рода документы поступали в Азиатскую часть Главного штаба, отвечавшую, в частности, за управление Русским Туркестаном. В случаях, требующих законодательного утверждения, военное министерство направляло представления в Государственный совет, а также в правительство. В их обсуждении, как правило, участвовали МВД, Министерство финансов и другие ведомства. Однако в любом случае, постановления указанных учреждений становились законами только после «высочайшего» утверждения.

5. Значительное место в деятельности полиции занимали вопросы материального обеспечения соответствующих служб. В работе показано, что полиция во всей России, включая среднеазиатский регион, содержалась в основном за счет доходов населения – городских бюджетов и земских сборов. Лишь в некоторых местах, где не хватало средств на содержание полиции, казна брала ее финансирование на себя. За счет народных средств выплачивалось жалованье, предоставлялось жилье, приобреталась форменная одежда и пр. Однако в целом финансирование полиции в регионе было недостаточным.

6. Одним из факторов деятельности полиции в Русском Туркестане были преференции в пенсионном обеспечении и пр. Пенсии назначались на основании общегосударственного законодательства, предусматривавшего

сокращенные сроки их выслуги на отдаленных окраинах Российской империи. Надежды правительства на привлечение в край с помощью пенсионных преференций, льгот и преимуществ службы квалифицированных полицейских кадров оправдывались лишь отчасти.

7. Организация полиции в Русском Туркестане соответствовала как общегосударственным установлениям, так и специфическим особенностям региона.

8. В работе выдвигается гипотеза, что деятельность имперской полиции в Туркестанском крае, несмотря на все ее ошибки и недостатки, позволяла обеспечивать должный порядок и создавала необходимые условия для мирного труда и успешного развития. В целом она носила позитивный характер.

Научная новизна данного исследования определяется, во-первых, самой постановкой проблемы организации и деятельности имперской полиции на российских территориях Средней Азии во второй половине XIX - начале XX в. Несмотря на то, что данная тема представлена определенным числом работ, тем не менее, она не получила специального комплексного научного осмысления. Мемуарные свидетельства тех, кто подолгу жил и работал в регионе, носят в значительной степени фрагментарный характер. В советское время исследование темы велось в рамках господствующей идеологии, детерминировавшей акцент на репрессивных функциях полиции в Средней Азии. Как правило, за рамками исследований оставались административные, социальные и иные ее компетенции.

Во-вторых, в диссертации анализируется процесс формирования органов имперской полиции в Средней Азии, с ее преобладающим мусульманским составом населения, что определяло специфику деятельности этого общественного института.

В-третьих, рассматривается эволюция развития российской полицейской системы в Средней Азии, выявляются ее специфические черты, обусловленные историческими и региональными особенностями.

В-четвертых, в работе проводится анализ полицейских систем и способов организации общественного порядка в среднеазиатских ханствах до прихода России и в период ее протекторатов. Выявляются истоки и особенности деятельности полиции в ханствах: зависимость от политической ситуации и местной интерпретации шариата, а также исключительная жестокость к противникам власти и личная преданность правителю.

В-пятых, дается общая характеристика системы "военно-народного" управления в Туркестанском крае и определяется место и роль имперской полиции в администрировании территорий Средней Азии.

В-шестых, проводится комплексный анализ формирования полицейской доктрины имперской власти в Русском Туркестане на начальном этапе (1865-1886 гг.): рассмотрены нормативно-правовые основы организации полицейской системы; реконструированы и изучены механизмы ее деятельности; дана оценка взаимоотношений органов имперской полиции с должностными лицами низовой администрации, избранной из числа местного населения. Кроме этого, дается анализ трансформации доктрины после Андижанского восстания 1898 г. в крае и нарастания революционных настроений в России в начале XX в.: изменение институционной структуры и функциональных задач полиции в этот период; определяется изменением роли и значения полиции в общей имперской политике контроля и интеграции территорий Средней Азии в общее имперское политическое, экономическое и правовое пространство.

В-седьмых, проанализированы недостатки "Туркестанского положения" 1886 г., которые проявляли себя в разных сферах управления краем, в том числе и деятельности полиции. Рассмотрены попытки краевых властей найти способы повышения эффективности полицейской службы. В контексте этого показано основное противоречие: с одной стороны, стремление центральной власти унифицировать нормы, положения и полицейские институты в масштабах всей империи, с другой, - постоянные

попытки адаптировать их под этнокультурные и социально-политические особенности Средней Азии.

В-восьмых, работа содержит ряд положений, вносящих коррективы в уже сложившиеся представления о деятельности полиции в Русском Туркестане. В исследовании конкретизируются региональные особенности; анализируется процесс приспособления общеимперских норм, заложенных в положениях об управлении 1867 и 1886 гг., к условиям Туркестанского края через региональные правовые акты; выявляется уникальность модели "военно-народного" управления применительно к деятельности полицейских служб разного регионального уровня; демонстрируются масштабы кадрового голода, позволяющего оценить реальные возможности полиции в регионе. Впервые детально анализируется структура и характер деятельности сельской и городской полиции в Русском Туркестане, их функциональные особенности, а также отличия от общеимперской модели. Отдельно рассматривается организация сельской и городской полиции в Семиреченской и Закаспийской областях, имевших свои правительственные положения об управлении.

В-девятых, на основании ранее не публиковавшихся архивных материалов и нормативно-правовых актов в работе раскрывается специфика материального обеспечения чинов полиции в Русском Туркестане. Ключевыми моментами этой специфики были более высокие оклады денежного довольствия в сравнении с "внутренней" Россией; льготный учет выслуги; сокращенные сроки для пенсии и дополнительные социальные гарантии, связанные с оплатой лечения и обучения детей. Отдельным образом рассмотрена проблема реализации гарантий: нерегулярное квартирное обеспечение, отставание повышения окладов и других денежных выплат от роста цен и инфляции и связанную с этим коррупцию среди полицейских чинов. Показано, что, несмотря на повышенное денежное довольствие, льготы и социальные гарантии это не обеспечивало

привлекательность службы в Туркестанском крае для квалифицированных кадров из "внутренней" России.

Наконец, в-десятых, проведенное исследование восполняет существенный пробел в освещении отношений России и среднеазиатского региона; историографическую базу темы усиливает введение в научный оборот ранее не публиковавшихся архивных источников.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в разработке научной концепции, основанной на комплексном использовании методологических и методических подходов, позволивших представить институт имперской полиции в Средней Азии как органическую, но имеющую свои специфические черты часть сложившейся в дореволюционной России системы управления. Опора на теорию модернизации позволила выявить противоречивую роль полиции как инструмента трансляции имперских правовых норм и практик, противостоящих учреждениям и обычаям традиционного мусульманского общества, и вместе с тем, органа, пытавшегося обеспечить порядок и стабильность в крае и консервировавшего тем самым патриархальные устои.

Данное диалектическое противоречие отражало стремление имперской власти различными методами обеспечить интеграцию края в российское политическое и культурное пространство.

Социокультурные методы измерения прошлого позволили проследить за становлением и развитием феномена полиции в Русском Туркестане, осмыслить факторы ее деятельности в инокультурной среде, определить вклад в процессы развития и интеграции региона в состав империи.

Практическое значение исследование состоит в том, что сегодня его материалы могут быть востребованы специалистами, занимающимися историей дореволюционной России и Средней Азии, а также использованы для написания учебников и пособий, предназначенных для студентов гуманитарных вузов, учебных заведений МВД Российской Федерации. Исследование может заинтересовать политиков, дипломатов и журналистов,

работающих на среднеазиатском направлении. Не менее значимым представляется и потенциальное использование результатов исследования в практической деятельности подразделений современной российской полиции, взаимодействующих с трудовыми мигрантами из государств Средней Азии.

Соответствие паспорту специальности. Диссертационное исследование соответствует паспорту специальност 5.6.1. - Отечественная история, а именно п. 4 История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов.

Достоверность результатов исследования и обоснованность его выводов обеспечивается репрезентативной источниковой базой, включающей как архивные, так и опубликованные документы, а также опорой на широкий круг научных трудов. Ряд положений диссертационной работы был опубликован в научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ. По мнению диссертанта, проведенное исследование не только согласуется с ключевыми выводам отечественных и зарубежных историков, но и существенно их дополняет.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования с выводами опубликованы в 26 научных работах. В 21 журнале из Перечня ВАК РФ, из них 15 статей в журналах отнесенных, к категории К1, К2, и 1 монографии. Общий объем публикаций по теме исследования составил 41,94 п.л., из них авторских 41,69 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, объединяющих 13 разделов, заключения, списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как отмечалось во введении, любое серьезное историческое исследование нуждается в обосновании своего значения для науки - его своевременности, новизны, теоретического и иного вклада в познание прошлого и т.п. Оно должно показывать, что было известно о рассматриваемой проблеме в части ее изучения историками ранее, свидетельствовать об источниках, которые использовались при подготовке диссертационной работы, характеризовать методологию развития исследовательской мысли при ее осуществлении. В данном разделе диссертации подробно рассматриваются указанные основания научного поиска.

Вместе с тем, автор считает необходимым заметить, что объем историографии по рассматриваемой проблеме, особенно в ее дореволюционной части, включая и зарубежную литературу, долгое время считается специалистами ограниченным, в связи с чем, отдельные исторические, публицистические, культурологические и т.п. сочинения упоминаются во многих исследованиях о Средней Азии. Поэтому диссертант использовал только те труды, которые в той или иной мере относились к избранной им теме научного поиска. Их повторяемость в других исследованиях о регионе не представляется ему чем-то предосудительным.

Что касается использованных в работе источников, то они, действительно, многочисленны только в своем архивном сегменте. Однако они ограничены в рамках трех частей «Полного собрания законов Российской империи», периодических изданий «Свода законов Российской империи» и годовых «продолжений» к нему, а также «Собрания узаконений и распоряжений правительства, издаваемого при Правительствующем Сената», которое дублировано принятые нормативно-правовые акты, в связи с чем, не имело особенного значения для исследования, кроме документов 1914-1916 гг. Безусловно, туркестановеды иногда упоминали разные

законодательные акты, но редко подвергали их тщательному анализу. В данном исследовании он присутствует при рассмотрении фактически каждого правового документа, относящегося к организации и деятельности царской полиции в Русском Туркестане. К ограниченным источникам можно также отнести сведения из газет и журналов рассматриваемого периода. Естественно, что для воссоздания жизненной канвы работы царских правоохранительных органов в регионе активно использовались архивные источники, почерпнутые в разных российских и среднеазиатских государственных хранилищах документов. По мнению диссертанта, «органика» сочетания различных источников помогла ему достичь поставленной цели и решить поставленные ею задачи исследования.

Представляется очевидным, что любое историческое исследование является неполным, если оно лишено профессионально грамотного осмысления научного поиска. Интересное содержание не может купировать его отсутствие. Поэтому диссертант уделил особое внимание изложению вопроса о методологии своего исследования. Судя по содержанию соответствующего раздела данной работы, он считает ее своего рода «философией» осуществленного им поиска по избранной проблеме изучения. Ее основой является (всеобщий) диалектический подход. Последовательно рассматриваются и другие методы и принципы научного исследования. Диссертант подчеркивает, что они эффективны только с опорой на универсальные законы и категории диалектики. По его мнению, лишь при согласованном применении всех методологических приемов можно постичь действительную суть избранной темы исследования.

Таким образом, историография проблемы, ее источниковая база, а равно методология исследования являются важнейшими компонентами представленных диссертантом результатов научного поиска. Их гармоническое использование и применение являются залогом успешного осуществлениях всего научного исследования в целом.

1.1. Анализ историографии проблемы

Проведенный анализ исторической литературы свидетельствует о том, что в отечественной историографии до сих пор отсутствуют комплексные специальные научные изыскания по избранной теме диссертации. Действительно, авторитетные историки российской полиции уже в постсоветский период отмечали: «Свои особенности имела и полицейская служба в Средней Азии после ее присоединения к России. На территории Средней Азии были созданы два генерал-губернаторства – Туркестанское с центром в Ташкенте и Степное с центром в Омске (в него вошла северо-восточная часть нынешнего Казахстана – Акмолинская, Семипалатинская и до 1897 г. Семиреченская области). Генерал-губернаторства в свою очередь подразделялись на области во главе с военными губернаторами, которым и была подчинена полиция» [7] . При этом подчеркивалось: «Военная администрация мало вмешивалась во внутреннюю жизнь среднеазиатских народов, ограничиваясь запрещением рабства, кровной мести и угонов скота (баранты), а также (и это самое главное) поддержанием власти «Белого царя», то есть российского императора. Во всем остальном полицейские функции осуществлялись местной феодальной верхушкой по местным обычаям (адатам) и шариату» [8] . Фактически этими констатациями и ограничивалась характеристика деятельности полиции в дореволюционном Русском Туркестане. Но даже в приведенном отрывке содержались фактические ошибки. Во-первых, Семиреченская область изначально относилась к Туркестанскому генерал-губернаторству и только в 1882 г. была включена в состав Степного. Поэтому последнее только в период 1882-1897 гг. относилось к Средней Азии. Во-вторых, до начала 1887 г. царские власти в Русском Туркестане допускали «баранту»[9]. Примечание 1 к § 133 проекта

[7] История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы. Учебное пособие. Под ред. проф. Курицына В.М. М., 1998. С. 24-25.
[8] Там же. С. 25.
[9] Правильнее: барымту – В.Л.

«Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях» 1867 г. указывало: «Баранта есть угон скота или похищение, вызванное неполучением по каким-либо причинам удовлетворения прав лица, аула или рода»[10]. Поэтому дела о барымте разбирались народными судами «туземцев», которые нередко оправдывали действия «барантачей»-угонщиков.

Специалист по истории царской полиции Ю.А. Реент писал: «В Туркестане и Закавказье высшие полицейские полномочия, соответственно, принадлежали генерал-губернатору и наместнику, которые подчинялись военному министру, а не МВД. Это вызвало военизацию полиции. Практически все полицейские руководители региона были военными чинами. В русской части Ташкента (Верного) действовала городская полиция во главе с полицмейстером, а в остальной части – общественная полиция с выборными городскими старшинами (аксакалами). Старший аксакал назначался военным губернатором. Там же была введена полицейская должность – начальник города»[11]. Здесь в принципе все верно, кроме того, что Реент неправомерно отождествляет Ташкент с Верным – центром Семиреченской области, что, скорее всего, вызвано технической ошибкой. Неточности ведущих историков российской полиции являются следствием недостаточного изучения ее общей и региональной истории как в дореволюционный период, так и в советский и в постсоветский. Можно с уверенностью утверждать, что фактически по сей день в отечественной историографии нет фундаментального научного труда об организации и деятельности царской полиции на российских территориях Средней Азии. Нет его и в *зарубежной* исторической науке.

В дореволюционный историографии так и не появились работы по истории полиции не только в Туркестане, но и вообще в России. К 100-летию МВД был издан исторический очерк о деятельности полиции в царской

---

[10] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. С. 21.

[11] *Реент Ю.А.* Общая и политическая полиция России (1900-1917 гг.): монография. Рязань: «Узорочье», 2001. С. 30.

России, но он не касался учреждений, подчиненных военному министерству, и тем более - Средней Азии[12]. Кроме того, он был весьма поверхностным. Как ни странно, но аналогичный, весьма краткий очерк истории военного министерства, тоже изданный к его 100-летию, вообще не касался административно-полицейского управления в Русском Туркестане[13]. Таким образом, в этот период о туркестанской полиции упоминали лишь отдельные авторы, работавшие в Средней Азии[14]. Большей частью они связывали ее деятельность с областной и уездной администрацией, возглавлявшей местную полицию. Чиновники и публицисты открыто не порицали ее, но и не обходились без критических замечаний по ее адресу. Сказывалось влияние общественных настроений, формируемых передовой русской литературой. Выдающийся русский писатель-сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин опубликовал в 1869-1872 гг. в журнале «Отечественные записки» (№ 10) свое произведение: «Господа ташкентцы». Он писал: «Ташкентцы» - имя собирательное. Те, которые думают, что это только люди, желающие воспользоваться прогонными деньгами в Ташкент, ошибаются самым грубым образом… название «ташкентцы» отнюдь не следует принимать в

---

[12] Министерство внутренних дел. Исторический очерк. СПб.1902. 226 с.

[13] *Зауспинский П.* К столетию Военного министерства. Краткий исторический очерк военного управления в России. СПб., 1904. 55 С.

[14] См. напр.: *Арендаренко Г.А.* Досуги в Туркестане. 1874-1889. СПб., 1889; Белявский. Материалы по Туркестану. СПб., 1884; *Воейков А.И.* Очерки Туркестана, СПб., 1913; *Вощинин В.* Очерк нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. СПб., 1914; Гейер И.И. Туркестан. Ташкент, 1909; *Гродеков Н.И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889; Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. СПб., 1911; *Костенко Л.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871; *Куропаткин А.Н.* Россия для русских. Задачи русской армии. В 3-х томах. СПб., 1910; *Идаров.* Сборник статей по Средней Азии. Том 1. Ташкент, 1900; *Лыкошин Н.С.* Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Пг., 1917; *Наливкин В.П., Наливкина М.* Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы. Казань, 1886; *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913; *Остроумов Н.П.* Сарты. Этнографические материалы. Т.1. Ташкент, 1890; *Павлов Н.* История Туркестана. Ташкент, 1910; *Пашино П.И.* Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки П.И. Пашино. СПб., 1868; *Михайлов Ф.* Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографический очерк. Асхабад, 1900; *Терентьев М.А.* Туркестан и туркестанцы. // Вестник Европы. 1875. Т. 55; *Череванский В.* Мир ислама в его пробуждении. В 2-х частях. СПб., 1901; *Южаков Ю.Д.* Итоги 27-летнего управления Туркестанским краем. // Русский вестник. 1891. Июль. Т. 215. Август. 216 и др.

буквальном смысле. О! если б все ташкентцы нашли себе убежище в Ташкенте! Мы могли бы сказать тогда: «Ташкент есть страна, населенная *вышедшими из России, за ненадобностью*, ташкентцами». Но теперь – разве мы можем по совести утверждать это? разве мы можем указать наверное, где начинаются границы нашего Ташкента и где они кончаются? *не живут ли господа ташкентцы посреди нас? не рыскают ли стадами по весям и градам нашим*?»[15]. (Курс. – В.Л.) Хотя писатель под Ташкентом имел в виду не реальный среднеазиатский город, а нечто общее для всей российской жизни, тем не менее, российское общественное мнение отнесло его слова к Туркестанскому краю, нравам чиновничества, которые были далеко не идеальны.

Советский публицист Л.Р. Ланский писал: «Завоеванный в 1865 году Ташкент через два года стал центром нового Туркестанского генерал-губернаторства. Хлынувшая сюда орда чиновников быстро навела в присоединенном крае свои порядки, занялась откровенным грабежом местного населения, присвоением сумм, ассигнованных на казенные нужды. Имя Ташкента перешло из победных реляций в рубрики уголовной хроники. Эпизод ташкентской службы становится довольно частой подробностью уголовных преступников и скандалистов»[16]. В словах автора присутствует известная доля преувеличения, однако, естественно, это не могло не отражаться на реноме царской полиции в Средней Азии, прежде всего, среди коренного («туземного») и переселенческого населения.

Неудивительно, что после революции большевик Г. Сафаров писал в 1921 г. о Туркестане: «Здесь *каждый рядовой русский полицейский* брал деньгами и натурой – вплоть до чужих жен, - сколько ему хотелось. Если он встречал сопротивление, он бил, убивал. Все равно, все преступления прикрывались благодетельным начальством! Здесь обогащались, как в

---

[15] Господа ташкентцы. Картины нравов // Салтыков-Щедрин М.Е. Сочинения в десяти томах. Том третий. М.: Изд-ство «Правда», 1988. С. 84, 89.

[16] *М.Е. Салтыков-Щедрин.* Собрание сочинений в десяти томах. Том третий. М.: издательство «Правда», 1988. С. 518.

сказке»[17]. (Курс. – В.Л.) А вот это было не просто преувеличением, а во многом откровенной ложью и в данном исследовании диссертант приводит факты, опровергающие данные домыслы.

Совершенно естественно, что зарождавшаяся советская историография вместе с царизмом сокрушала образ дореволюционной полиции в Русском Туркестане. Известный отечественный историк Б. Н. Миронов утверждал, что в советской историографии было три концепта: 1. школа М.Н. Покровского – «Российская империя - тюрьма народов и абсолютное зло». 2. сталинский тезис: «Российская империя – наименьшее зло» и 3. прогрессивное значение присоединения народов к Российской империи[18].

Концепция М.Н. Покровского господствовала в советской историографии до начала 1930-х гг. Ее представители доказывали, что царская Россия была «тюрьмой народов» и она не могла принести в Среднюю Азию ничего, кроме зла – произвола властей и полиции[19]. Последняя представлялась, как жестокий, антинародный орган управления. Например, туркестанский историк П.Т. Галузо обвинял ее представителей во взяточничестве, указывая, что пристав 2-й части г. Самарканда Зотоглов получал «3000 рублей в месяц с содержания публичного дома»[20]. Он

---

[17] *Сафаров Г.* Колониальная революция (Опыт Туркестана). Репринт. изд. Оксфорд, 1985. С. 79.

[18] Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. / Б.Н. Миронов. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. С. 78-79.

[19] См. напр.: *Галузо П.Г.* Туркестан – колония. (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). М., 1929; *Лаврентьев В.* Капитализм в Туркестане (Буржуазная колонизация Средней Азии). М., 1930; *Маклашевский А.* Социальное движение 1916 г. в Туркестане // Былое. 1924; № 27-28; *Манжара Д.И.* Революционное движение в Средней Азии (1905-1920). Ташкент, 1934; Материалы к докладу о двадцатилетии киргизского восстания 1916 г. Фрунзе, 1936; *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923; *Он же.* Марксизм и особенности исторического развития России // Собрание сочинений. 1922-1925. М., 1925; *Он же.* Историческая наука и борьба классов // Избранные произведения в 4-х книгах. Книга 2. М., 1965; *Рыскулов Т.* Из истории борьбы за освобождение Востока // Новый Восток. 1924. Кн. 6; *Сенг-Заде.* К 30-летию Андижанского восстания 1898 г. // Революция в Средней Азии. Сб. статей. Т. 1. Ташкент, 1928; *Федоров Е.* Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925; *Ямзин И.Л., Вощинин В.П.* Учение о колонизациях и переселении. М.-Л., 1926 и др.

[20] *Галузо П.Т.* Туркестан - колония (очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). М., 1929. С. 58.

отмечал, что полицмейстер Старого Маргилана, полковник Пахотин «ведет тесную дружбу с ростовщиками, казиями, базарными депутатами и аксакалами, дающими ему ссуду под векселя и расписки». Поэтому он и покрывал «темные делишки» своих «туземных друзей»[21]. Галузо писал и о начальнике Пржевальской уездной полиции, полковнике Иванове - «Валериане Великолепном», известном своим жульничеством. Однако никакого серьезного анализа института полиции в Русском Туркестане он не проводил.

Вместе с тем, не все историки разделяли взгляды М.Н. Покровского. Так, например, академик В. В. Бартольд (1865-1930) выступил в 1927 г. с книгой: «История культурной жизни Туркестана»[22]. Это было объективное, лишенное идеологической подоплеки сочинение, свидетельствовавшее в целом о позитивной деятельности царской власти и полиции в регионе. В. В. Бартольд, в частности, отмечал, что «русская власть первоначально была склонна оставить полицию в туземной части Ташкента в ведении туземцев; даже Положение 1886 г. ограничивалось переименованием выборных аксакалов (старост) в старшин, причем главой полиции был Старший аксакал, которому был подчинен туземный штат полицейских» [23] . Он отмечал, что «положение было изменено в 1892 г. не ради обеспечения городского благоустройства, но ради наблюдения за политическим настроением жителей, вследствие неожиданного для русских властей холерного бунта. После этого у аксакалов были отняты полицейские функции и переданы русскому полицмейстеру с двумя приставами и двумя помощниками приставов» [24] . Академик писал: «В жизни полицмейстер туземной части обыкновенно назывался помощником начальника города,

[21] Там же. С. 59.
[22] *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // Сочинения в 9 томах. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 169-433.
[23] Там же. С. 347.
[24] *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // Сочинения в 9 томах. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 347.

туземцы называли его, как уездных начальников, хакимом»[25]. Известный ученый-туркестановед и общественный деятель Н.П. Остроумов, высланный вначале советскими властями на родину в Россию, по возвращении в Среднюю Азию, отстаивал свои прежние взгляды на положительную роль полиции в жизни «туземного» населения.

В 1930-х гг. завершилась внутрипартийная борьба в ВКП (б) и установился культ личности «вождя народов». В Средней Азии шла борьба с басмачеством, побежденным в немалой мере потому, что от него отвернулся сам мусульманский социум. Устои концепции Покровского о царской России, как «абсолютном зле» в истории народов Туркестана стали слабеть. Его начали трактовать, как результат союза царизма с региональной «туземной» верхушкой и мусульманским духовенством. Понятно, что полиция стояла на страже этого «триумвирата»[26]. Одновременно шла борьба с троцкистскими взглядами на роль царской России в Средней Азии[27]. Однако и в этом случае дореволюционной полиции в регионе отводилась исключительно негативная роль в жизни коренного населения. Вместе с тем, времена менялись. В декабре 1936 г. была принята новая («сталинская») конституция СССР, провозглашавшая идеалы братства и дружбы всех советских народов. Народы Средней Азии, особенно не страдавшие при царизме и получившие немало полезного от его власти в регионе,

---

[25] Там же

[26] *Асфендиаров С.Д.* Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1936; *Брайнин С., Шапиро Ш.* Об истории Алаш-Орды. Алма-Ата, 1935; *Диманштейн С.* Революция и национальный вопрос. М., 1930; *Житов К., Непомнин В.* От колониального рабства к социализму. Ташкент, 1939; *Манджара Д.И.* Революционное движение в Средней Азии 1905-1920 гг. Ташкент, 1934; *Резцов Л.* Октябрь в Туркестане. Ташкент, 1927; *Рыскулов Т.Р.* Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925; *Станишевский А.* По горным тропам. М.- Ташкент, 1933; *Федоров Е.Г.* Революция 1905-1907 гг. в Казахстане // Большевик Казахстана. 1940. № 12; *Шестаков А.В.* Восстание в Средней Азии 1916 года // Историк-марксист. 1926. № 2; *Штейнберг Е.Л.* Из истории порабощения русским царизмом народов Средней Азии // Из истории колониальной политики русского царизма. М., 1937; *Он же.* Очерки истории Туркмении. М.-Л., 1934 и др.

[27] См.: *Галузо П.Г.* Троцкистско-колонизаторская концепция истории Туркестана - колонии. Сб. статей. М.-Ташкент, 1933; *Ниалло Азиз.* Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Фрунзе, 1941; Троцкистско-колонизаторская концепция истории Средней Азии, Сб. статей. М., 1933.

воспринимали советскую Россию с новыми надеждами. В конце 1930-х гг. историческая концепция М.Н. Покровского о Российской империи, как «абсолютном зле» была подвергнута суровой критике и перестала быть «путеводной звездой» для советских историков Средней Азии[28]. Несмотря на это, партия большевиков считала, что «царское правительство стремилось задушить всякое проявление национальной культуры, проводило политику насильственного «обрусения» нерусских национальностей. Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов»[29]. Таким образом, понятие России было отделено от антинародного царского режима в Туркестане. Это нашло отражение в публикациях историков республик региона,[30] но это не повлияло на переоценку роли полиции в системе царского «военно-народного управления» в крае. Она оставалась по-прежнему негативной.

Немногим известно, что среднеазиатский вопрос обсуждался даже в трудное время Великой Отечественной войны. В 1944 г. в ЦК ВКП (б) состоялось Совещание по вопросам истории СССР, в ходе которого видный советский ученый В.М. Хвостов писал секретарю ЦК ВКП (б) А.С. Щербакову о том, что «среднеазиатский вопрос следует рассматривать в плане столкновения двух встречных потоков экспансии, а *не изливать односторонне свое негодование по поводу русской агрессии*»[31]. (Курс. – В.Л.) Он указывал, что Англия в XIX в. проводила более агрессивную политику, и

---

[28] См. напр.: *Попов А.Л.* Внешняя политика самодержавия в XIX веке в «кривом зеркале» М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Вып. 2. М.-Л., 1940; Против исторической концепции М.Н. Покровского. Вып. 1-2. М.-Л., 1939-1940

[29] Истории ВКП (б). Краткий курс. М., 1938. С. 6.

[30] См. напр.: *Балашев Н.И.* Туркестан. Ташкент, 1920; *Вяткин М.П.* Казахстан – колония царизма // Ученые записки Казахского педагогического института. Алма-Ата, 1941; *Он же.* Очерк по истории Казахской ССР. Л., 1941; *Бунаков Е.В.* К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. // Советское востоковедение. Вып. 2. М.-Л., 1941; *Климович Л.И.* Ислам в царской России. М., 1936; *Олещук Ф.О.* О реакционной роли мусульманского духовенства. Алма-Ата. 1937; *Попов А.Л.* Борьба за среднеазиатский плацдарм // Исторические записки. Т.7. М., 1940; *Он же.* Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. Т.9. М., 1940; *Яковлев Н.Н.* Внешняя и национально-колонизаторская политика царизма в 60-70 гг. XIX в. Народы Средней Азии в середине XIX в. Завоевание Средней Азии. М., 1940 и др.

[31] Стенограмма Совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 70.

захват ею Средней Азии был бы еще «большим злом», нежели ее присоединение к России, не говоря уже о возможной аннексии региона Китаем. Полицейский вопрос в Средней Азии не обсуждался, однако произошло главное – изменился критерий оценки включения региона в состав царской империи. Вместо захвата историки стали писать о его присоединении к России. Исследователи И.М. Савельева и А.В. Полетаев писали: «На совещаниях историков с участием секретарей ЦК ВКП (б) в 1943—1944 гг. формулируется установка, согласно которой «Россия должна отныне восприниматься миром как исторически наиболее прогрессивная страна, игравшая во все переломные моменты исторического развития Европы ключевую роль: она остановила реакционную экспансию немецких и шведских феодалов; она спасла Европу от нашествия татаро-монголов; она ограничила Османскую агрессию и затем сыграла важную роль в освобождении балканских народов; она разгромила армии Наполеона; она внесла решающий вклад в срыв империалистических планов Германии в годы первой мировой войны и, наконец, избавила мир от фашизма. Естественно, отсталая и реакционная империя не могла бы справиться с подобными задачами. Поэтому перед историками встает проблема существенного изменения исторического облика России и славянского мира в целом»[32].

В 1955 г. состоялась научная сессия, посвященная истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период[33]. Ее участники единодушно признали присоединение этих регионов в России прогрессивным событием, уделили много внимания восстанию 1916 г. в Туркестане, вмешательству в мятеж враждебных зарубежных сил, реакционному двуличному поведению «туземной» верхушки и мусульманского духовенства, но царизм и полицию осуждали. В последующем такой подход утвердился в советской

[32] *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. В 2 тт. Т. 1. СПб.: Наука, 2003. С. 420.

[33] Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

историографии – присоединение Средней Азии к России признавалось прогрессивным явлением в истории, причем, нередко это выносилось в названия исследований, роль русского народа в жизни коренного населения повышалась, но царизм в целом характеризовался, как антинародная властная система, а полиция – как его основной карательный инструмент в подавлении сопротивления «туземного» и иного населения[34]. Некоторые историки стали писать о добровольном присоединении своих регионов к Российской империи, достаточно убедительно доказывая это обстоятельство[35]. Полицейский аспект процесса при этом не рассматривался. Можно сказать, что проблема полицейских служб в Русском Туркестане в советской историографии не вызывала внимания и представлялась, в основном, в негативном освещении. Исследователь А.В. Пясковский писал о полицейском преследовании революционного и национально-

[34] См. напр.: *Айтаков Н.* Три года Туркмении. Ашхабад: Туркменское Государственное Издательство, 1926; Аминов А., Бабаходжаев А. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966; *Брагинский И.С., Раджабов С., Ромодин В.А.* К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России // Вопросы истории. 1953. № 8; Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Сб. статей. Ташкент, 1969; *Давлетов Д., Ильясов А.* Присоединение Туркменистана к России. Ашхабад, 1972; *Джамгерчинов Б.Д.* О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963; *Кастельская З.Д.* Из истории Туркестанского края (1885-1917). М., 1980; *Косбергенов Р.* Прогрессивное значение присоединения Каракалпакии к России. Нукус, 1973; Россия и Туркмения в XIX в.: К вхождению Туркмении в состав России. Ред. Г.И. Карпов, А.Г. Соловьев, Д.Ф. Масловец. Составители: А.Г. Соловьев, А.А. Сенников, Д.Ф. Масловец. Ашхабад: Туркменское государственное издательство, 1946; *Непомнин В.Я.* Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России // Известия АН Узбекской ССР. 1954. № 1; Прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России. Сб. статей. Ч. 1-2. Ташкент, 1970; *Савицкий А.П.* Из истории присоединения Средней Азии к России // Научные труды ТашГУ. Вып.238. Ташкент, 1964; *Сыдыков Х.Д.* Из истории административной политики царизма в Туркестане // Слово памятникам истории и культуры. Сб. статей. Ташкент, 1973; *Усенбаев К.* Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960; *Халфин Н.А.* О присоединении Средней Азии к России и его значении // История СССР. 1959, № 2. С. 196-199; *Хидоятов Г.А.* Россия и Средняя Азия во второй половине XIX в. // Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Ч. 1-2. Труды исторического факультета ТашГУ. Ташкент, 1969; *Чокаев М.* Туркестан под властью Советов. Париж., 1935; Шоинбаев Т. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России // Коммунист Казахстана. 1954. № 8 и др.

[35] См. напр.: *Джамгерчинов Б.Д.* Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963; Навеки вместе: к 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1982.

освободительного движения в Средней Азии в годы первой русской революции[36]. Этот же вопрос разрабатывал узбекский историк М. Вахабов[37]. О защите полицией антинародного режима в Русском Туркестане писали все советские академические историки среднеазиатских республик, но без особой ее «демонизации» [38] . Однако фактически никто не писал о положительных сторонах деятельности царской полиции в Средней Азии.

Кыргызстанские советские историки отмечали, что в Туркестанском крае «в областных центрах учреждались городские полицейские управления, а в Пржевальске, Джаркенте и других городах - городские приставства. В уездах были введены штатные должности участковых приставов», которые «доносили о настроениях населения, слухах о готовящихся выступлениях и пр. уездным начальникам, а те, в свою очередь, - военным губернаторам»[39]. Они признавали активность работы туркестанской полиции: «Широко практиковались повальные обыски, аресты следовали за арестами, сотни людей предавались суду и отправлялись в тюрьмы или ссылку. *Социал-демократические, особенно большевистские кружки, группы и организации были разгромлены, а оставшиеся на воле их участники ушли в глубокое подполье*»[40]. (Курс. – В.Л.) Узбекистанские историки отмечали, что царская полиция особенно не притесняла ссыльных «политических», которых было немало в Русском Туркестане, но особенно много в Амударьинском отделе, Сырдарьинской области[41].

Еще более свободно от идеологических шор рассматривались проблемы работы полиции в трудах по истории городов Русского

---

[36] *Пясковский А.В.* Революция 1905-1907 гг. в Туркестане. М., 1958.
[37] *Вахабов М.* Ташкент в годы трех революций. Ташкент, 1957.
[38] История Казахской СССР. С древнейших времен до наших дней. Т.3. Алма-Ата, 1979; История Киргизской ССР. В 5 томах. Т.2. Фрунзе, 1986; История Таджикской ССР. Душанбе, 1983; История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1968; История Туркменской ССР. Т.1. Кн.2. Ашхабад, 1957
[39] История Киргизской ССР. в 5 томах. Т. 2. Фрунзе, 1986. С. 103.
[40] Там же. С. 282.
[41] История Узбекской ССР. С древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1974. С. 208

Туркестана[42]. Они отмечали количественный состав городской полиции, ее основные занятия по поддержанию порядка, более объективно оценивали ее отношения с населением и т.п. Однако эти вопросы характеризовались поверхностно на фоне общего изложения городских проблем. Странно, но в работе об истории Ташкента с древнейших времен до Февраля 1917 г. вообще не упоминалась ни городская, ни краевая полиция[43].

Некоторые советские историки уделяли серьезное внимание административно-полицейскому управлению царизма как в центре, так и на окраинах Российской империи. Об истории царской полиции они тоже писали[44]. Но среднеазиатский регион ими лишь затрагивался. Например, известный исследователь Н.П. Ерошкин писал о таких окраинах, как Сибирь, Кавказ, Польша, Прибалтика, вскользь упоминая Русский Туркестан. Он указывал, что «первоначально Туркестанское генерал-губернаторство включало Ферганскую, Семиреченскую и Сырдарьинскую области»[45]. И ошибался – Ферганская область вошла в его состав только в 1876 г. Но Ерошкин был прав, утверждая, что «из всех национальных окраин пореформенной России наибольшие особенности сохраняло управление Средней Азии»[46]. Что касается полиции в этом регионе, то он верно отмечал, что, в отличие от «внутренней» России, здесь уездную полицию возглавляли сами начальники уездов.

---

[42] *Галицкий В., Плоских В.* Старинный Ош. Фрунзе: «Илим», 1987; *Добросмыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем. СПб., 1911; История Бухары с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1974; История Коканда (с момента присоединения Средней Азии к России до настоящего времени). Ташкент: «Фан», 1984; История Самарканда. Т. 1. Ташкент, 1969; История Ташкента. С древнейших времен до победы Февральской буржуазно-демократической революции. Ташкент, 1988; История Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976; Соколов Ю.А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965; Хроника истории Ашхабада. (1881-1917). Ашхабад, 1981; *Чеботарева В.* Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1968 и др.

[43] История Ташкента. С древнейших времен до победы Февральской буржуазно-демократической революции. Ташкент, 1988.

[44] См. напр.: История полиции дореволюционной России. Сборник документов и материалов. Учебное пособие. М., 1981.

[45] *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. С. 255.

[46] *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. С. 256.

Любопытно, но знатоки истории государства и права СССР внесли немного в изучение избранной нами темы исследования. Их характеристика царской полиции рассматриваемого нами периода была краткой и относилась только к подразделениям, подчиненным МВД, а о полицейских, находившихся в ведение военного министерства, они даже не упоминали[47]. Только Ш.З. Уразаев в двухстраничном параграфе писал о подчиненности Туркестанского края военному министерству, отмечая, что уездной полицией командовали начальники уездов, а последние «делились на участки во главе с участковыми приставами» [48]. И ничего более. Не больший вклад в рассмотрение затронутой темы внесли региональные советские историки государства и права. Так, например, узбекистанские специалисты в своей работе касались преимущественно проблем среднеазиатских ханств – Бухарского, Кокандского и Хивинского, а об административно-полицейском строе в Русском Туркестане писали мало и поверхностно[49]. Их казахстанские коллеги в двух изданиях истории государства и права Казахстана одинаково посвящали основное внимание проблемам обычного права и суда, родоплеменному делению кочевников, общественно-политическому строю местного ханства и т.п. [50]. И ничего конкретного об административно-полицейском управлении регионом. Это понятно, поскольку в состав Средней Азии (Русского Туркестана) входил только Южный Казахстан (Семиреченская область). Таким образом, советский период не оставил значительного наследия в части разработки принципиальных организационно-правовых основ деятельности царской полиции в Туркестанском регионе, формирования ее кадрового состава, его материального обеспечения и др. Вместе с тем, общая советская

---

[47] История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1972. С. 406-408.
[48] Там же. Глава XIX. § 3. С. 476.
[49] *Ишанов А.И., Саматова Х.С., Уразаев Ш.З.* История государства и права Узбекистана. Ч.1. Ташкент, 1969. С. 83-111
[50] См.: История государства и права Казахстана. Ч.1. Алма-Ата, 1954; История государства и права Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1982.

историография Средней Азии сумела создать необходимый научный горизонт для изучения избранной темы данной работы.

Постсоветский период в значительной мере расширил его за счет ликвидации идеологического «бремени» в исследованиях. Однако в работах по истории государственного управления в России интересующая нас полицейская проблематика Средней Азии не нашла должного отражения[51].

Еще до учреждения в РФ института полиции постсоветские историки проявили интерес к ее дореволюционному прошлому [52] . Они впервые объективно, без идейных пристрастий, рассматривали основные вехи ее истории, что обогатило наши познания, однако, к сожалению, проблема истории царской полиции именно в Русском Туркестане ими не была изучена. Подлинный «взрыв» в научных исследованиях ее прошлого произошел после восстановления института полиции в России. Как отмечалось, в авангарде процесса шли сотрудники учебных заведений МВД.

---

[51] См.: *Брун А.Х.* Смутные времена: опыт большевистской России в Туркестане. Лондон, 1931; *Глазунова Н.И.* Система государственного и муниципального управления: Учебник. М.: Проспект, 2008; Государственное управление: исторические аспекты. М., 1997; Государственное управление: история и современность. (Материалы Международной научной конференции 29-30 мая 1997 г. г. Москва). М., 1998; *Дидык М.Е.* История государственного управления: учебник. Р-н-Д, Феникс, 2007; *Ершова Э.Б., Жукова А.А., Корчагова М.Н., Плаксин И.П.* История государственного управления в России XIX века. Учебное пособие. М., 1997; *Исаев И.А.* История государства и права России. М., 2002; История государства и права. Под ред. Ю.П. Титова. М., 1998; История государственного управления в России. Под ред. проф. А.Н. Марковой. М., 1997; История государственного управления России. Р-н-Д., 1999; *Ковалев Б.Н.* История государства и права России. Учебное пособие. Новгород, 1997; *Комиссарова Л.И., Яренгина В.Д.* Органы высшей государственной власти и центрального управления Российской империи в конце XIX - начале XX веков. СПб., 1998; *Коржихина Т.П., Сенин А.С.* История российской государственности. М., 1995; *Омельченко Н.А.* История государственного управления в России: учебник для вузов. М., 2008; *Цыганов* В.Б. История государственного управления в России. Учебное пособие. Екатеринбург, 1999 и др.

[52] *Борисов А.В.* Министерство полиции царской России. Место в государственном механизме, структура, функции, организация управления. М., 1991; *Мулукаев Р.С.* Полиция в России (IX - начало XX в.). Нижний Новгород, 1993; *Сизиков М.И., Борисов А.В., Скрипилев А.Е.* История полиции России (1718-1917 гг.). Вып. 2. М., 1992; История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы. Учебное пособие. Под ред. проф. Курицына В.М. М., 1998; Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996 и др.

Возросло количество публикаций об истории полиции[53]. Вышли учебники и пособия по этой проблеме[54]. Были изданы интересные сборники статей по истории российской полиции [55] . В декабре 2018 г. была проведена

---

[53] См.: *Борисов А.В.* Проблемы реформирования полиции Российской империи в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 1 (125); *Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С., Потемкин И.А.* Население и охрана общественного порядка в российской истории. М.: Академия управления МВД России, 2018; *Борисов А.В., Рыжова Ю.В., Кужахметова С.Н.* Актуальные проблемы истории органов внутренних дел: Учебно-практическое пособие. М., 2020; *Бочкарева А.С., Вольченко В.Н., Хотина Ю.В.* Полиция России: вехи дореволюционной истории // Научные труды Кубанского технологического университета. 2019. № 7. С. 141-149; *Егоров Д.Е., Войнов П.Н., Крамской И.С.* Становление полиции и ее этапы в дореволюционной России // Дискурс. 2018. № 8 (22). С. 44-49; *Кубышко В.Л.* 300-летию российской полиции посвящается // Содружество. 2018. № 1. С. 14-19; *Кудин В.А.* От полиции Российской империи к полиции Российской Федерации: два века истории // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 2 (50). С. 4-11; *Он же.* 210 лет МВД России: история и современность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3 (55). С. 4-8; *Мулукаев Р.С.* Закон «О полиции» и некоторые вопросы истории органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2011.№ 3 (19); *Нижник Н.С.* 300 лет на службе Отечеству: специфика регионального развития органов полиции в Российской империи (по материалам юбилейной Международной научной конференции в Санкт-Петербургском университете МВД России // Historia Provincial – Журнал региональной истории. 2019. Т. 3. № 1. С. 495-522; *Нижник Н.С., Бялт В.С., Демидов А.В., Семенова О.В.* Полиция России: основные этапы становления и развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 220-228; *Румянцев Н.В.* Российская полиция: историко-правовой анализ // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 126-129; *Салтык Г.А.* В борьбе за сохранение «благочиния, добронравия и порядка»: из истории провинциальной полиции // История государства и права. Научно-правовое издание. 2009. № 18. С. 20-22 и др.; *Синиченко В.В.* Деятельность жандармских подразделений МВД России в 1914 г. на востоке империи при переходе на военное положение В сборнике: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXV международной научно-практической конференции. 2020. С. 428-432.

[54] Актуальные проблемы истории органов внутренних дел: Учебное пособие. / А.В. Борисов и др. М.: Академия управления МВД России, 2019; *Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С.* Полиция Российской империи: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА. Закон и право. 2015; *Быков А.В.* Основные вехи истории российской полиции: Учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России. 2018; *Лобанов А.В., Широков Г.Г.* История полиции России. Учебное пособие. СПб.: Северо-Западный институт повышения квалификации ФСКН России, 2015; *Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е.* История отечественных органов внутренних дел: Учебник для вузов. М.: Nota bene Медиа Трейд компания. 2005; *Реент Ю.А.* Общая и политическая полиция России (1900-1917 гг.): монография. Рязань: «Узорочье», 2001 и др.; *Синиченко В.В., Полянский И.С., Миклошевич К.С.* МВД России и межведомственное взаимодействие в сфере правоохранительной деятельности в начале XX века: Учебно-методическое пособие / Иркутск, 2019. 48 с.

[55] См. напр.: Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г. / под ред.

Международная научная конференция, посвященная 300-летию отечественной полиции и изданы ее материалы[56]. В совокупном выражении вышеуказанные материалы сыграли большую роль в совершенствовании научного представления об истории российских правоохранительных органов, хотя в них практически не упоминалось о полиции Русском Туркестане, подчиненной военному министерству. Вместе с тем, и некоторые отечественные историки игнорировали полицейский вопрос в так называемой «Центральной Азии», как стали именовать Среднюю Азию и Казахстан. Например, в 2021 г. специалисты из Алтайского государственного университета выступили с коллективной монографией об этом регионе, в которой, однако, вообще не упоминали о полиции[57]. Похвально, что они активно использовали архивные материалы, но при этом фактически «забыли» о соответствующих законодательных документах по региону, что в значительной мере снижает научное значение их труда.

Нельзя сказать, что Туркестанский регион не получил никакой исследовательской рефлексии в современной российской историографии. Был опубликован ряд работ, освещавших в разной степени систему его управления[58]. Однако прямого отношения к изучаемой нами теме они фактически не имели.

Н.С. Нижник. В 2-х томах. Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016; *Потёмкин И.А., Климов А.Ю., Синиченко В.В. и др.* Энциклопедия административно-полицейских учреждений России М.: Академия Управления МВД России, 2022. 482 с.; История российской полиции. Научный справочник-календарь памятных дат: монография / А.Н. Конев и др. Под общ. ред. В.Л. Кубышко. 2 изд. М.: Академия управления МВД России. Том 1. 2020. 316 с.

[56] Российская полиция: Три века служения Отечеству. Сборник статей Юбилейной Международной научной конференции. Часть 1-2. / Под. ред. В.Л. Кубышко. 21 декабря 2018 г. М.: Академия управления МВД России, 2019.

[57] См.: Центральноазиатский регион Российской империи в условиях фронтирной модернизации / отв. ред. Ю.А. Лысенко. Барнаул: Издательство Алтайского госуниверситета, 2021

[58] *Бартенева И.В.* «Военно-административный» режим в Туркестанском крае // Вестник КРСУ. 2009. Том 9. № 5. С. 137-142; *Горбунова С.В., Сахратов А.Ф.* Отряды «туземной милиции» в русских войсках при завоевании Средней Азии // Восемнадцатая Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартовского государственного университета, г. Нижневартовск, 5-6 апреля 2016 года. Статьи докладов. Нижневартовск, 2016. С. 352-354; *Горбунова С.В., Саругланов А.М.* Система военно-

Некий потенциальный ресурс для ее изучения стал складываться в диссертационных работах о Средней Азии, вообще, и Русском Туркестане, в частности[59].

Важное значение в процессе исследования избранной нами темы придавалось изучению историографии, посвященной отдаленным окраинам Российской империи с тем, чтобы сравнить организацию и деятельность местной полиции с туркестанской. В советское время работ, сопоставлявших положение регионов Российской империи, было немного, причем, оно рассматривалось более во внешнеполитическом аспекте. Например, монография Н.С. Киняпиной, М.М. Блиева и В.В Дегоева. «Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.)» ценна тем, что она внесла принципиально новый теоретический взгляд в оценку характера политики России на национальных окраинах и показала специфику Российской империи, не проводившей колониальной политики. Однако, к сожалению, авторы, вообще, не разрабатывали

народного управления на Кавказе и в Русском Туркестане // Восемнадцатая Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартовского государственного университета, г. Нижневартовск, 5-6 апреля 2016 года. Статьи докладов. Нижневартовск, 2016. С. 354-356; *Моисеев С.В.* Хронология событий в Туркестане в 1916 году по служебной переписке А.Н. Куропаткина // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 4. С. 36-49; *Мухамедина Ш.* Водворение русской гражданственности в Центральной Азии (1865-1886 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Исторические и политические науки. 2016. № 1. С. 106-122; *Парманов Ш.И.* Становление правового статуса Туркестана в период присоединения к Российской империи // Образование и право. 2019. № 11. С. 266-270; *Рахимзода Р.Х.* Состояние розыскной деятельности в досоветском Таджикистане // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 7. С. 136-148; *Шашаев А.К.* Особенности полицейского надзора в Семиречье // Мир Большого Алтая. 2018. № 4 (4). С. 610-620; *Шерстюков С.А.* Центральная Азия в составе Российской империи: взгляд из Турции // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. 9. Барнаул: изд. Алтайского государственного университета, 2015. С. 73-79 и др.

[59] См. напр.: *Бороздин С.С.* Политика российских властей в отношении мусульманского населения Туркестана и Бухары (1867-1914). Автореф. дис. … канд. истор. наук. Екатеринбург, 2012; *Крупенкин Е.Н.* Туркестан в составе Российской империи (1865-1917 гг.): от военно-административного управления к гражданско-административному. Автореф. дис…канд. истор. наук. Томск, 2019.

полицейскую проблематику в Русском Туркестане, что выходило за рамки их исследовательских интересов[60].

В постсоветский период, особенно после учреждения института полиции в РФ, работ по истории царской полиции становится все больше[61]. Однако их полезность для данной диссертации была относительной, так как они рассматривали деятельность полиции, подчиненной МВД, тогда как туркестанская, как уже не раз отмечалось, находилась в ведении военного министерства и была, в основном, представлена армейскими офицерами. Вместе с тем, в тексте диссертации автор не раз прибегает к ссылкам на полицейские проблемы нетуркестанских окраин царской России.

Постсоветский период породил и многие проблемы в изучении истории царской полиции. Известный российский историк государства и права О.И. Чистяков писал: «С разрушением Союза сразу возникла проблема

---

[60] См.: *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.). М.: Издательство МГУ, 1984. 378 С.

[61] См. напр.: *Антропов В.М.* Участие полиции в реализации государственной политики в отношении инородцев на территории Томской губернии в начале XX в. // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. 9. Барнаул: изд. Алтайского государственного университета, 2015. С. 54-60; *Гребенкин М.Ю., Бикташева А.Н.* Создание Казанской полиции и первые годы ее деятельности // Вестник юридического института МВД России. 2017. № 4 (130). С. 8-13; *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* История полиции Азиатской России в новейших сибироведческих исследованиях // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. Т. 33. С. 103-107; *Евтехов Р.А., Малыгина О.А.* Городская полиция в системе государственных институтов управления Забайкальской областью в XVIII – начале XX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. Вып. 3 (34). С. 22-31; *Коновалов И.А.* Общая полиция в системе местного управления в Сибири (XVIII – начало XX в.). Дис. … доктора истор. наук. Кемерово, 2018; На страже «внутренней тишины и благочиния»: страницы истории полиции Урала и Западной Сибири (XVIII – начало XX вв.): коллект. монография. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2017; *Напалкова И.Г.* Реформы административного управления национальными окраинами Российской империи в XIX веке // Вестник Мордовского университета. 2010. № 3. С. 99-103; *Петров А.В.* К вопросу о функциях полиции Урала и Западной Сибири в начале XX века: историко-правовой аспект // Вестник ЮУрГУ. Серия «право». Вып. 29. 2012. № 7. С. 20-24; *Сунгуров П.А.* «Сибирь!» Джорджа Кеннана как источник по истории полицейских органов Сибири второй половины XIX – начала XX вв. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 193-194; *Сичинский Е.П.* Проблемы комплектования городских полицейских команд на Южном Урале в конце XVIII-начале XX в. // История государства и права. 2005. № 9; *Христофоров В.С.* Политический сыск и «мусульманский вопрос» начала XX в.: сбор и оценка информации о мусульманах Степного края // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3 (19). С. 183-190 и др.

границ и не только государственных, но и научных. У историков появился большой соблазн отказаться от нерусских районов нашей страны…между тем, представляется, что такое решение глубоко ошибочно: отрывать историю русского народа от истории всех народов, живших вместе с ним»[62]. Безусловно, игнорирование истории «национальных окраин» царской России, включая Русский Туркестан, в современных исследованиях отечественных авторов было глубоко ошибочным. Началось оно еще до распада СССР[63]. Но после этого события оно продолжилось[64]. Вместе с тем, такой подход не закрепился в отечественной историографии. В 1997 г. вышла коллективная монография о политике царизма на национальных окраинах, но вопрос о полиции в Русском Туркестане авторами фактически не разрабатывался[65]. В 2008 г. была издана такая же монография о российском присутствии в дореволюционной Средней Азии[66]. Ведущие отечественные туркестановеды всесторонне рассмотрели проблемы развития региона в составе Российской империи, однако полицейская тема растворилась в общей характеристике военно-административного управления в крае.

Естественно, что распад Союза ССР вызвал соответствующую реакцию историков стран, возникших на его руинах. Б. Н. Миронов отмечал, что в постсоветской историографии существуют разные подходы относительно

---

[62] *Чистяков О.И.* О социальной ценности историко-правовых наук. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1995, № 6. С. 14.

[63] См. напр.: История полиции дореволюционной России. Сборник документов и материалов. Учебное пособие. М., 1981

[64] См. напр.: Государственные институты России: прошлое и настоящее (материалы межвузовской научной конференции памяти доктора исторических наук И.П. Ерошкина. 19-20 декабря 1995 г.). М., 1996; *Ковалев Б.Н.* История государства и права России. Учебное пособие. Новгород, 1997; *Комиссарова Л.И., Яренгина В.Д.* Органы высшей государственной власти и центрального управления Российской империи в конце XIX-начале XX веков. СПб., 1998; *Путятин В.Д., Кузнецова Т.А.* Из исторического опыта реформирования полиции Российской империи (по материалам Особой междуведомственной комиссии по преобразованию полиции в империи сенатора А.А. Макарова, 1906-1912 гг.) // История государства и права. Научно-правовое издание. 2009. № 6. С. 26- 29; Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997 и др.

[65] Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М.1997

[66] Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 С.

роли России в судьбе присоединенных народов. – от «империи зла» до признания ее положительного влияния на жизнь последних[67]. Однако в сочинениях историков из бывших братских республик Средней Азии превалировала «старая песня» о России, как «империи зла». Например, кыргызстанские постсоветские историки писали: «Присоединившись к многонациональной России, кыргызский народ не освободился от угнетения и эксплуатации и не получил ни национальной, ни социальной свободы, ибо царская Россия, по выражению В.И. Ленина, была «тюрьмой народов». Все ужасы царского режима вместе с другими народами империи пришлось испытать и кыргызскому народу»[68]. Современные узбекистанские историки утверждали, что «военно-народное управление» было «лицемерной» административной системой[69]. По их мнению, «в условиях колониализма и советского унитаризма историческое сознание народа деформировалось»[70]. При этом, в «славных» традициях советской историографии, они восхваляли научные труды «вождя» - президента Узбекистана И.А. Каримова[71]. Думается, что при новом президенте республики Ш.М. Мирзиёеве их точка зрения изменится.

Узбекский исследователь Н. Абдурахимова тоже отождествлял российский «колониализм» в Средней Азии «с полным игнорированием национальных интересов народов региона, их элементарных прав и массовым их порабощением»[72]. Вместе с тем, она признал, что городскую «туземную» полицию Ташкента возглавлял старший аксакал. Город делился на 4 «части», каждая из которых имела свою полицию во главе с аксакалами,

---

[67] *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. / Б.Н. Миронов. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. С. 79.
[68] История кыргызов и Кыргызстана. Учебник для вузов. Изд.3-е. Бишкек, 2000. С. 170.
[69] История Узбекистана. (Учебник для студентов высших учебных заведений). Ташкент: ФАН, 2011. С. 189.
[70] Там же. С. 7.
[71] Там же. С. 11.
[72] *Абдурахимова Н.* Узбекистан в составе Российской империи // Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент: «Шарк», 2001. С. 120.

в состав которой входили низшие полицейские служители из местного населения – миршабы[73].

Независимый узбекистанский исследователь В.В. Германова писал о том, что после распада СССР и появления независимого Узбекистана, не без влияния правящего режима, фактически сразу же начался пересмотр истории взаимоотношений с Россией. В.В. Германова отмечала, что в «новых (узбекистанских - В.Л.) учебниках истории, монографиях и статьях, докторских и кандидатских диссертациях период с начала завоевания Туркестана Российской империей в 60-90-е гг. XIX в. до развала СССР в 1991 г. преподносится, как долгие годы унижения, страха под деспотичным гнетом России, упорной национально-освободительной борьбы с имперскими «колонизаторами», «оккупантами», сталинской тоталитарной системой. Вся политика России в это время имела будто бы своей целью лишение узбекского народа его национальной государственности, самобытности, служила его закабалению, выкачиванию сырьевых ресурсов региона, превращала народ в раба на бескрайних хлопковых полях. Отрицание всего положительного, что было сделано в Узбекистане в колониальный и более чем 70-летний период эпохи СССР, стараниями ряда историков стало одной из идеологических установок новейшей узбекистанской историографии»[74].

Любопытно, что узбекские «ученые» сами плохо знают историю региона, в котором жили их предки. Так, например, узбекский историк И.Х. Шоев писал о том, что в конце XIX в. «Туркестанское генерал-губернаторство делилось на две области: Сырдарьинскую с центром в городе Ташкенте и Семиреченскую с центром в городе Верном»[75]. Ему неведомо,

---

[73] *Абдурахимова Н.* Узбекистан в составе Российской империи // Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент: «Шарк», 2001. С. 131.

[74] *Германова В.В.* Вторжение Российской империи в Среднюю Азию (Заметки историографа на полях учебников по истории Узбекистана) // Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 360

[75] *И.Х. Шоев*. Колониальная система управления Туркестанским генерал-губернаторством в конце XIX – начале XX вв. // Ўзбекистон Миллий ахборот агентлиги – ЎзА Илм-фан бўлими (электрон журнал) 2022 йил, апрель сони. С. 359-365.

что уже с 1876 г. в нем было три области, а с 1898 – пять. Понятно, что пока ничего позитивного в изучение истории царской полиции в Туркестанском крае ангажированная узбекская мысль привнести не может.

Казахстанский историк С.В. Тимченко писал о том, что такого же рода русофобские идеи витают в сочинениях не менее ангажированных казахских авторов [76] . В этом не было ничего удивительного, поскольку они вдохновлялись указаниями своей высшей власти. «Лучший друг» России, президент Казахстана Н.А. Назарбаев так характеризовал период русской власти в «Степи»: «То была особенно тяжкая пора в истории казахов. Нетрудно представить себе положение огромных просторов, оказавшихся на пути хищных интересов Империи, решившей захватить, как можно большую часть земного шара, как можно дальше продвинуться через Среднюю Азию на юг и восток. Надо было силком внедрить в степь порядки и форму власти могущественной метрополии. Более плачевной участи некогда единого народа невозможно было и представить. Должно быть немного на земле народов, не испытавших ига колониализма, но такого народа, как казахи, который в течение одного века претерпел столь сокрушительные реформы, столь тяжкие удары и испытания судьбы, вряд ли еще окажется на земле. Такой была коварная колониальная политика…так родилось отвратительное явление - «окультуривание инородцев»[77]. Вряд ли можно усомниться в том, что эту политику обеспечивали, по его мнению, царское правительство и региональная полиция.

Методолог А.В. Лубский указывал, что фальсификация в историческом познании есть «сознательное искажение *исторических событий* в определенных, часто политических целях… сознательное искажение *исторических фактов*, их тенденциозная трактовка, выборочное

---

[76] *Тимченко С.В.* Проблемы присоединения Казахстана к России в современной казахстанской историографии // Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 338-359.

[77] *Н.А. Назарбаев.* Слово об Абае // Назарбаев Нурсултан. Пять лет независимости. Из докладов, выступлений и статей Президента Республики Казахстан. Алматы, 1996. С. 340, 341-342.

цитирование и манипуляции с *источниками* с целью создания искаженного образа исторической действительности»[78]. (Курс. авт.- В.Л.). При этом он допускает фальсификацию как «добросовестное заблуждение»[79]. Лубский писал не только об осознанных фальсификациях истории, но и о «неосознанных». Вместе с тем, он отмечал, что в фальсификациях в историческом познании «особую роль сегодня… играют этнополитические мифы, служащие средством этнической идентификации и мобилизации этнических групп в критические моменты истории»[80]. Поэтому национальная историография большинства стран так называемой «Центральной Азии» исполнена ангажированной критики как дореволюционного, так и советского прошлого. Академик А.О. Чубарьян отмечал, что «идеи ущербного самоощущения от того, что какая-то нация провела какое-то время в составе другого государства, только унижает ее саму. Не на негативе нужно искать свою идентичность, а на положительном вкладе в общечеловеческую культуру»[81].

Диссертант считает излишним перечислять работы с критикой царского и советского прошлого – во-первых, их достаточно много, а, во-вторых, они имеют опосредованное отношение к избранной теме исследования, поскольку отрицают любую мало-мальски положительную роль полиции, изображая ее только в качестве карательного органа царизма.

Следует отметить, что из всех среднеазиатских стран – бывших субъектов СССР только таджикистанская историография положительно пишет о роли России и ее государственных институтов в регионе, поскольку именно она сдерживала произвол узбекских правителей Бухарского ханства, населенного преимущественно таджиками, а в последующем вообще

---

[78] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. Ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 509.
[79] Там же.
[80] Там же. С. 510.
[81] См.: *Чубарьян А.О.* Как нам собрать свою историю // Российская газета. 2008. 18 июля

ликвидировала их власть [82]. Современные туркменские ученые весьма объективно пишут о положительном значении присоединения Туркмении к России, но о деятельности царской полиции в прикаспийском регионе почти не упоминают[83].

Естественно, что проблему деятельности царской полиции в Средней Азии не могли не рассматривать профессиональные российские туркестановеды. В 2011 г. группа ученых во главе с одним из ведущих туркестановедом С.Н. Абашиным выступила с коллективной монографией о России и Средней Азии, первый том которой был посвящен дореволюционному периоду [84]. Авторы писали о полиции, но, главным образом, о ее борьбе с революционным и освободительным движением[85]. Вместе с тем, исследователь Д.Ю. Арапов отмечал, что мусульманское духовенство Туркестана находилось под постоянным надзором полиции, но в ее лице «имперская власть старалась вмешиваться в конфессиональные дела среднеазиатской исламской общины лишь в крайних случаях»[86].

Весьма конкретно о туркестанской полиции пишет исследователь Д.В. Васильев. Он указывал, что «в Туркестане один уездный начальник с одним помощником без каких-либо подчиненных полицейских органов должен был исполнять все обязанности полиции целого уезда (в среднем 15-20 человек)» [87]. Васильев отмечал: «В 1881 г. городские полицейские управления проектировались только в городах Ташкенте и Верном. Они должны были состоять из равного числа членов: полицмейстера, секретаря и

---

[82] См. напр.: Масов Рахим. Роль России в исторических судьбах таджикского народа и его национально-государственном строительстве // Мероси Ниёгон. 2001. № 5; Россия в исторических судьбах таджикского народа: коллективная монография. Душанбе, 1998.

[83] *Байлиев А.Т., Аманмурадов А.А.* Краткий очерк истории туркмен // Туркмены. М., «Наука», 2016. С. 65-70.

[84] *Абашин С.Н. и др.* Россия и Средняя Азия. Т.1. Политика и ислам в конце XVIII – начале XX в. М., 2011.

[85] Там же. С. 323-351.

[86] Там же. С. 368.

[87] *Васильев Д.В.* Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. / Д.В. Васильев. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 415.

двух приставов. В Новом Маргелане [88] полагалось иметь только полицмейстера, а в городах Казалинске, Самарканде и укреплении Петро-Александровском – по одному полицейскому приставу с отнесением их содержания на городские суммы. В прочих уездных городах заведование полицейской частью, прежде лежавшее на офицерах по военной части, возлагалось на одного из чинов уездного управления по усмотрению уездного начальника»[89]. Исследователь уточнял: «Для административного и полицейского управления туземного Ташкента сохранялся начальник города на правах уездного начальника. А для единства управления «туземной» и русской частями начальнику города Ташкента было подчинено и полицейское управление русской части города» [90] . Это заявление представляется несколько странным, поскольку начальник Ташкента управлял всем городом, а не только «туземным», а потому полицейское управление «Русской частью» не могло ему не подчиняться. Вместе с тем, нелишне отметить, что Васильев в своих трудах специально полицейский вопрос в российских областях Средней Азии не рассматривал.

Известный туркестановед Т.В. Котюкова отмечала: «В 1867 г. в Туркестанском крае были созданы полицейские управления. В русской части города Ташкента полицейские функции выполняли начальник города, его помощник и полицейские приставы. До 1884 г. полицейскую службу несли воинские части, а с 1884 г. полиция была организована по принципу вольного найма. «Положением об управлении Туркестанским краем» в июне 1886 г. в русской части города была введена должность полицмейстера, подчинявшегося начальнику города. В «старом» Ташкенте работа полиции возлагалась на аксакалов и их помощников – тавгачей. В 1874 г. должность помощника была упразднена, и в 1894 г. в Ташкенте было учреждено полицейское управление «старого города», подчинявшегося начальнику

[88] Правильнее: Маргилане – В.Л.
[89] *Васильев Д.В.* Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. / Д.В. Васильев. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 415.
[90] Там же. С. 415-417.

города»[91]. Котюкова указывала, что органы полицейского и жандармского надзора были образованы и в других крупных городах Туркестанского края. Она отмечала, что «количество полицейских чинов, предусмотренное Положением 1886 г., не отвечало масштабу контролируемой ими территории, и краевая администрация неоднократно обращалась в Военное министерство с просьбой увеличить штат, особенно участковых приставов, в различных уездах Туркестана. Военное министерство с пониманием относилось к этим просьбам и, видимо, отдавая себе отчет, что нового положения, а, значит, и нового штатного расписания ожидать придется еще долго выходило с соответствующими законодательными инициативами в Государственную думу»[92].

Диссертант полагает, что в части обращений в Государственную думу историк несколько преувеличивает, так как реально она начала работать только с 1907 г. При этом считаем нужным заметить, что вопрос о туркестанских проблемах в российском парламенте был основательно проработан Котюковой в специальной монографии[93]. Жаль, что проблему работы царской полиции в Русском Туркестане она в ней тоже не разрабатывала.

О месте и роли полиции в системе «военно-народного управления» этим регионом писал один из известных отечественных туркестановедов[94]. В 2007 г. он выступил с монографией об истории царской «охранки» в Средней

---

[91] Туркестан в имперской политике России: Монография в документах. Отв. ред. Т.В. Котюкова. М., 2016. С. 141.

[92] Туркестан в имперской политике России: Монография в документах. Отв. ред. Т.В. Котюкова. М., 2016.С. 142.

[93] Туркестанское направление Думской политики России (1905-1917 гг.): монография. М., 2008.

[94] См. напр.: *Литвинов П.П.* К вопросу о специфике государственного управления национальными окраинами в царской России (на примере Русского Туркестана) // Вестник Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина. Вып. 19. Серия: право. Елец, ЕГУ, 2008; его же: «Военно-бюрократическое» управление в России XIX – начала XX вв. (по материалам Русского Туркестана) // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное. Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. М., РУДН, 2008; *Он же.* О модели «военно-административного» управления в царской России (на примере Туркестана) // Диалог цивилизаций. Культурно-цивилизационные мосты истории и современности. 2009, № 9. Бишкек, «Наука», 2009.

Азии, подчиненной МВД, в которой, в частности, затрагивалась проблема ее отношений с «общей» (военной) полицией Русского Туркестана, но без какого-либо анализа организационно-правовых и иных основ ее деятельности[95].

Таким образом, российское туркестановедение частично затронуло проблему деятельности полиции в российских областях Средней Азии, однако пока не создало полноценную научную рефлексию, отражавшую основные аспекты деятельности полиции в регионе.

Историографический обзор остался бы неполным без анализа зарубежной исторической литературы по избранной теме исследования. По сути, вышеприведенные постсоветские работы среднеазиатских авторов являются для нас уже зарубежными. Но мы намерены коснуться той иностранной историографии, которая ранее считалась (и является) буржуазной. Сразу отметим, что в ней нет работ, специальным образом посвященных исследуемой здесь проблеме. По мнению Б.Н. Миронова, «Зарубежная историография в 1950-1970-е гг., в основном, придерживалась концепции Покровского»[96]. Он зафиксировал возросший интерес западной историографии к имперской проблематике России и отметил основные направления ее интересов в этом отношении[97].

Действительно, после распада СССР активность зарубежных авторов на этом направлении возросла[98]. Часть из них стала издавать свои работы на русском языке. Например, Андреас Каппелер утверждал, что своей книгой он совершает «первую попытку создать общую картину истории России как

---

[95] *Литвинов П.П.* Органы Департамента полиции в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном: монография. Елец: ЕГУ, 2007.
[96] *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. / Б.Н. Миронов. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. С. 79.
[97] Там же. С. 90-92.
[98] См.: *Арсланов Р.А., Трифонова Е.Д.* Отношения России и стран Центральной Азии в работах современных французских исследователей // Вестник Российского университет дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4; Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: Антология. М.: Новое издательство, 2005. 694 с.

многонациональной державы[99]. Однако, созданная им «общая картина» представляется всего лишь белым полотном, наполненным ошибками и неточностями. А. Каппелер, например, склонен считать, что Западно-Сибирское генерал-губернаторство стало считаться «Степным» с 1892 г., что он связывает с утверждением нового «Степного положения» 25 марта 1891 г.[100]. Он заблуждается, так как оно было образовано в мае 1882 г., что подтверждается документально[101]. Другой пример. Немецкий «ученый» утверждает, что Закаспийская область была подчинена кавказским властям до 1897 г., а потом была передана в состав Туркестанского генерал-губернаторства[102]. Ему бы следовало почитать «Закаспийское положение» от 6 февраля 1890 г. и он не стал бы прибегать к откровенно дилетантским утверждениям[103]. И таких «ляпов» в книге Каппелера о дореволюционной имперской России немало.

Более скромно оценивает свой труд Ричард Пайпс, однако он ничего не пишет о национальных окраинах Российской империи[104]. Американец Эдвард Сокол весьма объективно рассматривает восстание населения Средней Азии в 1916 г., упоминает о действиях полиции, но как вспомогательных, поскольку считает, что мятеж мусульман подавила армия[105]. Японский исследователь Мацузато Камитака из Токийского университета выступил с

---

[99] *Каппелер Андреас.* Россия - многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. Пер. с нем. М., 1997. С. 7.
[100] Там же. С. 140.
[101] См.: Именной, данный Сенату - О сосредоточении высшего надзора по управлению областями Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской в лице Генерал-Губернатора и о подчинении губерний Тобольской и Томской Общему порядку высшего управления, существующему для внутренних губерний». 18 мая 1882 года // ПСЗРИ-3. Т. 2. Отд. 1. СПб.,1886. № 886. С. 211-212.
[102] *Каппелер Андреас.* Указ. соч. С. 147.
[103] См.: Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской областью. 6 февраля 1890 года. ПСЗРИ-3. Т.10. Отд.1.СПб.,1893. № 6576. С. 70-75.
[104] *Пайпс Ричард.* Россия при старом режиме. М., 1993.
[105] *Сокол Эдвард Дэннис*. Восстание 1916 г. в Русской Центральной Азии. Бишкек, 2016.

серьезной работой о генерал-губернаторствах в царской России, однако до Туркестанского края его исследовательский интерес так и не дошел[106].

Думается, что наиболее объективную оценку царского военно-полицейского режима в Русском Туркестане дала дореволюционная зарубежная литература, особенно английская. Несмотря на межимпериалистические противоречия с Россией, она признавала ее успехи в цивилизации «туземного» населения [107] . О царской полиции в рассматриваемом нами регионе в ней упоминалось, но эпизодически.

Работы зарубежных авторов о Средней Азии, написанные в советский период, отличались сильным влиянием антикоммунистической идеологии. Часть западных историков считала, что при царизме мусульмане региона жили лучше, чем при «советах», другая – что «туземцы» Туркестана одинаково не любили русских как царских, так и советских[108]. С распадом СССР западная историография старается убедить коренное население молодых суверенных государств Средней Азии в том, что ему одинаково плохо жилось и при царизме, и при социализме, а потому надо двигаться к

---

[106] *Мацузато Камитака.* Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства. Под ред. И. Герасимова и др. Казань, 2004

[107] *Dobson George.* Russia's railway advance into Central Asia. Notes of a journey from St. Peterburg to Samarkand. - London, 1890; *Dunmore.* The Pamirs: Being a narrative of a year's expedition on horseback and on foot throught Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia. In 2 Vols. - London, 1893; *Gladstone W.E.* Bulgarian Horrors and Russia in Turkestan with her tracts. Leipzig, 1876; *Lansdell H.D.D.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. In 2 Vols. London, 1885; *Meakin A.* In Russian Turkestan. A garden of Asia and its people. London, 1903; *Ronaldshaw E*. On the outskirts of empire in Asia. – London, 1904; *Schuyler Eugene.* Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Vol.1-2. London: Low, Marston,1876 и др.

[108] См.: *Bacon E.E.* Central Asia under Russian Rule. A study of Cultural Change. N-Y, 1966; Becker Seymour. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva. 1865-1924. Harvard University Press. 1968; Central Asia. A Century of Russian Rule. Ed. by E. Allworth. Columbia Univ. Press. New-York – London, 1967; *D'Fncausse H.K.* Islam and the Russian Empire. Reform and Revolution in Central Asia. London, 1988; *Geyer Dietrich.* Russian Imperialism. The Interaction of Domestic and Foreign policy. 1860-1914. New York, 1987; *Pierse Richard A.* Russian Central Asia. 1867-1917. A study of colonial rule. – Los Angeles, 1960; *Rywkin Michael.* Russia in Central Asia. London, 1963; The Cambridge History of Islam. Vol. I. The Central Islamic lands. Cambridge University Press, 1970 и др.

«свободному миру»[109]. Некоторые зарубежные авторы снова встали на рельсы концепции М.Н. Покровского о царской России как «абсолютном зле», увязывая его и с полицией. Так утверждается, что «Царская полиция была наиболее надежным оружием в системе колониального управления по защите интересов русской монархии в регионе Ферганы. В больших городах, таких как Коканд и Новый Маргилан, начальники полиции имели значительные карательные полномочия и могли привлекать воинские части к проведению полицейских акций. Представители туземного населения наказывались штрафами и арестами даже за малейшие проступки и непослушание»[110].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что как в дореволюционный, так в советский и постсоветский периоды отечественная и зарубежная историография, посвященная прошлому Русского Туркестана, рассматривала работу полицейских служб региона лишь отчасти, так и не проведя полноценного изучения темы данного диссертационного исследования. Одно время тому мешали разного рода идеологические стереотипы. Поэтому остались «белыми пятнами» вопросы о состоянии российской и традиционной мусульманской полиции до и после присоединения Средней Азии к Российской империи, их взаимодействии,

---

[109] См.: *Brower D.* Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London, 2003; Central Asia. 130 years of Russian Dominance. A historical overview. Ed. by E.A. Allworth. London, 1994; *Crews R.* For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA; London: Harvard University Press. 2006; *Geiss P.G.* Pre-Tsarist and Tsarist Central Asia: Communal Commitment and Political Order in Change. London; NY: Routledge Curzon. 2003; *Ferghana Valley.* The Heart of Central Asia. S. Frederick Starr. London, 2011; *Hopkirk P.* The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. Oxford, 2001; *Morrison A.* Russian Rule in Turkestan and the Example of British India. 1860-1917. // Slavonic and East European Review. 2006. Vol. 84. № 4; *Morrison Alexander.* The Russian Conquest of Central Asia. A Study in Imperial Expansion. 1814 – 1914. Cambridge University Press, 2021; *Khalid Adeeb.* The Politiques of Muslim Cultural Reforme: jadidism in Central Asia. Berkeley, 1998; *Morrison A.* Russian Rule in Samarkand. 1868-1910. A Comparasion with British India. Oxford, New York: Oxford University Press, 2008; The new Cambridge History of Islam. Volume 5. The Islamic Word in the Age of Western Dominance. Ed. Francis Robinson. Cambridge University Press, 2011; *Weinerman E.* The Polemics between Moscow and Central Asians on the Decline of Central Asia and Tsarist Russian's Role in the History of the Region // Slavonic and East European Review. 1993. Vol. 71. № 3 и др.

[110] *Ferghana Valley.* The Heart of Central Asia. S. Frederick Starr. London, 2011. P. 74.

организационно-правовых основах образования и функционирования полицейских служб, их кадрового формирования, служебных льготах и преимуществах, материального обеспечения сотрудников региональной царской полиции. Диссертант надеется, что осуществление предпринятого им исследования привнесет в историческую науку новые полезные сведения об организации и деятельности полицейских служб в стратегически важном регионе Российской империи.

1.2. Источниковедческий обзор исследования

Содержание предшествующего раздела работы свидетельствует о том, что историография внесла определенный вклад в изучение проблемы, оставив многие ее аспекты так и не исследованными. Поэтому диссертант обратился к другим источникам информации, необходимых для ее комплексного рассмогтрения. При этом он исходил из того, что в постсоветском отечественном источниковедении изначально отказались от противопоставления ценности одних групп источников другим группам. В советский период требовался критический анализ дореволюционных источников с позиций господствующей методологии, тогда как партийно-советские материалы считались объективными и достоверными. Так, например, одно время, мемуарам отказывали в объективности и достоверности в качестве исторических источников, считая их субъективными и тенденциозными. Хотя, как признается современными источниковедами, именно эти качества усиливают их значение для исследователей[111]. Диссертант относится к этому с пониманием и находит разные источники одинаково важными для историков, однако, исходя из целей и задач диссертационного исследования, он все-таки отдает предпочтение документальным (архивным и опубликованным) источникам.

---

[111] См.: *Георгиева Н.Г.* Историческое источниковедение: теоретические проблемы: учебник для вузов. М.: Проспект, 2016.

Зарубежный исследователь Ж. Дюби писал: «У историков появилось стремление видеть в документе, в свидетельстве, т.е. в тексте, самостоятельную научную ценность... Они отдают себе отчет в том, что единственно доступная им реальность заключается в документе» [112] . Диссертант разделяет эту точку зрения. По мнению видных ученых, «исторический источник (продукт культуры, объективизированный результат деятельности человека) выступает как единый объект различных гуманитарных наук при разнообразии их предметов изучения. Тем самым он создает единую основу для междисциплинарных исследований и интеграции наук, а также для сравнительно-исторического анализа» [113] . Известный отечественный историк С.О. Шмидт отмечал, что можно «признать историческим источником всякое явление, могущее быть использованным для познания прошлого человеческого общества, все, что может источать историческую информацию, т.е. информацию исторического характера, полезную для работы историка»[114].

Диссертант разделил использованные в работе документы преимущественно на опубликованные и неопубликованные (архивные) и провел их анализ, с учетом достижений научного источниковедения[115]. В работе они не противопоставляются, а взаимно дополняют друг друга. Например, в архивохранилищах можно обнаружить немало и правовых документов. По мнению автора, любой источник (даже сфабрикованный или

---

[112] Цит. по: *Савельева И. М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. В 2 тт. Т. 1. СПб.: Наука, 2003. С. 309.

[113] *Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 1998. С. 7

[114] *Шмидт С.О*. Источниковая база исторической науки и классификация исторических источников // Историческая наука. Вопросы методологии. М. 1986. С. 153.

[115] См.: *Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории. Учебное пособие для гуманитарных специальностей. М.: Институт Открытое общество, 1998; Источниковедение истории СССР XIX - начала XX в. / Под ред. И.А. Федосова. М., 1970; Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1981; *Могильницкий Б.Г.* История, логика и проблемы современного научного знания // Вопросы истории. 2014. № 4; *Тихомиров М.Н.* Источниковедение истории СССР. М., 1962 и др.

заведомо ложный) обладает определенной информационной ценностью, поскольку он является продуктом целенаправленной деятельности и отражает веяния времени. Достаточно вспомнить «прелестные листы», распространявшиеся лжеимператором Е.И. Пугачевым. Что касается типов и видов источников, то в работе учтена их двухуровневая система классификации, при которой «типы» различаются по форме, способу хранения и передачи информации, а «виды» - по выполняемой целевой функции[116].

Значение каждого из этих источников для исследования зависит от его темы и тех целей и задач, которые ставятся в работе. Известно, что большинство «чистых» историков предпочитают использование архивных материалов, что весьма продуктивно, но, на наш взгляд, недостаточно. Историки государства и права основывают свои исследования на законодательных актах, что нередко требует подкрепления архивными документами, но не всегда получает его. В данной диссертационной работе использованы обе группы источников, что придает ее содержанию более информационно насыщенный характер. Автор исходил из того, что ее цели и задачи могут быть достигнуты и решены только при таком подходе.

Вместе с тем, для диссертанта изначально представлялось очевидным преимущественное значение использования законодательных документов. Суть проблемы заключалась не только в «технологии» достижения успехов в научно-исследовательском поиске. Как известно, право является нормативной формой выражения цивилизации. Оно свидетельствует о реальной жизни государства и общества. Так, например, до находки в начале XX в. знаменитого «базальтового столба» существовало немало фантазий о Древнем Вавилоне, но только обнаруженная запись законов царя Хаммурапи расставила все на свои реальные места. Мы считаем, что любой историк

---

[116] См. подробнее: *Георгиева Н.Г.* Историческое источниковедение: теоретические проблемы: учебник для вузов. М.: Проспект, 2016. С. 216-227.

прошлого не может восстановить его реальные черты в действительной полноте без использования законодательных материалов, как источников.

Науке известны разные источники права, однако в России во все времена главным из них являлся закон. Исследователь Д.А. Пашенцев пишет: «С тем, что закон служил основным источником права в Российской империи, согласны и современные отечественные исследователи»[117]. Это заявление представляется несколько странным, поскольку дореволюционные и советские историки тоже не были против этого. Автор также считает закон надежным историческим источником. При этом хотелось бы отметить, что, по мнению, исследователей И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, «критический подход к источникам — явление довольно позднее. Техника критики текстов и анализа фактов зарождается в эпоху Возрождения»[118]. Закон можно критиковать только с точки зрения его содержания, адекватности времени, когда он был издан, его действия, последствий применения и т.п. Но его нельзя искаженно излагать, изменять и отменять. Закон нужно принимать и использовать в том виде, в каком он был принят. «Правовой документ – это воля государства, облеченная в нормативную форму. Ей обязаны подчиняться все. Законы, конечно, могут в корыстных и прочих интересах лукавить, искажать реальность, даже лгать, по определенным причинам (например, «классовым»), но они не могут отменять ту действительность, юридической рефлексией которой они являются.

Законы всегда отталкиваются от реальности, правовой сублимацией которой они выступают. В любом случае, реальность – это основа эманации законодательства. Даже беглый просмотр его истории - с древнейших времен до наших дней - в том убеждает. Законы устанавливают те «правила поведения», которым все должны следовать, и в этом отношении они как

---

[117] *Пашенцев Д.А.* Особенности системы источников права Российской империи // История государства и права. Научно-правовое издание. 2009. № 19. С. 25.

[118] *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. М.: «Языки русской культуры», 1997. С. 59.

источник бесспорны. В них можно сомневаться, но их нельзя не учитывать в действительно исторических исследованиях, тем более, ими нельзя пренебрегать» [119] . Своевременность принятия правовых актов помогают установить архивные и иные источники, используемые в настоящем исследовании.

Как уже отмечалось, к исследованию были привлечены законодательные источники из всех трех полных собраний законов Российской империи (ПСЗРИ-1,2,3) [120] . Кроме того, были использованы документы из всех изданий Свода законов Российской империи [121] . Что касается «Собрания узаконений и распоряжений правительства», которое издавалось с 1862 по 1917 г. при Сенате, то оно выходило два раза в неделю. Но оно использовалось мало, так как фактически все публикуемые в нем нормативно-правовые акты находятся в ПСЗРИ 2-го и 3-го собраний, кроме, как отмечалось, периода 1914-1916 гг.[122].

Прежде всего, диссертант обратился к юридическим документам, содержавшим основополагающие начала организации и деятельности царской полиции[123]. «Соборное уложение» 1649 г. создавало общее правовое пространство для полицейской деятельности в России. Через 3 месяца был издан закон об «объезжих» - лицах типа будущих городских полицейских

---

[119] *Литвинов П.П.* Благовест над землями ислама: Русский Туркестан (по архивным, правовым и иным источникам): монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. С. 36.

[120] См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. (ПСЗРИ-1) Тома 1-47 (1649-1825). СПб., 1830; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. (ПСЗРИ-2) Тома 1-55 (1825-1881). СПб., 1830-1884; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. (ПСЗРИ-3) Тома 1-33 (1881-1913). СПб., 1885-1916

[121] Свод законов Российской империи. Издания 1833, 1842, 1857, 1900, 1912 гг.

[122] См. напр.: Государственная роспись доходов и расходов на 1914 год. 22 июня 1914 года // Собрание узаконений и распоряжений правительства, № 143, отдел первый, 24 июня 1914 года. СПб., 1914. № 1596; Высочайше утвержденный закон – О государственной росписи доходов и расходов на 1916 год. 8 апреля 1916 года // Собрание узаконений и распоряжений правительства, № 96, отдел первый, 14 апреля 1916 года. СПб., 1916. № 763

[123] Соборное Уложение. 29 января 1649 года // ПСЗРИ-1. Т. 1. СПб., 1830. № 1. С.1-169; Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи. 7 ноября 1775 года // ПСЗРИ-1. Т. 20. СПб., 1830. № 14392. С. 229-304; Устав благочиния или полицейский. 8 апреля 1782 года // ПСЗРИ-1. Т. 21. СПб., 1830. № 15379. С. 461-488; Общее губернское учреждение // Свод законов Российской империи Т.2. Свод учреждений государственных и губернских. Учреждения губернские. СПб., 1833. С. 1-278 и др.

приставов с командами от населения при них[124]. То же можно сказать о документах губернской реформы 1775 г. Екатерины II, уточненных полицейским уставом 1782 г. Сформированное на их основе «Общее губернское учреждение» разделило всероссийское административное и полицейское пространство на части, касавшиеся европейской территории страны и ее отдаленных окраин. Введение управления ими по «Особому учреждению» создавало комплекс специфических приемов учета территориально-национальных эксклюзивов, которые были применены царским правительством и в Русском Туркестане. Для того, чтобы лучше понять их генезис и сравнить с положением в этом регионе, автор ознакомился с соответствующими законодательными актами, которые относились к «Особенным губернским учреждениям»[125]. Важно отметить, что он ссылается ниже на «Общее губернское учреждение» и иные акты первого издания Полного собрания законов Российской империи, однако в последующем их содержание изменялось и дополнялось новыми установлениями[126]. Естественно, что разделы о полиции присутствовали во всех изданиях «Общего губернского учреждения»[127].

---

[124] Наказ о градском благочинии. 30 апреля 1649 года // ПСЗРИ-1. Т. 1. СПб., 1830. № 6. С. 164-166.

[125] II. Особенные губернские учреждения // Свод законов Российской империи Т.2. Свод учреждений государственных и губернских. Учреждения губернские. СПб., 1833. С. 279-696: Учреждение для управления Сибирских губерний и областей; Учреждение для управления Кавказской области; Учреждение для управления Закавказского края; Учреждение для управления Бессарабской области; Учреждение для управления Градоначальств; Учреждение для управления земель войск: Донского, Черноморского, Уральского, Оренбургского и Астраханского казачьих и Ставропольского Калмыцкого; Учреждение для управления Сибирских казаков; Учреждение для управления инородцев Сибирских; Учреждение для управления инородцев в области Кавказской и в губерниях Астраханской, Таврической и Оренбургской.

[126] См. напр. для сравнения: Свод законов Российской империи. Т.2. Свод губернских учреждений. СПб., 1912. С. 209-737.

[127] См. напр.: Общее учреждение Земской полиции // Общее губернское учреждение // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СП., 1857. Статьи 2509-2798. С. 499-573; Наказ чинам и служителям полиции // Общее губернское учреждение // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СП., 1857. Статьи 2954-2798. С. 533-573; Общее учреждение городской полиции // Общее губернское учреждение // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СП., 1857. Статьи 4095-4180. С. 787-805.

Процесс формирования полицейских кадров нашел отражение как в общих [128], так и региональных правительственных документах. Нелишне отметить, что в дореволюционный период среди отраслей российского законодательства значилось не «административное», а «полицейское право». Особенный интерес представили законодательные акты, относящиеся к рассматриваемому региону [129]. Так, например, из «Степного положения» 1891 г. приведены только сведения по Семиреченской области, входившей в состав Туркестанского генерал-губернаторства (края) в 1867-1882 и 1898-1917 гг., но всегда географически относившейся к Средней Азии. Указанные документы устанавливали принципы организации и деятельности полиции в пределах регулируемых ими территорий, ее численность, а приложенные к ним штаты указывали должности, классы по чинопроизводству, разряды по пенсии, шитью на мундирах и т.п. Кроме того, издавались правительственные положения о полицейских службах в отдельных областях

---

[128] См. напр.: Высочайше утвержденные Временные Правила об устройстве Полиции в городах и уездах Губерний по Общему Учреждению управляемых. 25 декабря 1862 года // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 2. СПб., 1865. № 39087. С. 588-593.

[129] Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд.1. СПб., 1867. С. 876-881; Высочайше утвержденный 6 августа 1865 года Временный штат Военно-Народного Управления в Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 2. СПб., 1867. № 42372. С. 298; см. также: Временное положение об управлении Туркестанской областью // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1865. № 77. 31 августа; Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанского края. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. С. 319; Штат управления Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. Штаты и табели. С. 107-114; Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т.10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6576. С. 70-75; № 6576 – 6 февраля 1890 года – Временный штат военно-народного управления Закаспийской области // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 2. СПб., 1893. С. 86-94; Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7574. С. 133-147; Штат управления Семиреченской области. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. Штаты и табели. № 7574. С. С. 39, 42, 44.

– в их сельских[130] и городских местностях[131]. Они тоже устанавливали штаты полиции в них.

Достойно внимания одно, кажущееся немаловажным обстоятельство. Поскольку Русский Туркестан подчинялся военному министерству, то среди управлявших им чиновников, в том числе полицейских, было немало бывших армейских чинов. Их переход на гражданскую службу был отрегулирован законодательством еще до присоединения Средней Азии[132]. Вместе с тем,

---

[130] Высочайше утвержденное Положение Военного совета - Об учреждении полицейского поста на Чиназской переправе на реке Сыр-дарье. 19 сентября 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13244. С. 640-641; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об учреждении должностей 32 участковых приставов в Туркестанском крае. 6 марта 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18241. С. 183-184; Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об упразднении полицейского поста в селении Чиназ на переправе через реку Сыр-Дарью. 2 июля 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20469. С. 754; Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон - Об учреждении полицейского надзора при станции «Голодная Степь» Средне-Азиатской железной дороги. 1 июня 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1914. № 35393. С. 491-492 и др.

[131] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О назначении особого Полицейского Пристава в город Коканд. 7 ноября 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. С. 533; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О назначении особого Полицейского Пристава в город Катта-Курган, Самаркандской области. 13 февраля 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 5784. С. 67-68; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об учреждении в городе Самарканде должностей Полицейского Пристава и Надзирателя. 23 мая 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6038. С. 228; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об увеличении состава городской полиции в Туркестанском крае. 2 декабря 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13474. С. 745; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об увеличении состава городской полиции в Ферганской и Самаркандской областях. 8 декабря 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 22224. С. 947; Высочайшее повеление, объявленное Военным министром - Об утверждении штатов полицейских команд в русских частях городов Туркестанского края: Самарканда, Петро-Александровска, Казалинска, Перовска, Оша и Андижана. 26 ноября 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 25429. С. 1158; Высочайше утвержденные 26 ноября 1904 года штаты полицейских команд в русских частях городов; Самарканда, Самаркандской области; Петро-Александровска, Казалинска и Перовска, Сыр-дарьинской области и Андижана и Оша, Ферганской области // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 2. СПб., 1907. № 25429. С. 727-728; Высочайше утвержденное Положение Совета Министров - О временном увеличении штатов полиции в городах Аулиеате, Сырдарьинской области и Новом Маргилане, Ферганской области. 11 ноября 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28540. С. 978 и др.

[132] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О порядке переименования и производства в чины лиц, переходящих из военной в гражданскую службу. 29 июня 1859 года // ПСЗРИ-2. Т. 34. Отд. 1. СПб., 1860. № 34689. С. 661; см. также: О производстве в чины переходящих из военной в гражданскую службу // Устав о службе гражданской по определению правительства // Свод законов Российской

военные допускались не ко всем должностям на гражданской службе, в том числе полицейской [133] . Например, для того, чтобы военный стал полицмейстером соседнего с Туркестанским краем города Семипалатинска, потребовалось принятие в 1896 г. специального закона[134]. Однако главное заключалось в том, что фактически все гражданские чины Туркестанского генерал-губернаторства (края), в том числе полицейские, были обязаны носить форму военного министерства. Это диктовалось соответствующим законом [135] . Государство устанавливало и все детали такой формы [136] . Исключение делалось лишь для чиновников филиальных отделений центральных министерств и ведомств[137].

Большое внимание было уделено правовым основам материального обеспечения чинов туркестанской полиции. Оно определялось общегосударственными правовыми актами. «Устав о службе по определению правительства» указывал, что «лицам, состоящим в гражданской службе, для содержания их им определяется жалованье, а в некоторых случаях столовые и квартирные деньги, или квартиры в натуре»[138]. Оклады содержания чинов

империи. Т. 3. СПб., 1912. Статьи 330-337. С. 66-67; там же: Приложение к статье 244. Сравнительная табель чинов гражданских с чинами военными, морскими и придворными. С. 147-149.

[133] Именной, объявленный Сенату министром юстиции - Об ограничении права военных чинов занимать должности по гражданскому ведомству. 1 марта 1872 года // ПСЗРИ-2. Т. 47. Отд. 1. СПб., 1875. № 50585. С. 257-258.

[134] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О включении Семипалатинска в число городов, в коих на должности Полицмейстеров допускаются военные чины. 15 апреля 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 12770. С. 279.

[135] Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром - О форме обмундирования и снаряжения военных и гражданских чинов, занимающих полицейские должности в городах и уездных установлениях Туркестанского края. 21 апреля 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4368. С. 180

[136] Высочайшее повеление – Об описании формы обмундирования для лиц, служащих по военно-народному управлению Туркестанского генерал-губернаторства, не имеющих чинов и не занимающих классных должностей. 10 ноября 1880 года // ПСЗРИ-2. Т. 55. Отд. 1. СПб., 1884. № 61529. С. 678; 10 ноября 1880 года. Описание формы обмундирования для лиц, служащих по военно-народному управлению Туркестанского генерал-губернаторства, не имеющих чинов и не занимающих классных должностей // ПСЗРИ-2. Т. 55. Отд. 2. СПб., 1884. № 61529. С. 492.

[137] Министерств юстиции, финансов, Государственного контроля и др. – В.Л.

[138] Свод законов Российской империи. Т.3. Уставы о службе гражданской. СПб., 1835. С. 124.

туркестанской полиции, их жилищное устройство и т.п. отмечались конкретно в вышеуказанных документах о штатах сельских и городских полицейских служб. В них же указывались источники финансирования таких учреждений. Были учтены и прочие выплаты чинам туркестанской полиции. Подробно рассмотрены пенсионные права ее служащих на основании общегосударственных юридических источников[139]. Исследование было бы неполным без учета служебных прав и преимуществ полицейских чинов Русского Туркестана. Они были установлены еще до присоединения Средней Азии к Российской империи [140] . В последующем их дополнили законоположениями, учитывающими специфику полицейской службы в этом регионе. Примечательно, что это произошло на следующий день после утверждения «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г.[141]. Однако более конкретно права и преимущества чинов администрации и полиции на отдаленных окраинах Российской империи, находящихся в ведении военного министерства, были сформулированы ровно через год – в законе от 15 июня 1887 г.[142]. Естественно, что они, прежде всего, касались Русского Туркестана, который оставался единственным крупным «владением» военного ведомства в Российской империи.

Нелишне указать на то, что законодательные документы общего и полицейского характера имели разные истоки - в большинстве своем это были «высочайше» утвержденные «мнения» Государственного совета,

---

[139] Устав о пенсиях и единовременных пособиях // Свод законов Российской империи. Т. 3. Уставы о службе гражданской. СПб., 1835. Книга 3. С. 291-404.

[140] См.: О преимуществах службы в отдаленных и малонаселенных краях Империи и в губерниях Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской // Устав о службе гражданской по определению правительства // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1857. Раздел V. Статьи 1254-1410. С. 265-301.

[141] См.: Высочайше утвержденные Правила об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. 13 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3817. С. 347-357; см. также: Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. Издание 1906 года // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1912. С. 330-343.

[142] Высочайше утвержденные Правила об особых преимуществах государственной службы по военному ведомству в отдаленных местностях Империи. 15 июня 1887 года. // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4597. С. 339-350.

«положения» Комитета министров (с 1905 г. Совета министров), «положения» Военного совета, «именные» царские указы, данные Сенату, «высочайшие повеления» и проч. До принятия 23 апреля 1906 г. «Основных законов Российской империи» «законом считалось любое повеление императора, оформленное в надлежащем порядке Сенатом» [143] . Таким образом, именно законы устанавливали истинные правила и принципы полицейской деятельности в Русском Туркестане и характер их реализации в повседневной жизни края.

Совершенно очевидно, что законодательные источники, почерпнутые из трех собраний ПСЗРИ, сыграли большую роль в данном исследовании, но не единственную. К работе были также привлечены разного рода опубликованные материалы, например, сборники актов, имеющих отношения к полиции[144].

Естественно, что для осуществления данного исследования весьма значимым представилось привлечение «Временного Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях» 1867 г., с сопутствующей «Объяснительной запиской» при нем[145]. Иначе и быть не могло, так как это «Положение» стало фундаментальной основой образования и функционирования Туркестанского края в течение почти двух десятилетий (1867-1886 гг.) Проект «Временного Положения» обсуждался в правительстве, но был заблокирован некоторыми министерствами, в связи с чем не получил полноценного законодательного статуса, предусмотренного правом. Тем не менее, он был лично утвержден императором Александром II и запущен в административный оборот, действуя почти два десятилетия (до 1 января 1887 г.), что придавало ему необходимый законодательный статус.

---

[143] *Пашенцев Д.А.* Указ. соч. С. 26.

[144] См. напр.: Россия под надзором. Отчеты III Отделения. 1827-1869: Сборник документов / Сост.: М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006.

[145] Высочайше утвержденный Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., типограф. воен. м-ства, 1867. Объяснительная записка к Положению и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сырдарьинской областей. СПб., 1867.

Диссертант излагает в работе свои соображения по поводу интриг в «верхах», относительно этого документа, но принимает его, как действительный источник, установления которого соблюдались в течение долгого времени. В объяснительной записке к Проекту 1867 г. приводились данные о структуре полицейских органов в крае, их кадровом составе, материальном обеспечении, льготах и преимуществах службы. В 1880 г. записка была переиздана в уточненном варианте в связи с намерением туркестанских властей подготовить очередной проект «Туркестанского положения»[146]. В 1884 г. последовало еще одно переиздание, но в связи с началом работы правительственной комиссии, образованной под председательством графа Н.П. Игнатьева для выработки нового «Положения об управлении Туркестанским краем»[147].

Большой интерес для понимания того, как реализовывались установления Проекта 1867 г. по полицейской и иной части, представляет собой такой источник, как «всеподданнейший» отчет первого туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана[148]. Следует учесть, что отчет Кауфмана был опубликован через три года после его смерти и, скорее всего, был серьезно откорректирован. Тем не менее, он содержал очень полезные сведения о полиции в Туркестанском крае[149]. Они приводятся в диссертации. Важно отметить, что источник достаточно объективно отражал как общую ситуацию в регионе, так и ее полицейский сегмент. Сказалось влияние на «всеподданнейший» отчет проектов «Туркестанского положения» 1871 и 1873 гг., которые Кауфман направлял в правительство, о чем еще будет сказано в обзоре архивных материалов. Они не имели успеха по причинам,

---

[146] Объяснительная записка к Положению и штатам // Проект Положения об управлении в Семиреченский и Сыр-дарьинской областях. Ташкент, 1880.

[147] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях, преподанного к руководству согласно Журналу Комитета Министров Высочайше утвержденного 11 июля 1867 года. СПб., 1884.

[148] Проект Всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881. СПб., 1885

[149] См.: Проект Всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана. 7 ноября 1867 - 25 марта 1881. СПб., 1885. С. 84-85, 91, 95, 99-100.

изложенным в исследовании. Однако, «пояснительная записка» к проекту 1873 г. была опубликована и представила известный интерес для данного исследования[150]. Он заключается в том, что документ намеренно выдвигал завышенные требования по устройству полиции в крае, заранее обреченные на провал, что подтверждает правоту предположения автора о том, что «игра» с проектами была выгодна «верхам» и отчасти преследовала цель выработать варианты документов об административном управлении для отдельных частей Русского Туркестана. Безусловно, содержание отчета Кауфмана было изложением не только его личного мнения, но и коллективным творчеством его сотрудников. В целом «всеподданнейший» отчет Кауфмана служит неплохим дополнением для вышеуказанных законодательных документов.

Как отмечалось выше, в 1884 г. была образована специальная правительственная комиссия под председательством Н.П. Игнатьева для разработки проекта нового «Туркестанского положения» с ориентацией на его полноценное законодательное утверждение. Комиссия провела немало заседаний и всесторонне обсудила положение органов государственной власти в рассматриваемом здесь регионе. Естественно, что вопрос о полиции в крае был одним из важнейших. Был изучен источник, свидетельствующий о том, какие существовали межведомственные мнения и противоречия по этому поводу[151]. Он носит сугубо документальный характер, что позволяет судить о том, что туркестанская проблема серьезно беспокоила высшие власти Российской империи, но воспринималась ими неоднозначно. Безусловно, серьезное значение для исследования имело знакомство с

[150] Пояснительная записка к Проекту Положения об управлении областей Туркестанского Генерал-губернаторства. СПб., 1874.

[151] Россия. Военное министерство. Главный штаб. Азиатская часть. Свод замечаний министров, Государственного контролера и Туркестанского генерал-губернатора на составленный комиссией проект Положения об управлении Туркестанским краем с объяснениями и возражениями на оные военного министра по соглашению с генерал-губернатором. СПб., 1886.

объяснительной запиской к проекту «Туркестанского положения» 1886 г.[152]. Познавательная полезность указанных источников очевидна, поскольку в начале XX в. царское правительство сочло «Туркестанское положение» 1886 г. недостаточным для повышения административной эффективности в крае и признало необходимость выработки для него нового документа об управлении. Первый опыт осуществлялся специальной комиссией, образованной при туркестанском генерал-губернаторе под председательством начальника краевой канцелярии К.А. Несторовского, однако он оказался неудачным. Результаты ее работы оказались объемными, однако позитивное содержание и значение источника оказалось незначительным[153].

Такой же правительственный эксперимент был осуществлен в 1908-1909 гг. в комиссии под тем же председательством. Но она тоже не имела успеха. Последний опыт Совет министров осуществил посредством учреждения новой комиссии под председательством Государственного контролера П.А. Харитонова. О ее работе будет подробнее сказано ниже, в обзоре архивных материалов, но следует отметить, что на заседании правительства 20 ноября 1912 г. выработанный комиссией проект преобразования управления Туркестанским краем был одобрен [154] . Естественно, что он содержал и интересные постановления о полиции в регионе.

Совет министров поручил военному ведомству доработать документ и представить его на законодательное рассмотрение, но процесс так и не завершился из-за Мировой войны и последовавшей затем революции. Однако изучение источников показывает, что военное министерство не спешило

---

[152] Объяснительная записка к Проекту Положения об управлении Туркестанского края // Россия. Государственный Совет. Департамент Законов. Материалы. Т. 167. СПб., 1886.

[153] См.: Россия. Комиссия для составления объединенного Положения об управлении областей Туркестанского края. Протоколы заседаний Ташкент, 1904. 888 с.

[154] Особый журнал Совета министров от 20 ноября 1912 года – По Проекту основных начал преобразования управления Туркестанским краем // Особые журналы Совета министров Российской империи. (1909-1917 гг.) 1912 год. М., 2004. С. 353-364.

следовать указаниям правительства, что имело бы следствием передачу Туркестанского края в ведение МВД.

Любопытным источником представляется отчет военного министра А.Н. Куропаткина о служебной поездке в Среднюю Азию, в котором он описывал состояние воинских подразделений в Туркестанском военном округе, однако о работе подчиненной ему «военной» полиции края Куропаткин писал мало - менее одной страницы и то о Закаспийской области, в которой он до этого 7 лет начальствовал[155]. К разряду такого рода источников относятся документы о кадровой политике правительства в полицейской сфере[156]. Их познавательная ценность относительна, но, тем не менее, их нельзя не учитывать.

К разряду ценных познавательных источников, относятся материалы двух правительственных ревизий Туркестанского края, проведенных за время его существования. Первая из них была произведена в 1882-1883 гг. и отчет о ней был представлен ее руководителем – главным автором проекта «Туркестанского положения» 1867 г., тайным советником Ф. К. Гирсом[157]. Б.Н. Миронов пишет о том, что «сенаторские ревизии серьезно сдерживали произвол местной администрации. За первую половину XIX в. сенаторы провели свыше 80 ревизий, за вторую половину XIX – начало XX в. – более 45 ревизий, обследовав все губернии России, 30 из них по 2 раза и более. Ревизии способствовали улучшению работы государственного аппарата»[158]. Он отмечает широкие полномочия сенаторов-ревизоров, круг их

---

[155] Отчет о служебной поездке военного министра в Туркестанский военный округ в 1901 году. СПб., 1902. С. 131.

[156] См.: Государственный совет. Об изменении положения и штатов управления Закаспийской области. Представление Военного министерства. 28 октября 1889 года. СПб., 1889; Россия. Главный Штаб. Азиатская часть. Об учреждении в городе Коканде, Ферганской области Городского полицейского управления. Представление Военного министерства в Государственную думу от 4 мая 1916 года. № 785. СПб., 1916.

[157] Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1884.

[158] *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. / Б.Н. Миронов. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. С. 398.

обязанностей при проверке губерний, реализацию итогов ревизий [159]. Туркестанские ревизоры имели не меньшие полномочия, в частности, и сенатор Ф. К. Гирс. Однако уже изначально его отчет подвергался критике. Некий аноним - «N.S.» писал в газете «Вечер» о том, что «всеподданнейший отчет т.(*айного*) с.(*оветника*) Гирса в Петербурге читали точно сказку из «Тысячи и одной ночи»… Сотрудники т.с. Гирса вскрыли зло, но не устранили причин и условий, их порождающих». Он отмечал, что после «ревизии» Гирса «герои всяких панам, как фениксы возродились из пепла - все они помилованы и некоторые из них дослужились до… красной подкладки (генеральского чина - В.Л.) и т.п. благ земных» [160]. Участник ревизии Гирса Н. Ф. Петровский, ставший тогда же российским консулом в китайском Кашгаре, писал 12 ноября 1883 г. своему бывшему коллеге Д.Ф. Кобеко о том, что отчет «ревизии» Гирса получился «местами многоглаголен, местами слишком краток» [161]. Советские историки тоже критиковали этот документ. Автор далек от похвал в адрес отчета Гирса, но считает, что как источник он оказался полезным для исследования, а его «обтекаемость» была следствием нежелания высшей власти в стране подвергать «обструкции» режим царского фаворита Кауфмана в Туркестане, несмотря на крайне негативное отношение к нему нового краевого генерал-губернатора, генерал-лейтенанта М.Г. Черняева.

Вторая правительственная ревизия Туркестанского края была проведена в 1908-1909 гг. под председательством сенатора, тайного советника, графа К.К. Палена. На то он получил специальную «высочайшую» инструкцию [162]. Это весьма полезный источник для оценки результатов

---

[159] *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. / Б.Н. Миронов. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. С. 399-400.

[160] N.S. Страна бесправия (в Средней Азии) // Вечер. 1909. № 257. 24 февраля.

[161] Фонд рукописей Российской Национальной Библиотеки (СПб.) Ф. 354 (Кобеко Д.Ф.). Д. 93 - Письма Николая Федоровича Петровского, консула в Китае, Дмитрию Фомичу Кобеко (письма периода 1883-1895 гг.). Л. 4 об.

[162] Высочайшее Повеление, объявленное Министром Юстиции – Об утверждении Инструкции Сенатору, назначенному по Высочайшему Повелению к производству

указанной ревизии. А они представляются разными. Дореволюционная газета «Свет» критиковала итоги этой ревизии Туркестанского края, указывая, что на нее истратили 30 тыс. руб., кроме прочих расходов. Газета писала: «Над переселенческим вопросом граф посмеивался, говоря: «на переселение сюда русского мужика – не стоит тратить и рубля»[163]. Упоминавшийся выше критик ревизии Гирса аноним «N.S» писал на этот раз о том, что ревизия Палена с 20 ноября по 14 декабря 1908 г. проводилась практически только в Ташкенте и его окрестностях. Он отмечал, что «как и т.(*айный*) с.(*оветник*) Гирс в 1882-1883 г., граф Пален ровно через 25 лет вскрыл то же «туркестанское зло»: в крае царила настоящая вакханалия взяточничества, лихоимства и всякого рода преступлений, как система безнаказанности и безответственности власти в течение 42-летнего нашего владения Средней Азией»[164]. Советский историк Н. В. Переудина отмечала, что отчет сенатора К.К. Палена «был недостаточно глубоким и всеобъемлющим»[165].

Не жалует его ревизию и современный исследователь Т.В. Котюкова. Ссылаясь на мнение члена ревизии, князя И. С. Васильчикова, она пишет о том, что «труды ревизии мало обратили на себя внимание»[166]. Диссертант не во всем согласен с указанными мнениями о государственной проверке Туркестанского края комиссией, состоявшей всего из 26 чел. Он разделяет мнение Д.В. Васильева, который считает, что «весьма подробные сообщения его (Палена – В.Л.) комиссии стали лучшим источником для изучения Туркестана в предвоенный период»[167]. Во-первых, материалы ревизии составили около двух десятков томов. Официально они назывались: «Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой по высочайшему повелению

Ревизии Туркестанского края. 18 июня 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд.1. СПб., 1911. № 30500. С. 366-367.

[163] Туркестанские епархиальные ведомости. 1910. № 15-16. 15 августа. Часть неофициальная. С. 348.

[164] N.S. Страна бесправия (в Средней Азии) // Вечер. 1909. № 257. 24 февраля

[165] *Переудина Н.В.* Материалы сенаторской ревизии Туркестанского края 1908-1910 годов // История СССР. 1981. № 3. С. 115-116.

[166] *Котюкова Т.В.* Окраина на особом положении…Туркестан в преддверии драмы / Т.В. Котюкова. М.: Научно-политическая книга, 2016. С. 41.

[167] См.: Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 124.

сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. СПб.: Сенат. тип., 1909-1911». Далее указывалось направление проверки. Однако в привычном варианте изданные тома назывались короче[168]. Наибольший интерес вызвал отдельный том, посвященный состоянию полицейских служб в регионе[169]. Ревизия давала ему объективную оценку и предлагала полезные рекомендации по улучшению организации и деятельности полиции в Туркестанском крае. Безусловно, представляет познавательную ценность такой источник, как «всеподданнейшая» записка главы ревизии об итогах проведенной проверки мусульманской окраины Российской империи[170]. Она содержала в себе полезные сведения и мнения и о деятельности полиции в регионе. Автор полагает, что политическая и идеологическая оценка работы правительственных ревизий этого региона не должна влиять на источниковедческую полезность представленных ими сведений, которые надо использовать, осмысливая их критически с точки зрения целей и задач, поставленных в диссертационном исследовании.

Вызывают безусловный интерес материалы, относящиеся к местным полицейским установлениям властей. В диссертации отмечается наличие полицейских полномочий у туркестанских генерал-губернаторов, что подкрепляется соответствующими источниками[171]. Они свидетельствуют о том, что сфера применений указанных полномочий была весьма широка, в связи с чем они являлись действенным фактором в деятельности полицейских учреждений Русского Туркестана.

---

[168] См. напр.: *Пален К.К.* Отчет по ревизии Туркестанского края. Краевое управление. СПб., 1910; Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Областное управление. СПб., 1910; *Пален К.К.* Отчет по ревизии Туркестанского края. Уездное правление. СПб., 1910; Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Городское управление. СПб., 1910; *Пален К.К.* Отчёт по ревизии Туркестанского края. Сельское управление: Русское и туземное. СПб., 1910 и др.

[169] *Пален К.К.* Отчет по ревизии Туркестанского края. Полиция безопасности. СПБ., 1910.

[170] Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о проведенной в 1908-1909 гг. по Высочайшему Повелению Сенатором, Гофмейстером, графом Паленом К.К. Ревизии Туркестанского Края. Ч.2. Административный строй: органы краевого, областного, уездного и сельского управления. СПб., 1910.

[171] См. напр.: Сборник действующих обязательных постановлений Туркестанского Генерал-губернатора. Ташкент, 1915.

Для понимания условий деятельности краевой полиции, особенно на уездном уровне, в том числе в сельской местности, имело немалое значение знакомство с документами и материалами, относящимися к восстанию коренного населения Средней Азии в 1916 г. Познавательная ценность таких источников заключается в том, что они свидетельствуют не только о самом мятеже, но и о численности полиции в разных местах края, о ее деятельности, служебных помещениях, оснащении, вооружении и др.[172]

Важные сведения об административном и полицейском управлении в Русском Туркестане содержатся в сборнике документов, подготовленном и опубликованном российскими и узбекскими специалистами[173]. Материалы этого издания, почерпнутые преимущественно из ведущих архивохранилищ России и стран Средней Азии, оказались весьма полезными для данного диссертационного исследования.

В исследовании использовались различные мемуарные источники, однако в работе более всех представлены воспоминания выдающегося российского государственного деятеля С.Ю. Витте, который давал оценки как общему положению в стране и Туркестане, так и отдельным личностям, относящимся к этому региону[174]. По мнению диссертанта, они были во многом субъективными, но, тем не менее. весьма любопытными.

Ценными для исследования оказались и такие источники, как периодические издания, преимущественно дореволюционные российские

---

[172] См.: Восстание 1916 года в Средней Азии: Сборник документов / Под ред. П.Г. Галузо. Ташкент, 1932; Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы. М., 1937; Восстание 1916 года в Казахстане. Сборник воспоминаний и материалов. Алма-Ата, 1937; Восстание 1916 года в Туркмении. Документы и материалы. Ашхабад, 1938; Восстание 1916 года в Казахстане (документы и материалы). Алма-Ата, 1947; Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сборник документов. М., 1960; Восстание 1916 года в Кыргызстане: Сборник документов. Бишкек: КРСУ, 2011; Восстание 1916 года. Документы и материалы. Бишкек: КРСУ, 2015; Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сборник документов и материалов. М.: Марджани, 2016; Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. История в документах. Том I-II. Бишкек: КРСУ, 2015-2016 и др.

[173] Туркестан в имперской политике России: Монография в документах. М.: Кучково поле, 2016.

[174] *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1-3. М., 1960.

газеты и журналы[175]. Использовались так же сведения из мусульманской (бахчисарайской), популярной в Средней Азии газеты «Терджиман» («Переводчик»)[176]. Не менее полезными явились также соответствующие туркестанские издания[177]. Вместе с тем, сведения из них подвергались критическому анализу, с учетом идейно-политического курса их редакций. При ссылке на газеты и журналы в диссертационном исследовании, в сносках обязательно указывается место, год и номер того или иного издания.

Как отмечалось выше, исследование строилось на основе главных источников – законодательных и архивных, отдавая преимущественное значение правовым документам. Вместе с тем, архивные материалы сыграли весьма существенную роль в данной работе. Известно, что в практике деятельности царской бюрократии подготовка законодательных актов осуществлялась в процессе длительных межведомственных обсуждений, решений, согласований и т.п., что обязательно фиксировалось в соответствующих документах, направлявшихся затем в ведомственные архивы. Поэтому ракурс данного исследования придает особое значение соотношению архивных и юридических источников, так как он позволяет показать процесс прохождения полицейских законопроектов через министерства и ведомства, мнения которых имели решающее значения для их полного законодательного утверждения царской властью. Как представляется, диссертанту удалось успешно решить эту проблему в предлагаемой работе.

К исследованию были привлечены документальные источники из ведущих российских архивохранилищ[178]. Использовались материалы

---

[175] См. напр.: Московские ведомости; Москва. Газета политическая, экономическая и литературная; Новое время; Русский инвалид; Санкт-Петербургские ведомости; Вестник полиции. Еженедельный журнал с иллюстрациями и др.

[176] Терджиман. 1883-1917 гг.; см. также: См.: *Абдирашидов Зайнабидин.* Аннотированная библиография туркестанских материалов в газете «Таржуман» (1883-1917). Токио, 2011

[177] Самарканд; Туркестанская туземная газета; Туркестанские ведомости; Туркестанские епархиальные ведомости; Туркестанский курьер и др.

[178] Архив Государственного Исторического музея (АГИМ); Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив древних автор

рукописных фондов российских библиотек [179]. Применялись некоторые документы из центральных государственных архивов Казахстана (ЦГА Каз.), Кыргызстана (ЦГА Кыр.), Туркменистана (ЦГА Тур.), Узбекистана (ЦГА Узб.)[180].

Наибольшее число архивных источников было почерпнуто из фонда Азиатской части Главного штаба (№ 400) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Это закономерно, так как выше не раз отмечалось, что Русский Туркестан изначально находился в ведении военного министерства, а опекала его именно Азиатская часть, преобразованная в начале XX в. в отдел, но оставшаяся его ядром. Здесь скопилось много документов, относящихся к вопросу об управлении краем [181]. Они свидетельствуют о неоднозначном отношении царских министерств и ведомств к административным проблемам в российских областях Средней Азии, в том числе полицейским. Среди документов фонда 400 РГВИА есть немало дел, посвященных именно вопросам организации и

(РГАДА); Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Российский государственный исторический архив (РГИА)

[179] См. напр.: Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки. Ф. 169 (Милютин Д.А.); Фонд рукописей Российской Национальной библиотеки (СПб.). Ф. 874 (Архив Шубинского С.Н.). Оп. 2. Д. 140 – Рапорт Скобелева М.Д. (генерал-майора) Командующему Туркестанским Военным Округом К.П. фон Кауфману о поимке Джетым-хана от 5 октября 1876 года; Ф. 354 (Кобеко Д.Ф.). Д. 93 - Письма Николая Федоровича Петровского, консула в Китае, Дмитрию Фомичу Кобеко (письма периода 1883-1895 гг.)

[180] См.: ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 37015 - Дело о негласном полицейском надзоре (1889-1890 гг.); ЦГА Кыр. Ф. 149. Оп. 1. Д. 3 - О поднадзорных. Список лиц, состоящих под надзором полиции по Пригородному участку Андижанского уезда; там же: Ф. 154. Оп. 1. Д. 2 - Секретный, исходящий журнал участкового пристава оседлого района Ошского уезда за 1910 год; ЦГА Тур. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2859 - О выселении евреев из Закаспийской области; ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 11. Д. 1725 - Об организации управления мусульманским духовенством (1898 г.)

[181] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 370 - О рассмотрении нового проекта Положения об управлении Туркестанского генерал-губернаторства (1874-75); Д. 3361 - О проектировании генерал-лейтенантом Суботичем изменений в устройстве Туркестанского края (22 дек.1905-13 дек.1911); Д. 3959 - Дело о преобразовании управления Туркестанского края (6 января - 27 июня 1911); Д. 4734 - Временное Положение об управлении Туркестанской областью; Д. 4753 – Объяснительная записка к Временному положению о военно-народном управлении в Туркестанской области; Д. 4768 - Проект Положения о Туркестанской области по военно-народному управлению и др.

деятельности полиции в Русском Туркестане[182]. И здесь тоже наблюдается сложный процесс прохождения таких законопроектов через горнило царской бюрократии. Как правило, в их обсуждении принимало обязательное участие МВД[183]. Соперничая с военным министерством за право управлять Русским Туркестаном, оно нередко под разными предлогами старалось тормозить учреждение полицейских должностей в «военной» полиции региона. Другим непременным участником рассмотрения представлений военного ведомства было министерство финансов[184]. Оно часто задерживалось с отзывом на

---

[182] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1224 – Об учреждении должностей полицейских приставов в городах Коканде, Катта-Кургане и Самарканде. (8 марта 1888 – 5 июня 1889 г.); Д. 1657 – Об изменении и дополнении штатов полицейского управления в городах Ташкенте, Андижане, Аулиеата, Старом Маргелане, и Коканде и городских установлений в городе Ташкенте. (12 мая 1894-11 апреля 1895 г.); Д. 1798 – По вопросу об учреждении полицейского поста на Чиназской переправе. (17 января 1895 – 5 октября 1902 г.); Д. 1921 – Об учреждении новых полицейских должностей в городах Туркестанского края. (2 января 1896 – 29 января 1897 г.); Д. 2479 – Об утверждении должностей городских приставов в некоторых городах Туркестанского края. (15 сентября 1899 – 8 февраля 1903 г.); Д. 2229 – Об усилении штатов полицейских команд в городах Туркестанского края. (8 декабря 1898 г. – 8 июня 1903 г.); Д. 2896 – Об учреждении полицейского управления на острове Челекен; Д. 3147 – Об изменениях в штатах полиции в городах Туркестанского генерал-губернаторства. (17 февраля 1903 - 8 мая 1905 года); Д. 3417 – Об увеличении штата полиции в городах Аулиеата, Сыр-дарьинской области и Скобелеве (бывший Новый Маргелан) Ферганской области. (4 января 1906 – 5 декабря 1911 года); Д. 3596 – Об учреждении новой должности участкового пристава исключительно для заведывания русскими поселками Ходжентского уезда (19 сентября 1907 – 29 апреля 1908 года); Д. 3619 - Об учреждении полицейского надзора при станции «Голодная степь» Среднеазиатской железной дороги. (28 декабря 1907 – 1 июля 1911 года); Д. 3630 – Об учреждении штатов полицейских команд в городах Катта-кургане, Джизаке и Ходженте, Самаркандской области. (31 августа 1907 - 4 августа 1908 года); Д. 3680 - Об увеличении полицейских штатов в Туркестанском крае и Закаспийской области (1908-1912); Д. 3753 – Об учреждении в городе Коканде, Ферганской области самостоятельного полицейского управления в составе полицмейстера и секретаря. (30 сент. 1908 - 31 мая 1916); Д. 3897 - По вопросу о временном увеличении штата нижних полицейских служителей в городе Чимкенте, Сыр-Дарьинской области. (11 мая 1910 – 1 дек. 1910 г.); Д. 4198 – О принятии в некоторых городах Туркестанского генерал-губернаторства и Закаспийской области за счет казны половины расходов по содержанию городской полиции; Д. 4360 – Об увеличении полицейских штатов в уездах областей Туркестанского края; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4860 - О ревизии областных правлений, уездных и полицейских управлений и волостных управителей (16 ноября 1882 - 1 ноября 1883 г.) и др.

[183] См. напр.: РГИА. Ф. 1284 (Департамент общих дел МВД). Оп. 185. Д. 31 - Дело по выработке начал преобразования управления Туркестанским краем. (17 нояб.1912 – 4 сент.1913); Ф. 1291 (Земский отдел МВД). Оп. 40. Д. 539 - Дело об учреждении участковых начальников с правами земских.

[184] РГИА. Ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов). Оп. 21. Д. 230 - По сообщенному г. Военным Министром Проекту Положения об управлении Туркестанским

запросы Главного штаба и ссылалось на нехватку средств в государственной казне. Иногда оно даже «топило» полицейские законопроекты военного ведомства. Особенно это относилось к вопросам материального обеспечения туркестанских полицейских [185] . Когда же рассматривались проекты управления регионом, то в их обсуждении принимали участие и другие ведомства - министерство юстиции, путей сообщения, Государственный контроль и др.[186]. Любопытные документы в этом отношении отложились в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА), в частности, журнал комиссии 1866 г., образованной из туркестанских чиновников под председательством действительного статского советника Холодковского[187].

Эти источники позволяют установить, в каком направлении развивались идеи относительно управления Русским Туркестаном по проекту военного губернатора Туркестанской области Д.И. Романовского и министра финансов М. Х. Рейтерна. Хорошим дополнением к материалам о работе над проектами «Туркестанского положения» 1881 и 1886 гг. стали документы

краем: О назначении Члена от Министерства Финансов в комиссию для рассмотрения проекта. (31 января 1873 - 27 февраля 1875); Ф. 565 (Департамент государственного казначейства). Оп. 1. Л. 665 - Дело по проекту положения об управлении Туркестанского края (29 апр. – 30 ноября 1910 г.).

[185] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1317 – О квартирных деньгах городским полицейским приставам в Туркестанском крае; Д. 2867 – Об увеличении содержания чинам административно-полицейского управления Туркестанского края. (1902-1903 гг.); Д. 1959 – О добавочном жаловании полицейским служителям в гор. Новом Маргелане. (16 декабря 1896 – 20 февраля 1898 г.); Д. 3669 – По вопросу: могут ли быть относимы на городские средства расходы на выдачу разъездных денег городским полицейским приставам (9 марта 1900 – 26 янв. 1915 г.); Д. 3849 – О форме обмундирования чинов, служащих по административно-полицейскому управлению в Туркестанском крае (14 окт. 1909 - 20 авг. 1910) и др.

[186] См. напр.: РГИА. Ф. 37 (Горный департамент). Оп. 53. Д. 815 – С Проектом Положения об управлении Турке ского края. (3 ноября 1871 – 17 марта 1872 года); Ф. 37. Оп. 48. Д. 827 – Дело о преобразовании управления Туркестанского края. *Горный департамент был вначале структурой Министерства финансов, позже передан в Министерство государственных имуществ, в конце октября 1905 г. стал подразделением Министерства торговли и промышленности* – В.Л.

[187] См.: РГАДА. Ф. 1385 (Остен –Сакен Ф.Р., барон). Оп. 1. Д. 680 - Журнал Комиссии, учрежденной в Ташкенте, Главным начальником Оренбургского края для составления Положения об устройстве Туркестанской области в гражданском отношении. (12 сентября - 3 октября 1866 г.); Д. 689 - Журнал Комиссии, учрежденной Министерством Финансов для рассмотрения Проекта Положения об управлении Туркестанским краем (1873-1874).

Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) [188] . Особенно полезными они оказались для понимания сущности процесса подготовки комиссией Н.П. Игнатьева проекта «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г., столкновения мнений и интересов разных ведомств по этому поводу. Сыграли свою роль в том же отношении источники из Архива Государственного Исторического музея[189]. Они тоже содержат полезные сведения об административном и полицейском управлении регионом.

Обзор источников свидетельствует о том, что в своем сочетании они создают основу для проведения данного диссертационного исследования. Законодательные и архивные документы, рассматриваемые в тематическом единстве, позволили заполнить лакуны, оставленные во множестве историографией проблемы. Есть все основания утверждать, что они сыграли основную роль в осуществлении диссертационного исследования, позволили воссоздать целостное представление о том, как происходила организация и деятельность имперской полиции в Средней Азии.

1.3. Методологические основы исследования

Методологические проблемы исторических исследований приобретают сегодня особую значимость. В советский период все было проще, поскольку господствовали принципы марксистско-ленинской методологии научного

---

[188] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1758 - Объяснительная записка к Проекту Положения об управлении Туркестанском генерал-губернаторстве, составленная Колпаковским, Абрамовым и др. (1881 г.); Д. 1759 – Отношение военного министра П. Ванновского и начальника Главного штаба Н.П. Игнатьеву с сообщением о назначении его Председателем Комиссии для выработки нового Положения об управлении Туркестанским краем и об утверждении состава этой комиссии. (27 января – 17 февраля 1884 года); Д. 1761 – Протоколы заседаний и журнал комиссии по выработке Положения об управлении Туркестанским краем. (23 февраля - 8мая 1884 г.); Д. 1769 - Объяснительная записка к проекту Положения об управлении Туркестанским краем, составленная ревизовавшим Туркестанский край Гирсом.

[189] См. напр.: АГИМ. Ф. 208 (Черняев Михаил Григорьевич). Оп. 1. Д. 11 - Проект Положения об управлении Туркестанским краем; Ф. 307 (Гродеков Николай Иванович). Оп. 1. Д. 43 - Доклады, циркуляры, прошения жителей и другие документы по делу управления Средней Азией (1875-1892 гг.)

познания. После краха СССР и коммунистической идеологии многие отечественные историки впали в известную оторопь, утратив привычные ориентиры анализа общественных процессов. С другой стороны, по мнению историка В.С. Хана, в постсоветский период «произошел отказ от многих советских идеологем» [190] . Появились новые идеи и методологические подходы. Однако они не обогатили существенным образом теорию обществоведческих наук.

С некоторым скепсисом относятся к состоянию методологии современной отечественной исторической науки авторитетные специалисты из Института всеобщей истории РАН [191] . По мнению историка Б.Н. Миронова, «единая методология научного исследования уходит в прошлое»[192]. Востоковед А.К. Аликберов полагает, что «крах марксистской идеологии и методологии истории в постсоветских странах становится все более очевидным» [193] . Это о странах региона, история которого здесь рассматривается. Узбекский специалист Ш.Б. Мухамедов отмечал, что национальные историки в постсоветской «Центральной Азии» «имеют полное право освещать историческое прошлое своих стран без оглядки на «корифеев» разных стран мирового сообщества» [194] . Некоторые историки призывают отказываться от «диктатуры метода» (Имре Лакотош) и встать на путь «методологической анархии» (Пол Фейерабенд). По мнению авторитетных востоковедов, такого рода позиции в науке бесперспективны, поскольку «подчинение содержания работы общим методологическим принципам является признаком академического труда» [195] . Советский

---

[190] Новейшая история Центральной Азии. Проблемы теории и методологии. Отв. ред. и составители А.К. Аликберов, М.А. Рахимов. М.: ИВ РАН, 2018. С. 42.
[191] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. Ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 5-10.
[192] Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. / Б.Н. Миронов. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. С. 25.
[193] Новейшая история Центральной Азии. Проблемы теории и методологии. Отв. ред. и составители А.К. Аликберов, М.А. Рахимов. М.: ИВ РАН, 2018. С. 13.
[194] Там же. С. 118.
[195] Новейшая история Центральной Азии. Проблемы теории и методологии. Отв. ред. и составители А.К. Аликберов, М.А. Рахимов. М.: ИВ РАН, 2018. С. 8.

методолог К. В. Гусев справедливо отмечал: «Методология истории – это не абстрактные теоретические конструкции, а мировоззрение»[196]. Диссертант убежден в том, что без методологических установок любое научное исследование рассыпается, как лишенный станового хребта скелет.

По мнению историка Н.Г. Георгиевой, «Методология – это принципы и методы научного познания, это форма, направление и путь, по которому движется исследователь»[197]. Она указывает на то, что в историческом исследовании надо придерживаться таких основополагающих методов, как: историзм, диалектика и объективность, отмечая при этом, что «особенно важно сочетание трех указанных принципиальных положений»[198]. Историк утверждает, что «методологию исторических исследований характеризуют три особенности исторического познания: ретроспективность, репрезентативность и реконструктивность[199]. По ее мнению, «ретроспективный взгляд порождает *две особые трудности*: архаизацию, или, наоборот, модернизацию истории»[200]. (Курс. авт.) При этом под «архаизацией» она понимает «застревание» в источниках, погружение в прошлое через них. А под «модернизацией» - рассмотрение прошлого с позиций настоящего, то есть его осовременивание.

Востоковеды Т. Кунце, А.К. Аликберов, М.А. Рахимов утверждали, что крах коммунистической идеологии в СССР всколыхнул европейскую мысль. Между тем, позднее они стали признавать, что «марксистская теория истории может быть еще востребована в XXI в.»[201]. Сегодня представляется очевидным, что попытки антикоммунистов вытравить ее из методологии научного познания потерпели провал. М. Вебер еще в начале XX в. говорил

---

[196] *Гусев К.В.* Исторический факт и проблема истинности в исторической науке // Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1986. С. 137.
[197] *Георгиева Н.Г.* Методология исторического исследования и особенности исторического познания // Человек и общество в истории российской цивилизации. Материалы научно-практической конференции. М., РУДН, 2004. С. 119.
[198] Там же. С. 123-124.
[199] Там же. С. 124.
[200] Там же. С. 126.
[201] Введение // Новейшая история Центральной Азии. Проблемы теории и методологии. Отв. ред. и составители А.К. Аликберов, М.А. Рахимов. М.: ИВ РАН, 2018. С. 6.

об огромном значении марксизма для его научной работы. Английский историк Дж. Тош в книге: «Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка» (М., 2000) писал о том, что «нынешнее враждебное отношение, как бы велико оно ни было, не изменит того факта, что *марксизм оказал совершенно беспрецедентное воздействие на историческую науку и в качественном, и в количественном смысле. Эта теория не имеет равных по широте охвата и уровню научной проработки.* Пока историки признают необходимость теории, *они будут обращаться к марксистской традиции*». (Курс. – В.Л.)

Это выглядит тем более очевидным, что «метафизики» атакуют в марксизме прежде всего его ядро – диалектику, забывая о том, что как мировоззрение она зародилась еще в древности и крепла во всей последующей истории человечества, утвердившись в учении Г.Ф.В. Гегеля. Великий русский критик, гегельянец В.Г. Белинский писал: «В движении исторических событий, кроме внешней причинности, есть еще и внутренняя необходимость, дающая им глубокий внутренний смысл: само движение событий есть ни что иное как движение из себя самой и в себе самой диалектически развивающейся идеи. И потому в общем ходе истории, в итоге исторических событий, нет случайностей и произвола, но все носит на себе отпечаток необходимости и разумности. Такой взгляд на историю далек от всякого фатализма: он допускает и произвол, и случайность, без которых жизнь была бы механически несвободна» [202] . Основоположник народнической теории А.И. Герцен уутверждал, что «последовательно оглядываясь, мы смотрим на прошедшее всякий раз иначе: всякий раз разглядываем в нем новую сторону, всякий раз прибавляем к уразумению его весь опыт вновь пройденного нами пути»[203].

В результате кризиса господствующего в советской исторической науке марксистского учения в среде ученых обнаружилась методологическая

---

[202] *Белинский В.Г.* История Малороссии Николая Маркевича. Москва, 1842. Четыре тома // Собрание сочинений в 9 томах. Т. 5. М., 1979. С. 231.
[203] *Герцен А.И.* Сочинения в 30 томах. Т. III. М., 1954. С. 45.

растерянность. Некоторые историки встали на рельсы ранее порицаемых методологий - синергетической, постмодернистской, конструктивистской, теории континуитета и др. Однако наиболее жаркая дискуссия возникла между сторонниками «формационного» и «цивилизационного» подходов. Видный российский правовед О. И. Чистяков писал о том, что на смену «формационному» методу пришел «цивилизационный», при котором «общества и государства характеризуются по внешним признакам культуры, порой трудноуловимым … очевидно, что такое новшество мало что дает науке»[204]. Он же отмечал, что «формация» и «цивилизация» не столько антагонистические категории, сколько взаимодополняющие категории. Во всяком случае, кажется, второй нельзя заменить полностью первую»[205].

Формационный подход считали продолжением марксистского диалектического метода и называли его ретроградным. Полтора десятилетия назад историки Ш.М. Мунчаев и В.М. Устинов, например, писали: «В настоящее время формационный подход использует меньшая часть историков. Большая часть историков предпочитает цивилизационный подход, название которого идет от понятия «цивилизация»[206]. Что касается рассматриваемого здесь Русского Туркестана, то исследователь Т. Панфилова отмечала, что «использование «цивилизационного» подхода применительно к странам Востока настраивает историка на то, чтобы рассматривать интересующий его регион как совершенно самостоятельный на протяжении всей истории. В результате легко упустить из виду, что внешнее воздействие может превратиться во внутренний и существенный фактор развития общества»[207]. Автор избег такого методологического соблазна, во-первых, из-за приверженности к чисто диалектическому методу,

---

[204] *Чистяков О.И.* Введение в историко-правовые науки // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1996. № 4. С. 6.

[205] *Чистяков О.И.* О социальной ценности историко-правовых наук. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1995, № 6. С. 11.

[206] *Мунчаев Ш.М., Устинов В.М.* История России. Учебник для вузов. М., 2008. С. 6.

[207] *Панфилова Т.* Формационный и «цивилизационный» подходы: возможности и ограниченность // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 92.

а, во-вторых, не признавая Среднюю Азию «совершенно самостоятельной» в истории мира.

В течение дискуссионного периода было сломано не одно теоретическое копье, пока участники спора не убедились в его научной бесплодности. Авторитетный специалист И.Н. Яблоков считает, что «формационный и цивилизационный подходы не противостоят друг другу. Предмет и сфера применения формационной теории – история, как объективный процесс, независимый от сознания и воли людей, результат их деятельности, выявления сущностных оснований истории. Предмет и сфера применения цивилизационного подхода – история как процесс жизнедеятельности людей, наделенных сознанием и волей, ориентированных на определенные ценности, специфические для данного культурного ареала; цивилизационный подход раскрывает те формы, в которых история стран и народов предстает взору исследования.

Формационный анализ – это срез истории «по вертикали», он раскрывает движение человечества от изначальных простых (низших) форм к ступеням все более сложным, развитым.

Цивилизационный подход имеет в виду анализ истории «по горизонтали», то есть анализ уникальных неповторимых образований, существующих в историческом пространстве-времени»[208].

Б.Н. Миронов отмечает вклад в развитие цивилизационной концепции Н.Я. Данилевского, А.Г. Шпенглера, А. Тойнби, Л.Н. Гумилева и др. Однако, по его мнению, цивилизационная концепция стала модной незаслуженно и «едва не превратилась в парадигму российского обществознания… в ущерб другим подходам»[209]. Диссертант убежден в том, что только с позиций универсального диалектического метода можно действительно эффективно

[208] История религии. В 2 т. Т. 1. Учебник / В.В. Винокуров, А.П. Забияко, З.Г. Лапина и др. Под общей ред. И.Н. Яблокова. М.: Высшая школа, 2002. С. 12.
[209] *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. / Б.Н. Миронов. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. С. 47.

проникать в сущность всех без исключения исторических событий и явлений как «формационных», так и «цивилизационных».

В последнее время, признавая крах постмодернизма, историки стали возвращаться в русло диалектического метода. По мнению В.П. Кохановского, «*Диалектизация науки* как ее важнейшая закономерность означает все более широкое внедрение во все сферы научного познания идеи развития (а значит, и времени). Причем, именно во все науки, а не только в так называемые «исторические науки», … процесса диалектизации современной науки нельзя не заметить или обойти его стороной»[210]. (Курс. авт.)

Как бы там ни было, но в методологических исканиях постсоветского периода историки, действительно, образно выражаясь, едва не выплеснули из корыта вместе с водой ребенка – диалектику. Ведущие отечественные методологи определяют диалектический подход, как способ научного познания, основанный на использовании принципов диалектики – ее универсальных законов и категорий, как признание закономерного развития мира и его процессов, явлений, событий и т.д.[211]. Диссертант уверен, что анализ любых явлений всемирно-исторического процесса становится действительно плодотворным лишь в том случае, когда они рассматриваются с учетом как универсальных законов диалектики, так и всех присущих ей категорий. Поэтому данное исследование строилось именно на таком основании. Например, анализ правовых актов проводился с учетом закона единства и борьбы противоположностей, так как в них сочетались принципы общего и особого «учреждений» управления в Российской империи, которые составляли, при своих противоречиях, органическую целостность в своем применении. Это касалось анализа как «Туркестанских положений» 1867 и 1886 гг., так и всех иных законодательных установлений, а равно архивных и опубликованных документов. При этом применялись диалектические

---

[210] *Кохановский В.П.* Философия и методология науки: Учебник для высших учебных заведений. Ростов н/Д.: «Феникс», 1999. С. 105, 106.

[211] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 89.

категории «*общего*», «*единичного*» и «*особенного*», где в качестве первого выступает имперское право, второго – Русский Туркестан, третьего – региональная полиция. При этом, правильно отражая соотношение общего и особенного, научный историзм способствует познанию закономерностей общественной жизни. Вместе с тем, «значение общего противоречиво, оно нечисто, неполно… но оно только и есть ступень к познанию конкретного»[212]. *Общее* может проявлять себя только в «*единичном*» и «*особенном*», то есть в данном случае в России, вообще, и в Русском Туркестане, в частности.

Закон перехода количества в качество проявлялся в том, что, несмотря на все трудности, численный рост полицейских кадров в крае влиял на эффективность их работы, что отражалось, в частности, в привлечении мусульман к государственной службе в полиции. Естественно, что в процессе организации и деятельности туркестанской полиции находил отражение и диалектический закон отрицания отрицания, когда с общим развитием региона вырождались одни принципы и заменялись другими – более современными и эффективными[213]. К. Маркс писал: «Историческое развитие покоится вообще на том, что новейшая форма рассматривает предыдущие как ступени самой себя»[214]. Это происходило, например, при отказе в привлечении воинских подразделений к полицейской службе, или при учреждении должностей полицмейстеров в ряде городов Русского Туркестана. Однако, как указывал Гегель, полного отрицания не было и, в качестве «съема», наиболее полезное старое переходило в новые формы существования. Так, отрицая установления о полиции в Проекте 1867 г., «Туркестанское положение» 1886 г. сохраняло успешные нормы ее организации и деятельности в прошлом – например, единое уездное

---

[212] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд.4-е. Т. 29. С. 252.
[213] Гегель характеризовал это формулой: «тезис – антитезис – синтез» – В.Л.
[214] *К. Маркс.* Метод политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 12. М. 1958. С. 732.

административное и полицейское управление, институт участковых приставов, городские полицейские аксакальства и др.

В процессе проведения исследования учитывались различные категории диалектики. Об *общем, единичном* и *особенном* автор писал выше. Обратимся, например, к категории *необходимости* и *случайности*. Ташкентский историк В.А. Иванов, ссылаясь на мнение англичанина Дж.Р. Сили, высказанное на рубеже XIX-XX вв.), пишет о том, что «история все-таки имеет сослагательное наклонение»[215]. По его мнению, «включение Средней Азии в состав Российской империи, будучи событием, безусловно, грандиозным по своим масштабам, не было подчинено роковой необходимости, но был возможен иной характер межцивилизационного взаимодействия»[216].

Как известно один из важнейших тезисов гегелевской философии гласил: «все действительное разумно, все разумное действительно». Но «действительным Гегель называл не все то, что существует, а лишь наиболее важное, существенное, исторически необходимое»[217]. Присоединение Средней Азии к России было исторической необходимостью, а случайность, как отмечал Ф. Энгельс, была «дополнением и формой проявления необходимости»[218]. То есть она не находилась в противоречии с необходимостью. Все прочие категории диалектики – причина и следствие, форма и содержание, возможное и реальное, сущность и явление и др. были также задействованы в исследовании, что подтверждается его содержанием.

---

[215] *Иванов В.А.* «Россия-Средняя Азия» и роль фактора случайности в истории их взаимоотношений // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сб. материалов. Ташкент, 2008. С. 69.

[216] Там же.

[217] Краткий очерк истории философии. Под ред. М.Т. Иовчука, Т.И. Ойзермана, И.Я. Щипанова. Третье издание. М.: «Мысль», 1975. С. 275.

[218] См.: Энгельс – В. Боргиусу в Бреславль из Лондона. 25 января 1894 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 39. М.: Политиздат, 1966. С. 175.

Например, причинно-следственные связи рассматриваются в работе на основе метода *исторического детерминизма*[219].

Наиболее ярко и продуктивно значение диалектического подхода проявилось в обращении к теории модернизации, которая стала методологической основой исследования истории становления и деятельности имперской полиции России в Средней Азии. Именно она позволила выявить и проанализировать основное противоречие предмета исследования: с одной стороны, полиция выступала как инструмент прогресса, внося в жизнь традиционного общества современные правовые нормы и практики, а с другой, стремясь к сохранению порядка и стабильности в присоединенном регионе, поддерживала местную элиту и патриархальные устои, консервируя тем самым его основы.

Использование социокультурного подхода дало возможность рассмотреть роль полиции как феномена, олицетворяющего имперский императив в Средней Азии. Представляя собой своеобразный социокультурный организм, полиция, действующая в инокультурной общественной среде и вынужденная учитывать ее религиозную и психоэмоциональную специфику, пыталась нивелировать национальные различия ради достижения правового и политического единообразия.

Важнейший элемент любого исторического исследования составляют принципы научного познания, такие как: историзм, целостность, ценностное отношение, научная объективность, социальный подход, альтернативность.

Ф. Энгельс писал в «Антидюринге» о том, что «принципы - не исходный пункт исследования, а его заключительный результат». Он отмечал, что «не природа и человечество сообразуется с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют

[219] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. Ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 88.

природе и истории»[220]. Из указанных принципов в научном исследовании прошлого основным представляется *историзм,* который рассматривает все явления в тесной связи с реальностью, их породившей, выясняет этапы развития, а также общие и специфические закономерности социального процесса. Одна из главных его особенностей состояла в прочной увязке интереса к современности с интересом к прошлому. Приверженцы историзма изучали историю в развитии, предупреждая об опасности, грозящей тем, кто повернется спиной к прошлому…»[221].

Автор использовал принцип историзма именно для того, чтобы, как отмечалось выше, показать развитие всех событий и явлений в Российской империи и Туркестане в тесной связи с реальностью, в них существовавшей, выяснить этапы их эволюции, закономерности происходящих в них процессов. Все это имеет отношение и к принципу *целостности*, который рассматривает прошлое как целостную систему, устойчивые связи и постоянство явлений в ней. В известной мере, он противостоит принципу историзма, направленному на постижение уникальных явлений прошлого в их развитии. Однако диссертант не считает, что это является препятствием для исследования, полагая, что синтез принципов *историзма* и *целостности* помогает понять суть развития изучаемой проблемы в рамках целостного в административно-полицейском отношении региона, составлявшего часть другой «*целостности*» – Российской империи.

В исследовании применялся принцип *ценностного подхода*, причем, более в *историко-аксиологическом* аспекте, то есть с позиций учета ценностей рассматриваемого прошлого в политико-правовом отношении. Вряд ли можно усомниться в том, что имперское законодательство, вообще, и в Русском Туркестане, в частности, устанавливало нужные ему общественные ценности, на которые все были обязаны ориентироваться в своей жизни, даже не желая того. На том же строится в работе

---

[220] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинение. Изд. 2-е. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. С. 34.
[221] *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. М.: «Языки русской культуры», 1997. С. 628, 633.

приверженность принципу *научной объективности*, который является установкой «на *научность исследования* и *истинность исторического знания*, адекватного объективной *исторической действительности*» [222] . (Курс. авт.) При этом осуществлялся принцип *социального подхода*, учитывающий поведенческие мотивы разных страт населения Русского Туркестана.

В данной диссертационной работе, как отмечалось, использовались самые различные методы: всеобщие (диалектический или метафизический), общенаучные (основные) и специальные исторические.

К основным методам относятся: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный и др.

Применялись разные подходы. Диссертант считает, что в теории исторического познания подходы близки к методам. Б. Н. Миронов пишет: «Подход – совокупность приемов, способов и методов, используемых в изучении исторических явлений и процессов, которые обуславливаются теорией или концепцией, разделяемой исследователем»[223]. Он считает, что к подходу близко слово «схема» [224] . По мнению диссертанта, подходы определяют основной путь решения задач научного исследования, то есть его стратегию. В современной исторической науке применяются такие подходы: эволюционный, системный, структурно-функциональный, цивилизационный и др.

Важную роль в работе сыграл историко-географический подход. По словам исследователя С.Е. Гржейшака, «учет регионального фактора является обязательным условием добросовестного исследования»[225].

Представляется очевидным, что природно-климатические условия Средней Азии оказывали серьезное влияние как на сам процесс ее присоединения к России, так и на административное и полицейское

---

[222] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. Ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 347-348.
[223] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 33.
[224] Там же.
[225] Государственное управление: исторические аспекты. М., 1997. С. 157.

управление Туркестаном. В работе, например, обращается внимание на то, что засушливость региона облегчала использование путей сообщения, теплый климат снижал затраты на форменную одежду, отопление служебных и иных помещений, обогащал рацион питания людей и т.д.

Синхронный метод позволяет установить временную связь рассматриваемого региона с Центральной Россией, Сибирью, Казахстаном, Кавказом и др. Это близко граничит с применением сравнительно-исторического (компаративного) метода. Его использование позволяет более ясно увидеть проблемы полиции в Русском Туркестане на фоне как ее общегосударственного положения, так и в сравнении с другими окраинами Российской империи. В итоге, историко-сравнительный метод дал возможность выявить и рассмотреть общие и особенные черты в становлении и деятельности полиции в Туркестане. Кроме того, использование сравнительного метода позволило провести сопоставление историографии темы, выявить специфику исследований, проводившихся в различные эпохи и в различных регионах.

Диссертант полагает, что ему удалось создать некий методологический алгоритм, использование которого помогло поставить и решить комплексную научную проблему истории деятельности имперской полиции в Русском Туркестане.

***

Таким образом, материал главы свидетельствует о том, что избранная тема диссертации не получила специального комплексного освещения. Во многом это вызывалось сложностью и, в определенной степени, закрытостью темы. В дореволюционные период историки обходили ее, считая политически «деликатной» и не получая доступа к источникам информации.

Ранняя советская историография объявляла царскую Россию «наибольшим злом» в истории народов Средней Азии, а ее полицию –

главным карательным орудием в их угнетении. Однако, со временем эта концепция была подвергнута критике и сменилась утверждением о том, что пришествие России в Туркестан было меньшим злом, по сравнению с возможным захватом региона британскими империалистами.

В послевоенный период историки-«пропагандисты» стали писать о добровольном присоединении народов Средней Азии к Российской империи, что отчасти, действительно, имело место в их прошлом. Но отношение советской историографии к царской полиции в регионе оставалось прежним – она выступала как орудие угнетения и подавления освободительной борьбы трудящихся масс против самодержавия в союзе с российским пролетариатом. Постсоветская историография проблемы разделилась по политико-географическому признаку. Российские исследователи стали признавать позитивную роль имперской полиции в целом в стране, однако о Туркестане в этом отношении они писали мало. Зато националистически настроенные историки стран «Центральной Азии» охотно клеймят царскую полицию, как главную опору российского «колониализма» в регионе. В итоге, за истекшие полтора века как отечественная, так и зарубежная историография не создала действительно объективной и подлинно научной картины истории полиции в регионе.

Однако ситуация не осталась безнадежной, поскольку существует комплекс ценнейших источников, позволивших компенсировать историографические пробелы. Важнейшими из них явились законодательные акты об организации и деятельности полиции как во всей России, так и преимущественно в областях Средней Азии, находившихся под юрисдикцией имперской власти. Они касались не только правовых основ ее функционирования в Русском Туркестане, но и формирования полицейских кадров, а также их материального обеспечения. Выяснилось, что чины региональной полиции рекрутировались из армейской среды, гражданского «классного» чиновничества и наемных служащих. Оплата их труда,

обеспечение жильем, форменной одеждой устанавливалась правовыми актами.

Законодательным образом определялись их пенсионные права, служебные льготы и преимущества. Вместе с тем, оказалось недостаточным установить юридическую сторону проблемы, поскольку для исследования представило интерес то, каким образом происходило составление, рассмотрение и утверждение законодательных документов об организации и и деятельности полиции в Русском Туркестане. Поэтому к изучению были привлечены архивные документы, которые позволили в полной мере реконструировать и проанализировать этот процесс. Представляется очевидным, что без использования архивных источников исследование не смогло бы состояться. Вспомогательную роль сыграли публикации документов, соответствующих его теме, а также сведения, почерпнутые из периодических общероссийских и туркестанских изданий.

Методологическую основу диссертационного исследования составляет диалектический подход, использование которого позволило раскрыть эвристический потенциал теории модернизации. Только при помощи категорий диалектики, использования социокультурного подхода и специальных методов исследования диссертант смог решить поставленную проблему.

ГЛАВА 2. ПОЛИЦИЯ В РОССИИ И ТУРКЕСТАНЕ ДО И ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К ЦАРСКОЙ ИМПЕРИИ

Из содержания предшествующей главы следует, что любое историческое событие или явление лучше всего познается в сравнении. Поэтому компаративный метод считается одним из важнейших и наиболее употребительных в научных исследованиях. Более всего он согласуется с диалектическими категориями «общего», «единичного» и «особенного».

Вряд ли можно усомниться в том, что большинство институтов общественного развития, не исключая полицию, изначально и повсеместно формировались в зависимости от специфики конкретных условий жизни людей и потому носили региональный характер. Разное бытие порождало столь же разные проявления их сознательной деятельности. Значительную роль в этом играли религиозные установления. Поэтому, например, восточные модели организации и работы полиции существенным образом отличались от западных. Эта проблема нуждается в соответствующем изъяснении в данном исследовании. Поэтому диссертант обратился к характеристике полиции в среднеазиатских ханствах до прихода России в туркестанский регион, поскольку в последующем ее местные традиционные подразделения были сохранены и поставлены под контроль царской власти, становясь звеном в системе администрации края. Кроме того, автор излагает принципы организации и деятельности российской полиции ко времени присоединения Средней Азии к Российской империи.

Исследователь считает такой подход необходимым потому, что, во-первых, при всех очевидных региональных различиях и особенностях это, тем не менее, помогает установить схожесть их государственных функций, а, во-вторых, позволяет отделить полицию, подчиненную МВД, от ее туркестанского аналога, находившегося в ведении военного министерства.

Выяснению всех вышеуказанных обстоятельств посвящена данная глава диссертационного исследования.

2.1. Полиция в царской России: общее и особенное

Российская полиция, как общественно-исторический институт имеет весьма глубокое прошлое. В Древнерусском государстве, как и во времена потестарной [226] «военной демократии», полиция не отделялась от общей администрации и подчинялась князю, а ее функции исполняли его дружинники. В период феодальной раздробленности в русских землях такая система сохранялась, за исключением Пскова и Новгорода, где было развито самоуправление, а в качестве полицейского округа выступали, так называемые «сотни». Слитность в те времена общей администрации и полиции составила основу, так называемого «военно-народного управления». Такая административная модель сохранялась во время монголо-татарского ига, а равно и в последующем. Со времен Московского царства основные полицейские силы на местах составляли «*старинные сельские полицейские органы – сотские и десятские, избиравшиеся на крестьянских сходах*. Они утверждались и приводились к присяге воеводой» [227] . (Курс. авт.) Исследователи из РУДН В. Еремян и М. Федоров отмечают, что «губное управление образовало сложную сеть различных полицейских органов»[228].

В доимперский период полицейские учреждения в Русском государстве действовали на основании царских указов, а с принятием «Соборного Уложения» 1649 г. – соответствующих его установлений [229] . Периодически в полицейские обязанности вносились коррективы. Так, например, в марте 1686 г. царевна Софья вместе с соправителями – царевичами Иваном и Петром издала закон о новых задачах городской полиции[230]. Воцарившись, Петр I не забывал о последней, а для управления на местах давал каждому назначаемому им воеводе свои «наказы», которые

---

[226] Догосударственной – В.Л.
[227] *Еремян В.В., Федоров М.В.* История местного самоуправления в России (XII – начало XX в.): Учеб. пособие. М.: РУДН, 1999. С. 153.
[228] Там же. С. 91.
[229] Соборное Уложение. 29 января 1649 года // ПСЗРИ-1. Т. 1. СПб., 1830. № 1. С.1-169.
[230] Статьи объезжим Головам. 19 марта 1686 года // ПСЗРИ-1. Т. 1. СПб., 1830. № 1181. С. 760-766.

содержали в себе непременно и установления полицейского характера[231]. Его преемники на престоле тоже не забывали о полицейских делах, учреждали соответствующие команды, но их деятельность на этом поприще была лишена единого правительственного замысла. Существовали различия полицейского управления в городах и весях. Таким образом, Российская империя считалась «единым и неделимым» государством, однако, в стране отсутствовала четкая и однообразная административная система. Это поняла императрица Екатерина II и в 1775 г. провела губернскую реформу, которая унифицировала принципы государственного управления[232]. На их основе позже был сформулирован генеральный административный документ – «Общее губернское учреждение». Оно зиждилось не только на положениях указанной реформы, но и актов, изданных в последующем. В частности, в документ включались нормы «Устава благочиния» 1782 г., который регулировал деятельность полиции в городах[233].

В первом издании «Свода законов Российской империи» «Общее губернское учреждение» указывало: «Российская империя, в отношении к порядку ее управления, состоит: I. Из губерний по *Общему учреждению* управляемых. II. Из губерний, областей и земель, по *Особым учреждениям* управляемых»[234]. (Курс. наш – В.Л.) В начале 1830-х гг. по «Общему учреждению» управлялись 42 губернии и одна область. Все они относились к

---

[231] См. напр.: Наказ князю Волконскому, назначенному в город Чернигов воеводой – Об управлении казенными земскими и военными делами. 8 февраля 1696 года // ПСЗРИ-1. Т. 3. СПб., 1830. № 1540. С. 226-234; Наказные статьи Нерчинским воеводам – Об управлении земскими и военными делами. 18 февраля 1696 года // ПСЗРИ-1. Т. 3. СПб., 1830. № 1542. С. 235-254; Наказ Окольничему князю Волконскому, определенному в Терек воеводой. 14 мая 1697 года // ПСЗРИ-1. Т. 3. СПб., 1830. № 1585. С. 307-322; Наказ ближнему боярину, князю Черкасскому, назначенному в Тобольск воеводой – Об управлении казенными, земскими и военными делами. 1 сентября 1697 года // ПСЗРИ-1. Т. 3. СПб., 1830. № 1594. С. 335-375; Наказные статьи в Сибирь, Тюменскому воеводе, стольнику Тухачевскому. 16 января 1699 года. // ПСЗРИ-1. Т. 3. СПб., 1830. № 1670. С. 532-595 и др.

[232] См.: Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи. Части первая и вторая. 7 ноября 1775 года // ПСЗРИ-1. Т.20. СПб., 1830. № 14392. С. 229-304.

[233] Устав благочиния или полицейский. 8 апреля 1782 года // ПСЗРИ-1. Т. 21. СПб., 1830. № 15379. С. 461-488.

[234] Общее губернское учреждение // Свод законов Российской империи. Т.2. СПб., 1833. С. 1.

Европейской части России. В то же время по «Особому учреждению» управлялись «Остзейские» (прибалтийские) губернии, сибирские губернии и области, Закавказский край, Армянская область, Бессарабская область, мусульманские провинции Азербайджана, земли казачьих войск, территории кочевых «инородцев» и др. Кроме того, «особое» управление устанавливалось в некоторых городах - Одессе, Херсонской губ.; в Таганроге – Екатеринославской губернии; в Керчь-Ениколе – Таврической губернии; в Измаиле – Бессарабской губернии. В последнем издании «Свода законов» отмечалось, что «Общее учреждение» распространялось на 49 европейских губерний страны, а «Особое» - на 10 губерний Царства Польского, 5 губерний, 4 области и 2 округа Кавказского края, 4 «степных» области (Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская и Уральская), 2 губернии и 2 области Иркутского генерал-губернаторства, 4 области Приамурского генерал-губернаторства, Тобольскую и Томскую губернии, 5 областей Туркестанского генерал-губернаторства, а также «племена разных инородцев»[235]. На наш взгляд, сочетание «общего» и «особого» видов административного управления в царской России расшатывало устои «единой и неделимой» империи и содержало в себе зачатки будущей федерализации страны в советский и современный периоды.

Было бы ошибочным полагать, что управление по «Общему» и «Особому» учреждениям осуществлялось независимо друг от друга. Закон указывал: «Общее губернское учреждение не распространяется на сии особые губернии, области, округи, земли и города в тех *лишь случаях, на кои в их местных учреждениях, уставах и законах, или же в особых о них постановлениях, содержатся изъятия или ограничения сего Учреждения*»[236]. (Курс. – В.Л.) Из этого следовало, что, при составлении «особых» актов об управлении отдельными частями Российской империи, законодатель

[235] Общее учреждение губернское. Издание 1892 года // Свод законов Российской империи. Т. II. СПб., 1912. С. 1.
[236] Общее губернское учреждение // Свод законов Российской империи. Т.2. СПб., 1857. С. 2.

обязательно должен был учитывать, прежде всего, установления «Общего губернского учреждения». Это имело самое непосредственное отношение и к такому важнейшему институту государственной власти, как полиция, что нашло отражение при подготовке законодательных актов по управлению рассматриваемым здесь Русским Туркестаном.

В начале XIX в. «Общее губернское учреждение» претерпело изменения, поскольку осенью 1802 г. император Александр I учредил в стране новые государственные ведомства – министерства[237]. Их было 8, в том числе и министерство внутренних дел. В понимании современного человека МВД ассоциируется, в основном, с полицейской деятельностью. Однако в дореволюционном прошлом все было иначе. Объем полномочий МВД, действительно, был самым обширным, но его полицейские функции появились не сразу. Так, § 10 царского манифеста об «Общем учреждении министерств» от 25 июня 1811 г. гласил: «Главный предмет министерства внутренних дел есть попечение о распространении и поощрении земледелия и промышленности. Посему к Министерству сему принадлежат дела о поощрении земледелия, колонии, внутренние переселения и разные ветви хозяйства, фабрики, внутренняя торговля, почты и публичные здания»[238]. При этом полиция не упоминалась, поскольку министерство, ведающее ее делами, было учреждено царским манифестом в тот же день[239]. Император Александр I явно следовал примеру наполеоновской Франции, где министерство полиции было отделено от МВД. Однако опыт оказался неудачным – в буржуазной империи Бонапарта были иные социальные отношения, нежели в крепостнической полуфеодальной России. Исследователь П. Л. Яцентюк пишет: «Что касается Министерства полиции, то оно просуществовало недолго. В его состав вошли департаменты полиции хозяйственной и полиции исполнительной, а также Медицинский

[237] Манифест – Об учреждении Министерств. 8 сентября 1802 года. // ПСЗРИ-1. Т. 27. СПб., 1830. № 20406. С. 243-248.
[238] Манифест – Общее учреждение Министерств. 25 июня 1811 года // ПСЗРИ-1. Т. 31. СПб., 1830. № 24686. С. 687.
[239] Там же. С. 719-728.

департамент. Собственно полицией как органом охраны общественного порядка ведал только один из трех департаментов - Департамент полиции исполнительной»[240]. Он отмечает, что многие считали министерство полиции излишне «многосложным и непонятным». Поэтому, по его мнению, в 1819 г. министерство полиции расформировали и передали его функции министерству юстиции. Яцентюк заблуждается – их передали в ведение МВД, что было установлено царским указом [241] . Однако полицейские функции стали только частью многих прерогатив этого ведомства. Так, во время присоединения Средней Азии к России в 1860-х гг. Департамент полиции исполнительной был лишь одной из 9 структур МВД[242]. На закате царской власти ситуация оставалась прежней. Статья 308-я «Учреждения министерств» указывала, что МВД составляют 16 структурных подразделений и только одним из них был Департамент полиции, что, однако, не умаляло его значения как важнейшего института царистской государственности[243]. На это не повлияло даже то, что в 1826 г. из ведения МВД были изъяты функции политического сыска[244]. В 1827 г. был учрежден Отдельный корпус жандармов [245] . Это обстоятельство представляется важным, поскольку корпус был своеобразным «мостиком» между полицией и армией, так как его состав рекрутировался из бывших армейских офицеров и «унтеров». В связи с этим вызывает интерес проблема отношений между МВД и военным ведомством. Он представляется особенно важным для

---

[240] *Яцентюк П.Л.* Министерская реформа 1810-1811 гг. и ее влияние на дальнейшее развитие системы министерств в России // История государства и права. Научно-правовое издание. 2008. № 10. С. 15.

[241] Именной – О присоединении Министерства полиции к Министерству внутренних дел. 4 ноября 1819 года // ПСЗРИ-1. Т. 36. СПб., 1830. № 27964. С. 367.

[242] Высочайше утвержденная 12 марта 1868 года Общая государственная роспись доходов и расходов на 1868 год. // ПСЗРИ-2. Т. 43. Отд.3. СПб., 1873. № 45598. С. 412.

[243] Свод учреждений государственных. Издание 1906 года // Свод законов Российской Империи. Издание 1912 года. Т. 1. Ч. 2. СПБ., 1912. С. 182.

[244] Именной, данный Управляющему Министерством Внутренних Дел – О присоединении Особенной Канцелярии Министерства Внутренних Дел к Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 3 июля 1826 года // ПСЗРИ-2. Т. 1. СПб., 1830. № 449. С. 665-666.

[245] Именной – Об учреждении пяти округов Жандармского Корпуса. 28 апреля 1827 года // ПСЗРИ-2. Т. 2. СПб., 1830. № 1062. С. 396.

данного исследования, поскольку области Русского Туркестана находились в ведении военного министерства и при формировании полицейских кадров в регионе постоянно возникал вопрос о взаимоотношении армии и полиции, как двух важнейших опорах царского самодержавия.

Авторитетные специалисты справедливо отмечают, что «характерной чертой возникновения российской полиции являлся ее военизированный характер. На службу в полицию, как правило, переводились армейские офицеры, низшие полицейские чины комплектовались из унтер-офицеров и солдат старших возрастов, исполнявших рекрутскую повинность, но по возрасту и состоянию здоровья непригодных к службе в полевых войсках»[246]. Нелишне заметить, что после Отечественной войны 1812 г. в полицию пришли многие израненные армейские ветераны, которым за заслуги были оставлены их привилегии[247]. Это обижало полицейских чиновников, в связи с чем вскоре они были уравнены в пенсионных правах с военными[248]. Вместе с тем, многие армейские офицеры отказывались переходить на службу в полицию. Поэтому правительство иногда побуждало их к этому на законодательном уровне. Для этого существовали соответствующие правовые основы. Так, статья 546-я «Устава о службе по определению правительства» указывала: «Генералы, штаб- и обер-офицеры, занимающие разные должности по гражданскому ведомству, если сим должностям не присвоены особые высшие оклады, пользуются окладами, определенными тому роду оружия, по коему чины сии числятся; но производство им такого жалованья зависит от гражданского ведомства. Те, которые, состоя в военной службе, получали жалованье собственно на их лицо, при переводе к гражданским должностям удовлетворяются жалованьем по чинам за счет

---

[246] История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы. Учебное пособие. Под ред. проф. Курицына В.М. М.,1998. С. 7.

[247] Именной, данный Сенату – Об оставлении пенсионов штаб и обер-офицерам из числа отставленных за полученными в последнюю войну ранами, при определении их по гражданской службе. 30 августа 1815 года // ПСЗРИ-1. Т. 33. СПб., 1830. № 25931. С. 273.

[248] Сенатский, с прописанием Высочайшей воли – О сравнении гражданских чиновников в производстве им пенсиона с военными. 30 апреля 1819 года // ПСЗРИ-1. Т. 36. СПб., 1830. № 27779. С. 153.

сумм Военного министерства, впредь до исключения оклада их из военной сметы и внесения в подлежащую гражданскую»[249]. Обстоятельства для формулировки такого рода были заложены еще при императоре Николае I. Так, в 1837 г., заслушав «всеподданнейший» доклад министра внутренних дел Д.Н. Блудова, он поручил военному министру А.И. Чернышеву объявить в приказе о его распоряжении «полицейские места в Кавказской области *замещать, по мере надобности, военными офицерами*»[250]. (Курс. – В.Л.)

В марте 1839 г. правительство приняло постановление об окладах военных чинов, поступивших на гражданскую службу[251]. Было указано, что, если оклад военного чина на гражданской службе был ниже, чем в армии, то надо было испрашивать «высочайшее» соизволение на сохранение военной ставки «зарплаты»[252]. Ровно через 6 лет Комитет министров установил те условия, которые были изложены нами выше в статье 546 «Устава о службе по определению правительства»[253]. Тем не менее, значительное число полицейских хотело устроиться на военную службу, поскольку, как отмечает Б.Н. Миронов, «военный чин давал дворянство раньше, чем чин гражданский, и престиж военной службы был выше»[254]. По закону от 20 апреля 1834 г., дворянское звание получали также чиновники VIII класса, служившие по военному ведомству[255].

---

[249] Устав о службе по определению правительства. Книга первая. Издание 1896 года // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1912. Статья 546. С. 101-102.

[250] Именной, объявленный министру внутренних дел военным министром - О замещении полицейских мест в Кавказской области военными офицерами. 15 мая 1837 года // ПСЗРИ-2. Т. 12. Отд. 1. СПб., 1838. № 10241. С. 323.

[251] Высочайше утвержденное Положение Комитета министров, объявленное Военным министром – О производстве военным чиновникам, поступившим в гражданские должности, того оклада, который должности присвоен. 28 марта 1839 года // ПСЗРИ-2. Т.14. Отд. 1. СПб., 1840. № 12184. С. 328-329.

[252] Там же. С. 329.

[253] Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О производстве жалованья военным чинам, назначаемым на гражданские должности. 27 марта 1845 года // ПСЗРИ-2. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1846. № 18871. С. 300-301.

[254] Миронов Б.Н. Об этнической дискриминации в позднеимперской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 175.

[255] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О производстве обревизования действий дворянских депутатских собраний. 20 апреля 1834 года // ПСЗРИ-2. Т. 9. Отд. 1. СПб., 1835, № 7007. С. 303.

В последующем были предприняты попытки военизировать полицию и на уровне рядовых служителей. В мае 1853 г. городские вольнонаемные полицейские были заменены нижними чинами из местных воинских подразделений, однако «военное ведомство отправляло в полицию лиц, не пригодных по разным причинам для военной службы»[256]. И поэтому в 1858 г. министр внутренних дел С.С. Ланской решил снова вернуться к вольному найму полицейских. Поскольку это не дало быстрых позитивных результатов, практика направления в полицию нижних чинов армии продолжилась. Современные историки царской полиции пишут о том, что «военнослужащие, переходя в полицию, по-прежнему числились по военному ведомству «по роду оружия» и им сохранялись воинские чины»[257]. Однако это никак не влияло на их статус полицейских служащих. Закон указывал, что воинские чины, служащие в полицейских должностях, должны были носить офицерский полицейский мундир[258].

Исследователь А.Н. Конев пишет о том, что «полицмейстерами и уездными исправниками чаще всего становились выходцы из армейской среды, имевшие опыт командования воинскими подразделениями, и практика такого рода «кадровой конверсии» санкционировалась государством»[259]. Он прав, поскольку в начале XX в. должности полицмейстеров в крупных городах занимались военными, в том числе офицерами Корпуса

---

[256] *Сичинский Е.П.* Проблемы комплектования городских полицейских команд на Южном Урале в конце XVIII-начале XX в. // История государства и права. 2005. № 9. С. 27.

[257] *Сумина Е.А., Акказеев Д.М.* Эволюция аппаратов по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации // Российская полиция: Три века служения Отечеству. Сборник статей Юбилейной Международной научной конференции. Часть 2. / Под. ред. В.Л. Кубышко. 21 декабря 2018 г. М.: Академия управления МВД России, 2019. С. 258.

[258] Высочайшее повеление, объявленное Министром внутренних дел – О замещении воинскими чинами и офицерами отдельного корпуса жандармов должностей Полицмейстеров в городах, в коих губернаторы и градоначальники имеют пребывание и должности Помощника Виленского Полицмейстера. 27 мая 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд.1. СПб., 1907. - № 24636. С. 562.

[259] *Конев А.Н.* Подготовка высших управленческих кадров для МВД России: уроки истории // Российская полиция: Три века служения Отечеству. Сборник статей Юбилейной Международной научной конференции. Часть 1. / Под. ред. В.Л. Кубышко. 21 декабря 2018 г. М.: Академия управления МВД России, 2019. С. 27.

жандармов[260]. При этом устанавливалось, что все они были обязаны носить исключительно лишь полицейскую форму. В 1911 г. некий «капитан Д.» писал в журнале «Вестник полиции» о том, что переход военных в полицию естественен и полезен для государства и общества, так как воин и полицейский – это очень похоже: «Звание полицейского высокое и почетное – нисколько не ниже солдатского»[261].

Таким образом, в царской России существовала проблема взаимных переходов из полиции на армейскую службу и обратно. Как отмечалось, военному поступить на службу в полицию было нетрудно. Это регулировалось законом от 29 июня 1859 г., который соотносил военные и гражданские «классные» чины на основании петровской «Табели о рангах»[262]. Принцип был зафиксирован в примечании 1-ом к статье 330-й «Устава о службе по определению правительства» гласившем: «Переход из военной службы в гражданскую осуществляется на основании «Табели о рангах»[263]. Так, например, армейский капитан при переходе становился чиновником VIII класса - коллежским асессором. А статья 525-я отмечала, что «в равных чинах гражданские чиновники вообще уступают место военным, хотя бы кто из них по времени пожалован в тот чин был старее»[264].

Вместе с тем, указанный выше закон допускал, что полковники, прослужившие в звании не менее 4-х лет, получали не чин коллежского советника (VI класса), а статского советника (V класса)[265]. Вместе с тем,

---

[260] Высочайшее повеление, объявленное Министром внутренних дел – О замещении воинскими чинами и офицерами Отдельного корпуса жандармов должностей Полицмейстеров в городах, в коих губернаторы и градоначальники имеют пребывание и должности Помощника Виленского Полицмейстера. 27 мая 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд.1. СПб., 1907. - № 24636. С. 561-562.

[261] Вестник полиции. Еженедельный журнал с иллюстрациями. С-Петербург. 1911. № 7. 17 февраля. С. 194.

[262] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О порядке переименования и производства в чины лиц, переходящих из военной в гражданскую службу. 29 июня 1859 года // ПСЗРИ-2. Т. 34. Отд. 1. СПб., 1860. № 34689. С. 661.

[263] Устав о службе по определению правительства. Книга первая. Издание 1896 года // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1912. С. 66.

[264] Там же. С. 99.

[265] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О порядке переименования и производства в чины лиц, переходящих из военной в гражданскую

армейским офицерам, служившим в полиции, вернуться на военную службу было непросто. В конце 1835 г. царь Николай I издал указ о том, что полицмейстеры и градоначальники из отставных военных офицеров могут быть опять зачислены по армии только в случаях, когда они прослужили в своих должностях не менее 5 лет[266]. Было бы также ошибочным полагать, что военные могли свободно занимать любые полицейские должности повсеместно. Все это регулировалось законодательно. Так было до 1872 г., когда император Александр II, осознав, что доверять должности по гражданскому управлению страной «полковникам скалозубам» может иметь негативные результаты, издал соответствующий указ по этому поводу[267]. Но царизм, как обычно, не принимал окончательных и невозвратных мер.

Статья 154-я «Устава о службе по определению от правительства» указывала: «На гражданские должности, замещаемые по определению от правительства, воспрещается назначать военных». Однако уже статья 155-я тут же отмечала: «Военные чины допускаются на следующие гражданские должности: 1) на должности губернаторов и градоначальников. 2) На гражданские должности в Кавказском крае и Великом княжестве Финляндском. 3) полицмейстеров обеих столиц, центрах генерал-губернаторств (значит и в Ташкенте – В.Л.), в ряде крупных городов, в том числе *в центре Семиреченской области – Верном*... 15) *На все должности по управлению Туркестанского края*… 17) На должности полицейских приставов *в городах Асхабаде и Мерве, Закаспийской области*, а также на должность *помощника Асхабадского полицейского пристава*... 22) На

службу. 29 июня 1859 года // ПСЗРИ-2. Т. 34. Отд. 1. СПб., 1860. № 34689. С. 661; см. также: О производстве в чины переходящих из военной в гражданскую службу // Устав о службе гражданской по определению правительства // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1912. Статьи 330-337. С. 66-67; там же: Приложение к статье 244. Сравнительная табель чинов гражданских с чинами военными, морскими и придворными. С. 147-149.

[266] Именной, объявленный министру внутренних дел военным министром – О зачислении по армии и кавалерии Полицмейстеров и Городничих. 22 декабря 1835 года // ПСЗРИ-2. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1836. № 8702. С. 1211.

[267] Именной, объявленный Сенату министром юстиции - Об ограничении права военных чинов занимать должности по гражданскому ведомству. 1 марта 1872 года // ПСЗРИ-2. Т. 47. Отд. 1. СПб., 1875. № 50585. С. 257-258.

должность *участковых начальников в Семиреченской области*»[268]. (Курс. – В.Л.) Таким образом, «милитаризация» полиции в царской России имела место, но она носила ограниченный характер. Вместе с тем, в условиях Русского Туркестана, подчиненного военному министерству, роль армейских чинов не могла не быть значительной в органах общего управления и полиции.

Примером соединения функций военной и «гражданской» полиции стали жандармско-полицейские управления железных дорог, в том числе двух туркестанских [269] . Их возглавляли офицеры Отдельного корпуса жандармов, и они открывались по представлению именно военного министра, а также финансировались его ведомством. В «полосе отчуждения» железных дорог жандармско-полицейские управления исполняли обязанности гражданской - «общей» полиции по отношению к местному населению.

Поскольку Российская империя была страной с подавляющим большинством сельского населения, то, понятно, что организация и деятельность полиции на периферии основывалась на нормах «Общего губернского учреждения», возлагавшего обязанности уездной полиции на нижние «Земские суды» во главе с «исправниками», которые были, как правило, отставными офицерами. Низшая сельская полиция формировалась из так называемых «сотских» и «десятских», избираемых населением от 10 и 100 дворов [270] . Закон указывал: «Существо власти, вверяемой Земской полиции, состоит в том, чтобы действием ее и надзором доставить законам и учреждениям скорое и точное исполнение»[271]. По данным Всероссийской переписи 1897 г., в России (без Финляндии) проживало 125, 7 млн. чел.[272]. По

---

[268] Книга первая. Устав о службе по определению правительства. Издание 1896 года // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1912. С. 38, 39.
[269] Закаспийской и Ташкентской железных дорог – В.Л.
[270] Общее губернское учреждение // Свод законов Российской империи. Т.2. СПб., 1833. Статья 696. С. 170-171.
[271] Там же. Статья 714. С. 180-181.
[272] Сафонов А.А. Генезис вероисповедной политики Российского государства. XVIII - начало XX века // История государства и права, 2007. № 2. С. 20.

мнению большинства исследователей, доля сельского населения в стране в начале XX в. составляла около 85%. Соответственно, распределялись и полицейские силы в царской империи. Б.Н. Миронов, касаясь сельской полиции России в 1837-1906 гг., отмечает, что в 1880-1904 гг. в России было 471 уездов. Столько же было земских исправников. Становых приставов в 1880 – 1295 чел., в 1904 – 1.641. Число полицейских урядников в этот период не менялось - 5.100 чел. Общее число коронных полицейских составляло в 1880 г. 6.900 чел., 1904 – 7.200. Число полицейских урядников на 1 исправника в 1904 – 10,8 чел. На 1 коронного полицейского в 1904 г. приходилась территория в 662 кв. км[273].

В городах полицейская власть вверялась: в «столицах»[274] - обер-полицмейстерам, «частным» приставам, квартальным надзирателям и двум ратманам – выборным от населения; в губернских городах – полицмейстерам и тем же лицам, что в Петербурге и Москве; в уездных городах – городничим, или полицмейстерам. «Частные» приставы и квартальные надзиратели учреждались лишь в тех из них, где того требовало пространство, наличие ярмарок, торгов и промыслов. В небольших поселениях полицейская власть находилась в руках ратуш. Городские полицейские команды формировались преимущественно из числа солдат - отставных или «запасных». Безусловно, работа городской полиции имела свою специфику, отличную от сельской.

Видный российский полицеист Ю.А. Реент приводит статистику городской полиции в России на 1909 год: Рязань (51.700 жителей) – полицмейстер, помощника полицмейстера – нет, приставов – 2, помощников полицейских приставов и полицейских надзирателей – 4; Самара (92.000) - полицмейстер, его помощник, приставов – 4, помощников полицейских приставов и полицейских надзирателей – 38; Оренбург (73.000) - полицмейстер, его помощник, приставов – 4, помощников полицейских

[273] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 450
[274] Санкт-Петербург и Москва – В.Л.

приставов и полицейских надзирателей – 23; Уфа (50.000) - полицмейстер, его помощник, приставов – 4, помощников полицейских приставов и полицейских надзирателей – 16; Курск (67.000) - полицмейстер, его помощник, приставов – 5, помощников полицейских приставов и полицейских надзирателей – 21[275]. Великий русский ученый Д. И. Менделеев, посетивший Великобританию, обнаружил, что полицейских «в Лондоне оказалось в десяток раз более чем в Петербурге»[276]. Среди туркестанских городов были и те, которые по числу жителей, кроме Санкт-Петербурга и Москвы, могли посоревноваться с российскими. В начале XX в. в Ташкенте проживало до 200 тыс. чел., в Коканде – около 100 тыс., в Самарканде – свыше 50 тыс. Среди крупных городов региона числились: Чимкент, Старый Маргилан, Андижан, Ош и др.

Данные о числе населения Русского Туркестана в рассматриваемый нами период представляются относительными. Авторы проекта «Туркестанского положения» 1881 г. указывали, что в 3-х областях региона проживает 1.552 750 кочевников и 1.436.041 оседлых жителей («сартов»)[277]. Российский исследователь С. Н. Абашин пишет о том, что «население Туркестанского края с середины XIX в. по 1916 г. выросло почти в 2 раза (с 4 млн. до 7,5 млн. человек). Естественный прирост населения Туркестана, который в 1870-1880-е гг. был не более 0,4-0,6 %, увеличился до 1,5- 2 %, а в некоторых регионах и до 3 %. Такие высокие темпы прироста объясняются, в том числе и усилением на рубеже XIX-XX вв. притока мигрантов из Бухары, Восточного Туркестана и Афганистана. Русские переселенцы (за исключением Семиреченской области) не составляли сколько-нибудь значительной части внешней миграции»[278]. Он указывает, что на рубеже XIX-XX вв. в сельской местности Русского Туркестана проживало 85 %

---

[275] *Реент Ю.А.* Общая и политическая полиция России (1900-1917 гг.). Рязань, 2001. С. 74.
[276] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 489.
[277] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1758 - Объяснительная записка к Проекту Положения об управлении Туркестанском генерал-губернаторстве, составленная Колпаковским, Абрамовым и др. (1881 г.). Л. 5.
[278] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 157-158.

населения, а в городах - 15%. При этом Абашин отмечает, что большинство оседлого населения проживало в кишлаках, то есть тоже в аграрных районах края[279]. Таким образом, соотношение городского и сельского населения в нем фактически ничем не отличалось от аналогичных данных по всей Российской империи.

Для продвижения по службе в царской полиции немаловажное значение имело образование. Б.Н. Миронов указывает, что в 1897 г. среди чиновников МВД имели образование: высшее – 22,7%, среднее – 17,7%, низшее – 59,6%[280]. Человек, имевший университетский диплом, получал сразу VIII класс (коллежского асессора) и мог быть полицейским приставом, а в «столицах» -– помощником пристава. МВД имело свои специальные структуры по подготовке полицейских кадров, о чем пишет исследователь Ю.А. Реент[281]. Большое внимание уделялось обучению полицейских урядников, учрежденных законом от 9 июня 1878 г.[282]. Он не распространялся на регионы, управлявшиеся по «особым» учреждениям», но знать об этом институте полиции в контексте рассматриваемой нами темы считаем необходимым. Исследователь А. Н. Конев пишет: «Первая школа урядников появилась в 1879 г. в Гродненской губернии, а первый выпуск состоялся 16 марта 1880 г.»[283]. В 1888 г. были открыты школы полицейских урядников в Твери и Курске. В 1890 г. в Воронеже учредили экзаменационную комиссию для их испытаний. В 1898 г. школы урядников

---

[279] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 199.

[280] *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. / Б.Н. Миронов. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. С. 502.

[281] *Реент Ю.А.* Полицейский аппарат Российской империи: этапы развития // Российская полиция: Три века служения Отечеству. Сборник статей Юбилейной Международной научной конференции. Часть 1 / Под. ред. В.Л. Кубышко. 21 декабря 2018 г. М.: Академия управления МВД России, 2019. С. 40-49.

[282] Высочайше утвержденные проект Временного положения о полицейских урядниках в 46-ти губерниях, по Общему учреждению управляемых. 9 июня 1878 года // ПСЗРИ-2. Т. 53. Отд. 1. СПб., 1880. № 58610. С. 398-400.

[283] *Конев А.Н.* Подготовка высших управленческих кадров для МВД России: уроки истории // Российская полиция: Три века служения Отечеству. Сборник статей Юбилейной Международной научной конференции. Часть 1. / Под. ред. В.Л. Кубышко. 21 декабря 2018 г. М.: Академия управления МВД России, 2019. С. 26.

появились во Владимире и Воронеже[284]. В марте 1913 г. была утверждена программа школ для подготовки полицейских урядников. В военном ведомстве таких заведений не было, но учеба полицейских кадров проводилась. Журнал «Вестник полиции» сообщал в мае 1909 г. о том, что чины Ташкентской городской полиции изучали «Устав уголовного судопроизводства» и «Устав о предупреждении и пресечении преступлений»[285].

В конце 1862 г. в России была проведена крупная реформа полиции[286]. Однако она распространялась только на 44 губернии, управлявшиеся по «Общему учреждению»[287]. Все они относились к Европейской части страны. Авторитетные специалисты указывали: «Городская и уездная полиция были объединены в единую полицейскую систему», в связи с чем ее стали называть «общей» [288] . Закон о реформе отмечал: «С преобразованием полиции на основании вновь изданных Правил, теперешних Земских исправников переименовать в Уездных исправников» [289] . Учреждались уездные полицейские управления, независимые от общего уездного начальства. Документ гласил: «Уездное полицейское управление составляют: а) уездный исправник; б) вновь назначаемый помощник Исправника; в) Общее присутствие уездного полицейского управления и г) временные его отделения. Городское полицейское управление в тех городах, посадах и местечках, кои не подведомы Уездной полиции, составляют: а)

---

[284] История российской полиции. Научный справочник-календарь памятных дат: монография / А.Н. Конев и др. Под общ. ред. В.Л. Кубышко. 2 изд. М.: Академия управления МВД России. Том 1. 2020. С. 51, 118, 181,188, 224, 228.

[285] Благой почин // Вестник полиции. Еженедельный журнал с иллюстрациями. С-Петербург. 1909. № 18. 5 мая. С. 365.

[286] Высочайше утвержденные Временные Правила об устройстве Полиции в городах и уездах Губерний по Общему Учреждению управляемых. 25 декабря 1862 года // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 2. СПб., 1865. № 39087. С. 588-593.

[287] Общее губернское учреждение // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СП., 1857. С. 1.

[288] История государства и права СССР. Учебник. Часть 1. М., 1972. С. 496.

[289] Высочайше утвержденные Временные Правила об устройстве Полиции в городах и уездах Губерний по Общему Учреждению управляемых. 25 декабря 1862 года // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 2. СПб., 1865. № 39087. С. 589.

Полицмейстеры; б) помощник Полицмейстера, где таковой будет назначен и в) Общее присутствие городского полицейского управления. Исправник есть начальник уездной, а полицмейстер - городской полиции»[290]. Сохранялись становые приставы в сельской местности и «частные» - в городах, «сотские» и «десятские» в селах, а в городах полицейские команды.

Исследователь А.В. Быков пишет о том, что по указу от 25 декабря 1862 г. «на службу в полицейские команды направляли нижние чины из армии, большинство из которых были мало пригодны к полицейской службе. Эта порочная практика крайне негативно сказывалась на деятельности полиции»[291]. Поэтому в дальнейшем «предпочтение отдавалось отставным военнослужащим»[292]. Наиболее слабым звеном была уездная полиция, куда было трудно посылать нижних чинов, хотя территории станов были слишком большими и становые приставы не могли их полностью контролировать, а «сотские» и «десятские» мало годились для полицейской службы.

Современные историки российской полиции справедливо отмечают, что функционирование МВД не означало, что оно ведало всей полицией в государстве, поскольку руководство ею также «осуществлялось министерством военно-сухопутных сил» [293] . Как отмечалось, в истории России военные всегда имели большую власть. При составлении «Общего губернского учреждения» эта традиция «военно-народного управления» была сохранена в виде установления о том, что на территориях, находящихся в подчинении военного министерства, права министра внутренних дел принадлежали главе этого ведомства. В основном, это были регионы, управлявшиеся по «Особому учреждению», руководители которых сочетали

---

[290] Высочайше утвержденные Временные Правила об устройстве Полиции в городах и уездах Губерний по Общему Учреждению управляемых. 25 декабря 1862 года // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 2. СПб., 1865. № 39087. С. 590.

[291] *Быков А.В.* Основные вехи истории российской полиции: Учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России. 2018. С. 28.

[292] Там же.

[293] *Сизиков М.И., Борисов А.В., Скрипилев А.Е.* История полиции России (1718-1917 гг.). Вып. 2. М., 1992. С. 11.

в своих руках военную и гражданскую власть[294]. Но после полицейской реформы 1862 г., через полтора года большинство из них утратило эту прерогативу по закону об образовании в стране военно-окружной системы[295]. В генерал-губернаторствах (краях) гражданская власть была отделена от военной. Первую осуществляли генерал-губернаторы, а вторую – командующие военными округами. Полиция находилась в ведении руководителей губерний, однако, офицеры политического сыска - Корпуса жандармов подчинялись главам военных округов. Поскольку генерал-губернаторы были подчинены МВД, а командующие округами – военному министерству, то отношения между ними в течение четверти века накапливали противоречия, которые были разрешены весной 1890 г. соответствующим нормативно-правовым актом [296] . Он был внесен в государственное законодательство как приложение к статье 406-й «Общего губернского учреждения» [297] . Нередко генерал-губернаторы были одновременно и командующими военными округами, однако все равно в первой ипостаси они были ответственны перед МВД, а во второй – военным министром.

Следует отметить, что вначале было учреждено 10 военных округов, причем только на территории Европейской части России[298]. На Кавказе, в Оренбургском крае, Западной и Восточной Сибири и в других регионах они были учреждены позже с тем же разделением функций гражданского и военного управления, о которых автор писал выше. Таким образом, в последней трети XIX – начале XX в. в стране оставался только один крупный

---

[294] Прибалтика, Сибирь, Кавказ, Бессарабия, земли всех казачьих войск, а также «некоторые портовые города и племена разных «инородцев» - В.Л.

[295] Высочайше утвержденное Положение о Военно-Окружных управлениях. 6 августа 1864 года // ПСЗРИ-2. Т. 39. Отд. 1. СПб., 1867. № 41162. С. 698-746.

[296] Высочайше утвержденные Правила для взаимных отношений гражданских и военных властей. 27 марта / 11 мая 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. отд. 1. СПб., 1893. № 6680. С. 273-276.

[297] Общее губернское учреждение // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СП., 1900. С. 128-130.

[298] 1. Петербургский; 2. Финляндский; 3. Рижский; 4. Виленский; 5. Варшавский; 6. Киевский; 7. Одесский; 8. Харьковский; 9. Московский; 10. Казанский – В.Л.

регион с нераздельной гражданско-военной властью – Русский Туркестан[299]. Безусловно, все государственные акты, относившиеся к нему, издавались с учетом установлений «Общего губернского учреждения». Так, например, § 16-й проекта «Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях» 1867 г. указывал, что «военные губернаторы по особому положению края соединяют в себе военное и военно-народное управление во вверенных им областях»[300]. В § 19 отмечалось: «По военно-народному управлению военные губернаторы имеют права и обязанности губернаторов по Общим учреждениям в Империи, с дополнениями, определенными настоящим Положением»[301]. Статья 59-я «Туркестанского положения» 1886 г. указывала: «Административно-полицейское заведывание уездом сосредоточивается в лице Уездного начальника, которому присваиваются все права и обязанности, принадлежащие, по Общему закону, Уездному исправнику и Уездному полицейскому управлению»[302].

Естественно, что под «Общим законом» понималось именно «Общее губернское учреждение». Права и обязанности туркестанских генерал-губернаторов, в том числе полицейские, тоже определялись им. Статья 12-я «Положения» 1886 г. отмечала: «Права, обязанности и образ действий генерал-губернатора, а также отношения его к верховной власти, государственным и местным установлениям, определяются правилами, содержащимися в статьях… Общего губернского учреждения»[303]. Статья 44-я указывала: «Права и обязанности военных губернаторов определяются правилами, изложенными в статьях… Общего губернского учреждения»[304]. Диссертант не указывает номера статей потому, что в каждом издании этого

---

[299] Кроме него, такая административная модель сохранялась в Кубанской и Терской областях – В.Л.
[300] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. С. 4.
[301] Там же.
[302] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанского края. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. С. 324.
[303] Там же. С. 321.
[304] Там же. С. 323.

документа они существенным образом изменялись. Так, согласно последнему изданию, по статьям 263-420, именно губернаторы были начальниками областных полиций[305]. Осенью 1892 г. туркестанский генерал-губернатор А. Б. Вревский ходатайствовал перед военным министром П.С. Ванновским о расширении полицейских прав военных губернаторов областей края, предоставленных им «Общим губернским учреждением», по статье 44-й «Туркестанского положения» 1886 г. В итоге, в начале 1893 г. последовал закон о том, что военные губернаторы областей Туркестанского края имеют право «для охранения общественного порядка, тишины и спокойствия подвергать туземцев и лиц туземной администрации по личному своему усмотрению, или, по донесениям уездных начальников, аресту на время не свыше одного месяца. То же наказание может быть налагаемо Губернаторами на лиц туземной администрации за маловажные проступки, означенные в статье 105 Положения об управлении Туркестанского края»[306].

Следующими в иерархии туркестанской полиции следовали начальники уездов. Несмотря на то, что закон допускал занятие их должностей гражданскими «классными» чиновниками, в российских областях Средней Азии в них пребывали военные, хотя в штатах они числились по статскому чинопроизводству. Начальники уездной полиции, как правило, состояли в VI классе (коллежских советников), что приравнивалось к чину армейского полковника. Их помощники – в VII (надворных советников) - подполковников. Участковые полицейские приставы – в VIII (коллежских асессоров) – капитанов, или в IX (титулярных советников) – штабс-капитанов. «Устав о службе по определению правительства» отмечал, что «классные» чины получали повышение: с XIV

[305] Общее учреждение губернское // Свод законов Российской империи. Т. 2. СПб., 1912. Статьи 263-420. С. 23-47.
[306] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об изменении некоторых постановлений Положения об управлении Туркестанского края, касающихся административного его устройства. 19 января 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9262. С. 26.

по VIII – через 3 года, с VIII в VII и с VI в V – через 7 лет[307]. Наиболее достойные люди могли получать чины до статского советника и через один год. Низшие чины городской полиции из простого народа получали первый «классный» чин (коллежского регистратора) через 6 лет службы. В Русском Туркестане классных чинов «корабельного секретаря» и «провинциального секретаря» в полицейских штатах не встречалось, поскольку закон от 16 апреля 1811 г. гласил: «Чины XI и XIII классов в гражданском ведомстве никому не жаловать»[308]. Примерно такое же положение было в российских губерниях и областях. Известный российский полицеист Р.С. Мулукаев пишет: «Полицейские приставы состояли по должности в IX, а в некоторых крупных городах - в VIII классном чине»[309]. Таким образом, при успешной карьере в Туркестане, полицейский служащий XIV класса - коллежского регистратора сразу получал XII класс – чин губернского секретаря, а после этого X – коллежского секретаря.

Следует отметить, что при формировании кадров полиции в царской России отсутствовали ограничения по этническому и конфессиональному признаку, хотя евреев-иудаистов [310] принимали преимущественно на медицинские должности в полицейских управлениях. В северо-западных губерниях среди полицейских офицеров и нижних чинов было много католиков и протестантов, главным образом, лютеран. В Акмолинской, Семипалатинской, Омской областях, Астраханской, Казанской, Уфимской, Саратовской, Самарской, кавказских губерниях в полиции служило немало мусульман как офицеров, так и рядовых. В Русском Туркестане среди офицеров полиции их было немного, но они служили успешно. Так, например, в 1880-х гг. начальником Мервской уездной полиции,

---

[307] Устав о службе по определению правительства. Книга первая. Издание 1896 года // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1912. Статья 326. С. 65-66.

[308] Именной, данный Сенату – О производстве из губернских секретарей в коллежские секретари, а из сего чина в титулярные советники. 16 апреля 1811 года // ПСЗРИ-1. Т. 31. СПб., 1830. № 24596. С. 614-615.

[309] *Мулукаев Р.С.* Полиция в России (IX - начало XX в.). Нижний Новгород, 1993. С. 88

[310] В России было много евреев, принявших христианство, главным образом, православие – В.Л.

Закаспийской области был мусульманин Максуд Алиханов[311]. Туркмен Н.П. Хан Иомудский был Дурунским приставом, капитан-татарин С.Г. Еникеев был полицейским приставом в районе Андижанского восстания 1898 г., его обвиняли в пособничестве бунтарям, однако это не повлияло на его служебную карьеру - на Мусульманском совещании 1914 г. он присутствовал уже в чине генерал-майора. В должности пристава в Закаспийской области в начале 1890-х гг. служил мусульманин, капитан А.А. Давлетшин, которого ее начальник, генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин привлекал к образованию областного Чрезвычайного съезда народных судей. Он тоже получил в 1913 г. генеральское звание и был последним начальником Азиатской части Главного штаба.

В Русском Туркестане ответственные полицейские должности занимали армейские офицеры, имевшие среднее образование. Те, кто закончил русские начальные школы могли стать унтер-офицерами. От всех других полицейских служителей требовалось лишь «приходское» (при церквах) образование, в том числе и от мусульман (мектебное при мечетях).

Поскольку, как отмечалось, «Общее губернское учреждение» устанавливало, что на территориях, подчиненных ведению военного ведомства, правами министра внутренних дел пользовался военный министр, то затронутые в исследовании вопросы, касавшиеся полиции в Туркестанском регионе, решались на уровне военного министерства, хотя и не всегда окончательно. Существовала следующая процедура продвижения документов, относящихся к региональной полиции. Их могли возбуждать начальники уездной полиции в рапортах, которые они направляли военным губернаторам. Последние, признав предложение уездных начальников разумными, отправляли свои рапорты по этому поводу туркестанскому генерал-губернатору. Он возбуждал соответствующее ходатайство перед Главным штабом, или лично военным министров. Как правило, глава

---

[311] См. о нем: *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: «Восточная литература», 2005. С. 12-13.

военного ведомства поручал начальнику Главного штаба рассмотреть поступивший из Ташкента документ и составить на его основании соответствующую докладную записку с предложением, как ему поступать в дальнейшем. Понятно, что при больших заботах общеимперского характера военный министр не мог сам лично решать все ведомственные вопросы, тем более региональные. Докладные записки, относительно Туркестанского края, готовила Азиатская часть Главного штаба, которая в начале XX в. была преобразована в отдел [312] . Именно она руководила военно-административными делами на неевропейских территориях Российской империи. Таким образом, Главный штаб в указанных документах рекомендовал военному министру, как следует решать в тех или иных случаях проблемы туркестанской полиции. Иногда, следуя совету Азиатской части, он включал их во «всеподданнейший» доклад, после утверждения которого полицейский вопрос становился законом, примеры чему мы неоднократно приводим в нашем исследовании.

Нередко Главный штаб советовал министру подать представление в Государственный совет, а в начале XX в. - в Государственную думу. В таких случаях, согласно существовавшему порядку, военное министерство приступало по искомому вопросу к консультациям с так называемыми «заинтересованными» ведомствами, главными из которых являлись: МВД, министерство финансов, Государственный контроль и иногда Министерство иностранных дел. Если они присылали положительные отзывы, то Азиатская часть готовила представление в Государственный Совет, а с 1907 г. в парламент[313]. В Государственном совете его, как правило, рассматривали так называемые «Соединенные департаменты». Одобрив документ, они выносили его на утверждение заседания Общего собрания членов Государственного совета, положительное решение которого в

[312] Высочайше утвержденное Положение об Азиатской части Главного штаба. 30 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3850. С. 380-381; см. также: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3501 – О реорганизации Азиатского отдела Главного штаба (1906-1907).

[313] Он состоял из 2-х палат: Государственного совета и Государственной Думы – В.Л.

законодательных актах называлось: «мнением». Как правило, постановления Государственного совета утверждались царем и приобретали статус закона. После этого о новом законе сообщалось в Правительствующий Сенат «для распубликования», то есть обнародования. Уведомлялся о законе туркестанский генерал-губернатор. Военный министр издавал соответствующий «приказ по военному ведомству». Кроме Государственного совета, законопроекты, касавшиеся полиции в Русском Туркестане, рассматривались правительством - Комитетом (с 1906 г. Советом) министров. Приобретали статус закона постановления Военного совета военного министерства, утвержденные царем.

Часть законов принималась по «всеподданнейшим» докладам военного министра. Примеров такого рода приводится немало в данном исследовании. Все должности полицейских низшего звена в городах и селениях Туркестанского края утверждались самим военным министром, если они содержались за общественный счет. За его отсутствием право учреждения таких должностей имел начальник Главного штаба. В таких случаях «высочайшего» утверждения не требовалось. Таким образом, полиция в регионе формировалась на основе общегосударственных законодательных установлений.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать о том, что полицейские службы в России сложились в пластах древних времен. На заре Древнерусского государства они уже функционировали достаточно успешно. В стране сложилось «военно-народное управление», которое в значительной мере носило полицейский характер, контролируя жизнь всего населения. Его принципы господствовали до тех пор, пока императрица Екатерина II не провела губернскую реформу 1775 г., которая снизила роль военных в управлении государством, но лишь отчасти. «Общее губернское учреждение» предусматривало управление страной на основе *общих* установлений и *особенных*. Оно разделило полицию страны на сельскую и городскую. Однако в 1862 г. они были объединены в «общую» полицию. Из этого

следовало, что фактически изначально полиция в Русском Туркестане строилась на новых государственных принципах ее организации и деятельности. Вместе с тем, ее особенность заключалась в том, что, в отличие от подавляющего большинства субъектов Российской империи, она подчинялась не МВД, а военному министерству. Несмотря на это обстоятельство, в целом туркестанская полиция была более гражданским формированием, нежели военным, а ее служители в законодательных штатных расписаниях выступали в гражданских «классах» по чинопроизводству.

2.2. Полиция в мусульманских ханствах Средней Азии: до их присоединения к Российской империи и в период протекторатов

Исторически на территории Средней Азии сложились три мусульманских ханства – Бухарское, Кокандское и Хивинское, которые постоянно вели войны между собой. В организации своей внутренней жизни они немало усвоили из административного и полицейского опыта сопредельных и иных стран мусульманского мира, ретранслируя его через дипломатические, торгово-экономические, культурные, религиозные связи, прежде всего, посредством паломничества к святым местам ислама - Мекку, Медину, Иерусалим и др. В результате сложилась специфическая, среднеазиатская модель административно-полицейского управления. Исторический анализ показывает, что здесь сработали все универсальные законы и категории диалектики, в частности, *общего*, *единичного* и *особенного*. «Общее» проявилось не только в восприятии соответствующих примеров из жизни исламских государств, мусульманском праве (шариате), но и в господстве во всех среднеазиатских ханствах правящих узбекских династий. В Бухарском ханстве (эмирате) властвовали представители узбекского клана Мангытов, в Кокандском – Минг, а в Хивинском – Кунград. Один из современных туркестановедов считает, что в Средней Азии

сложилась «узбекская модель» государственности[314]. Мы со скепсисом относимся к этому определению, так как только в Кокандском ханстве узбеки составляли большинство населения, тогда как в Бухарском эмирате таковым были таджики, а в Хивинском проживали сотни тысяч туркмен, каракалпаков, казахов и др. В этих ханствах узбеки напоминали маньчжуров в Цинском Китае – были правящим и недобрым меньшинством.

Вместе с тем, мы считаем нелишним отметить, что в советской историографии среднеазиатские ханства нередко назывались «узбекскими»[315]. Например, авторитетные авторы писали: «К середине XIX в. *узбекские* ханства представляли собой феодальные монархии с типичными чертами восточных деспотий. Бухарский эмир, хивинский и кокандский ханы управляли ханствами как своими вотчинами, им принадлежало неограниченное право распоряжаться жизнью и смертью своих подданных, они лично вершили суд и расправу… В распоряжении эмира и ханов была многочисленная администрация - чиновники разных рангов и степеней, разорявшие разными поборами, взятками и открытым грабежом крестьян и ремесленников»[316]. (Курс. – В.Л.)

Приведенные выше обстоятельства составляли категории «единичного» и «особенного». У каждого ханства было свое «лицо», как совокупность оригинальных, специфических условий существования. Например, диалектические противоречия во внутреннем развитии привели к исчезновению Кокандского ханства с исторической арены в 1876 г.

В дореволюционной историографии среднеазиатские ханства часто называли отсталыми, «средневековыми», упадочными и т.п. Диссертант не согласен с такими эпитетами и применением принципов экономического детерминизма в оценке стран и народов. Зарубежный исследователь Л. Стоддарт писал: «Ислам есть нечто большее, чем религиозная вера. Это –

---

[314] См.: *Литвинов П.П.* «Узбекская» модель государственности в Средней Азии: история и современность // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Вып. 5. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. С. 93-95.

[315] См. напр.: *Бахрушин С.В.* История народов Узбекистана. М., 1947.

[316] Народы Средней Азии и Казахстана. Этнографические очерки. Т. 1. М., 1962. С. 175.

целая социальная система. Это – цивилизация со своей философией, культурой и искусством, возросшая на собственной почве, в своей длительной борьбе против наступления христианства ислам стал осознавать себя органической целостностью» [317] . За тысячелетие существования в Средней Азии, он вытеснил из региона христианство всех «толков», буддизм, манихейство и др., создал оригинальную самобытную цивилизацию.

Следуя принципам ханифизма,[318] региональный ислам отнесся весьма терпимо к абсорбции в вероучение Пророка домусульманских автохтонных культов, традиций, нравов, обычаев и т.п. местных народов. Он образовал самодостаточное хозяйственное и социокультурное пространство в регионе. Бухара славилась в мусульманском мире как ведущий центр исламской учености. Зарубежный исследователь Е. Рональдшоу приводил популярную среди мусульман пословицу: «Самарканд есть лик земли, а Бухара - спинной мозг ислама. Под ее лазурным куполом, обнимающим весь мир, Мешхед кажется всего лишь арыком для омовения»[319].

Любопытно, что торговля «отсталой» Средней Азии с Россией до ее присоединения к царской империи была явно выгоднее туркестанским купцам и предпринимателям. С.Н. Абашин отмечает, что «российский импорт из Центральной Азии в абсолютных показателях на протяжении всей первой половины XIX в. (а равно и в XVIII в. – В.Л.) превышал экспорт в этот регион из России… и только завоевание Ташкента существенно изменило ситуацию - уже в 1867 г. вывоз примерно на 20% стал выше, чем ввоз»[320]. О том же доказательно писал дореволюционный деятель царской администрации в Средней Азии Е. В. Бунаков – командир Аральской

---

[317] *Stoddart Lothrop A.M.* The New World of Islam. New York, 1923. P. 77.
[318] Ханифизм – религиозно-правовая школа (мазхаб) в исламе, отличающаяся наибольшей гибкостью, позволяющей приспосабливаться к изменяющимся общественным отношениям. См.: Ислам. Словарь атеиста. М., Политиздат, 1988. С. 234.
[319] *Ronaldshaw E.* On the outskirts of empire in Asia. – London, 1904. P. 192.
[320] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 135.

флотилии[321]. Таким образом, Средняя Азия была не отсталым регионом, а временно отстраненным от прогресса наиболее развитых регионов мира. Можно считать, что модель среднеазиатской государственности и полиции являлась естественным позитивным результатом предшествующего общественно-исторического развития региональных ханств.

Бухарский хан Шах-Мурад присвоил себе титул: «амир эль-муменин» - «повелитель правоверных». После этого бухарских ханов стали называть эмирами. Его сын Хайдар причислил себя к «сейидам», то есть потомкам пророка Мухаммеда. Но, так же можно было именовать и кокандских ханов, которые тоже присвоили себе указанные титулы[322]. Они служили не просто возвышению авторитета правителей – титулы значили соединение в их руках светской и религиозной власти, что было характерно для Османской империи, султан которой считался халифом всех мусульман мира. Впрочем, в царской России император обладал такими же законными прерогативами в сфере светской и церковной власти, что роднило его полномочия с аналогичными правами среднеазиатских ханов.

Характеристику деятельности среднеазиатской полиции в дороссийский период давал большой знаток Средней Азии, видный царский чиновник Н.П. Остроумов[323]. Его сведения дополняли, например, узбекские советские историки[324]. Представляется очевидным, что она повсеместно строилась на принципах, распространенных в странах исламского мира - деятельность с вечера до утра, запрет свободного передвижения по городам в это же время, строгое наказание для нарушителей установленных порядков, невзирая на их социальное положение.

---

[321] *Бунаков Е.В.* К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. // Советское востоковедение. Вып.2. М-Л., 1941. С. 14. Позднее Е.В. Бунаков стал контр-адмиралом – В.Л.

[322] См.: *Веселовский Н.* Новые материалы по истории Кокандского ханства. СПб. Б.г. С. 189

[323] См. напр.: *Остроумов Н.П.* Сарты. Этнографические материалы. Т. 1. Ташкент: Типо-лит. торг. дома «Ф. и Г. бр. Каменские», 1890. С. 42.

[324] См. напр.: *Азадаев Ф.* Ташкент во второй половине XIX века. (Очерки социально-экономической и политической истории). Ташкент: изд. Академии наук Узб. ССР, 1959; Вахабов М. Ташкент в годы трех революций. Ташкент: Госиздат УзССР, 1957.

С точки зрения деятельности полиции в среднеазиатских ханствах наиболее показательным является пример Бухарского эмирата. Академик В.В. Бартольд писал о том, что здесь «во главе полиции был курбаши[325], которому были подчинены сорок четыре миршаба; [326] из них четверо, имевшие под своим начальством каждый десять миршабов, назывались сотниками (юзбаши)»[327].

Работа мусульманской полиции начиналась после вечерней молитвы – в 8 часов вечера. Полиция обходила улицы, отлавливая нарушителей – воров, проституток, пьяных и т.п. Их арестовывали. О каждом арестованном курбаши обязан был докладывать беку. Он также расследовал ночные кражи, тогда как такие дневные преступления – раис и аксакалы (главы квартальной полиции). При пожаре курбаши непременно присутствовал. Он был обязан пресекать азартные игры. Ему подчинялась тюрьма (зиндан), вырытая в земле в форме бутылки. Именно курбаши передавал палачу приговоренного к смерти и должен был присутствовать при казни. Он был обязан встречать высших лиц и сопровождать их по городу, обеспечивая должный порядок.

Советский историк И.И. Крыльцов уточнял, что «в несколько более позднее время, нежели первая половина XIX в., город Бухара в отношении полицейского охранения делился на две половины или «сахмы» а последние делились каждая на 6 частей, называвшихся «джирибами». Все части имели своих начальников. Так, начальником полиции «сахма» являлся «бобо», а «джириба» – «дахбыт»; последний, наконец, имел в своём распоряжении простых полицейских – «шабгардов». Эти последние делали обход города ночью с боем в большой барабан. «Шабгарды» должны были задерживать всех подозрительных лиц и оказывать первую помощь подвергшимся

---

[325] Курбаши – князь ночи – В.Л.
[326] Миршаб: «мир» - хозяин, «шаб» - ночь – В.Л.
[327] *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: изд. Академии наук СССР, 1963. С. 366.

нападению. И «бобо» и «дахбыши» имели свои управления, находившиеся с давних времен на определённых местах, известных населению»[328].

«Путешественник» (австрийский разведчик-еврей) А. Вамбери писал о том, что «полицейское управление в Бухаре гораздо строже, чем в других городах Азии. Днем раис сам обходит базары и публичные места или посылает своих многочисленных чиновников и шпионов. Через два часа по закату солнца никто не смеет показываться на улице. Сосед не смеет посетить соседа, и больной рискует умереть от недостатка медицинской помощи, потому что эмир объявил, что миршебы (ночные сторожа) должны арестовать всех и даже его самого, если встретят его на улице в запрещенные часы»[329].

Такжикский исследователь, министр внутренних дел, генерал-лейтенант Р.Х Рахимзода отмечает, что в Бухарском ханстве «полицейские чиновники на конях и повозках разъезжали по городу всю ночь и всякого, встретившегося после полуночи, брали под стражу, а на другой день представляли нарушителя начальнику города». Он указывает, что функции полиции в Бухарском ханстве исполняли есаул-баши и простые есаулы, а также, так называемые «махрамы», «кассабардары» и «навхары»[330].

В Кокандском ханстве была схожая организация полиции. Возглавлял ее «миршаб». Она вступала в свои права только ночью, или, вернее, с вечера, когда закрывались базары и запирались городские ворота. С этого момента миршаб со своими патрулями обходил улицы и забирал всех попадавшихся навстречу людей, независимо от положения и звания задержанного; считалось, что в эту пору на улице могли появляться только преступные элементы. Исключения допускались лишь для врачей и повивальных бабок, спешивших к больным и роженицам. Днем миршаб и подведомственные ему полицейские (так называемые шабгарды - ночные дозорные) не имели права

---

[328] *Крыльцов И.И.* Управление и суд в Туркестане – колонии царской России. Дис. … докт. юр. наук. Свердловск, 1943. С. 34 в сноске.
[329] *Вамбери А.* Очерки Средней Азии. Москва: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1867. С. 181
[330] *Рахимзода Р.Х.* Состояние розыскной деятельности в досоветском Таджикистане // Юридические науки: история и современность. 2016. № 7. С. 144-145.

следить за порядком, ибо это было делом самого населения. Относительно полиции в Хивинском ханстве Вамбери указывал, что в городе Хиве полиция функционировала в каждом квартале (махалля). Работала она тоже только ночью и в основном охраняла городские ворота. Вместе с тем, полиция также отлавливала ночных воров и «героев интриг»[331]. Ее успехи были ничтожны – в ханстве отсутствовал должный порядок. Русский майор Бланкеннагель, направленный в 1790-х гг. Екатериной II в Хивинское ханство для лечения зрения местного хана Фазиль-бия, писал: «В Хиве всегда происходящие междоусобия, насилия и грабежи содержат всех в непрерывном страхе, и нет ни одного дня, который они могли бы провести в безопасности»[332].

Известно, что в мусульманских государствах играла большую роль тайная полиция – политический сыск. В среднеазиатских ханствах он был развит не в меньшей мере. Главной его задачей было выявление заговоров против власти и случаев оскорбления религии. Заговоров было много - мятежи были частыми. Сыск тайной бухарской полиции часто был и сам к ним причастен. Так, например, в результате заговора, в марте 1711 г. был убит бухарский хан Убайдулла, которого сменил на престоле его брат Абулфейз. По свидетельству историка Мухаммеда Вефа-йи Керминеги, он был бездарным пьяницей и не уделял должного внимания государственным делам[333]. Полицейский сыск помогал ему держаться у власти, однако в июне 1747 г. алкоголик и развратник (склонный к гомосексуализму) Абулфейз-хан был убит в результате заговора. Это было знаковым событием - после этого бухарская династия Аштарханидов канула в Лету и на ее место пришли представители узбекского племени Мангытов, правившие ханством вплоть до установления советской власти в Средней Азии.

Заговоры постоянно сотрясали жизнь среднеазиатских ханств. Безусловно, более всех от них пострадало Кокандское государство. Оно было

---

[331] *Вамбери А.* Очерки Средней Азии. Москва: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1867. С. 165.

[332] Замечания майора Бланкеннагеля впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793-94 годах. СПб., 1858. С. 16.

[333] *Джурабаев Д.Х.* Бухарский эмират второй половины XVIII – первой половины XIX в. в письменных источниках. Дис. … докт. ист. наук. Худжанд, 2014. С. 45-46.

весьма успешно во внешней политике и региональных завоеваниях. Во время правления развратного и нечестивого хана Мухаммеда Али (Мадали) (1822-1842 гг.) оно занимало наибольшую площадь, подчинив кочевые племена Северной Киргизии и Южного Казахстана. Для обеспечения контроля над этими землями в 1825 г. были основаны крепости Пишпек и Токмак, кокандские гарнизоны стояли в Прииссыккулье и Нарынской зоне. Ханство распространило свою власть на памирские владения - Каратегин, Куляб, Дарваз, Рошан и Шугнан. В Восточном Туркестане оно поддерживало борьбу «ходжей» против китайских властей.

В Кашгаре и пяти других городах этого региона находились официальные кокандские аксакалы, собиравшие налоги в пользу своего ханства. Однако в его внутренней жизни не было спокойствия. В 1842 г. бухарский эмир Сейид Насрулла Бохадыр-хан занял Кокандское ханство, расправился с правителем, его семейством и окружением, но включать его земли в состав эмирата не стал. Поэтому после убийства Мадали на троне началась чехарда ханов.

С 1842 г. до краха Кокандского ханства в начале 1876 г. сменилось 7 правителей, причем, самый удачливый из них - Худояр-хан восседал на престоле трижды – в 1845—1858, 1862—1863, 1865—1875 гг. Полицейский сыск находился в упадке. В 1873-1875 гг. в ханстве полыхало народное восстание, движущей силой которого были кочевники-кыргызы, после чего оно безвозвратно пало, а его земли вошли в состав образованной царским правительством Ферганской области[334].

Однако наибольший размах террор тайной полиции получил все-таки в Бухарском ханстве (эмирате) при последнем, полностью независимом от России правителе, вышеупомянутом Насрулле (1826-1860)[335]. Выявленных сыском зачинщиков заговоров жестоко казнили, а рядовых участников

[334] Именной, данный Сенату – О порядке управления в Ферганской области. 19 февраля 1876 года // ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд.1. СПб., 1878. № 55593. С. 139; Именной, объявленный Сенату Товарищем Министра Юстиции – Об образовании Ферганской области. 19 февраля 1876 года // ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд.1. СПб., 1878. № 55594. С. 139-140.

[335] В историографии и источниках его часто называли просто: «Батур-хан» - В.Л.

бросали в тюрьму (зиндан). Английский разведчик (точнее, шпион) А. Бернс писал об ужасных бухарских темницах «кана-хена», в которых держали подозреваемых людей, где их мучили клещи, скорпионы, блохи «и другие паразиты». Он отмечал, что «одного этого достаточно, чтобы убить ввергаемых туда преступников… Темницы эти находятся под цитаделью, в которой живет сам Хан»[336]. В народе Насруллу называли «амир-кассоб» (эмир-мясник). Однажды полиция донесла ему о тайном прелюбодеянии дочери одного пекаря с каким-то индусом. Эмир «приказал их обоих сжечь в печи, несмотря на то, что сам в подобных делах служит самым худым примером для своих подданных»[337]. Однако тайная полиция не смогла предотвратить убийства самого тирана, которое организовала его жена – дочь казненного им ранее владетеля мятежного Шахрисябза.

Командующий «Сырдарьинской линией» докладывал в 1860 г. в военное министерство о том, что у эмира болело ухо и злопамятная жена, вместо лекарства, влила в него ртуть. По приказу Насруллы, ее застрелили вместе с детьми от него. Некоторые полагали, что стрелял в них он сам и вскоре скончался[338]. Понятно, что тайная полиция была бессильна предотвратить такое неожиданное покушение. Но следует отметить, что тайная полиция в Бухаре проникала повсеместно – даже в ханском гареме был ее представитель – «великий евнух» - «хочаи калон».

Сын Насруллы – эмир Музаффар-этдин (1860-1885) пытался сопротивляться наступлению России в Средней Азии, однако не смог противостоять ему и вынужден был признать зависимость ханства от царской империи. После установления российского протектората над Бухарским ханством, по договору 1868 г., во внешней политике оно оказалось зависимым от царских властей, а в самом регионе - конкретно от туркестанского генерал-губернатора. Первый российский администратор в

---

[336] *Бернс А.* Кабул. Путевые записки сэра Александра Борнса в 1836, 1837 и 1838 годах. Ч.1. М., 1847. С. 354-355.
[337] Там же. С. 353-354.
[338] РГВИА. Ф. 1433. Оп.1. Д. 7 - О слухах и событиях в Среднеазиатских владениях. (1860 г.). Л. 123 об.

этой должности К.П. Кауфман с усмешкой называл Музаффара «самым исполнительным уездным начальником в крае». Однако во внутренних делах эмир позволял себе быть самостоятельным от российского влияния и едва ли не превзошел отца по части жестокого преследования всякого инакомыслия. Выдающийся таджикский писатель Садриддин Айни (1878-1954) указывал, что «при эмире Музаффаре не было дня, когда на Веревочном базаре Регистана[339] не казнили бы человека или на Ослином базаре никого бы не вешали. При каждой казни убивали не одного-двух, а сразу десять человек и более, а на Ослином базаре приговоренных подвешивали на виселице рядами.

При Музаффаре, однажды на гулянье в Ширбадане, на глазах гуляющих казнили сразу больше ста человек»[340]. Писатель отмечал: «Эмир Музаффар заботился не только о развлечениях народа, но и о том, чтобы запугать его. Поэтому, по высочайшему приказу, в одном из самых многолюдных мест (в Ширбадане[341] – В.Л.) вырыли ров и на краю его, под взглядами всех гуляющих, ежедневно казнили нескольких преступников, приведенных из тюрьмы. Казнь совершалась в назидание всем склонным возмущаться, осуждать и упрекать эмира. Трупы казненных целый день оставались на краю рва, а на другой день убирались, чтобы освободить место для новых»[342].

Российские власти пытались удержать Музаффара от жестокости, но безуспешно – из Ташкента было трудно следить за каждым его шагом. Единственное, на что эмир пошел – прекратил сбрасывание несчастных приговоренных в мешках с «Манори калон» («Большого минарета») высотой около 50 м. Популярный российский писатель второй половины XIX в.

---

[339] Регистан – центральная площадь Бухары – В.Л.
[340] *Айни Садриддин.* Бухара. Воспоминания. М.,1960. С. 464.
[341] Ширбадан – сады для гуляния близ Бухары – В.Л.
[342] *Айни Садриддин.* Указ. соч. С. 522-523.

В.В. Крестовский[343] писал о том, что после поражения при Ирджаре все подданные потешались над эмиром «совершенно открыто и свободно»[344]. Он лично встречался с правителем и писал: «Как неограниченный властитель Музаффар-эддин беспрепятственно может резать и вешать, сколько ему угодно своих правоверных подданных: это в порядке вещей и ни у кого не вызовет ни малейшего протеста, ни малейшей претензии, ибо в том его «священное право», но абсолютизм его необходимо должен всегда опираться на поддержку сильно влиятельного духовенства, без чего каждый мусульманский деспот легко может кончить свою жизненную карьеру»[345]. Поэтому только со смертью эмира царское правительство смогло учредить в Бухарском ханстве свое дипломатическое представительство – Политическое агентство[346]. Его глава был призван оперативно влиять на правительство эмирата, но преимущественно на его внешнюю политику. Лишь иногда, в особо важных случаях, он мог отчасти влиять и на внутренние дела эмирата.

При преемнике Музаффара – Абдул-Ахаде (1885-1910) случаи публичных казней стали заметно реже, но они не прекратились. На площади Регистан по-прежнему казнили людей. Трупы оттаскивали на свалку нищие, которых звали «сыны эмира». Абдул-ахад, питавший страсть к поэзии, писал по этому поводу: «Тело врага на носилках, мой сын, подними, прочь отнеси и на свалку куда-нибудь сбрось»[347]. Однажды тайная полиция арестовала, по доносу мусульманского духовенства, простого арбакеша, обвиненного в вероотступничестве. Он был приговорен к забиванию камнями. Российский Политический агент в Бухаре пытался убедить эмира отменить эту казнь, но безуспешно. Ее мог остановить туркестанский генерал-губернатор, которого

---

[343] Крестовский Всеволод Владимирович (1840-1895) - автор популярного романа «Петербургские трущобы» (1864-67), по которому в наше время был снят телесериал «Петербургские тайны» - В.Л.

[344] *Крестовский В.В.* В гостях у Эмира Бухарского. СПб.,1887. С. 184.

[345] Там же. С. 187.

[346] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об учреждении Политического Агентства в Бухаре. 12 ноября 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 3274. С. 453.

[347] *Айни Садриддин*. Указ. соч. С. 202.

среднеазиатские ханы должны были во всем слушаться, но тот не снизошел до такой «мелочи». Айни описывал эту жестокую казнь, в которой особое рвение проявили «муллабачи» - студенты бухарских медресе[348]. Может показаться, что все кровавые расправы над людьми были актами разгула властного произвола. Отнюдь. Редактор газеты «Туркестанские ведомости», подполковник Н.А. Маев писал о массовых казнях при эмире Музаффаре, но обращал внимание на то, что для этого нужен был письменный приговор («хатт»), «без которого палач не имеет права производить казнь, хотя бы получил на то личное приказание эмира»[349]. А такие приговоры выносили шариатские суды, формально отстраненные от ханской администрации.

Так же было и в Хивинском ханстве. Бывший глава его правительства Мат-Мурат, сосланный Кауфманом после похода русских войск на Хиву в 1873 г. в город Казалинск, Сырдарьинской области говорил российскому публицисту Сыроватскому о том, что сам он никогда не расправлялся с политическими противниками, так как «смертная казнь на виселице или под ножом палача могла налагаться только ханом или от его имени»[350].

Действительно, Хивинское ханство тоже нередко сотрясалось от заговоров и набегов туркмен. Исследователь Е.Н. Крупенкин отмечает, что, по мнению А. Вамбери, хивинский хан Сейид Мухаммед-хан (1856-1864 гг.), был слабоумным, но не психически больным[351]. Командующий «Сырдарьинской линией» докладывал в 1860 г. в Главный штаб о распрях в Хивинском ханстве и неспособности власти установить порядок в стране[352]. Сын Мухаммед-хана - Сейид Мухаммед-Рахим II (1865-1910 гг.), которому на момент завоевания Хивинского ханства Россией было уже 30 лет, «вовсе

---

[348] *Айни Садриддин*. Указ. соч. С. 472-473.
[349] *Маев Н.А.* Очерки Бухарского ханства. Ташкент, 1875. С. 44.
[350] *Сыроватский.* Заметки о Хивинском ханстве, записанные со слов Мат-Мурата, бывшего диванбеги ханства в 1873 году // С-Петербургские ведомости. 1874. № 115.
[351] *Крупенкин Е.Н.* Политические отношения Российской империи и Хивинского ханства в 1867-1870 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 102.
[352] РГВИА. Ф. 1433. Оп. 1. Д. 7 - О слухах и событиях в Среднеазиатских владениях. (1860 г.). Л. 11 об – 12.

ничего не смыслил в государственных делах»[353]. Поэтому он доверил управление ханством своему приближенному Мат-Мурату, который, по словам упоминавшегося выше Сыроватского, «до прихода русских пользовался почти неограниченной властью в ханстве»[354]. А хан вел фривольный образ жизни. Действительно, молодой и энергичный, весьма неглупый временщик полностью подчинил себе весь государственный аппарат, в том числе, разумеется, тайную полицию.

Что касается Кокандского ханства, то выше о нем уже упоминалось. Любопытно, что хан Шир-Али (1842-1845), выходец из кыргызов, был добрым и милосердным человеком, в связи с чем, казни при нем стали более редким явлением. Как ни странно, но именно из-за этого народ надсмехался над правителем, так как хотел видеть власть пусть и жестокой, но твердой.

Большие способности тайная полиция среднеазиатских ханств проявляла в наблюдении за иностранцами. А. Вамбери писал о посещении Бухары российскими путешественниками-разведчиками: «Члены ученой экспедиции … подвергались на каждом шагу строгому надзору, точно опасные шпионы, так что на работы Лемана и Яковлева следует смотреть как на чудо»[355]. Упоминавшийся выше Бернс отмечал, что бухарский эмир Насрулла «в системе шпионства … превзошел даже китайцев»[356]. Именно он приказал казнить британцев – полковника Чарльза Стоддарта и капитана Артура Конноли. Безусловно, эмир поступил жестоко, однако нельзя не признать, что англичане отчасти того заслуживали – Стоддарт открыто занимался шпионажем, а Конноли публично призывал мусульман Бухары отречься от ислама и принять христианство, в связи с чем его воспринимали, как сумасшедшего. Американский дипломат Ю. Скайлер писал: «Бухарскими властями я изначально рассматривался, как шпион и ни один из

---

[353] *Крупенкин Е.Н.* Указ. соч. С. 102.
[354] *Сыроватский.* Заметки о Хивинском ханстве, записанные со слов Мат-Мурата, бывшего диванбеги ханства в 1873 году // С-Петербургские ведомости. 1874. № 115
[355] *Магидович И.П.* Очерки по истории географических открытий. М.: Просвещение, 1967. С. 480.
[356] *Бернс А.* Указ. соч. С. 354.

представителей администрации не был склонен верить моим правдивым заявлениям относительно истинных намерений поездки. При этом бухарские власти пытались получить сведения у моих слуг и даже попытались подкупить моего переводчика, суля ему вознаграждение, если он откроет им тайну моих действительных намерений»[357].

Самой существенной особенностью мусульманской полиции в среднеазиатских ханствах был религиозный вектор ее деятельности. Религиозная полиция в исламском мире существовала только в Мекке и Медине, где она только надзирала за порядком во время паломничества к Каабе и могиле Пророка. В Средней Азии деятельность религиозной полиции была свернута еще в XI в. Современный узбекский историк Б.М. Бабаджанов пишет: «Едва ли можно утверждать, что предписываемые религиозно-этические нормы исполнялись в полноценном виде среди мусульман в ханствах Средней Азии до захвата этих территорий Российской империей. Между книжными предписаниями и повседневными обычаями существовала серьезная разница, которая была предметом критики части богословов. Однако такой способ внутренней регуляции не приводил к полному исчезновению «сомнительных» этических или правовых норм. Богословы, прибегая к «шариатским уловкам» (*хилайи шарийа*), всегда находили способы легитимировать те или иные прецеденты в жизни общины и новые «конструкции» общественного или личного поведения»[358]. (Курс. авт.)

С падением династии Аштарханидов в Бухарском ханстве стал снижаться уровень веры населения, особенно городского. Процесс можно было остановить лишь при помощи мер полицейского надзора за религиозным поведением мусульман. Пришедшие к власти Мангыты вскоре ввели их.

---

[357] *Schuyler Eugene.* Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Vol.2. London: Low, Marston, 1876. P. 100.

[358] Туркестан в имперской политике России: Монография в документах. Отв. ред. Т.В. Котюкова. М., 2016. С. 802.

А. Вамбери писал о том, что должность религиозных полицейских - раисов («рейс-и-шариат») восстановил в 1802 г. «эмир Максум»[359]. С датой Вамбери ошибался. В это время бухарского хана Шах-Мурада, по прозвищу «Маасум» (Безгрешный), уже не было в живых. Но он был прав в том, что религиозную полицию в Бухарском ханстве возродил именно «безгрешный» правитель. Эмир Шах-Мурад, присвоивший, как отмечалось, титул: «амир-аль-муменин» («повелитель правоверных») был волен требовать от подданных соблюдения всех норм ислама, так как сам отличался похвальным религиозным поведением, о чем писал греческий митрополит Хрисанф, посетивший Бухару в конце XVIII в.[360]. Таким образом, в среднеазиатских ханствах появился институт «раисов» (мухтасибов) – религиозных полицейских, наблюдавших за исполнением населением предписаний ислама и шариата. Капитан Л.Ф. Костенко, участвовавший в дипломатической миссии в Бухару в 1870 г., писал: «Обязанности раиса столько же полицейского, сколько и религиозного характера»[361].

Советский узбекский историк М. Вахабов отмечал, что, например, в дороссийский период в Ташкенте «наблюдение за исправным исполнением религиозных обрядов и общественных обязанностей осуществляли два раиса, которые назначались беком. Каждый раис имел отряд вооруженных гирянда (ловителей) по 10 чел. При обнаружении нарушителей правил раисы тут же приказывали гирянда бить их «даррой» (широкая, сшитая из нескольких слоев кожи плеть с короткой рукояткой)»[362].

С утверждением царской власти в Туркестане ее отношение к институту мусульманской полиции было отрицательным, хотя первый российский руководитель региона, генерал-майор М.Г. Черняев сохранил его в неприкосновенности. Известно, что за либеральное отношение к исламу в Средней Азии в 1866 г. он был отстранен от должности военного губернатора

---

[359] *Вамбери Арминий*. Указ. соч. С. 131.
[360] См.: Туркестанские епархиальные ведомости. 1908. № 19. 1 октября.
[361] *Костенко Л.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб: А.Ф. Базунов., 1870. С. 62.
[362] *Вахабов М.* Ташкент в годы трех революций. Ташкент: Госиздат УзССР, 1957. С. 10.

Туркестанской области. Его преемник, генерал-майор Д.И. Романовский образовал комиссию, которая негативно оценила деятельность мусульманской религиозной полиции – раисов, указав, что она «положительно не отвечает нашим интересам и требованиям»[363]. К такому же выводу приходила и так называемая «Степная комиссия», разрабатывавшая проект «Туркестанского положения» 1867 г. и признавшая, что «означенный характер деятельности полицейского органа, проникнутый мусульманским фанатизмом, не может быть в видах нашего правительства» [364] . Члены комиссии отмечали, что в дороссийский период раисы наблюдали за исполнением мусульманами религиозных предписаний. Кроме того, они надзирали за торговлей на базарах, контролируя применение мер и весов. За нарушения установленных правил религиозного поведения раисы имели право наказывать от 5 до 79 ударов плетью «доррой» - широким и толстым ремнем из полос кожи трех животных, сшитых вместе. Любопытно, что полицейский, наказывавший людей плетью, не имел права при этом отделять локоть от груди.

Раисы имели полномочия «венчать» вдов, если те вовремя не выходили замуж после траура по умершему мужу. В таких случаях выбирался уважаемый людьми пожилой холостяк, и вдова насильно отдавалась ему в жены. Были у раисов и иные права по отношению к браку. Жены могли пожаловаться им на то, что муж не «посещает» их, отдавая предпочтение другим. Раисы должны были убеждать мужей, чтобы они равно относились ко всем женам, согласно нормам шариата, посещая их всех по взаимно признанному графику. Если женщина жаловалась на физическую слабость мужа в интимной жизни и доказывала это, то раисы могли дать ей развод. Они также имели право наказывать развратных женщин, которые были

[363] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4753 – Объяснительная записка к Временному положению о военно-народном управлении в Туркестанской области. Л. 6.

[364] Объяснительная записка к Положению и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сыр-дарьинской областей // Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. Т. 2. СПб.: М. Стасюлевич, 1898. С. 24.

обречены на всеобщее унижение, позор, битье палками, плетьми и т.п.[365] В случаях доказанной, по требованиям шариата, супружеской измены замужних мусульманских женщин, религиозная полиция, по приговору судов, устраивала забивание их камнями до смерти. Нелишне указать, что религиозная полиция - раисы и их команды – «гирянды» жили за счет «доброхотных» и «добровольных» пожертвований простого народа.

Бухарский опыт деятельности религиозной полиции распространялся и на другие мусульманские ханства региона, однако частично. Поэтому после установления царской власти на российских территориях Средней Азии (Русском Туркестане) она продолжала действовать, хотя с каждым годом становилось все более очевидной ее несовместимость с российскими законами и новой системой власти в регионе. Поэтому первый туркестанский генерал К.П. Кауфман в 1874 г. ликвидировал институт религиозной полиции в крае. Это не вызвало сильного недовольства в коренном социуме, так как большинство мусульман тяготились строгим полицейским надзором за их религиозным поведением. Но исламское духовенство и наиболее фанатичные верующие были, конечно, этим недовольны. Однако царская власть, не думая о последствиях своего шага, считала гуманным актом раскрепощение мусульман края от зоркого ока их религиозной полиции.

Газета «Туркестанские ведомости» писала со слов мусульманских мулл-таджиков: «До прихода русских, когда существовала должность раиса, в мечеть ходили из 30 прихожан 15-20, с занятием же округа (Зеравшанского - В.Л.) русскими и с уничтожением раисов из такого же числа прихожан в мечеть являются на молитву 5 или много 10 и то исключительно старики»[366]. Сенатор-ревизор Туркестанского края в 1908-1909 гг. К.К. Пален писал: «Упразднение должности раисов - этого религиозно-политического гнета, много веков тяготевшего над жизнью правоверного, *имело своим*

---

[365] Управление Ташкентом при кокандском владычества (как характеристика администрации среднеазиатских городов) // Проект Положения об управлении в Семиреченский и Сыр-дарьинской областях. Ташкент, 1880. С. 259-260.
[366] Туркестанские ведомости. 1871. № 17. 24 мая.

последствием падением нравственности. Народ, освобожденный от грозной и зоркой опеки раисов, в упоении дарованной ему свободы, предался пьянству и разврату. Пожилые и уравновешенные люди, а также все те, кто крепко и цепко держался седой старины, отрицательно и враждебно смотрели на вводимые нами реформы, считая, что русская власть ведет народ по пути неверия и безнравственности… В поданных Ревизии прошениях неоднократно указывается на желательность восстановления должности раисов и необходимость сокращения в русских городах питейных заведений, где безнаказанно развращается мусульманская молодежь»[367]. (Курс. – В.Л.)

Большой знаток Туркестана В.П. Наливкин указывал: «Оказались упраздненными кази-раисы, побиение камнями, отсечение рук, плети, все то, на чем при ханском правительстве держалось здание показной нравственности и показного благочестия, чем сдерживались порывы так называемых общественных темпераментов, что заставляло любителей женщин, вина и азартных игр тщательно скрывать свои похождения в укромных уголках, под покровом темных ночей. Как только кази-раис с его плетью, нещадно бившей ранее туземца за пьянство, за несоблюдение поста и за непосещение мечети, оказался упраздненным, люди с темпераментом, увидев себя свободными и более ненаказуемыми, дали волю своим вожделениям. Мужчины толпами шли в открывшиеся питейные заведения…Жены уходили от мужей, а дочери от родителей и поступали в дома терпимости, издеваясь над теми, кто еще несколько дней тому назад мог вывести их за город и побить камнями, Мечети стали пустеть. Случаи почти нескрываемых нарушений шариатных постановлений о посте стали встречаться все чаще и чаще… Так же и раньше праздновал свою свободу всякий человек, всякий народ, которого умышленно и злонамеренно

[367] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3959 - Дело о преобразовании управления Туркестанского края (6 января - 27 июня 1911). Л. 47.

заставляли долгое время носить тяжкие, несвойственные ему нравственные вериги»[368].

Зарубежная исследовательница Е. Бэкон тоже признавала, что «упразднение раисов привело к резкому сокращению посещения мечетей. Многие мусульмане стали небрежно соблюдать свои религиозные обязанности»[369]. Военный губернатор Самаркандской области, генерал-майор Н.С. Лыкошин отмечал, что до прихода России в Туркестан раисы наблюдали за религиозной нравственностью мусульман Средней Азии, соблюдением ими установлений веры, а их помощники - «мухтасибы» наказывали ослушников плетьми и т.п. Он указывал, что после отмены Кауфманом раисов, «благочестие мусульман сразу несколько поослабло; всякий, кого гнал в мечеть страх перед раисом – безнаказанно оставался дома»[370]. Однако, по его мнению, ликвидация института раисов никак не бросила тень на веротерпимость русских властей Туркестана по отношению к исламу и его приверженцам.

Участники кровопролитного антирусского Андижанского восстания 1898 г. на допросах «единогласно показывали, что они не терпят особенных несправедливостей и притеснений со стороны завоевателей, но что они ненавидят русских за тот разврат, какой они вносят в жизнь магометанского населения; что, соприкасаясь с русскими, не уважающими своей веры и закона, и мусульмане начинают пренебрегать правилами ислама; что от русских они научаются пьянству, расточительности, обманам и сутяжничеству, что русские внесли разврат в семейную жизнь магометан и благодаря им появилась неизвестная в Туркестане ранее проституция»[371].

По мнению современного узбекского историка Б.М. Бабаджанова, такие обвинения были беспочвенными, так как русские власти сами

---

[368] *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент: А.Л. Кирснер, 1913. С. 87.
[369] *Bacon E.E.* Central Asians under Russian rule. A study of Cultural Change. N-Y: Cornell univ. press, 1966. P. 112.
[370] *Лыкошин Н.С.* Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Петроград: Т-ва В.А. Березовский, 1917. С. 11.
[371] Туркестанские епархиальные ведомости. 1908. № 19. 1 октября.

осуждали порочное поведение «туземцев» - пьянство, курение опиума и анаши (гашиша), проституцию и т.п.[372].

Диссертант полагает, что скрытное разложение нравственности многих мусульман началось еще задолго до появления России в Средней Азии. Так, например, мусульманский ученый Мулла Холбек ибн Мухаммад Мусса Андижони в «Книге боев Аликули и записках чужестранца» писал о том, что в Кокандском ханстве развились «бачабазлик (мужеложество – В.Л.), пьянство. Не боясь наказания Бога, многие занимались этим. Главой народа стали извращенцы и негодяи… Они и стали аксакалами и арбачами (старостами), стали совершать гнусные дела. Люди знания молчали, народ терпел унижения. Ученые и умные убежали в угол затворничества, совершались те дела, которые не должны делать мусульмане. Народ Лота совершал грех. С каждого города пришли подлые и изменники… выдавали себя за знатоков дела. Увидев их, обманщики и подлые люди стали брать у них пример»[373]. Не лучшим было состояние нравственности в Бухарском ханстве. Русский унтер-офицер Филипп Ефремов, в 1774-1782 гг. побывавший там в плену, писал о разложении нравов бухарских мусульман: «*Любители* (любовники - В.Л.) *приходят* (в гаремы – В.Л.) *в женском платье и веселятся*, а иногда жены сказывают мужьям своим, якобы ушли в гости, а вместо того уходят в другое место, где с любителями пребывают»[374]. (Курс. – В.Л.)

О развращенности правителей среднеазиатских ханств писал А. Вамбери. Таким образом, установление русской власти в Туркестане способствовало выходу наружу пороков, которые долгое время скрывались в недрах мусульманского социума в регионе. Элементарная логика подсказывает, что если бы это было не так, то бухарский эмир Шах-Мурад вряд ли стал бы учреждать задолго до утверждения русской власти в Средней

---

[372] Туркестан в имперской политике России: Монография в документах. Отв. ред. Т.В. Котюкова. М., 2016. С. 803.
[373] *Вахабов М.* Ташкент в годы трех революций. Ташкент: Госиздат УзССР, 1957. С. 85.
[374] *Ефремов Ф.* Девятилетнее странствование. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1952. С. 33-34.

Азии «полицию нравов», при отсутствии серьезных нарушений правил религиозного поведения людей.

Несмотря на ликвидацию института раисов в Русском Туркестане, в Бухарском ханстве он продолжал функционировать. Современный таджикский историк Р. Ахмедов пишет о том, что в эмирате каждый раис был обязан следить «за посещением мечетей правоверными и исполнением ими своих обязанностей, записанных в священных писаниях. Он командовал полицейскими, которые плетью, по приказу раиса, наказывали нарушителей» [375] . Вместе с тем, существование в соседнем Русском Туркестане свободных от повседневной религиозной полицейской опеки мусульман, конечно же, влияло на их бухарских единоверцев. С каждым годом они все больше переселялись в российские области Средней Азии, причем, при этом многие из них сохраняли бухарское подданство. Но на них здесь уже не распространялись ни полицейские, ни иные установления Бухарского ханства.

Полиция среднеазиатских ханств (Кокандского до 1876 г.) была обязана относиться весьма предупредительно к российским подданным, проживавшим на их территории, независимо от их религиозной принадлежности, то есть даже к мусульманам – имперским татарам, башкирам, азербайджанцам и проч. С. Айни писал о том, что, «согласно договору между русским правительством и эмиром», бухарская полиция не имела «права арестовывать русского подданного из-за какого бы то ни было проступка или преступления» [376] . Однако ниже, противореча себе, он указывал, что «по договоренности между эмиром и царским правительством, эмир обязывался арестовывать беглецов, подданных России и передавать их Политическому агенту»[377]. Точно так же должна была поступать и полиция в Хивинском ханстве на основе его договора с Россией, заключенного в 1873 г. После смерти эмира Музаффара, в конце 1885 г. было учреждено

[375] *Ахмедов Р.* Материалы по истории таджикского народа. Душанбе: Фан, 2004. С. 55.
[376] Айни Садриддин. Указ. соч. С. 440.
[377] Там же. С. 460.

Императорское Политическое Агентство в Бухаре, глава которого надзирал за соответствующей деятельностью бухарских властей[378]. За хивинской администрацией следил начальник Амударьинского отдела, Сырдарьинской области. Но не только он один. К сожалению, немногие знают о том, что после подписания российско-хивинского договора 1873 г. был образован новый «диван» (правительство) ханства, в состав которого, кроме самого хана, мехтера и других высших сановников, вошли также три русских офицера с тем, чтобы обеспечивать контроль над поведением местных властей[379].

Таким образом, полиция существовала в среднеазиатских ханствах со времени их образования. Она строилась и действовала на основе опыта полицейской служб в странах исламского мира, а также местных традиций, нравов и обычаев. Сыск тайной полиции в ханствах руководствовался сложившейся политической ситуацией в них и предписаниями региональных интерпретаций мусульманского права (шариата). Он был жесток по отношению к противникам существующей власти и подчинялся непосредственно самим ханам.

Появление мусульманской религиозной полиции в Средней Азии было связано со снижением уровня вероисповедной дисциплины среди верующих. Представляется очевидным, что деятельность раисов улучшила его только поверхностно, поскольку их отмена в Русском Туркестане вызвала быстрое проявление тех тенденций в жизни верующих, которые долгое время скрывались под гнетом властного надзора. Безусловно, это способствовало демократизации жизни коренного социума региона, но стало проблематичным для поддержания в его рядах должного религиозно-нравственного порядка и вызвало протестные настроения среди наиболее фанатичных адептов религии Пророка. Сохранение института религиозной

---

[378] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об учреждении Политического Агентства в Бухаре. 12 ноября 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 3274. С. 453.

[379] См.: *Иванов П.П.* Очерки истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). М., 1958. С. 416.

полиции в Бухарском ханстве, по соседству со свободой мусульман в Туркестанском крае, порождало много проблем для правительства эмирата. Наиболее вольномыслящие приверженцы ислама стремились перебраться в российские области Средней Азии. В меньшей мере этот процесс затронул Хивинское ханство. Бухарская и хивинская традиционная мусульманская полиция была ограничена в своих правах по отношению к российским подданным, проживавшим на территории ханств, что было установлено их договорами с царским правительством.

***

Вышеизложенное позволяет утверждать, что полицейские системы в России и Средней Азии до ее присоединения к империи имели истоки еще в недрах потестарного общества. В этом проявлялась их схожесть, отражавшая преимущественно диалектическую категорию *общего*. С возникновением государственности в указанных регионах мира обнаружили свое действие категории *единичного* и *особенного*. В процессе общественно-исторического развития между указанными системами возникли серьезные различия, хотя общая функция – охрана должного порядка была изначально присуща обеим. По сути, *общее* усматривается и в существовании в них форм военно-административного управления. В России оно сложилось в древности, когда функции полиции исполняли княжеские дружинники. В последующем на их основе сложилась административная модель «военно-народного управления», со значительным сегментом полицейских полномочий. Армейские представители играли большую роль в их исполнении. Роль военных в администрации и полиции отчасти снизилась после губернской реформы 1775 г. императрицы Екатерины II. Она разделила полицию страны на сельскую и городскую. Образованное на основе реформы «Общее губернское учреждение» установило две административные модели – по «общему» и «особому» государственным установлениям. «Особое

учреждение» предполагало управление национальными окраинами Российской империи. Применительно к полиции оно обязательно включало в себя нормы «Общего губернского учреждения», но содержало в себе значительные специфические положения, соответствующие особенностям управляемого региона. Военная составляющая в полиции оставалась значительной. Армейские офицеры переходили в ее ряды на начальствующие должности, а унтер-офицеры и рядовые пополняли кадры низшего полицейского звена. Министры внутренних дел тоже имели армейские генеральские звания. В конце 1862 г. в стране была проведена крупная реформа полиции, которая ликвидировала ее деление на сельскую и городскую и установила, так называемую «общую» полицию, подчиненную МВД. Таким образом, в канун присоединения Средней Азии к России была образована та модель полиции, которая просуществовала в стране до падения царского самодержавия. Естественно, что она была распространена в последующем и на указанный регион, однако в специфической форме - в отличие от абсолютного большинства краев, губерний и областей царской империи, полиция в Русском Туркестане не подчинялась МВД, а находилась в ведении военного министерства. Это усилило милитарное присутствие в ее рядах. Уездной полицией руководили армейские штаб-офицеры (подполковники, полковники), областной – военные губернаторы (генерал-майоры, генерал-лейтенанты). Начальником краевой полиции являлся туркестанский генерал-губернатор (генерал-лейтенант, «полный» генерал)[380]. Вместе с тем, «военно-народное управление» в российских областях Средней Азии не имело ничего общего с милитаризмом, поскольку туркестанская полиция была более гражданским формированием, нежели военным, а ее служители в штатных расписаниях выступали в цивильных «классах» по чинопроизводству. Значительную часть полицейских кадров в Русском

[380] «Полный» генерал: генерал от инфантерии (пехоты), генерал от артиллерии, генерал от кавалерии – В.Л.

Туркестане составляли вольнонаемные гражданские лица, не имевшие ни военных званий, ни «классных» чинов.

В среднеазиатских ханствах полиция существовала со времени их образования. Она усвоила опыт работы полиции в странах исламского мира и действовала на основе установлений мусульманского права (шариата). Традиционной полицией руководили «курбаши», она делилась на сотни (во главе с «юзбаши»), состоящие из рядовых полицейских – «шабгардов». Ее деятельность осуществлялась с вечера до утра. Свободное передвижение жителей в это время запрещалось (кроме врачей, аптекарей и повивальных бабок) и полиция отлавливала нарушителей запретов, пресекала воровство, кражи, содержание притонов и т.п. Важной частью ее деятельности являлся тайный полицейский сыск. Он руководствовался сложившейся политической ситуацией в ханствах и был жесток по отношению к противникам существующей власти, подчиняясь непосредственно самим ханам. Иногда он сам выступал приспешником заговоров против властвующих правителей. Среднеазиатские ханства отличались от стран исламского мира наличием института религиозной полиции, учрежденной в конце XVIII в. бухарским эмиром Шах-Мурадом в целях улучшения вероисповедной дисциплины среди верующих. Больших результатов это не принесло, однако держало мусульман в страхе перед наказанием. Тем не менее, порочное поведение в их среде продолжало существовать. Власти Русского Туркестана отменили указанный институт раисов, что не вызвало недовольства среди коренного населения. В Бухарском ханстве он продолжал существовать. Таким образом, сосуществование двух различных полицейских систем в дореволюционной Средней Азии позволяет утверждать о том, что оно носило характер, сочетавший в себе признаки универсальных законов и категорий диалектики. Есть основания утверждать о том, что под влиянием русской власти деятельность полиции в среднеазиатских ханствах становилась мягче и терпимее, хотя и весьма относительно.

ГЛАВА 3. СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДОКТРИНЫ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ

Как известно, любая доктрина представляет собой систематизированную совокупность принципов, предназначенных для реализации в той или иной форме жизнедеятельности. Действительная наука всегда доктринальна в своей основе. Она же характерна и для многих направлений государственной жизни – внешней и внутренней политики, обороны, законотворчества и т.п. Все виды власти – от высшей до низшей – покоятся на соответствующих политических доктринах.

Таким образом, жизнь любого государства и общества нуждается в доктринах для регламентации с их помощью поведения населения, норм морали, обычаев, традиций и т.п. Однако наиболее действенным является правовое регулирование, закрепляющее юридически доктринальные положения. В царской России вся социально-политическая жизнь строго определялась законами. Ее направления, основанные на соответствующих правовых установлениях, приобретали доктринальные характер – например, функционирование царской власти, государственно-религиозные отношения, семейно-брачные отношения и т.п.

Важным элементом доктрины царской власти всегда было полицейское законодательство. Как общегосударственный институт оно было достаточно гибким. Его нормы распространялись на всю территорию Российской империи, однако на местах они действовали в соответствии с региональной спецификой. Именно так формировалась полицейская доктрина для Русского Туркестана. Как отмечалось, региональная полиция соблюдала все нормы общероссийского права, но, в отличие от большинства краев, губерний и областей, подчинялась не МВД, а военному министерству. Это соответствовало диалектическим категориям *общего, единичного* и *особенного*, где в качестве «единичного» выступает Русский Туркестан, а «особенного» - его законодательная идентичность в сфере общероссийского полицейского права.

В данной главе диссертационного исследования рассматривается сущность основных этапов формирования полицейской доктрины на российских территориях Средней Азии в дореволюционный период.

3.1. Нормативно-правовое обеспечение организации и деятельности полиции в крае (1865-1886 гг.)

Присоединение Средней Азии к Российской империи происходило во время «великих реформ» 1860-1870-х гг. и стало последним крупным территориальным приобретением в ее истории. Как отмечалось, в феврале 1865 г. была образована Туркестанская область в составе Оренбургского генерал-губернаторства[381]. Ее возглавил генерал-майор М.Г. Черняев. Вскоре после того, как 15 июня 1865 г. русские войска под его предводительством взяли Ташкент, ставший центром новой области, было утверждено «Временное положение» об управлении ею[382]. Оно учреждало в ней «военно-народное» управление, которое составляли: «а) Военный губернатор; б) Начальники Отделов области и в) Управляющие туземным населением»[383]. Его смысл заключался в прямом диалоге русской военной власти с коренным населением Средней Азии, которому оставлялись его традиционные институты – народные суды, органы местного самоуправления, в том числе полиция. Все указанные лица наделялись полицейскими полномочиями по отношению к коренному населению. В Чимкенте, Туркестане и Аулие-ата были учреждены должности городничих из обер-офицеров, которые

---

[381] Именной, объявленный в приказе Военного Министра - Об упразднении Управления Сыр-Дарьинской Линией и образовании вместо Оного Управления Туркестанской области. 12 февраля 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41870. С. 261-262

[382] Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд.1.СПб., 1867. № 42372. С. 876-881; см. также: Временное положение об управлении Туркестанской областью // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1865. № 77. 31 августа. С. 550-556.

[383] Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд.1.СПб., 1867. № 42372. С. 880.

командовали местной полицией[384]. В отличие от российских губерний и областей, в Туркестанской области на всех уровнях управления административная власть сливалась с полицейской.

«Временное положение об управлении Туркестанской области» от 6 августа 1865 г. сразу обнаружило немало недостатков, в связи с чем правительство поручило его переработку военному губернатору Туркестанской области. Поскольку в марте 1866 г. Черняев был отстранен от должности, эта задача была возложена на его преемника – генерал-майора Д.И. Романовского. Он образовал специальную комиссию, возглавляемую действительным статским советником Холодковским. Она разработала проект нового положения об управлении Туркестанской областью. Он присваивал ее военному губернатору права полицейского начальника «на общих правилах, установленных для губернаторов и на основании тех инструкций, какими будет снабжен от Главного начальника Оренбургского края»[385].

Проект делил область на 4 округа и 14 отделов. Главы округов и отделов возглавляли полицию в подведомственных им пределах. Проект 1866 г. предусматривал и существование уездных управлений: «Заведующий населением стоит в главе уездного управления: он есть главный начальник уезда. Он наблюдает за *полицейским управлением* непосредственно или через своего помощника»[386]. (Курс. – В.Л.) Уездное полицейское управление руководствовалось общими (имперскими) установлениями о правах о обязанностях полиции. Проект возлагал полицейские функции на органы местного самоуправления – биев у кочевников и аксакалов – у оседлых жителей. Он указывал: «Бии и аксакалы исполняют все полицейские обязанности как по благочинию, так и по благоустройству, согласно их

---

[384] Высочайше утвержденный 6 августа 1865 года Временный штат управления Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 2. СПб., 1867. № 42372. С. 298.

[385] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4734 - Временное Положение об управлении Туркестанской областью. Л. 2.

[386] Там же. Л. 11 об.

установившимся обычаям. Бии и аксакалы исполняют беспрекословно все требования и предписания начальника отдела и действуют по его указанию»[387]. Проект наделял их правом «подвергать виновных взысканию назначением общественных работ до 3-х дней или денежному штрафу до 2-х рублей или аресту не долее 3-х дней, за исключением почетных биев и султанов, а также почетных сартов»[388]. Документ был направлен в военное министерство, рассмотрен там, но не получил дальнейшего продвижения, поскольку правительство решило создать в Средней Азии отдельное генерал-губернаторство, состоящее из двух областей: Семиреченской, выделив для этого Алатавский округ из состава Семипалатинской области, и Сырдарьинской, образованной на основе Туркестанской области. Комитет министров счел, что «Временное положение» 1865 г. не отвечало государственным интересам в Средней Азии, и поручил подготовить документ об управлении новым генерал-губернаторством, так называемой «Степной комиссии» под председательством Ф.К. Гирса. Проект «Положения» об управлении в областях будущего Туркестанского генерал-губернаторства был рассмотрен в 1867 г. в «Особом комитете по устройству наших среднеазиатских владений», составленном из представителей министерств: военного, внутренних и иностранных дел.

Безусловно, содержание Проекта 1867 г. не могло не включать положения «Общего губернского учреждения». Например, оно трактовало полицейские полномочия туркестанского генерал-губернатора по этому документу, но с дополнениями, изложенными в проекте и в «Положении» о Туркестанском военном округе [389]. Ссылки на полицейские полномочия

---

[387] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4768 - Проект Положения о Туркестанской области по военно-народному управлению. Л. 13 об.

[388] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4734 - Временное Положение об управлении Туркестанской областью. Л. 26 об.

[389] Проект положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. С. 2; Именной, объявленный в приказе Военного Министра - Об учреждении Туркестанского Военного Округа. 13 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 48844. С.1156-1164; Высочайше утвержденное 13 июля 1867 года – Дополнение к Положению о военно-окружных управлениях по применению оного к Туркестанскому

военных губернаторов по «Общему губернскому учреждению» содержались в § 19 Проекта 1867 г., но с указанием на дополнения к ним, установленным этим документом[390]. На уездном уровне ссылка на «Общее учреждение губернское» была лишь одна - § 60 указывал: «Уездный начальник по делам полицейским пользуется правом Уездного исправника»[391]. Начальники уездов Туркестанского края наделялись широкими полномочиями. В § 45 отмечалось: «Уездный начальник есть власть административная и полицейская»[392]. Таким образом, значение уездных начальников как руководителей местной полиции в регионе было выше, нежели статус их коллег в губерниях, управлявшихся на основании «Общего губернского учреждения». Если там они назначались губернаторами и МВД, то, по § 67-му Проекта 1867 г., начальники уездной полиции в Туркестанском крае назначались «высочайшими», то есть царскими приказами, по представлению генерал-губернатора[393].

Важно отметить, что документ обеспечивал полицейскую защиту прав «туземных» женщин. Он гласил: «В брачных делах сторона, недовольная решением народного суда, может обратиться с жалобою к уездному начальнику, который решает дело, а, по более важным – представляет военному губернатору на его усмотрение»[394]. Это относилось к кочевницам. Но защищались и права мусульманок из числа оседлых жителей. Проект указывал: «В делах брачных и посемейных сторона, недовольная решением казиев, может обратиться с жалобою к уездному начальнику, который или решает дело сам, или представляет на усмотрение военного губернатора»[395].

военному округу. // ПСЗРИ-2. Т. 42, Отд. 1. СПб., 1871. № 44844. С. 1159-1161; Высочайше утвержденное 13 июля 1867 года – Положение о военном управлении в областях Туркестанского военного округа. 13 июля 1867 года. // ПСЗРИ-2. Т. 42, Отд. 1. СПб., 1871. № 44844. С. 1161-1164.

[390] Проект положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. С. 4.

[391] Там же. С. 11.

[392] Там же. С. 9.

[393] Там же. С. 12.

[394] Там же. § 203. С. 31.

[395] Там же. § 235.

Проект сохранял традиционную мусульманскую полицию, но подчинял ее уездным начальникам[396]. В «столице» края – Ташкенте, она находилась в ведении начальника города, но это не противоречило Проекту, поскольку тому предоставлялись права начальника уезда. В Семиреченской области не было «туземной» полиции. Авторы проекта указывали: «В Верном для заведывания городом в полицейском отношении полагается Городничий по штату. В других, менее значительных городах Семиреченской и Сыр-дарьинской областей особых городничих не полагается, а обязанности их возлагаются на уездных начальников»[397]. Согласно Проекту, в сельской местности, населенной кочевниками, полицейская власть принадлежала «туземной администрации» - аульным и волостным старшинам.

Комитет министров отправил «Проект положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях» на рассмотрение так называемых «заинтересованных» министерств и ведомств. Большинство из них поддержали его, однако министерства финансов и юстиции воздержались от этого. Документ был вынесен на заседание правительства. 4 июля 1867 г. оно отмечало: «Комитет министров находит, что проект этот, как предварительно не согласованный с Министерствами финансов и юстиции, в настоящее время утвержден быть не может»[398]. Вместе с тем, правительство указало, что, принимая во внимание заявление военного министра, оно считает возможным «испросить Высочайшее соизволение Его Императорского Величества на приведение ныне же в исполнение следующих мероприятий: образовать Туркестанское генерал-губернаторство в составе двух областей и *поручить будущему генерал-губернатору на месте, сообразуясь с местными условиями доработать проект и подать его*

---

[396] Проект положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. § 63. С. 11

[397] Объяснительная записка к Положению и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сырдарьинской областей. СПб., 1867. С. 10.

[398] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях. СПб., типограф. воен. м-ства, 1867. Без указания страницы.

на законодательное утверждение»[399]. (Курс. – В.Л.) Царь Александр II надписал на «Журнале Комитета министров»: «Исполнить»[400]. В итоге в июле 1867 г. было учреждено Туркестанское генерал-губернаторство и образован одноименный военный округ[401]. Первым генерал-губернатором был назначен генерал-адъютант К. П. фон Кауфман. С разрешения царя, Проект 1867 г. был запущен в административные оборот и действовал до 1 января 1887 г.

Следуя поставленной правительством задаче доработать проект «Туркестанского положения» 1867 г., Кауфман в 1871 г. представил свой вариант «Положения об управлении Туркестанским краем». Нелишне заметить, что в этом документе Кауфман больше не применял термин «военно-народное управление», а писал только о «народном» таковом. Он планировал создание многоступенчатой системы управления, которая состояла бы из генерал-губернатора, Совета Главного управления, областных, уездных, волостных и окружных управлений. У каждого из этих административных уровней были свои полицейские полномочия. Наиболее широкими они были, естественно, у туркестанского генерал-губернатора и не только соотносились с прерогативами его коллег, определенными «Общим губернским учреждением», но даже превосходили их. Так, например, Кауфман, предлагая предоставить ему полицейское право «собственной властью высылать административным порядком всякое лицо, не состоящее на государственной службе под присмотр полиции во всякую часть генерал-губернаторства, по своему усмотрению», требовал, чтобы «*никакие места и лица и даже Правительствующий Сенат*» не только не входили, но и вообще не принимали «к своему рассмотрению все жалобы на удаление из

---

[399] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях. СПб., типограф. воен. м-ства, 1867. Без указания страницы.

[400] Там же.

[401] Именной, данный Сенату - Об учреждении Туркестанского Генерал-Губернаторства в составе двух областей Семиреченской и Сыр-Дарьинской. 11 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44831. С.1150-1151; Именной, объявленный в приказе Военного Министра 14-го того же июля - Об учреждении Туркестанского Военного Округа. 13 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 48844. С.1156-1164.

края лиц по власти, Главному управлению представленной»[402]. (Курс. – В.Л.) Документ указывал, что «ему же предоставляется право передоверять эту власть губернаторам в пределах их областей и уездным начальникам в пределах их уездов»[403].

Проект 1871 г. указывал, что «губернатор есть высшая полицейско-административная власть в области. Он пользуется общими правами, губернаторам предоставленными»[404]. Наиболее очевидно полицейская власть в регионе была представлена в Проекте 1871 г. относительно уездного уровня. Он устанавливал деление Семиреченской области на 5 уездов, а Сырдарьинской – на 7. § 44 документа гласил: «Высшая полицейско-административная власть в уезде есть Уездный Начальник. В сем смысле он пользуется правами Уездного Исправника и Полицейского Управления»[405]. Здесь явно просматривается влияние «Общего губернского учреждения». Если, по «Туркестанскому положению» 1867 г., начальники уездной полиции назначались «высочайшими» указами, то Кауфман в проекте 1871 г. присвоил эту прерогативу себе: «Уездные Начальники определяются и увольняются Генерал-губернатором» [406] . Документ делил уезды на полицейские участки. Он отмечал: «В полицейско-административном отношении Участковый начальник исполняет обязанности и пользуется правами Станового пристава, с теми изменениями и дополнениями, кои указаны будут инструкциями Совета Главного Управления»[407]. Его авторы надеялись, что «образование этой новой должности не только усилит надзор полицейский, установит прочность в ведении дел наибольшей важности, но и даст русской власти… ближе соприкоснуться с населением и, следовательно, утвердиться в нем»[408].

---

[402] РГИА. Ф. 37. Оп. 53. Д. 815 – С Проектом Положения об управлении Туркестанского края. (3 ноября 1871 – 17 марта 1872 года). Л. 5.
[403] Там же.
[404] Там же. § 37. Л. 7.
[405] Там же. Л. 7 об.
[406] Там же.
[407] Там же. § 48.
[408] Там же. Л. 53.

Вместо селений – аулов и кишлаков проект 1871 г. вводил «округи», население которых составляло сельское общество численностью от 500 до 2000 чел. § 116 документа указывал: «Власть в Округе *в полицейском* и распорядительном отношении принадлежит Старшине»[409]. (Курс. – В.Л.) § 123 накладывал на окружных руководителей полицейские обязанности: «Старшина в пределах округи *по части полицейской обязан*: 1) объявлять по приказанию волостного управителя законы и распоряжения правительства и наблюдать за нераспространением в пределах округи подложных Указов и вредных для общественного спокойствия слухов; 2) охранять благочиние в общественных местах и безопасность лиц и имущества от преступных действий, а также принимать первоначальные меры для восстановления нарушенной тишины, порядка и безопасности, впредь до распоряжения высших властей; 3) задерживать бродяг, не приписанных ни к одной округе. Беглых и военных дезертиров и предоставлять их волостному управителю; 4) доносить волостному управителю и в случаях крайней важности и непосредственно Участковому начальнику о преступлениях и беспорядках, случившихся в округе; 5) наблюдать за точным исполнением всеми и каждым законов и охранять неприкосновенность прав имущественных и прав поземельного пользования; 6) немедленно доносить по начальству о всех чрезвычайных происшествиях в округе; 7) предупреждать и пресекать преступления и проступки; *принимать полицейские меры* для открытия и задержания виновных и предоставлять их на дальнейшее распоряжение управителя»[410]. (Курс. – В.Л.)

5-10 смежных «округ» составляли волость. § 134 гласил: «Власть в волости в полицейском и административном отношениях принадлежит Волостному управителю»[411]. § 141 отмечал: «Волостной управитель *в пределах волости облекается властью полицейской* и распорядительной. Он

[409] РГИА. Ф. 37. Оп. 53. Д. 815 – С Проектом Положения об управлении Туркестанского края. (3 ноября 1871 – 17 марта 1872 года). § 48. Л. 22.
[410] Там же. Л. 22 об – 23.
[411] Там же. Л. 22.

ответствует за сохранение в волости общего порядка, спокойствия и благочиния» [412] . (Курс. – В.Л.) Ему подчиняются окружные старшины. Волостной управитель по части полицейской имел те же обязанности, что и окружной старшина, но был обязан доносить обо всем Участковому начальнику. § 144 устанавливал: «Волостной управитель собственной властью волен за буйство, драку оштрафовать каждое лицо в пределах своей волости до 3 рублей штрафа и, в случае отказа виновного в уплате, имеет право арестовать на срок не свыше 3 дней»[413]. § 145 отмечал: «В случае явного неповиновения законным его требованиям, Волостной управитель, как власть имеет право арестовать для предоставления по начальству всякое лицо в пределах своей волости. Из сего изъемлются лишь лица, служащие в Туркестанском крае, когда они в форменной одежде. По отношению к ним Волостной управитель составляет акт и предоставляет таковой по начальству»[414].

Проект 1871 г. предполагал и организацию городской полиции в Туркестанском крае. В частности, в нем содержалось новое название Ташкента – Александровград. § 54 гласил: «В городах Александровграде и Верном учреждаются отдельные от уездных управлений Полицейские Управления, действующие на общих, законом установленных правах, с теми изменениями и дополнениями, кои инструкциями Совета Главного Управления определены будут. Полицейские власти, в прочих городах установленные, подчиняются уездным начальникам»[415].

Заявляя о необходимости реализации своих планов, администрация Кауфмана подчеркивала, что «Туркестанский край по многочисленным особенностям своим, пока не может еще подчиняться совершенно

---

[412] РГИА. Ф. 37. Оп. 53. Д. 815 – С Проектом Положения об управлении Туркестанского края. (3 ноября 1871 – 17 марта 1872 года). § 48. Л. 25.
[413] Там же. Л. 26 об.
[414] Там же. Л. 26 об-27.
[415] Там же. Л. 8.

единообразным с прочими частями Империи законам»[416]. То есть он не мог управляться только на основании норм «Общего губернского учреждения».

Однако, при обсуждении проекта в правительстве, он встретил существенные замечания и возражения со стороны ряда министерств и был возвращен туркестанскому генерал-губернатору для доработки.

Исследователь Д.В. Васильев признает факт отклонения правительством проекта «Туркестанского положения» 1871 г., но не объясняет причин этого[417]. Диссертант считает, что Кауфман сознательно заявил в этом документе слишком большие и амбициозные претензии, ставившие Туркестанский край в исключительные условия, по сравнению с другими генерал-губернаторствами Российской империи. По его мнению, это не было следствием личного высокомерия Кауфмана, хотя он и не был его лишен. Автор полагает, что туркестанский генерал-губернатор намеренно (не без ведома военного министра и царя) составил проект так, чтобы его отвергли в правительстве. Вместе со своими покровителями он считал, что «Туркестанское положение» 1867 г. еще не исчерпало свой потенциал в части простора для личной «творческой» административной импровизации, которая была необходима для управления малоизвестным краем. Но при этом все-таки было необходимо соблюсти существующие правила прохождения законопроектов. Поэтому правительство потребовало от Кауфмана переработать представленный проект, согласно замечаниям министерств и ведомств, и направить его на новое обсуждение.

В начале 1873 г. Кауфман представил еще один проект «Туркестанского положения», но и он не был утвержден в «законодательном порядке, ибо общие основания и существенные части его признаны были некоторыми Министерствами (особенно Министерством иностранных дел и финансов) неудовлетворительными и требующими коренной

[416] РГИА. Ф. 37. Оп. 53. Д. 815 – С Проектом Положения об управлении Туркестанского края. (3 ноября 1871 – 17 марта 1872 года). § 48. Л. 55.

[417] *Васильев Д.В.* Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. / Д.В. Васильев. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 221.

переработки»[418]. К.П. Кауфман писал военному министру Д.А. Милютину о том, что его законопроект «не подрывает ни сложившихся начал, ни законов Магомета» и отмечал, что «нельзя управлять краем, опираясь исключительно на войска, ибо в таком случае «туземцы» будут видеть в русской администрации «*не власть, а полицейских агентов* и, быть может, пожалеет о временах мусульманского управления»[419]. (Курс. – В.Л.)

Проект 1873 г. предлагал образование в Туркестанском генерал-губернаторстве (крае) трех областей - Семиреченской, Сырдарьинской и Самаркандской. Как и аналогичный документ 1871 г., он наделял общими полицейскими полномочиями генерал-губернатора и военных губернаторов областей, которые основывались на положениях «Общего губернского учреждения». Статья 15-я указывала: «Туркестанский генерал-губернатор по военному народному управлению в областях действует на общих правах, предоставленным начальникам губерний в других частях Империи с изменениями, указанными в сем Положении» [420] . Его полицейские полномочия простирались до права административной ссылки неблагонадежных лиц. Статья 21-я отмечала: «Генерал-губернатор имеет право, в случае политической неблагонадежности туземцев по таким их деяниям, которые не могут быть доказаны судом, высылать этих людей административным порядком в отдаленные места империи на срок по его усмотрению»[421]. Статья 28-я присваивала полицейские полномочия военным губернаторам областей края. Однако непосредственное осуществление полицейских функций, безусловно, сосредоточивалось на уездном уровне.

---

[418] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1758 – Объяснительная записка к Проекту Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве, составленная Колпаковским, Абрамовым и др. Л. 2 об.

[419] Савицкий А.П. Поземельный вопрос в Туркестане. Ташкент, 1963. С. 75, 79.

[420] РГИА. Ф. 560. Оп. 21. Д. 230 - По сообщенному г. Военным Министром Проекту Положения об управлении туркестанским краем: О назначении Члена от Министерства Финансов в комиссию для рассмотрения проекта. (31 января 1873 - 27 февраля 1875). Л. 20 об.

[421] Там же. Л. 20.

Статья 54-я проекта гласила: «Уездные начальники по полицейскому управлению уездами руководствуются учреждением и наказом Земской полиции и пользуются правами уездного исправника и уездного полицейского управления»[422]. Это тоже согласовывалось с установлениями «Общего губернского учреждения» и закона о полиции от 25 декабря 1862 года [423] . В областных городах – Ташкенте, Верном и Самарканде предполагалось образование отдельных полицейских управлений, которые бы подчинялись не соответствующим уездным начальникам, а «непосредственно областному управлению» [424] . Они должны были действовать на основании общеимперских законов. Проект 1873 г. лишал начальника г. Ташкента присущих ему полицейских полномочий и оставлял за ним статус уездного начальника *только по административной части*. При каждом уездном начальнике учреждались должности городских полицейских приставов по штату.

Проект отмечал: «Для исполнения обязанностей полицейских команд в уездных и областных городах командируется в распоряжение уездных начальников, городских и полицейских управлений нужное число нижних чинов от войска»[425]. Он указывал: «Полицейские пристава руководствуются Общим учреждением о городской полиции»[426]. Статья 57-я гласила: «В тех городах, где нет особых полицейских управлений или полицейских

---

[422] Положение об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства. СПб., 1873. // РГВИА. Ф. 546. Оп.2. Д. 4898 - Переписка по Проекту Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством.(1873). Л. 44.

[423] См.: Общее губернское учреждение // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СП., 1857. Статьи 2509-2537. С. 499-504; Высочайше утвержденные Временные Правила об устройстве Полиции в городах и уездах Губерний по Общему Учреждению управляемых. 25 декабря 1862 года // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 2. СПб., 1865. № 39087. С. 588-593.

[424] Положение об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства. СПб., 1873. Примечание 1-е к статье 51. // РГВИА. Ф. 546. Оп.2. Д. 4898 - Переписка по Проекту Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством. (1873). Л. 43 об.

[425] Там же. Л. 44.

[426] Положение об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства. СПб. 1873 // РГИА. Ф. 560. Оп. 21. Д. 230 - По сообщенному г. Военным Министром Проекту Положения об управлении туркестанским краем: О назначении Члена от Министерства Финансов в комиссию для рассмотрения проекта. (31 января 1873 - 27 февраля 1875). Л. 23.

приставов, заведование исполнительно-полицейскими обязанностями на правах городского пристава может быть возлагаемо на одного из помощников уездного начальника»[427].

Как и в проекте 1871 г., в новом документе администрации Кауфмана предполагалось привлечение к полицейской деятельности лиц «туземной» администрации – волостных управителей, аульных и кишлачных старшин. Статья 124-я налагала на них те же полицейские обязанности, что и перечисленные нами в § 123 проекта 1871 г.[428]. Статьи 101-я и 104-я повторяли их полицейские полномочия, изложенные выше в §§ 134, 141, 144-145 последнего[429]. К законопроекту 1873 г. прилагалась весьма пространная «Пояснительная записка», касавшаяся всех разделов этого документа[430].

Авторы «записки» отмечали, что уездные начальники как руководители уездных полицейских управлений, исполняют все обязанности, возложенные на их коллег в самой России, тогда как в Туркестанском крае «полицейские обязанности Уездного Начальника по количеству и качеству отнюдь не менее обширны и сложны, чем в европейских уездах, так как решительно все то, что признается там лежащим на обязанности полиции, необходимо и здесь»[431]. Указывалось, что объем обязанностей начальников уездов Туркестанского края, как начальников уездных полицейских управлений, намного сложнее и ответственнее таковых не только в губерниях «внутренней» России, но даже в «степных» областях

---

[427] Положение об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства. СПб., 1873. // РГВИА. Ф. 546. Оп.2. Д. 4898 - Переписка по Проекту Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством. (1873). Л. 44 - 44 об.

[428] Пояснительная записка к проекту Положение об управлении в областях Туркестанского Генерал-Губернаторства» СПб.,1874. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 370 - О рассмотрении нового проекта Положения об управлении Туркестанского генерал-губернаторства (1874-75). Л. 75.

[429] Положение об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства. СПб. 1873 // РГИА. Ф. 560. Оп. 21. Д. 230 - По сообщенному г. Военным Министром Проекту Положения об управлении туркестанским краем: О назначении Члена от Министерства Финансов в комиссию для рассмотрения проекта. (31 января 1873 - 27 февраля 1875). Л. 27 об.

[430] Пояснительная записка к Проекту Положения об управлении областей Туркестанского Генерал-губернаторства. СПб., 1874. 109 с.

[431] Там же. С. 33.

(Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской), где население однородно - «киргизское» (кочевое), тогда как в Туркестанском крае оно разнотипное - кочевое и оседлое, к тому же «разноплеменное» - «киргизы», узбеки, каракалпаки, таджики, персы, дунгане и проч. Кроме того, свои полицейские обязанности уездные начальники, естественно, совмещали с множеством чисто административных функций, которые были основными в их деятельности. Авторы «Пояснительной записки» писали о том, что в течение 6 лет (1867-1873 гг.) уездные начальники Туркестанского края не могли обеспечить деятельность полиции на должном уровне, поскольку «один Уездный Начальник с одним Помощником, без всяких низших подчиненных полицейских органов, должен нести все обязанности полиции целого уезда»[432]. Отмечалось, что возложение заведования полицией на помощников уездных начальников края тоже себя не оправдало, так как у них и без того много сугубо административных обязанностей, особенно, в период отсутствия уездных начальников, по тем или иным причинам. Указывалось, что еще в 1868 г. военный губернатор Семиреченской области, генерал-майор Г.А. Колпаковский входил с ходатайством о делении уездов на участки и учреждении должностей участковых полицейских приставов, подобных становым приставам в самой России, но не имел успеха.

В «записке» отмечалось, что теперь эту идею необходимо непременно осуществить, что поможет наладить прочные связи уездной администрации с местами в отношении надзора за «туземным» населением. Участковые полицейские приставы станут руководить полицией на местах, высвободив намного от полицейских дел начальников уездов и их помощников, которые смогут сосредоточиться только на руководстве полицией в городах. При этом авторы «Пояснительной записки» предлагали учредить должности городских приставов в «наиболее многолюдных городах», к которым относили не только Ташкент, Верный и Самарканд, но также Копал, Лепсинск, Казалинск,

[432] Пояснительная записка к Проекту Положения об управлении областей Туркестанского Генерал-губернаторства. СПб., 1874. С. 34

Перовск и Ходжент. В областных центрах - Ташкенте, Верном и Самарканде предлагалось учредить отдельные полицейские управления с усиленными штатами, поскольку существовавших там явно не хватало. Указывалось, что «для исполнения обязанностей в Русской Части Ташкента признано необходимым учредить двух полицейских приставов»[433]. Отмечалось, что «в городе Верном Полицмейстеру придано в помощь два Полицейских Пристава, назначен штатный Переводчик, Секретарь с двумя помощниками и усилено личное содержание Полицмейстера (бывшего Городничего) до 2 тыс. рублей и сумму на канцелярские расходы и найм Писцов до 1000 рублей». При этом указывалось, что «в городе Самарканде проектировано учредить Городское Полицейское Управление по штату города Верного»[434].

Проект 1873 г. устанавливал «нормальный штат» уездной полиции[435]. Ее начальник должен был быть только военным, в чине штаб-офицера. Его старшим помощником мог быть тоже только штаб-офицер. Все остальные работники управления уездной полиции были гражданскими чиновниками - младший помощник уездного начальника - в VIII классе (коллежского асессора); секретарь – в X (коллежского секретаря); его помощник – в XII (губернского секретаря); письменный переводчик – в том же чине. Словесный переводчик мог не иметь чиновничьего класса. При уездном полицейском управлении должен был состоять врач в VIII классе и повивальная бабка без «классного» чина. Всего ответственных должностных лиц в штате уездного полицейского управления предполагалось иметь 9 человек, кроме «техперсонала» - писарей, курьеров, сторожей и др.

Городская полиция возглавлялась приставами. В Ташкенте, как отмечалось, предполагалось иметь двух. Полицмейстеры полагались только в Верном и Самарканде. При них планировалось иметь двух приставов и канцелярию из трех человек. В их полицейском управлении полагался врач,

---

[433] Пояснительная записка к Проекту Положения об управлении областей Туркестанского Генерал-губернаторства. СПб., 1874. С. 39

[434] Там же.

[435] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 370 - О рассмотрении нового проекта Положения об управлении Туркестанского генерал-губернаторства (1874-75). Л. 101 об – 102.

фельдшер и повивальная бабка. В Копале, Лепсинске, Казалинске, Перовске и Ходженте предполагалось иметь только приставов с переводчиками.

Для рассмотрения нового проекта «Туркестанского положения» в «заинтересованных» министерствах были образованы специальные комиссии. В военном министерстве ее возглавил генерал от инфантерии А.А. Непокойчицкий, который нередко исполнял подобные функции. В состав его комиссии вошли представители министерств: финансов, иностранных, внутренних дел и др. Они нашли в проекте 1873 г. немало недостатков и внесли в него много предложений. Поскольку они в меньшей мере касались интересующей нас проблемы устройства полиции, то мы обратимся к материалам работы комиссии Министерства финансов, в которых она нашла более конкретное отражение.

Комиссию возглавлял тайный советник А.Г. Гирс. Она заседала в конце апреля - начале мая 1874 г. и расценивала положения проекта весьма скептически. Так, например, она выступала против существования русской полиции в Ташкенте, указывая, что со всеми делами может справиться городская «туземная» полиция. Комиссия отмечала, что «мусульманское население Ташкента имеет свою собственную полицию, которая, состоя в распоряжении русской власти, охраняет тишину и спокойствие города без всякого участия русских полицейских чинов; этих последних в мусульманской части города вовсе не имеется и долгое время не может быть, так как при громадном пространстве города, кривых улицах, целых кварталах проходных домов, особых обычаях уличной жизни населения, незнания русскими языка туземцев, русские полицейские чины едва ли могли бы быть полезными. Поэтому полицейские обязанности управления города Ташкента по отношению к мусульманской его части ограничиваются только общим, весьма несложным надзором за ее благочинием через мусульманских же

старшин (аксакалов)»[436]. Думается, что это был весьма легкомысленный подход, с точки зрения полицейского надзора за жизнью мусульман крупнейшего города в Туркестанском крае. Комиссия Гирса указывала, что, по Проекту 1867 г., «содержание полицейского управления в городе Верном, имеющем 12 тыс. жителей, обходится казне в 1200 руб. в год: по вновь проектируемому штату содержание сего управления будет стоить казне 13.800 руб. то есть больше, чем в одиннадцать раз против прежнего, и более содержания полицейских управлений почти всех губернских городов, за исключением самых больших»[437].

Для убедительности она проводила данные о расходах на содержание полицейских управлений в российских губернских городах: в Вятке (14705 жителей - 5339 руб.); Оренбурге - (27593 жителей - 6230 руб); Владимире - (14658 жителей – 6279 руб.); Вологде – (18984 жителей -7367 руб); Самаре - 34131 жителей - 7704 руб.); Витебске – (27866 жителей - 9091 руб.)[438]. Комиссия отмечала, что ровно во столько же, как в Верном, обходится содержание полицейского управления в Вильно, но там числится 69.464 жителей. В российских городах, с таким же числом жителей, как в Верном (до 12 тыс. жителей) - Петрозаводске, Полоцке, Бердянске, Пинске, Мценске и др. содержание полицейского управления обходилось казне в среднем от 2575 руб. до 4448 руб. в год[439]. Она сделала сходные замечания и по полицейскому управлению в Самарканде.

Комиссия Гирса указала, что проектируемый штат полицейского управления в г. Ташкенте рассчитан на «Русскую часть» города, где проживает всего 2037 человек (без войск), но проект требует от казны на его содержание в год 29.600 руб., то есть «втрое больше ныне

---

[436] РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 689 - Журнал Комиссии, учрежденной Министерством Финансов для рассмотрения Проекта Положения об управлении Туркестанским краем. Л. 39.
[437] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 370 - О рассмотрении нового проекта Положения об управлении Туркестанского генерал-губернаторства (1874-75). Л. 37.
[438] Там же. Л. 37 в сноске.
[439] Там же. Л. 37.

существующего»[440]. При этом она отмечала, что в Кишиневе живет 94.124 чел., а содержание городского полицейского Управления обходиться казне в 17.158 руб., то есть «менее ташкентского на 12442 руб. Такое же управление в Саратове (84.391 жителей) стоит казне только 15.328 руб., то есть менее на 14.372 руб.»[441]. Комиссия указала также, что на содержание полицейского управления в Ташкенте из 11 чел. проект запрашивал от казны в год 29.600 руб., тогда как в Киеве для такого же управления, но из 50 чел. «расходуется 24.437 руб.»[442].

Специалисты Министерства финансов отмечали, что, по Проекту 1873 г., «полицейским приставам проектируется содержание каждому в год по 2000 руб., из коих по 1000 руб. на канцелярские принадлежности и на разъезды, то есть по содержанию почти в два раза, а по отношению к расходам на канцелярские принадлежности в десять раз более чем в городских полицейских управлениях прочих мест Империи» [443] . Полицмейстеры в российских городах, кроме С-Петербурга, получали в год от 1182 руб. до 1478 руб. Кроме того, Комиссия указала, что «на разъезды по городу чинам полицейских управлений прочих местностей России отпуска денег не полагается»[444]. По ее мнению, хотя проект 1873 г. предполагал отнесение расходов на полицейское управление в г. Ташкенте на городские средства, этого не следовало делать, так как «означенные расходы будут ложиться на податную силу народа»[445].

Комиссия резонно замечала, что в городах Самарканде, Катта-Кургане, Ходженте, Лепсинске, Казалинстве и Перовске, где «будут иметь местопребывание управления тех уездов, в коих города находятся, и устройство, кроме уездных управлений в них, особых городских

---

[440] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 370 - О рассмотрении нового проекта Положения об управлении Туркестанского генерал-губернаторства (1874-75). Л. 38.
[441] Там же. Л. 39.
[442] Там же. Л. 40.
[443] Там же.
[444] Там же. Л. 40 в сноске.
[445] Там же. Л. 41.

полицейских управлений едва ли необходимо»[446]. Указывалось, что в Ходженте - до 17 тыс. жителей, в Перовске - 3387, в Казалинске – всего 2257. И в Лепсинске немногим больше - 2610 жителей. Комиссия вопрошала: «зачем?», если Проект 1873 г. предполагал введение в них «Городового Положения» 1870 года. Соратники Гирса отмечали, что, по статье 57-й проекта, начальник г. Ташкента получает «права уездного начальника» и к тому же заведующего городской полицией. Комиссия указала, что «на основании закона об уездной и городской полиции (Св. Зак. Т. 2, ст. 2509, прилож.) городские полицейские управления в тех городах, кои подведомственны уездной администрации, составляют: а) полицмейстер: б) помощник его, где такой назначен и в) общее присутствие»[447]. Она писала о том, что поэтому в проекте неправомерно называть «полицмейстера начальником управления городом и его территорией»[448]. Комиссия уточняла, что, на основании закона об уездной и городской полиции, «Общее присутствие уездного полицейского управления состоит, под председательством Исправника, из его помощника и заседателей от сословий»[449]. А этого в Проекте 1873 г. не было. Она отвергла статью 21-ю проекта, в которой генерал-губернатору предоставлялось право высылать из края неугодных «туземцев». Комиссия отмечала, что понятие «политической благонадежности» туземцев - очень сложное, так как у них совсем иные условия жизни и взгляды»[450].

Таким образом, обсуждение проекта «Туркестанского положения» 1873 г. в правительстве не принесло положительного результата – он был отклонен. Однако ни он, ни его аналог 1871 г. не пропали даром. Видный царский чиновник Н.П. Игнатьев отмечал, что они «были приведены в

---

[446] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 370 - О рассмотрении нового проекта Положения об управлении Туркестанского генерал-губернаторства (1874-75). Л. 38.
[447] Там же. Л. 73.
[448] Там же.
[449] Там же. Л. 74.
[450] АГИМ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 11 - Проект Положения об управлении Туркестанским краем. Л. 61 об.

действие в Ферганской области и Аму-Дарьинском отделе»[451]. Это еще раз убеждает в том, что оба проекта Кауфмана составлялись специально таким образом, чтобы позже провалить их законодательное утверждение, в чем были заинтересованы и сам царь, и военный министр Милютин и, тем более, сам Кауфман, полагавшие, что «Временное Положение» 1867 г. еще имеет ресурс позитивного действия. При этом Комитет министров и Государственный совет могли лишь догадываться о таких тайных замыслах указанных высших лиц в государстве.

На целое пятилетие вопрос об изменениях в управлении Туркестанским краем заглох, но в 1878 г. военный министр Д.А. Милютин предложил Кауфману вновь переработать проект 1873 г. и вынести его на законодательное рассмотрение, дополнив новыми положениями. Кауфман и его «команда» начали готовить документ, однако 20 января 1881 г. последовало «высочайшее повеление» представить его немедленно.

Исследователь Д.В. Васильев пишет об этом, однако, к сожалению, не упоминает о том, что император Александр II затребовал от Кауфмана также представить «всеподданнейший» отчет обо всем периоде его деятельности в Туркестанском крае[452]. А зря, поскольку именно в этом документе было представлено то видение положения в регионе, которое сыграло потом важную роль в подготовке нового «Положения об управлении Туркестанским краем». «Всеподданнейший» отчет был почти завершен, когда Кауфман, потрясенный убийством царя Александра II «народовольцами» 1 марта 1881 г., слег от постигшего его апоплексического «удара». Завершила документ команда соратников «первоустроителя», как называли в крае Кауфмана. Отчет охватывал период с 7 ноября 1867 г. до 25 марта 1881 г., затрагивал самые различные аспекты деятельности генерал-

---

[451] Объяснительная записка к Проекту Положения об управлении Туркестанского края // Россия. Государственный Совет. Департамент Законов. Материалы. Т. 167. СПб., 1886. С. 4.

[452] *Васильев Д.В.* Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. / Д.В. Васильев. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 377.

губернатора, в том числе, и по интересующей диссертанта полицейской проблеме.

Из отчета Кауфмана явствует, что фактическая полицейская власть в Туркестанском крае осуществлялась на уездном уровне. Он отмечал, что в генерал-губернаторстве «Уездный начальник, прежде всего, выполняет все обязанности, лежащие в уездах и городах Империи на Уездной полиции, состоящей из Уездного Полицейского управления (уездный исправник, его помощник, заседатели от сословий и канцелярия) и четырех и более становых приставов, имеющих постоянное место пребывание на участках, на которые разделен уезд»[453]. «Первоустроитель» писал о том, что у начальника уезда и его помощника в Туркестанском крае обязанности «по количеству и качеству отнюдь не менее обширны и сложны, чем в европейских уездах, так как почти все то, что признается там лежащим на обязанности полиции, необходимо и здесь»[454]. Он указывал, что в Туркестанском крае исполнение уездным начальством полицейских обязанностей связано с множеством трудностей – «туземный быт, чуждые языки, дальние расстояния, плохие пути сообщения, отсутствие земской почты, «низших полицейских органов (вроде нижних чинов русской уездной полиции). Один Уездный начальник с одним помощником, без всяких низших полицейских органов, должен нести все обязанности полиции целого уезда».

Кауфман при этом писал о том, что «кроме полицейских обязанностей на Уездного начальника возложены многие административные: а) надзор за сельскими и аульными сходами и волостными съездами; б) по податной части…в) дела по части земских повинностей….г) заведывание казенными землями и оброчными статьями; дела по поземельному устройству населения; е) дела по лесной части; ж) надзор за народным судом»[455]. Он указывал, что в Европейской России всеми этими делами ведают

---

[453] Проект Всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881. СПб., 1885. С. 84-85.
[454] Там же. Глава 2. С. 85.
[455] Там же.

специальные учреждения земств, Присутствия по крестьянским делам, учреждения государственных имуществ и проч. Кауфман писал в отчете об упомянутом выше ходатайстве семиреченского военного губернатора Г.А. Колпаковского в 1868 г. об учреждении в Туркестане должностей участковых приставов с правами становых в России и сожалел о том, что оно не встретило понимания в «верхах». Он указывал, что уездный начальник и его помощник постоянно (а иначе нельзя) пребывают в уездном городе и потому им трудно наводить порядок в сельской местности. «Первоустроитель» предлагал разделить уезды на полицейские участки. Он отмечал, что участковым приставам надо дать содержание в 1500 руб. и еще 1500 руб. им на наем переводчиков, рассыльных и канцелярские расходы.

По мнению Кауфмана, содержание участкового полицейского управления в 3.000 рублей недорого, но зато оно принесет много пользы для управления населением. Он предлагал повысить начальникам уездов, как руководителям уездной полиции, содержание с 2.000 рублей до 2.500 рублей и дать им казенные квартиры. Кауфман писал о том, что упразднение должности старшего помощника уездного начальника привело в расстройство канцелярию уездного управления, которой он ранее ведал. Он предлагал учредить должность секретаря уездного управления «по примеру Уездных полицейских управлений внутренних губерний и дать этой должности содержание в 1000 рублей. А также сохранить должности двух письмоводителей в уездных управлениях» [456] . Тогда можно было бы упразднить должность помощника уездного начальника в целях экономии средств на управление, хотя она и нужна в административном отношении.

Кауфман указывал, что в Ташкенте и Верном должны быть устроены городские полицейские управления, состоящие из: полицмейстера, секретаря и двух приставов с общим расходом в 7.500 рублей на каждое. Он отмечал, что «по недостаточности городских доходов содержание Верненской

[456] Проект Всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881. СПб., 1885. Глава 2. С. 95.

полиции при этом должно быть принято на счет казны…Что касается Ташкентской городской полиции, содержание ее могло быть полностью отнесено на городские средства»[457]. Кауфман считал, что устройство этих городских полицейских управлений весьма необходимо, так как русское население растет и оно нуждается в полицейской помощи. Он писал о том, что в городе Перовске, куда «предполагается перенести областное управление Сыр-дарьинской области, устройство полиции могло бы быть ограничено первое время учреждением должности Городничего, а в городах Казалинске и Самарканде – полицейских приставов с отнесением содержания всех этих должностей на местные городские суммы, кроме Перовска, где доходы, соразмерно потребностям областного города, недостаточны»[458].

Кауфман указывал, что в прочих уездных городах, где ранее заведовал полицейской частью «состоящий в штате Уездных управлений Обер-офицер по военной части, полицейское дело могло быть возложено на одного из чиновников Канцелярии Уездного начальника (Секретаря или Письмоводителя) по распоряжению Уездного начальника» [459] . Этому чиновнику за заведование полицией можно было бы доплачивать «из городских доходов по 300 рублей в виде добавочных столовых денег»[460]. «Первоустроитель» отмечал, что в городах края уже относительно много русских и такой порядок организации городской полиции возможен, не требуя особенных расходов от казны. Он писал: «Что касается, наконец, низших полицейских служителей, по недостаточности доходов местных городов, приходится по необходимости сохранить действующий ныне порядок, по которому исполнение обязанностей полицейских команд в городах возлагается на нижних чинов от местных войск, назначаемых в распоряжением местной полиции»[461].

---

[457] Проект Всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881. СПб., 1885. Глава 2. С. 99.
[458] Там же. С. 100.
[459] Там же.
[460] Там же.
[461] Там же. С. 100.

Проект нового «Туркестанского положения», завершенный, как отмечалось, соратниками больного Кауфмана, поступил в правительство в 1881 г. Как обычно, он содержал «объяснительную записку»[462]. Естественно, что ее положения перекликались с содержанием «всеподданнейшего» отчета Кауфмана. Так, например, они допускали занятие полицейских должностей гражданскими чиновниками. Они тоже указывали, что «один уездный начальник с одним помощником, без всяких низших подчиненных полицейских органов, должен нести обязанности полиции целого уезда»[463]. К тому же при этом он в большей мере загружен чисто административной работой.

В связи с этим они предлагали увеличить в уездах Туркестанского края число участковых полицейских приставов. Составители проекта отмечали, что «в городах Ташкенте и Верном проектировались Городские Полицейские Управления из Полицмейстера, секретаря и двух Приставов с общим расходом по 7.900 рублей». При этом они указывали, что «по недостаточности городских доходов содержание полиции в городе Верном должно быть принято за счет казны»[464]. Авторы документа писали: «В Новом Маргелане проектировался Полицмейстер, а в городах Казалинске, Самарканде и укреплении Петро-Александровском предложено по одному приставу с отнесением содержания на городские суммы. В прочих уездных городах заведывание полицейской частью, лежавшее доселе на обер-офицере по военной части, могло бы быть возложено на одного из чинов уездного управления по распоряжению уездного начальника. Чиновник этот мог бы получать за заведывание полицейской частью из городских доходов до 300 рублей в виде добавочных столовых денег». Они указывали, что «так как в уездных городах повсюду есть более или менее значительное русское население, то такой порядок заведывания полицейской частью, не требуя

[462] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1758 – Объяснительная записка к Проекту Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве, составленная Колпаковским, Абрамовым и др.
[463] Там же. Л. 20 об.
[464] Там же. Л. 24.

расхода со стороны казны, был бы весьма удобен»[465]. По их мнению, при любых вариантах полицейских сил в крае будет недостаточно, а потому надо будет прибегать к помощи войск, причем «число нижних чинов может быть определяемо генерал-губернатором»[466]. При этом они приводили сведения о городских полицейских управлениях. В Верном в 1881 г. такое управление состояло из полицмейстера, его помощника и секретаря. В Ташкенте – городничего, его помощника и письмоводителя. По Самаркандскому городскому полицейскому управлению сведения не приводились.

Поскольку МВД выступало против предоставления статуса городов многим населенным пунктам Туркестанского края, утверждая, что, по российским меркам, они являются только большими селами, то авторы проекта «Туркестанского положения» 1881 г. предлагали признать городами «некоторые густонаселенные торговые и прочие центры…и предоставить их жителям права городских обывателей»[467]. Они считали, что в крупных городах края можно было бы ввести «Городовое положение» 1870 г., но «без ломки и без крутых перемен в общем строе жизни городов… наглядным доказательством … служат города Ташкент и Верный, где введенное в 1877 году Городовое Положение нашло уже достаточно подготовленную почву и общество, способное пользоваться правами самоуправления»[468].

Составители проекта 1881 г. писали о том, что в городах с «туземным» населением, а также в «туземных» частях русских городов полицейские функции надо возложить на городских старшин – аксакалов и на «туземцев»-полицейских, которых следует содержать на городские средства. Что касается русских городов и «русских» частей «туземных» населенных пунктов, то в них полиция должна подчиняться правительственным чиновникам – полицмейстерам и приставам. Предполагалось распространить

[465] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1758 – Объяснительная записка к Проекту Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве, составленная Колпаковским, Абрамовым и др. Л. 24.
[466] Там же.
[467] Там же. Л. 31.
[468] Там же. Л. 31 об.

по городам края штат Верненской городской полиции, а именно: полицмейстер, секретарь и 2 полицейских приставов.

Они же категорически выступали против того, чтобы «предоставить Туркестанскому краю широкое, мирное, гражданское управление на началах общегосударственного строя и, изъяв его из военного ведомства, подчинить управлению на общих основаниях, с некоторыми лишь изменениями, изъятиями и дополнениями». Авторы проекта признавали «такое разрешение этого вопроса преждевременным, поспешным и не отвечающим действительному положению»[469]. Понятно, что имелось в виду подчинение края МВД и переход туркестанской полиции под действие закона от 25 декабря 1862 г.[470]. По их мнению, «туземцу еще долго будет трудно понять такой порядок управления, в котором органы разных ведомств действуют независимо друг от друга и не всегда даже согласны между собой, ибо, как азиатец, он привык видеть в своем начальнике олицетворение всей власти и всего обязательного для него закона»[471]. Вместе с тем, они отмечали: «Что касается до управления уездами, то соединение здесь гражданской и военной власти в одном лице уже не вызывается никакой надобностью»[472].

Комитет министров разослал копии проекта 1881 г. для обсуждения различными ведомствами, но в целом он так и не был рассмотрен в правительстве, поскольку осенью 1882 г. была назначена государственная ревизия Туркестанского края во главе с сенатором, тайным советником Ф. К.

---

[469] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1758 – Объяснительная записка к Проекту Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве, составленная Колпаковским, Абрамовым и др. Л. 8 об.

[470] Высочайше утвержденные Временные Правила об устройстве Полиции в городах и уездах Губерний по Общему Учреждению управляемых. 25 декабря 1862 года // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 2. СПб., 1865. № 39087. С. 588-593; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об отпуске сумм на содержание Полиции по новым штатам 25-го декабря 1862 года. 25 декабря 1862 года // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд.2. СПб., 1865. № 39089. С. 597-598.

[471] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1758 - Объяснительная записка к Проекту Положения об управлении Туркестанском генерал-губернаторстве, составленная Колпаковским, Абрамовым и др. (1881 г.). Л. 9

[472] Там же. Л. 9 об.

Гирсом. Как отмечалось, проведение ее было инициировано новым туркестанским генерал-губернатором М. Г. Черняевым, которому новый царь Александр III тогда благоволил. 20 октября 1882 г. он подписал инструкцию, содержавшую указания для ревизии. Ее задача состояла не только во всестороннем изучении ситуации в Туркестанском крае, но и в сборе материалов для разработки проекта нового «Положения» об управлении им. Ревизию Гирса составляли высшие чиновники министерств внутренних дел, финансов, юстиции и др. По итогам их работы был подготовлен «всеподданнейший» отчет, который охватывал широкий спектр проблем, в том числе полицейскую[473]. Кроме того, на основе собранных материалов ревизии Гирс и его сотрудники подготовили новый проект «Туркестанского положения», к которому прилагалась пространная объяснительная записка[474].

Вопрос о полиции в Туркестанском крае изучал член Ревизии от министерства финансов Н.Ф. Петровский, который во время ее работы был назначен российским консулом в китайском Кашгаре. 12 мая 1883 г. он представил Гирсу рапорт о своей работе, в котором отмечал, что ташкентская городская полиция действовала на основании приказа туркестанского генерал-губернатора Кауфмана от 21 июля 1880 г.: «О временном штате Ташкентского полицейского управления», в котором почти все расходы на его содержание шли из «городских сумм», то есть бюджета города. К рапорту прилагались «Сведения о домах, находящихся под владением Ташкентского полицейского управления и получаемых с них доходах»[475]. Петровский писал о том, что Полицейское управление было учреждено в Ташкенте в 1866 году военным губернатором Романовским и ко времени ревизии его штат состоял из городничего, его помощника и письмоводителя.

---

[473] Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. - СПБ., 1884. 463 с.

[474] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1769 - Объяснительная записка к проекту Положения об управлении Туркестанским краем, составленная ревизовавшим Туркестанский край Гирсом.

[475] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4860 - О ревизии областных правлений, уездных и полицейских управлений и волостных управителей (16 ноября 1882 - 1 ноября 1883 г.). Л. 205-212.

Он выражал удивление тем, что в него почему-то не входили два городских полицейских пристава. Но в целом он признавал деятельность ташкентской полиции удовлетворительной, хотя находил в ней недостатки и приводил примеры плохой ее работы, отмечая, что надо «просить о назначении следствия по обнаруженным… в делах Полицейского управления упущениям и беспорядкам»[476]. Поэтому еще в ходе ревизии начальник ташкентской полиции, полковник Э.П. Пукалов был отстранен от должности и с января 1883 г. ее возглавил полковник С. Р. Путинцев.

Гирс писал о том, что «военно-народное управление в уездах Туркестанского края в действительности уже не существует; с учреждением уездных воинских начальников военная часть отделилась от начальников уездов, и они обратились к своим правам и обязанностям уездных исправников»[477]. То есть руководителей уездной полиции. При этом сенатор-ревизор отмечал, что начальнику уезда в Туркестане как исправнику, намного труднее, чем его коллегам в самой России. Гирс уделил внимание и городской полиции в крае. Он указывал, что проектом «Положения» 1867 г. город Ташкент «был изъят из ведения уездного управления и подчинен начальнику города»[478]. При этом он не упоминал о том, что последний имел права уездного начальника. Ревизор писал: «Для Русской части города учреждено особое полицейское управление, состоящее из двух участков, подчиненное начальнику города, и в 1883 г., по распоряжению генерал-лейтенанта Черняева, для исполнения полицейских обязанностей в Азиатской части города было назначено особое лицо из туземцев с наименованием его младшим помощником начальника города»[479]. Он указывал, что после того, как Кауфман ввел в Ташкенте «Городовое

[476] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4860 - О ревизии областных правлений, уездных и полицейских управлений и волостных управителей (16 ноября 1882 - 1 ноября 1883 г.). Л. 202.
[477] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1769 – Объяснительная записка к Проекту Положения об управлении Туркестанским краем, составленная ревизовавшим Туркестанский край Гирсом. (1884). Л. 32 об.
[478] Там же. Л. 35 об.
[479] Там же. Л. 36.

положение» 1870 г. «характер деятельности начальника города совершенно изменился, *ограничившись преимущественно полицейскими обязанностями*»[480]. (Курс. – В.Л.) Поэтому Гирс предлагал упразднить в Ташкенте должность начальника города, заменив его полицмейстером.

В выводах по итогам ревизии Гирс писал в своем «всеподданнейшем» отчете о том, что в Туркестанском крае «военно-народное управление, как отжившее свой век и не удовлетворяющее современным потребностям края, должно быть заменено управлением на общем основании, с некоторыми лишь изъятиями сообразно местным условиям»[481].

Проект «Туркестанского положения» 1883 г., подготовленный ревизией Гирса, предполагал упразднить пост начальника г. Ташкента и учредить, вместо него должность полицмейстера с распространением его власти на весь город, то есть как на «Туземную», так и на «Русскую» его части. Помощника начальника города планировалось переименовать в «Старшего полицейского аксакала» [482] . Исследователь Д.В. Васильев отмечает: «Личный состав для заведования полицейской частью в Ташкенте определялся в следующем виде: полицмейстер, его помощник, старший полицейский аксакал из местных жителей, два полицейских пристава, секретарь, два письмоводителя и два переводчика. Более скромно должна была выглядеть городская администрация Нового Маргелана: полицмейстер, один полицейский пристав и секретарь. Во всех прочих городах заведование полицией возлагалось на уездных начальников. А в Самарканде, Казалинске и укреплении Петро-Александровском предлагалось назначить особых полицейских приставов, подчиняющихся на общем основании начальникам уездов и отдела (Амударьинского – В.Л.). Для исполнения обязанностей

---

[480] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1769 – Объяснительная записка к Проекту Положения об управлении Туркестанским краем, составленная ревизовавшим Туркестанский край Гирсом. (1884). Л. 36.

[481] Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. - СПБ., 1884. С. 461.

[482] Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008, С. 104.

полицейских служителей в городах Туркестанского края, как было определено ещё в 1867 г, командировались нижние чины от войск»[483]. В городах и многолюдных селениях военные губернаторы получали право «назначать особых полицейских аксакалов (курбаши), обязанностью которых было бы сохранение общественной безопасности и порядка. Их права и обязанности должны были регулироваться особой инструкцией главного начальника края, а деятельность их ограничивалась только полицейским надзором»[484].

Проект «Туркестанского положения», представленный ревизией Гирса, был более совокупностью благих намерений, нежели цельным, органически единым по смыслу документом. В правительстве понимали, что его нельзя представлять для законодательного утверждения, поскольку за полтора десятилетия русской власти условия в Туркестанском крае изменились настолько, что новое правительственное «положение» об управлении им стало настоятельно необходимым. Поэтому император Александр III приказал военному министру П.С. Ванновскому образовать комиссию для составления нового проекта «Положения» об управлении регионом, назначив ее председателем недавнего министра внутренних дел Н.П. Игнатьева[485]. 27 января 1884 года Ванновский сообщил последнему о царском решении и изложил историю предшествующих проектов «Туркестанского положения», включая документы ревизии Гирса - «Записку о главных основаниях для составления Положения об управлении Туркестанским краем, а также Проект самого Положения с объяснениями к нему и штатами»[486].

---

[483] *Васильев Д.В.* Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. / Д.В. Васильев. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 436.

[484] Там же. С. 437.

[485] Видный царский бюрократ, занимал ответственные государственные должности, в том числе пост министра внутренних дел в 1881-1882 гг. – В.Л.

[486] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1759 – Отношение военного министра П. Ванновского и начальника Главного штаба Н.П. Игнатьеву с сообщением о назначении его Председателем Комиссии для выработки нового Положения об управлении Туркестанским краем и об утверждении состава этой комиссии. (27 января – 17 февраля 1884 года). Л. 2-2 об.

Опытный царский бюрократ Н.П. Игнатьев составил весьма представительную комиссию из чиновников разных ведомств, достаточно сведущих в делах Русского Туркестана. Она начала работать 23 февраля 1884 года. На первом заседании Игнатьев сообщил присутствующим о цели работы комиссии. В последующем она обсудила различные аспекты управления Туркестанским краем. Пожалуй, главным из них было установление самого характера управления Туркестанским краем, от которого зависела организация и деятельность полиции в регионе. Сохранение принципов «военно-народной» власти обеспечивало прежнее, проверенное временем, хотя и небезупречное, органическое слияние полицейских функций с административными, особенно на уездном уровне. Отказ от них означал переход деятельности туркестанской полиции на установления «Общего губернского учреждения», отделявшего военную власть от гражданской, что вело край к передаче в ведение МВД.

С таким предложением выступил член комиссии, Государственный контролер Д.М. Сольский, который отмечал, что в 1882 г. Семиреченскую область изъяли из состава Туркестанского края, передали в подчинение МВД и это «не сопровождалось неблагоприятными последствиями»[487]. Однако комиссия не поддержала эту идею, сославшись на то, что в указанной области коренное население преимущественно кочевое, в ней больше всего русских, кроме того, имеется Семиреченское казачье войско, тогда как в Туркестанском крае «оседлое мусульманское население составляет 65%, русской колонизации почти нет; всего русских, не считая войск, менее 1% общего числа жителей»[488].

Комиссия Игнатьева предложила ограничить генерал-губернаторские полномочия, в том числе полицейские, которые, по ее мнению, при

---

[487] Россия. Военное министерство. Главный штаб. Азиатская часть. Свод замечаний министров, Государственного контролера и Туркестанского генерал-губернатора на составленный комиссией проект Положения об управлении Туркестанским краем с объяснениями и возражениями на оные военного министра по соглашению с генерал-губернатором. СПб., 1886. С. 5.

[488] Там же.

Кауфмане не соответствовали «общему, установленному законом, характеру генерал-губернаторского правления»[489]. В связи с этим она обсудила вопрос об отделении военной власти от гражданской в Туркестанском крае, положительное решение которого открывало путь к руководящим полицейским должностям «классным» чиновникам. Наиболее последовательно отстаивал такое отделение член комиссии и недавний правительственный ревизор края Ф.К. Гирс. Он указывал, что проведенная им ревизия края установила, что в Туркестанском генерал-губернаторстве «военно-народное управление» изжило себя и его можно заменить административно-полицейским. Некоторые члены комиссии согласились с доводами Гирса, указав, что «край должен управляться на основании Общего губернского и уездного учреждения с теми лишь изъятиями, которые вызываются местными условиями и поименованы в Положении»[490]. (Подч. в деле – В.Л.) Они также отметили, что нет необходимости в полицейском подавлении «туземцев», поскольку они смирились с российской властью. Однако другие члены комиссии не согласились с мнением Гирса и его сторонников.

Генерал-майор А.Н. Куропаткин заявил о том, что в Туркестанском крае «военно-народное управление» еще необходимо. Он указал, что от него можно отказаться в Сибири - там уже много русских, а в Туркестанском крае их почти нет. К тому же не надо обольщаться «смирением» туземцев перед русской властью. Куропаткин говорил о том, что «гражданской власти, отдельной от военной, будет труднее удержать порядок, чем сильной военно-народной власти»[491]. Он отмечал, что Франция в Алжире отменила «военно-народное управление» через 40 лет после его завоевания, Россия на Кавказе тоже через 40 лет, а в Ферганской области его хотят отменить через 7 лет после присоединения ее земель к России. Мнение Куропаткина поддержали

[489] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1761 – Протоколы заседаний и журнал комиссии по выработке Положения об управлении Туркестанским краем. (23 февраля - 8мая 1884 г.). Л. 5 об.
[490] Там же. Л. 7 об.
[491] Там же.

члены комиссии: А.П. Проценко, А.К. Абрамов, Н.С. Щербинский и др. Затем Комиссия Игнатьева обсудила вопрос: «Следует ли с передачей в поддержание Министерства специальных частей (учреждений управления – В.Л.), *оставить общую администрацию и полицию в составе Военного министерства, или передать в ведение Министра внутренних дел*»[492]. (Курс. – В.Л.) Большинство членов Комиссии – ее председатель Игнатьев, туркестанский генерал-губернатор Розенбах, Вешняков, Зиновьев, Абрамов, Соболев, Гольмстрем, Проценко, Куропаткин, Иванов, Щербинский признали «необходимым оставить административно-полицейское управление краем в ведении Военного Министерства»[493]. При этом комиссия указала, что «*необходимо предоставить права Министра Внутренних Дел Военному Министру*, который в данном случае будет руководствоваться Законами, определяющими права Министра Внутренних Дел и Губернских Учреждений»[494]. (Курс. - В.Л.) Часть полномочий «полицейского» министра глава военного ведомства получал право делегировать туркестанским генерал-губернаторам.

Конкретно вопрос о полиции в Туркестанском крае обсуждался на заседании комиссии Игнатьева 27 марта 1884 г. По мнению ее членов, полиция должна была оставаться «военной», находящейся в подчинении своего министерства. Средства на ее содержание должны выделяться из его бюджета. Что касается «туземной» полиции, то комиссия отвергла идею своего члена, генерал-лейтенанта М.Г. Черняева о том, чтобы образовать российскую полицию из «туземцев», но допускала ее функционирование в специальных, чисто «туземных» подразделениях во главе с мусульманином в ранге помощника начальника г. Ташкента и городской полиции. Вопросы о

---

[492] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1761 – Протоколы заседаний и журнал комиссии по выработке Положения об управлении Туркестанским краем. (23 февраля - 8мая 1884 г.). Л. 7 об

[493]. Россия. Военное министерство. Главный штаб. Азиатская часть. Свод замечаний министров, Государственного контролера и Туркестанского генерал-губернатора на составленный комиссией проект Положения об управлении Туркестанским краем с объяснениями и возражениями на оные военного министра по соглашению с генерал-губернатором. СПб., 1886. С. 6.

[494] Там же. С. 10.

полиции в Туркестанском крае поднимались и на других заседаниях комиссии. Но всегда при их обсуждении большую активность проявлял туркестанский генерал-губернатор Н.О. Розенбах. Он ратовал за то, чтобы чины полиции в Туркестане носили такую же форму, как и все иные военные администраторы края, на что Комиссия указала, что это не нуждается в упоминании в Проекте, так как само собой разумеется. Розенбах отвергал прежний способ комплектования полицейской стражи нижними чинами и содержания ее за государственный счет. Однако комиссия Игнатьева отмечала, что надо сохранить прежний способ формирования полицейской стражи путем «обязательного командирования нижних чинов от войск потому, что никак нельзя рассчитывать, чтобы Министерство Финансов согласилось принять означенный расход за счет казны». При этом она указывала, что только от генерал-губернатора «зависит ускорить тот момент, когда полицейская стража… будет набираться исключительно по найму»[495]. Розенбах требовал передать ему право назначения уездных начальников, но, по представлению военных губернаторов областей. Комиссия возразила на это указанием: «Уездные Начальники в полицейском отношении приравнены к Уездным Исправникам. Замещение полицейских должностей до Исправника включительно по Закону принадлежит Губернатору… Отнятие у Губернатора права выбора чинов Полиции невозможно без ущерба для хода управления…Уездные Начальники, определяемые и увольняемые Главным Начальником Края, нет сомнения, будут находиться в меньшем подчинении Губернатору, чем Исправники в Империи»[496]. Комиссия поясняла, что права туркестанского генерал-губернатора при этом никак не ущемляются, поскольку он может сам советовать военным губернаторам областей края предлагать на должности начальников уездной полиции тех лиц, которые, по

[495] Россия. Военное министерство. Главный штаб. Азиатская часть. Свод замечаний министров, Государственного контролера и Туркестанского генерал-губернатора на составленный комиссией проект Положения об управлении Туркестанским краем с объяснениями и возражениями на оные военного министра по соглашению с генерал-губернатором. СПб., 1886. С. 15.
[496] Там же. С. 13.

его мнению, наиболее их достойны. Розенбах был недоволен тем, что в проекте комиссии для Джизакского, Казалинского и Катта-Курганского уездов полицейских участковых приставов не полагалось. Он указывал, что в Джизакском уезде «необходимо иметь Участкового Пристава в Кызыл-Кумской Степи, по отдаленности ее от центра Уездного Управления». Комиссия согласилась с его предложением, отметив, однако, что «по бесплодности и безводности ее трудно даже выбрать пункт для его местопребывания»[497]. Розенбах также предлагал уравнять права участковых полицейских приставов с уездными начальниками.

Комиссия Игнатьева с этим частично согласилась, указав, однако, что участковым приставам следует предоставить меньшие права налагать штрафы и аресты на «туземцев», нежели уездным начальникам. Она отмечала, что «уездные начальники в полицейском отношении пользуются правами и несут обязанности уездных исправников и уездных полицейских управлений» [498] . Она указывала, что «участковые пристава заведуют определенным районом уезда: им присваиваются права и обязанности становых приставов»[499]. Комиссия пришла к выводу о том, что должности уездных начальников и участковых приставов могут занимать как военные, так и гражданские чины безразлично. Она решила, что должности начальника уезда в Туркестанском крае должен быть присвоен VI класс по чинопроизводству. В связи с этим комиссия сочла, что в Туркестанском крае военные губернаторы должны иметь право «назначать и увольнять полицейских чинов и VI класса». Но она специально подчеркнула, что это право не распространяется на начальника Амударьинского отдела, Сырдарьинской области. Большинство ее членов высказалось за назначение

---

[497] Россия. Военное министерство. Главный штаб. Азиатская часть. Свод замечаний министров, Государственного контролера и Туркестанского генерал-губернатора на составленный комиссией проект Положения об управлении Туркестанским краем с объяснениями и возражениями на оные военного министра по соглашению с генерал-губернатором. СПб., 1886. С. 12.

[498] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1761 – Протоколы заседаний и журнал комиссии по выработке Положения об управлении Туркестанским краем. (23 февраля - 8мая 1884 г.). Л. 22 об.

[499] Там же.

уездных начальников губернаторами. Поскольку старшие помощники начальников уездов Туркестанского края превратились в делопроизводителей, то комиссия указывала, что надо при уездной полиции «учредить должность Секретаря, оставив в помощь ему двух письмоводителей»[500].

Туркестанский генерал-губернатор Н.О. Розенбах отмечал, что назначение полицейских приставов в Туркестанском крае следует поручить областным правлениям. Он считал, что «местной администрации хорошо известно, в какие уезды следует назначать участковых приставов, и какие уезды могут обойтись чинами Уездного управления»[501]. Розенбах указывал, что в Джизакском уезде, вообще, не было участкового полицейского пристава, хотя он там нужен, особенно в Кизил-Кумской части, так как мог бы навести порядок в отношениях между «киргизами» (кочевниками) и оседлыми «туземцами», а также смог бы «вовремя принять меры к возвращению киргиз, самовольно откочевавших в Бухарские пределы с целью избежать уплаты податей» [502] . По его мнению, комплектование полиции из нижних чинов войск нежелательно, так как командиры воинских подразделений тем самым хотят избавиться от солдат, «за полной непригодностью их к строевой службе»[503].

Туркестанский генерал-губернатор писал о том, что в связи с тем, что набор полиции из войск не оправдал себя, то «пришлось по необходимости перейти к системе вольнонаемных полицейских. Новая система с первых же дней доказала свое превосходство над старой». Поэтому «Самарканд, Новый Маргелан, а затем и Ташкент завели вольнонаемную полицейскую охрану» [504] . Канцелярия туркестанского генерал-губернатора подготовила

---

[500] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1761 – Протоколы заседаний и журнал комиссии по выработке Положения об управлении Туркестанским краем. (23 февраля - 8мая 1884 г.). Л. 22 об.
[501] Россия. Государственный Совет. Департамент Законов. Материалы. Т. 168. СПб., 1885. С. 89.
[502] Там же.
[503] Там же.
[504] Там же. С. 91.

проект «Штатов управления в Туркестанском крае», который Розенбах представил в комиссию Игнатьева. Естественно, что он касался и региональной полиции. Документ, в частности, предусматривал: 1) штат полиции в «Русской части» г. Ташкента - Старший полицейский при Полицейском управлении в карцерах – 1; околоточных, заведующих кварталами – 19; Стражников – 2; конных джигитов (полицейских) – 16; пеших джигитов (полицейских) – 60; конных джигитов при Городничем и двух полицейских приставах – 3. 2) В полицейской команде Нового Маргилана: участковых полицейских – 6; Полицейских «нижнего» звания – 22; конных к полицейским приставам – 2. Розенбах указывал: «На кормовое довольствие полицейской команды на артельных началах по 3 рублей»[505].

На заседаниях комиссии Ф.К. Гирс отмечал, что старшие помощники начальников уездов, как «исполнительные полицейские органы», работают неудовлетворительно и предлагал «взамен им учредить участковых приставов»[506]. Он считал, что это приблизит уездное управление к народу, так как участковый пристав будет ездить по своему участку и знать все, что там происходит. Гирс предлагал, чтобы деление уездов на участки производили областные правления, но с их утверждением военными губернаторами. Мнение Гирса поддержали члены комиссии Проценко и Галкин-Врасский, но они рекомендовали «сохранить должность Старшего помощника начальника уезда, назвав его просто помощником»[507].

Комиссия предложила, чтобы помощники начальников уездов Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей Туркестанского генерал-губернаторства (края) заведовали также полицейскими делами пригородных участков уездных центров. Вместе с тем, она признала, что в Казалинском и Джизакском уездах, как «степных», с преимущественно кочевым населением, а также в небольшом по территории Каттакурганском

[505] Россия. Государственный Совет. Департамент Законов. Материалы. Т. 168. СПб., 1885. С. 153, 155
[506] Россия. Государственный Совет. Департамент Законов. Материалы. Т. 167. СПб., 1886. 9-я пагинация. С. 10.
[507] Там же. С. 11.

уезде, «при сохранении должности помощника начальника уезда, обойтись совсем без участковых приставов» [508] . Комиссия предложила увеличить оклады содержания начальников уездов Туркестанского края за исполнение ими полицейских функций. Кроме того, она рекомендовала добавить им средства на разъезды по подведомственной территории. Комиссия выступила за сохранение разделения Амударьинского отдела на 2 административно-полицейских участка, «с переименованием участковых начальников в участковые пристава, с правами и обязанностями становых приставов»[509].

В документах Комиссии отмечалось: «В настоящее время полиция изъята из ведения уездного управления в городах Ташкенте, Новом Маргелане и Русской части города Самарканда»[510]. Она писала о том, что в 1883 году «по распоряжению генерал-лейтенанта Черняева, для усиления полицейского надзора в Азиатской части города (Ташкента – В.Л.) назначено особое лицо из туземцев, младший помощник начальника города» [511] . В начале 1884 г. Черняев ввел в Ташкенте новое полицейское устройство, разделив город на 19 околотков и назначив заведовать ими унтер-офицеров «из опытных и благонадежных запасных». Они подчинялись начальнику города и двум приставам. А для непосредственного полицейского надзора Черняев учредил полицейскую стражу из 80 «туземцев», подчиненных младшему помощнику начальника Ташкента (из «туземцев»), то есть Старшему полицейскому аксакалу.

Однако Черняев не был первооткрывателем на этом поприще, так как еще в 1882 г. начальник Зеравшанского округа с тем, чтобы меньше отвлекать русских солдат от военной службы, решил учредить для исполнения полицейских функций в «Русской части» г. Самарканда, за счет городских доходов, «вольнонаемную полицейскую команду из 4-х участковых надзирателей и 18 туземцев. Надзиратели определяются по

[508] Россия. Государственный Совет. Департамент Законов. Материалы. Т. 167. СПб., 1886. 9-я пагинация. С. 10.
[509] Там же. С. 13.
[510] Там же.
[511] Там же. С. 14.

найму из запасных унтер-офицеров; в их заведывании состоят туземные стражники, отправляющие полицейскую службу на постах. Вся полицейская команда подчиняется городничему - русскому»[512]. Комиссия Игнатьева, отметив это обстоятельство, указала, что «полицейская туземная стража в Русской части Ташкента изъята из ведения чинов русской городской полиции и подчинена младшему помощнику начальника города из туземцев, человеку, совершенно незнающему русского языка и законов. При таком положении вещей русское население в полицейском отношении поставлено в зависимость от туземца, заведующего стражей, ежедневные и неизбежные столкновения с которой поведут только к раздражению двух народностей, а не к сближению их между собой»[513].

Комиссия подчеркивала, что «двойственность в заведывании полицией Русской части города, конечно, не может не отразиться неблагоприятным образом на самом ходе полицейской деятельности»[514]. Она признала необходимым набирать полицейских вольным наймом и «без различия народностей», но «с тем, чтобы они подчинялись чинам русской городской полиции, а не помощнику начальника города из туземцев, в зависимости от которого состоит в настоящее время полицейская стража»[515]. Вместе с тем, комиссия Игнатьева указывала, что ввиду финансовых затруднений «не остается другого выхода, как взамен полицейской стражи из туземцев, возвратиться временно к прежнему порядку комплектования ее чинами, командированными от войск»[516]. При этом она отмечала, что «должны быть приняты меры для перехода к назначению полицейских служителей по найму при первой же возможности»[517]. Комиссия обсудила предложения государственной ревизии Туркестанского края, возглавляемой сенатором Ф.

---

[512] Россия. Государственный Совет. Департамент Законов. Материалы. Т. 167. СПб., 1886. 9-я пагинация. С. 13.
[513] Там же. С. 14.
[514] Там же.
[515] Там же.
[516] Там же.
[517] Там же.

К. Гирсом. Он настаивал в выводах «Ревизии» по полиции города Ташкента на том, чтобы упразднить должность начальника города и передать его функции Полицмейстеру. Комиссия постановила: «Оставить должность Начальника города с подчинением ему вновь учреждаемой для Русской части города должности Полицмейстера» [518]. Она также отмечала: «Отделение городской полиции от уездного управления в городе Новом Маргелане, как центре областного управления, в котором и теперь существует Полицмейстер, признается Комиссией необходимым»[519].

После завершения работы над проектом «Положения об управления Туркестанским краем» председатель комиссии Н.П. Игнатьев направил в Государственный совет этот документ и объяснительную записку к нему. В ней он излагал историю завоевания Средней Азии, образования Туркестанской области и одноименного генерал-губернаторства (края), писал о проектах «Туркестанского положения» 1871 и 1873, 1881 гг. и проч.[520].

«Соединенные департаменты» Законов, Государственной экономии, Гражданских и духовных дел Государственного совета обсуждали проект комиссии Игнатьева на заседаниях 11, 18, 25, 30 января, 1, 3, 6, 13, 20, 27 февраля, 1, 3, 8 и 24 марта 1886 г. Материалы обсуждения были изданы типографским способом под названием: «О преобразовании управления Туркестанским краем» и направлены в «заинтересованные» министерства - военное, внутренних дел, иностранных дел, финансов и др., а также всем членам Государственного совета. Их общее собрание поддержало предложенный ему документ. 12 июня 1886 г. император Александр III утвердил новое «Положение об управлении Туркестанского края»[521].

---

[518] Россия. Государственный Совет. Департамент Законов. Материалы. Т. 167. СПб., 1886. 9-я пагинация. С. 15.

[519] Там же.

[520] См.: Объяснительная записка к Проекту Положения об управлении Туркестанского края // Россия. Государственный Совет. Департамент Законов. Материалы. Т. 167. СПб., 1886.

[521] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанского края. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. С. 318-344.

Для «мрачного» времени контрреформ императора Александра III это был документ очевидного демократического содержания, идущего вразрез с реакционной внутренней политикой царизма. Он предоставлял коренному населению российских областей Средней Азии широкие права самоуправления, народного суда, свободы совести, передвижения и т.п.

После «Туркестанского положения» 1886 г. в правительстве обсуждались проекты «Закаспийского» (1890 г.) и «Степного» (1891 г.) «положений» об управлении в Закаспийской и Семиреченской областях, не входивших тогда в состав Туркестанского генерал-губернаторства (края). Поскольку об их регулировании полицейской сферы в указанных частях Русского Туркестана не раз упоминается ниже, то мы не считаем необходимым приводить здесь их подробный анализ, поскольку правовые принципы организации и деятельности полиции в них фактически были фактически идентичными, тем более с одинаковым подчинением ее военному министерству. Только в Семиреченской области во время ее недолгого пребывания в составе Степного генерал-губернаторства (края) в 1882-1897 гг. полиция подчинялась МВД.

Важной правовой прерогативой туркестанской полиции, основанной на положениях «Общего губернского учреждения» об уездных исправниках, было наложение взысканий на представителей местного населения. «Положение об управлении Туркестанского края» 1886 г. гласило: «Уездные начальники и участковые пристава имеют право подвергать туземцев, за маловажные проступки и ослушание законным распоряжениям властей: первые – аресту не свыше семи дней или денежному взысканию не свыше пятнадцати рублей, а вторые аресты – аресту не свыше трех дней или взысканию не свыше пяти рублей». В примечании к статье указывалось: «Маловажными проступками признаются: 1) проступки против благочиния в церквах и мечетях; появление в них во время богослужения в неприличном виде, произведение шума и, вообще, причинение словом или действием соблазна; 2) проступки против правительственного и общественного

порядка; шум и брань на улице, драка в каком бы то ни было месте, непочтение, грубость и дерзость противу лиц, облеченных правительственною или общественною властью, непослушание и оскорбление родителей; 3) проступки, заключающие в себе соблазн и дурное поведение: пьянство и, вообще, проступки, противные благопристойности и нравственности»[522].

Законодатель осознавал, что официальная полиция своими скромными силами не сможет отследить поведение «туземцев» на огромных пространствах Туркестанского края, поэтому в статьях 98-107 «Положения» 1886 г., согласованных с «Общим губернским учреждением», он распространил право наказывать «туземцев» за маловажные проступки на сельских старшин – волостных и аульных (кишлачных). Это не было правовой новацией, поскольку еще в апреле 1874 г. законодатель установил такое право уездным начальникам «степных» областей Оренбургского края и Западной Сибири[523]. Его суть заключалась в том, что они имели возможность наказывать именно должностных «киргизов», то есть кочевников строгими предупреждениями, выговорами, денежными штрафами до 5 руб. и арестом до 7 дней.

На протяжении полутора десятилетия указанные установления «Туркестанского положения» 1886 г. действовали достаточно эффективно, сдерживая горячие южные «темпераменты» коренного населения. Однако в начале XX в. в Туркестанском крае появилось много переселенцев, особенно в Семиреченской области. Ее военный губернатор, генерал-лейтенант М.Е. Ионов, герой «памирских походов» начала 1890-х гг., подчиненный теперь Ташкенту, возбудил перед туркестанским генерал-губернатором

---

[522] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанского края. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. Статья 64-я. С. 324-325.

[523] Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров, объявленное Сенату Министром Внутренних Дел - О предоставлении Уездным Начальникам Степных областей Оренбургского края и Западной Сибири права налагать административные взыскания на должностных киргизов. 19 апреля 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 53397. С. 667.

С.М. Духовским ходатайство: «О предоставлении уездным начальникам по отношению к переселенцам тех же карательных прав, которые предоставлены им статьей 39 Степного Положения по отношению к инородцам»[524]. Ионов указывал, что между переселенцами и «туземцами» часто возникают конфликты, но начальники уездов могут по статье 39-й «Степного Положения» 1891 г. наказывать только «туземцев», что несправедливо и роняет престиж русской власти в глазах коренного населения. Духовской приказал краевой канцелярии приступить к соответствующим консультациям с военными губернаторами областей края и начальником Закаспийской области с тем, чтобы выяснить их мнение по этому поводу.

Все областные руководители поддержали инициативу семиреченского губернатора. Поэтому Духовской писал в Главный штаб о том, что надо уравнять переселенцев и местных жителей в деле наказания за проступки и преступления. Он отмечал, что, как командующий Туркестанским военным округом, он еще ранее предоставил право наказывать русских переселенцев за них «начальнику местного гарнизона в укреплении Кушка»[525]. Он имел в виду 218 русских семей-сектантов, переселившихся в район этой крепости по закону от 5 мая 1892 года[526]. Согласно законодательной процедуре, Военное министерство вступило в переписку с «заинтересованными» ведомствами по вопросу о полицейских наказаниях нетуземных жителей Туркестанского края. Министерство внутренних дел отвечало 11 октября 1900 г., что, при составлении проекта «Степного положения» 1891 г., бывший Степной генерал-губернатор Г. А. Колпаковский выступал за то, чтобы полицейская власть уездных начальников Степного края одинаково распространялась как

---

[524] Министерство военное. Главный штаб. Азиатская часть. 29 января 1901 года. № 5268. О предоставлении уездным начальникам Туркестанского края прав по наложению взысканий на лиц нетуземного происхождения. Представление в Государственный Совет. СПб., 1901. С. 1.

[525] Там же. С. 2.

[526] Высочайшее повеление, объявленное Военным министром - О переселении в Закаспийскую область, на реку Кушку, 218 семей русских земледельцев. 5 мая 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. С. 341.

на «инородцев», так и на русских переселенцев. Однако законодатель посчитал, что наказание за преступления и проступки должно касаться только «туземного» населения Степного края. Вместе с тем, в итоге МВД поддержало представление Военного министерства о предоставлении уездным начальникам Туркестанского края прав по наложению взысканий на лиц нетуземного происхождения. Однако министр юстиции Н.В. Муравьев писал военному министру А.Н. Куропаткину о том, что статья 64-я «Туркестанского положения» 1886 г. и статья 39-я «Степного положения» 1891 г. «дают право уездным начальникам применять полицейскую власть только к туземцам и это правильно, так как у туземцев есть свои суды, а у русских – свои. И если уездные начальники станут применять свою полицейскую власть ко всем одинаково, то это перепутает их полицейские функции с властью судебных мест Империи»[527]. Министр юстиции отмечал, что, поскольку в Туркестанском крае нет института крестьянских начальников, то можно было бы дать начальникам уездов Туркестанского края по отношению к русским переселенцам права, данные крестьянским начальникам законом от 2 июня 1898 года[528]. Муравьев указывал, что в таком случае вопрос надо решать в законодательном порядке.

На основании переписки с «заинтересованными» министерствами и ведомствами, Азиатская часть Главного штаба, по распоряжению Куропаткина, составила соответствующее представление в Государственный совет. В нем излагалась история вопроса, мнения ведомств по этому поводу. В разделе: «Соображение Военного министерства» отмечалось, что оно согласно с мнением министра юстиции и предлагает при этом установить начальникам уездов «право подвергать нетуземцев аресту не свыше трех дней и денежному взысканию не свыше пятнадцати рублей, а их помощникам и участковым приставам предоставить право ареста не свыше

[527] Министерство военное. Главный штаб. Азиатская часть. 29 января 1901 года. № 5268. С. 5

[528] Высочайше утвержденное Временное положение о Крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. 2 июня 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15503. С. 403-416.

одного дня и денежного взыскания не свыше трех рублей»[529]. Туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской писал: «Что же касается Закаспийской области, то, так как в Положении об ее управлении не содержится постановления, аналогичного приведенным статьям Туркестанского и Степного положений, то вместе с сим предложено генерал-лейтенанту Боголюбову[530] войти с особым представлением о предоставлении уездным начальникам сей области по отношению к крестьянам, подведомственных им поселков тех же прав, которые предоставлены в этом отношении начальнику Кушкинского гарнизона»[531].

В разделе «Заключение» военное министерство просило Государственный совет рассмотреть его представление, одобрить его и принять положительное по нему решение. Высший законосовещательный орган в Российской империи удовлетворил ходатайство военного ведомства, а его постановление утвердил царь Николай II [532] . Закон разрешал начальникам уездной полиции применять по отношению к «нетуземцам», при их плохом поведении, права ареста до 3-х суток и штрафа до 15 руб. Он указывал: «При наложении сих наказаний уездным начальником должен быть составлен особый протокол с кратким изложением обстоятельств дела и оснований принятой меры взыскания». Акт отмечал: «Действие правил, постановленных в отделе 1-м распространить и на Семиреченскую область» [533] . О Закаспийской области в законе не упоминалось по вышеуказанным причинам.

---

[529] Министерство военное. Главный штаб. Азиатская часть. 29 января 1901 года. № 5268. С. 10.

[530] Боголюбов Андрей Андреевич (1842-1909) – генерал-лейтенант, начальник Закаспийской области в 1898-1899 гг. – В.Л.

[531] Министерство военное. Главный штаб. Азиатская часть. 29 января 1901 года. № 5268. С. 17.

[532] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О предоставлении Уездным Начальникам Туркестанского края прав по наложению взысканий на лиц нетуземного происхождения. 8 июня 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20344. С. 621.

[533] Там же.

Судя по содержанию раздела, царское правительство изначально уделяло серьезное внимание разработке правовых основ организации и деятельности полиции в Русском Туркестане, находившемся в ведении военного министерства. Для этого создавались специальные комиссии. В своей работе они руководствовались установлениями «Общего губернского учреждения», применяя их к специфике местных обстоятельств – «военно-народному» управлению регионом. В крае долгое время действовал проект «Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях» 1867 г., устанавливавший штаты полиции, права и обязанности ее чинов. Попытки его изменения и дополнения в целях полной легитимации отклонялись правительством, в ней не заинтересованном. Только с 1 января 1887 г. в Туркестанском крае начало действовать новое «положение» об управлении, прошедшее полноценное законодательное оформление, хотя в Семиреченской области Проект 1867 г. применялся до 1891 г., а в Закаспийской области полиция руководствовалась своими «положениями» об управлении 1882, 1884 и 1890 гг.

Таким образом, в целом на территории Русского Туркестана повсеместно организация и деятельность полиции происходила на основе соответствующих государственных законодательных установлений.

3.2. Полицейские проекты царской власти конца XIX – начала XX века

Недостатки «Туркестанского положения» 1886 г. скоро дали о себе знать в разных сферах управления краем, в том числе, разумеется, полицейской. Поэтому власти Туркестанского края искали способы повышения эффективности своей работы на этом направлении. Туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский направил 8 апреля 1895 г. военному министру П.С. Ванновскому проект документа: «Об учреждении в Туркестанском крае участковых начальников с правами земских». Он отмечал, что «проект имеет целью приблизить к туземному населению

русскую власть» и что «только от подобного усиления русской власти и ее влияния среди туземного населения возможно ожидать полного сплочения Туркестанского края с остальной Россией»[534]. Вревский указывал, что за 30 лет после присоединения Средней Азии к империи такого «сплочения» пока нет. Он писал о том, что «учреждение участковых начальников устранит необходимость усиления штата участковых приставов» и обеспечит более эффективный «всесторонний надзор за сельским населением»[535].

В проекте отмечалось, что чинов русской полиции, работающих непосредственно с «туземным» населением прискорбно мало. На более чем миллионное население Сырдарьинской области в 1895 г. приходилось всего 18 чинов русской полиции (без городских приставов), на 800 тыс. чел. в Ферганской области - 17, на 740 тыс. чел. в Самаркандской области - 11. В проекте отмечалось, что это в несколько раз меньше, чем в других местах страны, где полиции приходится работать среди «инородцев». Например, в Елисаветпольской губернии с ними работали 47 чинов полиции, в Тифлисской - 50, в Эриванской - 39. Документ достаточно долго изучался в военном министерстве и лишь 25 октября 1896 г. военный министр Ванновский направил его новому главе МВД И.Л. Горемыкину с просьбой сообщить свое мнение по этому поводу. Но в МВД явно не желали успешного прорыва военной администрации в усилении полицейской работы с «туземным» населением. Поэтому 3 мая 1897 г. министр внутренних дел писал Ванновскому о том, что ему трудно «составить определенное мнение о степени целесообразности вообще предполагаемых мероприятий»[536]. Вопрос в последующем заглох по причине изменившихся обстоятельств.

В конце 1897 г. последовал царский указ о военно-административной реформе в Сибири и Средней Азии[537]. На его основании Семиреченская

---

[534] РГИА. Ф. 1291. Оп. 40. Д. 539 - Дело об учреждении участковых начальников с правами земских. Л. 12.
[535] Там же. Л. 12 об.
[536] Там же. Л. 19 об.
[537] Именной, Высочайший указ, данный Сенату - О разделении Сибири и Среднеазиатских областей на военные округа с соответствующими изменениями в устройстве их высшего

область была изъята из состава Омского военного округа и Степного генерал-губернаторства и передана в ведение Туркестанского военного округа и генерал-губернаторства, с подчинением военному министерству. Тот же документ указывал: «Закаспийскую область, изъяв из непосредственного, в порядке общего управления, ведения Военного министерства, включить в состав Туркестанского военного округа и подчинить главному надзору Туркестанского генерал-губернатора на одинаковых основаниях с прочими областями, входящими в состав сего генерал-губернаторства»[538]. Поскольку Семиреченская область состояла в Туркестанском генерал-губернаторстве с 1867 по 1882 год, то ее возвращение в пределы края происходило без особых проблем – во-первых, как отмечалось, до 1891 г. в области действовал проект «Туркестанского положения» 1867 г., а, во-вторых, еще сохранялось много действующих сотрудников того периода, а равно разного рода деловых и иных связей.

Сложнее обстояло присоединение Закаспийской области, которая никогда ранее не входила в состав Туркестанского края и одноименного военного округа. После образования в 1881 г. область была подчинена кавказским властям[539]. В феврале 1890 г. было утверждено временное «Положение об управлении Закаспийской области», которое передало ее в непосредственное ведение самого военного министерства[540]. Включение области в состав Туркестанского генерал-губернаторства и военного округа упрощало управление ею, так как территориально она была частью Средней Азии. Уже в 1898 г. оно перешло фактически в ведение туркестанской администрации, однако окончательное закрепление Закаспийской области в

гражданского управления. 26 декабря 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14818. С. 711.

[538] Там же.

[539] Именной, данный Сенату - О присоединении к Империи, занятой Нашими войсками территории туркменов Текинского рода и образовании из нея и земель Закаспийского военного отдела области Закаспийской с включением оной в состав Кавказского Военного Округа. 6 мая 1881 года // ПСЗРИ-3. Т. 1. СПб., 1885. № 142. С. 66.

[540] Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд.1. СПб., 1893. № 6576. С. 70-75.

составе Туркестанского края произошло в июне 1899 г.[541]. Закон от 11 июня 1899 г. гласил: «Передачу в ведение Туркестанского Генерал-Губернатора Семиреченской и Закаспийской Областей в отношении гражданского управления их произвести на нижеследующих основаниях: 1. Включенные в состав Туркестанского Генерал-Губернаторства Семиреченская и Закаспийская области управляются на основании действующих в них ныне Положений, а также отдельных в отношении их последовавших правительственных распоряжений… 8. Впредь до издания Общего об управлении объединенными Областями Туркестанского Генерал-губернаторства Положения Генерал-губернатору предоставляется разрешение в пределах Закона вопросов, могущих возникать по применению действующих ныне в Закаспийской и Семиреченской областях Положений и Правил. При надобности Генерал-Губернатор о встреченных затруднениях представляет Военному Министру или сообщает по отдельным частям управления подлежащим Министерствам»[542].

Таким образом, на территории Русского Туркестана стало действовать три правительственных «положения» об управлении: «Туркестанское» 1886 г., «Закаспийское» 1890 г. и «Степное» 1891 г. Несмотря на известную близость содержания документов, при их «стыковке» в процессе управления возникали трудности, тем более что «Закаспийское положение» сохраняло в «чистом» виде принципы «военно-народного управления». Понятно, что разночтения препятствовали и нормальной работе полиции во всем Туркестанском крае. Возникающие проблемы в целом, большой территориальный прирост Туркестанского края требовали разработки единого для всех его 5 областей нового правительственного «положения» об управлении регионом.

---

[541] Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров - О гражданском переустройстве Среднеазиатских Областей. 11 июня 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд.1. СПб., 1902. № 17177. С. 710-711.

[542] Там же.

Военный министр А.Н. Куропаткин поручил разработку соответствующего законопроекта туркестанскому генерал-губернатору С.М. Духовскому, однако, реально к делу приступили при его преемнике, генерал-лейтенанте Н.А. Иванове, который в конце апреля 1902 г. распорядился образовать для этого специальную «Особую комиссию» под председательством управляющего краевой канцелярией К.А. Несторовского. Она должна была привести в соответствие с «Туркестанским положением» 1886 г. нормы «Степного положения» 1891 г., по которому управлялась Семиреченская область. При этом нормы «Закаспийского положения» 1890 г. были сохранены, так как военный министр А.Н. Куропаткин, возглавлявший Закаспийскую область в 1890-1897 гг., решил продлить действие указанного «положения» до 1906 г. Позже его действие продолжили до 1908 г.[543]. Но уже в 1907 г. срок был продлен до окончательной разработки проекта нового «Туркестанского положения»[544].

В конце сентября 1903 г. комиссия Несторовского завершила свою работу[545]. Члены комиссии предложили ряд новых предложений, однако они не содержали никаких принципиальных новаций, в том числе и в сфере организации и деятельности краевой полиции. Проект комиссии Несторовского был пространен, поверхностно проработан и вызвал много критических замечаний. Тем не менее, в феврале 1905 г. туркестанский генерал-губернатор, генерал от кавалерии Н.Н. Тевяшев представил его новому военному министру В.В. Сахарову. Последний приказал разослать копии проекта в «заинтересованные» министерства и ведомства. Они тоже высказали много критических замечаний в его адрес. Сменившему

---

[543] Высочайше утвержденное Положение Совета Министров - Об оставлении без изменений до 1 января 1908 года действующего Временного положения об управлении Закаспийской областью. 9 июля 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28113. С. 742.

[544] См.: Высочайше утвержденное Положение Совета Министров - О составлении нового Положения об управлении Туркестанским краем и об отсрочке передачи сего края в ведение Министерства внутренних дел. 30 июля 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29439. С. 477.

[545] См.: Россия. Комиссия для составления объединенного Положения об управлении областей Туркестанского края. Протоколы заседаний. Ташкент, 1904. 888 с.

скончавшегося Тевяшева генерал-лейтенанту Д.И. Суботичу поручили подготовить Туркестанский край для передачи в ведение МВД. Однако он проработал на посту генерал-губернатора недолго (8,5 месяцев) и как человек «левых» настроений был в августе 1906 г. отстранен от должности. Тем не менее, Суботич сумел частично исполнить поставленные перед ним задачи. Он направил 22 декабря 1905 г. под грифом «доверительно» военному министру А.Ф. Редигеру документ: «Перечень желательных изменений в устройстве бывшего управления Туркестанским краем и другие вопросы управления»[546].

В разделе 1-м «Перечня» Суботич писал о том, что должность помощника командующего Туркестанским военным округом, обязанного курировать полицию, «является совершенной синекурой… чем-то, вроде должности генерала для особых поручений»[547]. Генерал-губернатор резко критиковал чинов уездной полиции за незнание «туземных» языков, в связи с чем, по его мнению, они не знали действительного положения в подведомственных им пределах. Суботич призывал обязать всех чинов русской администрации и полиции, до начальников уездов включительно, изучать «туземные» языки. Он предлагал выплачивать надбавки уездным полицейским чинам за работу с «туземцами», как это делали англичане в Британской Индии.

30 декабря 1905 г. Азиатская часть Главного штаба составила докладную записку по «Перечню» туркестанского генерал-губернатора Д.И. Суботича. В ней указывалось: 1) Главный штаб выступил против «упразднения должности помощника командующего войсками Туркестанского военного округа», поскольку в Туркестанском крае «гражданская власть и военная должны быть нераздельны»[548]. 2) Необходимо поощрять знание чинами уездной администрации и полиции «туземных»

[546] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3361 - О проектировании генерал-лейтенантом Суботичем изменений в устройстве Туркестанского края (22 дек.1905-13 дек.1911). Л. 2-6.
[547] Там же. Л. 2 об.
[548] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3361 - О проектировании генерал-лейтенантом Суботичем изменений в устройстве Туркестанского края (22 дек.1905-13 дек.1911). Л. 8 об.

языков, но важно добиваться, чтобы сами чиновники осознали важность знания таких наречий и начали изучать их добровольно и с охотой, а не по принуждению.

Проект вернули Суботичу. Он изучил замечания Главного штаба и отправил новый проект военному министру. Документ был опять передан в Азиатскую часть. 7 января 1906 г. она подготовила еще одну докладную записку, в которой отмечала, что Суботич обвиняет военное министерство в консерватизме, отказе от перемен, тогда как только он один выступает за изменения. Азиатская часть рекомендовала отклонить проект Суботича. Однако военный министр А.Ф. Редигер не согласился с ней и приказал вынести этот документ на обсуждение Военного совета.

13 января 1906 г. Азиатская часть подготовила соответствующее представление в Военный совет, в котором излагала основные положения проекта Суботича. Она отстаивала в нем те позиции, которые были заявлены ею ранее. Азиатская часть по-прежнему выступала против разделения должностей начальника Закаспийской области и командира 2-го Туркестанского армейского корпуса и предлагала «начальника Закаспийской области переименовать в Военного губернатора, ввиду отсутствия причин для сохранения ныне существующего наименования»[549]. Остальное тоже было в духе записки от 30 декабря 1905 г. Военный совет рассмотрел это представление и признал «неудобным разделять должности начальника Закаспийской области и командира 2-го Туркестанского армейского корпуса, считая, что сосредоточение высшей власти в области в одном лице наиболее отвечает современному положению дела»[550]. Суботича вскоре отстранили от должности и, казалось бы, дело заглохло навсегда. Что касается проекта комиссии Несторовского, то он обсуждался на заседании Совета министров 4 апреля 1906 г. Его представлял новый военный министр А. Ф. Редигер. Он

[549] Там же. Л. 21.
[550] Там же. Л. 26.

признал возможным передать Туркестанский край в ведение МВД, но только после окончания революционных событий в России.

В октябре 1906 г. в край с инспекторской проверкой в край прибыл генерал-адъютант К. К. Максимович. Ее результаты были неутешительными. В декабре 1906 г. генерал-губернатором Туркестанского края был назначен «старый туркестанец», генерал от инфантерии Н.И. Гродеков[551], в 1883-1893 гг. бывший военным губернатором Сырдарьинской области. Он был сторонником передачи Туркестанского края в ведение МВД. Однако оно не спешило принимать его под свое крыло до изменения действующих в крае законов. В марте 1907 г. военное министерство предложило Совету министров приостановить разработку проекта нового «Туркестанского положения». Столыпин, как одновременно глава правительства и министр внутренних дел, выступил за отсрочку передачи края в ведение МВД. Он посоветовал военному министерству просить об этом «Государя Императора». Но оно отказалось, предложив сделать это самому МВД. Столыпин вынужден был согласиться. 3 июля 1907 г. Совет министров постановил продлить действие «Закаспийского положения» 1890 г., о чем выше упоминалось, и отсрочить передачу Туркестанского края в ведение МВД.

В «Особом журнале Совета министров» излагалась история вопроса, а также мнения министерств и ведомств по этому поводу. Правительство постановило: «1) Поручить военному министру образовать Особое Вневедомственное совещание для составления проекта нового Положения об управлении Туркестанским краем и внести означенный проект на рассмотрение Совета министров не позднее двух лет со времени утверждения настоящего заключения. 2) Продолжить действие Высочайше утвержденного 6 февраля 1890 г. Временного Положения об управлении Закаспийской области, а равно *отстрочить передачу заведывания управления*

[551] Гродеков Николай Иванович (1843-1913) – выдающийся военный деятель и ученый. Даже советская власть сохранила его имя в название крупной узловой железнодорожной станции на Дальнем Востоке - Гродеково – В.Л.

Туркестанским краем из Военного Министерства в Министерство Внутренних дел впредь до введении нового положения об управлении названного края»[552]. (Курс. – В.Л.) 30 июля 1907 г. император надписал на «Особом журнале» Совета министров резолюцию: «Согласен»[553].

8 декабря 1907 г. венный министр А.Ф. Редигер разослал руководителям министерств и ведомств уведомление о том, что, согласно решению правительства от 30 июля 1907 г., при его министерстве образовано «Особое Вневедомственное совещание для составления проекта нового Положения об управлении Туркестанским краем», председателем которого назначен отставной действительный тайный советник К.А. Несторовский, работавший ранее в Туркестанском крае и хорошо знающий его проблемы[554].

«Особое совещание» по разработке проекта нового «Туркестанского положения» для всех 5 областей края было составлено из представителей разных министерств и ведомств. Следует отметить, что работа комиссии Несторовского совпала с назначением в марте 1908 г. императором Николаем II правительственной ревизии Туркестанского края во главе с сенатором К.К. Паленом, который получил на то специальную инструкцию от царя[555].

28 апреля 1908 года Азиатский отдел[556] Главного штаба направил в «Особое совещание» Несторовского следующие документы: 1) Проект Положения об управлении Туркестанским краем. 2) Объяснительную записку к нему. 3) Журнал совета Туркестанского генерал-губернатора от

---

[552] РГИА. Ф. 565. Оп. 1. Л. 665 - Дело по проекту положения об управлении Туркестанского края (29 апр. – 30 ноября 1910 г.). Л. 60 об.

[553] Высочайше утвержденное Положение Совета Министров - О составлении нового Положения об управлении Туркестанским краем и об отсрочке передачи сего края в ведение Министерства внутренних дел. 30 июля 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29439. С. 476-477.

[554] РГИА. Ф. 565. Оп. 1. Л. 665 - Дело по проекту положения об управлении Туркестанского края (29 апр. – 30 ноября 1910 г.). Л. 65 об.

[555] Высочайшее Повеление, объявленное Министром Юстиции – Об утверждении Инструкции Сенатору, назначенному по Высочайшему Повелению к производству Ревизии Туркестанского края. 18 июня 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд.1. СПб., 1911. № 30500. С. 366-367.

[556] Азиатская часть стала его основным подразделением, с прежней ответственностью за составление докладных записок и т.п. – В.Л.

2 декабря 1904 года. 4) Протоколы заседаний Комиссии, учрежденной приказом по Туркестанскому краю от 27 апреля 1902 года. Выше автор писал об ее работе. Самому Несторовскому они были хорошо известны, поскольку именно он некогда возглавлял соответствующую туркестанскую комиссию. Несмотря на это, новая комиссия под его руководством проработала до начала 1909 г., однако не смогла составить приемлемый проект единого «Туркестанского положения» и в марте 1909 г. решением Совета министров ее работа была прекращена до окончания ревизии Туркестанского края[557]. Предполагалось, что ее материалы помогут при составлении очередного проекта управления российскими территориями в Средней Азии.

Комиссия ревизора, графа К.К. Палена пришла к выводу о том, что «все данные Ревизии как для городских, так и для уездных полицейских учреждений Туркестанского генерал-губернаторства, приводят к заключению, что объединение в законе и на практике в руках одних и тех же должностных лиц чисто полицейских и административных функций, с возложением на них в большинстве местностей генерал-губернаторства хозяйственных задач, осуществляемых в центральных губерниях органами самоуправления, повело повсеместно к самым неблагоприятным результатам. Ввиду этого в Туркестанском крае ещё более, нежели в Европейской России, настоятельно необходима скорейшая реорганизация полицейских учреждение как высших, так и низших, на тех же началах какие указаны в основном Положении проекта преобразования полиции в Империи, с отступлением лишь по условиям места и быта»[558]. Желательно назначение к военным губернаторам особых помощников по *полицейской части,* поставленных, однако, в непосредственное подчинение военным

---

[557] Высочайше утвержденное Положение Совета Министров - О прекращении работ Особого Вневедомственного Совещания по составлению нового Положения об управлении Туркестанским краем. 24 марта 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 31643. С. 223-224.

[558] Пален К.К. Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. СПб.: Сенат. тип., 1909-1911. Полиция безопасности: [С прил.]. 1910. С. 169-170.

губернаторам. Ревизия Палена предлагала упразднить некоторые из обязанностей полиции и переложить их на особые исполнительные органы соответствующих ведомств. Специализация полицейских чинов для Русского Туркестана, по мнению Ревизии, пока являлась излишней роскошью. Ввиду чрезвычайно быстрого экономического роста Туркестанского края и непрерывного притока переселенцев из Европейской России Ревизия считала нужным признать установление определённых полицейских штатов для Туркестана нецелесообразным, а предоставить это дело ведению местного генерал-губернатора, ограничив его лишь твёрдыми законодательными нормами. Такое усиление полицейской власти генерал-губернатора, по мнению Ревизии, устранило бы многие затруднения, возникающие при рассмотрении отдельных должностных вопросов в установленном порядке. «По этим же соображениям, – заключала Ревизия, – было бы настоятельно необходимо всецело подчинить Главному Начальнику края все полицейские власти генерал-губернаторства и предоставить ему разрешение, в единении с Советом, всех вопросов, требующих по проекту для метрополии санкции или распоряжения Министра внутренних дел»[559]. Глава Ревизии К.К. Пален в ноябре 1910 г. представил «всеподданнейшую записку» с главными выводами по ревизии императору Николаю II, который 14 ноября 1910 г. наложил на ней резолюцию: «Обсудить в Совете министров»[560].

Правительство обсуждало «записку» на заседании 9 декабря 1910 г. Пален указывал в ней, что «полицейское дело» в Туркестанском крае налажено плохо. Например, в Семиреченской области приходилось по 4-5 полицейских на уезд, «а в других областях [их] не учреждено вовсе». На участковых приставов, кроме полицейских, возложены «еще и

[559] Пален К.К. Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. СПб.: Сенат. тип., 1909-1911. Полиция безопасности: [С прил.]. 1910. С. 171.

[560] РГИА. Ф. 565. Оп. 1. Л. 665 - Дело по проекту положения об управлении Туркестанского края (29 апр. – 30 ноября 1910 г.). Л. 90 вверху.

многочисленные чисто административные обязанности» [561] . По мнению Ревизора, «назрела самая настоятельная потребность или, вернее, - создание…уездной полиции». Он отмечал, что для этого надо освободить участковых полицейских приставов от исполнения ими административных функций, учредить должности помощников начальников уездов по полицейской части и устроить команды низших полицейских чинов, как в Европейской России, но «с некоторыми лишь изменениями, вызываемыми местными условиями и бытом населения»[562].

Касаясь городской полиции, Пален писал о том, что она имеет ненамного лучшие условия, чем сельская, однако, ей не хватает и высших, и низших чинов, а число имеющихся не соответствует количеству населения в городах, обмундирование полицейских чинов оставляет желать лучшего и т.д. Выступая в правительстве, Пален заявил о том, что действующее в Туркестанском крае «Положение» 1886 г. устарело, но ситуация усложняется еще тем, что, кроме него, в крае действуют еще два «положения» – для Семиреченской и Закаспийской областей. Сенатор отмечал, что все они «способствуют обособлению последнего (Туркестанского края – В.Л.) от общегосударственного строя, значительно замедляя тем его приобщение к русской жизни и обременяя имперскую казну совершенно непроизводительными, подчас имеющими лишь местное значение, расходами»[563].

По мнению Палена, новое «Туркестанское положение» составлять не стоило, поскольку это будет только «расширение отдельных глав действующих положений в целые тома». Он писал: «Поэтому самым естественным выходом из создавшегося положения представлялось бы

---

[561] Всеподданнейшая Записка, содержащая главнейшие выводы отчета о проведенной в 1908-1909 гг. по Высочайшему Повелению Сенатором, Гофмейстером, графом Паленом К.К. Ревизии Туркестанского Края. Ч.2. Административный строй: органы краевого, областного, уездного и сельского управления. СПб., 1910. С. 38.

[562] Там же. С. 39.

[563] РГИА. Ф. 565. Оп. 1. Л. 665 - Дело по проекту положения об управлении Туркестанского края (29 апр. – 30 ноября 1910 г.). Л. 91.

введение в Туркестане в полном объеме общих, относящихся до империи законоположений, с некоторыми лишь, вызываемыми местными особенностями изменениями в подлежащих частях»[564]. Царь, просматривая Журнал Совета министров, напротив этих строк на левом «поле» написал: «да». Пален предложил преобразовать городскую и уездную полицию в Туркестанском крае «в соответствии с предположениями о таковом преобразовании в Европейской России, с установлением в законодательном порядке лишь общих пределов обеспечения городов и уездов высшими и низшими полицейскими чинами с предоставлением Главному Начальнику края права более подробного распределения полицейских сил»[565].

Заслушав выступление К.К. Палена, Совет министров постановил: «Образовать под председательством одного из членов Совета Министров … Особое Совещание для выработки, на основании добытых ревизией сенатора графа Палена данных, коренных преобразований управления Туркестанским краем»[566]. Просмотрев «Особый журнал» заседания Совета министров 9 декабря 1910 года: «По всеподданнейшей записке ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край графа Палена», царь Николай II надписал на подлиннике 29 декабря 1910 года: «Образовать Совещание под председательством Т.С. (тайного советника – В.Л.) Харитонова»[567]. Последний был Государственным контролером. Правительство решило ввести в состав «Совещания» в качестве члена К.К. Палена, и туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова «с предоставлением ему заменять себя своим помощником, а также «товарищей (заместителей – В.Л.) Главных Начальников, прикосновенных к делу ведомств»[568]. В полном составе комиссия Харитонова насчитывала свыше

[564] РГИА. Ф. 565. Оп. 1. Л. 665 - Дело по проекту положения об управлении Туркестанского края (29 апр. – 30 ноября 1910 г.). Л. 91.
[565] Там же. Л. 96.
[566] Там же. Л. 88.
[567] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3959 - Дело о преобразовании управления Туркестанского края. (6 янв. – 27 июн. 1911 г.). Л. 2.
[568] РГИА. Ф. 565. Оп. 1. Л. 665 - Дело по проекту положения об управлении Туркестанского края (29 апр. – 30 ноября 1910 г.). Л. 88.

десятка видных чиновников. Таким образом, закрытие «Особого совещания» под председательством К.А. Несторовского и обсуждение в Совете министров итогов Ревизии Палена не сняло с повестки дня царского правительства проблему разработки единого для всех областей Туркестанского края «положения» об его управлении.

Весной и летом 1911 г. состоялись заседания «Особого совещания» для выработки основных начал преобразования управления Туркестанского края под председательством П.А. Харитонова. Оно всесторонне рассмотрело проблемы региона, уделив самое серьезное внимание полицейскому вопросу, фактически неразрывно связанному с административным управлением генерал-губернаторством.

Комиссия Харитонова признала, что «одной из положительных сторон существующего устройства Уездного управления в Туркестанском крае, выгодно отличающее его даже перед Европейской Россией, является соединение в лице начальника уезда как полицейской, так и административной власти». При этом она указывала, что начальники уездов сильно перегружены общим управлением подведомственной им территорией, а потому надо «учредить при начальнике особую должность помощника по полицейской части»[569].

По делам полиции в Туркестанском крае предполагалось рассмотреть такие вопросы, как: 1) Какие изменения следует внести в организацию городской и сельской полиции в Туркестанском крае. 2) Какие меры по полицейской части надо принять безотлагательно. 3) «Желательная постановка заведывания местной полицией». 4) «Положение высших полицейских чинов в Туркестанском крае». 5) «Организация низшей полиции, в частности, участие туземного населения в несении полицейских обязанностей». 6) «Желательно ли сохранение за высшими полицейскими

[569] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3959 - Дело о преобразовании управления Туркестанского края. (6 янв. – 27 июн. 1911 г.). Л.74 об, 75.

чинами права налагать административные взыскания на население»[570]. При обсуждении указанных вопросов комиссия Харитонова руководствовалась не только материалами ревизии сенатора К.К. Палена, но и соображениями, изложенными туркестанским генерал-губернатором А.В. Самсоновым во «Всеподданнейшем» докладе за 1909 год[571].

Совещание Харитонова, как отмечалось, приветствовало соединение в уездах и городах Туркестанского края административной и полицейской власти в лице их начальства, однако, вместе с тем, отметило, что «развитие обязанностей его по непосредственному заведованию полицией в уезде было бы в ущерб его административной деятельности» [572] . Поэтому оно предложило освободить начальников уездов от полицейских функций, возложив их на участковых приставов, при этом увеличив повсеместно их численность. Совещание также признало нужным учредить при уездном начальнике особую должность помощника по полицейской части, чтобы уже существующий помощник являлся его сотрудником только по административному управлению. Поскольку Семиреченская область управлялась на основании «Степного положения» 1891 г., то комиссия Харитонова указала, что «не усматривается необходимости в сохранении по действующему закону должностей участковых приставов в Семиреченской области наряду с участковыми начальниками» [573] . Она отметила, что им «надлежит присвоить общее наименование, или Участковых приставов, либо Участковых начальников, в зависимости от того будут ли присвоены им одни полицейские или также и административные функции»[574].

Особое внимание «Совещание» уделило Амударьинскому отделу, Сырдарьинской области. Во время ревизии сенатор К.К. Пален выразил

---

[570] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3959 - Дело о преобразовании управления Туркестанского края. (6 янв. – 27 июн. 1911 г.). Л. 27.
[571] См.: Всеподданнейший отчет Туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 году. Ташкент, 1910. 58 с.
[572] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3959 - Дело о преобразовании управления Туркестанского края. (6 янв. – 27 июн. 1911 г.). Л. 155.
[573] Там же. Л. 156.
[574] Там же.

удивление тем, что начальник этого отдела приравнивался к уездному полицейскому начальнику, хотя подведомственная ему территория превышала 100 тыс. кв. верст. Поэтому он предложил дать отделу статус области с подчинением непосредственно туркестанскому генерал-губернатору. Комиссия Харитонова поддержала эту идею Палена, но при условии, что к новой Амударьинской области будут присоединены также соседние уезды из других областей края.

Кроме того, она оценила признание туркестанского генерал-губернатора Самсонова в том, что низшей сельской полиции в Туркестанском крае практически не существует и потому указала, что «образование уездной полиции настоятельно необходимо. При каждом участковом приставе должно находиться по несколько стражников» [575]. Комиссия отметила, что надо иметь группы стражников и там, где нет приставов, но в таком случае для командования ими надо учреждать должности полицейских урядников из русских запасных и нижних чинов в отставке. Она признала, однако, что «учреждение уездной полицейской стражи в Туркестане на основаниях, принятых для коренных местностей Империи, было бы сопряжено с весьма крупными издержками»[576].

«Совещание» сочло возможным и оправданным привлечение дешевой «туземной» полицейской «силы», указав при этом, что такая мера могла бы подготовить «туземное население к предстоящему впоследствии распространению не него обязанностей войсковой повинности» [577]. Оно высказалось за равное привлечение в ряды туркестанской полиции как русских, так и «туземцев». Хотелось бы заметить, что именно такого подхода за 30 лет до этого придерживался второй туркестанский генерал-губернатор, генерал-лейтенант М.Г. Черняев. В целях улучшения работы уездной полиции комиссия Харитонова предлагала объединение русского и

[575] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3959 - Дело о преобразовании управления Туркестанского края. (6 янв. – 27 июн. 1911 г.). Л. 161.
[576] Там же.
[577] Там же. Л. 162.

«туземного» управления в некоторых селениях, но по личному решению генерал-губернатора. Она отмечала, что «в виду серьезных неудобств, проистекающих от отсутствия в уездах Туркестана низшей полиции, Совещание наметило образование в крае уездной полицейской стражи с применением, однако, в отношении численного ее состава, в видах сокращения расходов, менее высоких, чем в прочих местностях Империи норм»[578].

Во время работы комиссии Харитонова туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов выступил за привлечение «туземцев» к службе в российской полицейской страже края, так как в регионе функционировали «туземные» полицейские подразделения, откуда наиболее доверенные и благонадежные коренные жители могли переходить на службу в государственную полицию. Комиссия поддержала его мнение.

Диссертант считает нужным отметить, что в процессе заседаний «Особого совещания» Харитонова военный министр В.А. Сухомлинов посетил в марте-апреле 1912 г. Туркестанский край и проинспектировал тамошний округ. По итогам поездки он предоставил царю «всеподданнейший» доклад, на котором 18 июня 1912 г. Николай II сделал свои пометки и надписал одобрительную резолюцию. 17 июля 1912 года начальник канцелярии Военного министерства, генерал Н. Данилов направил председателю Совета министров В.Н. Коковцову «Выписку из Всеподданнейшего доклада Военного министра о поездке его в Туркестанский край в марте и апреле 1912 года». Он просил рассмотреть этот документ на заседании правительства.

Сухомлинов рассматривал в докладе не только проблемы Туркестанского военного округа, но и общие вопросы управления краем. Он писал: «Туркестан по отношению к центральной части Империи перестал быть колонией и с каждым годом входит с нею в связь все более и более

[578] Особый журнал Совета министров от 20 ноября 1912 года - По Проекту основных начал преобразования управления Туркестанским краем // Особые журналы Совета министров Российской империи. (1909-1917 гг.) 1912 год. М., 2004. С. 355.

твердую. На дальнейшее упрочение и развитие этой связи и должны быть направлены усилия правительственной власти» [579] . Он отмечал, что «действующее административное устройство края, зиждется на Положении 1886 года, которое создавалось при иных условиях – при существовании всего лишь трех областей, тогда как теперь их уже пять. Кроме того, Хива и Бухара хотя и не наши области, но связь с ними все крепнет и растет не по дням, а по часам… отношения нашей администрации с ними самые тесные и отнимают немало времени» [580] . По мнению военного министра, существующее управление пятью областями Туркестанского края было повсеместно исполнено многих недостатков.

Что касается полиции, то Сухомлинов отмечал нехватку ее чинов на уездном уровне. Он писал: «Реорганизация управления уездом должна начаться с увеличения числа участковых приставов, по крайней мере, до двойного их числа, сравнительно с существующим ныне»[581]. Он указывал, что надо увеличить число участковых полицейских приставов за счет уменьшения территории участков, чтобы они могли успешнее наблюдать за их населением. При чтении отчета военного министра царь Николай II подчеркнул это место. Военный министр указывал: «Необходимо ввести в штат уездных правлений двух помощников начальников уезда по полицейской части, а также дать помощника участковому приставу»[582]. Он отмечал, что в Туркестанском крае «низшей полицейской охраны в областях не существует вовсе, за исключением городов и немногих полицейских стражников, содержимых в уездах на частные средства и для частных надобностей»[583]. Царь подчеркнул и эти строки. Сухомлинов считал, что «такое положение дела нетерпимо: административная власть не имеет в руках никакой реальной силы, на которую она могла бы опереться в случае

[579] РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 31 - Дело по выработке начал преобразования управления Туркестанским краем. (17 нояб.1912 - 4 сент.1913). Л. 29.
[580] Там же. Л. 29 об.
[581] Там же. Л. 28 об.
[582] Там же.
[583] Там же.

надобности»[584]. Он отмечал, что усиление полиции в Туркестанском крае необходимо, так как состав населения портится, повсеместно проживает много приезжих, в том числе из Кавказа, а также иностранцев - персов, китайцев, афганцев и проч. Кроме того, растет мусульманский фанатизм, панисламизм, пантюркизм среди туземцев неспокойно и т.п. Министр писал: «Поэтому крайне необходимо, наряду с увеличением числа участковых приставов, организовать в области полицейскую стражу, хотя бы по общему образцу, принятому во внутренних губерниях Империи» [585] . Царь тоже подчеркнул эти строки.

Военный министр указывал, что раньше должность участкового полицейского пристава «предоставлялась желательной для каждого строевого офицера и администрация имела возможность выбирать вполне достойных и соответствующих кандидатов, теперь на эти должности идут офицеры только под влиянием каких-нибудь исключительных условий: приходится замещать вакансии лицами, получившими низшее или так называемое домашнее образование и даже смотреть сквозь пальцы и на другие, более существенные дефекты»[586]. Он отмечал, что «от этого страдают и интересы службы, и престиж русского имени и русской власти в крае. А, между тем, участковые приставы дают тот контингент служащих, из которых избираются уездные начальники – эта основа административного управления всем населением и русским, и туземным»[587]. Сухомлинов писал о том, что Министерство внутренних дел уже повысило оклады своим полицейским чиновникам, а «служащие же в Туркестанском крае, находящиеся в несравненно более тяжелых условиях, остались вне нового закона только по той случайной причине, что служат по ведомству военного министерства»[588]. Он полагал, что правительству надо, наконец, осознать, что «служба на

[584] РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 31 - Дело по выработке начал преобразования управления Туркестанским краем. (17 нояб.1912 - 4 сент.1913). Л. 29.
[585] Там же.
[586] Там же. Л. 30.
[587] Там же.
[588] Там же.

окраине требует отборных людей, ибо каждый, даже маленький деятель там, является строителем русского дела, проводником русской гражданственности и культуры» [589] . Царь сделал пометку и надписал на левом «поле»: «Разумеется». Военный министр считал, что необходимо повышать оклады чиновников в Туркестанском крае, так как условия жизни там нелегкие. Он также высказал свое мнение о форме полицейских служителей в Туркестанском крае, которое приводится в отдельном разделе исследования, посвященном обмундированию полиции в регионе[590].

Проект «Туркестанского положения», выработанный «Особым совещанием» Харитонова обсуждался на заседании Совета министров 20 ноября 1912 года. За два дня перед этим, 18 ноября 1912 г. свои замечания по проекту комиссии Харитонова направил в правительство Департамент полиции МВД. Они были следующими: 1) По поводу учреждения в Туркестанском крае должности помощника начальников уездов по полицейской части он отмечал, что «уездные начальники в крае несут обязанности не только полицейского, но и административного характера, учреждение должности помощника уездного начальника по полицейской части представляется настоятельно необходимым»[591].

Департамент признал предложение комиссии Харитонова ввести должность помощника начальника уезда по полицейской части оправданным и рекомендовал «усилить на местах личный состав классных чинов в уездных местностях»[592]. То есть передать руководство уездной полицией от военных армейских чинов к «классным» гражданским чиновникам. Кроме того, Департамент предлагал образовать в Туркестанском крае полицейские «станы», по общероссийской законодательной норме – один «стан» на 40 тыс. человек. 2) В связи с предложением туркестанского генерал-губернатора, «учредить должности стражников (по несколько чинов при

[589] РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 31 - Дело по выработке начал преобразования управления Туркестанским краем. (17 нояб.1912 - 4 сент.1913). Л. 30 об.
[590] См.: глава 5, п. 5.3, «б» – В.Л.
[591] Там же. Л. 61.
[592] Там же. Л. 76.

участковом приставе) и группы стражников в особо важных пунктах, а также урядников» и установлений «Особого совещания» Харитонова об одном стражнике на 2500 душ в Туркестанском крае, в отличие от Сибири и «степных» областей, где один стражник приходится на 2000 душ, Департамент полиции МВД писал о том, что в Туркестанском крае сложились особые условия и потому надо учредить «по одному уряднику на волость… и по одному пешему стражнику на 2500 душ населения с прибавкой 50% конных стражников»[593]. Диссертант полагает, что тем самым Департамент полиции МВД готовил край под будущее управление своего ведомства. Он отмечал: «Что касается замещения стражи лицами туземного происхождения, то мера эта едва ли допустима к осуществлению»[594].

Департамент полиции пояснял, что, по действующему законодательству, «стража комплектуется преимущественно из уволенных в запас нижних чинов», от которых требуется, чтобы они умели читать и писать и вообще имели «общее достаточное развитие». По его мнению, «туземное» население Туркестанского края не удовлетворяло таким требованиям. В связи с этим Департамент полиции МВД подчеркивал: «С другой стороны, в названном крае замечается панисламистское движение, которое налагает на правительство обязанность быть особо осторожным при выборе своих служащих из местного мусульманского населения»[595]. Тем не менее, он настаивал на том, чтобы установить, что полицейская стража комплектуется лицами русского происхождения, преимущественно отставными и уволенными в запас нижними чинами войск.

МВД выступило также против предоставления туркестанским властям полицейских полномочий по отношению к местной прессе и печати. Главное управление печати МВД писало по поводу проекта комиссии Харитонова: «Установление более правильного и тщательного наблюдения за

---

[593] РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 31 - Дело по выработке начал преобразования управления Туркестанским краем. (17 нояб.1912 - 4 сент.1913). Л. 62.
[594] Там же. Л. 62 об.
[595] Там же. Л. 63.

произведениями как повременной, так и неповременной печати, выходящими в Туркестанском крае на основании ныне действующих законов о печати, представляется действительно существенно необходимым в виду того, что составляющее особенность края поступательное развитие мусульманской печати требует самого внимательного к себе отношения». Оно отмечало, что возлагать такое наблюдение на местные власти не следует, а потому «является необходимость в создании в Туркестанском крае Комитета по делам печати»[596]. Понятно, что, по его мнению, он должен был подчиняться МВД.

В «Особом журнале» Совета министров от 20 ноября 1912 г. «По Проекту основных начал преобразования управления Туркестанским краем» отмечалось: «При обсуждении устройства уездной полиции в Туркестане Совет министров нашел, что численность ее подлежала бы определению сообразно с принятием в Европейской России нормами одного участкового пристава на 40.000 жителей, одного урядника - на волость и одного стражника на 250 душ населения»[597]. Правительство указывало: «В среде Совета (министров – В.Л.) выражено было сомнение в целесообразности проектированного Совещанием допущения в состав упомянутой стражи туземцев»[598]. Оно постановило: «Нельзя упускать из вида, что стража сия должна выполнять две задачи: нести собственно полицейские обязанности и, в то же время, являться всегда готовой воинской силой для прекращения беспорядков без обращения к содействию войск»[599]. Оно высказалось за формирование полицейской стражи в Туркестанском крае из отставных и «запасных» нижних чинов, имеющих военный опыт, которого нет у «туземцев». Кроме того, принадлежащие к «туземному» населению лица «не

[596] РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 31 - Дело по выработке начал преобразования управления Туркестанским краем. (17 нояб.1912 - 4 сент.1913). Л. 72 об.
[597] Особый журнал Совета министров от 20 ноября 1912 года - По Проекту основных начал преобразования управления Туркестанским краем // Особые журналы Совета министров Российской империи. (1909-1917 гг.) 1912 год. М., 2004. С. 360.
[598] РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 31 – Дело о выработке начал преобразования управления Туркестанским краем. Л. 101.
[599] Там же. Л. 101-101об.

могут представить собой подлинную опору власти в случае каких-либо столкновений с населением»[600]. Вместе с тем, в правительстве понимали, что «полное закрытие доступа в полицейскую стражу туземцам было бы в Туркестане фактически невозможно»[601]. Совет министров ссылался на мнение туркестанского генерал-губернатора о том, что русских нижних чинов в отставке и «запасе» не хватит для формирования полицейской стражи в крае, так как «крайне трудно подыскать из нетуземных кандидатов, владеющих местными наречиями»[602]. И поэтому в состав полицейской стражи в Туркестанском крае брали по общественным приговорам «туземцев». Совет министров признал, что «некоторые инородцы являются даже весьма желательным в полицейской страже элементом. Таковы, например, отбывшие службу в Туркменском конном дивизионе туркмены и много лет исполняющие уже в генерал-губернаторстве полицейские обязанности джигиты»[603].

Правительство высказалось за то, чтобы нормы по полицейскому обеспечению населения в Европейской России применялись и в Туркестанском крае, но рекомендовало не вводить «каких-либо особых оговорок в новое Туркестанское Положение» и указания о том, «при таких условиях от генерал-губернатора всегда будет зависеть допускать в названную стражу, по мере надобности, и туземцев»[604]. При этом оно отметило, что «к иному, однако, заключению следует придти по вопросу об учреждении в Туркестане должностей крестьянских начальников»[605]. Совет министров отмечал, что, в случае их учреждения, «на местах возникло бы некоторое раздвоение административной власти, что тоже могло бы повести *к весьма нежелательному результату: к уменьшению в глазах населения*

[600] РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 31 – Дело о выработке начал преобразования управления Туркестанским краем. Л. 101об.
[601] Там же.
[602] Там же.
[603] Там же.
[604] Там же. Л. 102.
[605] Там же. Л. 100.

авторитета участковых приставов» [606] . (Курс. – В.Л.) Представляется очевидным, что в данном случае царское правительство рассуждало здраво, так как коренное население Русского Туркестана привыкло к слитному административному и полицейскому единовластию уездного начальства.

Совет министров постановил: одобрить проект преобразования управления Туркестанским краем, разработанный «Особым совещанием» под председательством сенатора Харитонова, и поручить военному министру доработать его с учетом высказанных замечаний и предложений. Между тем, туркестанский генерал-губернатор А. В. Самсонов высказал мнение о том, что составление такого документа должно проходить в Туркестанском крае и под его личным руководством. Исследователь Т.В. Котюкова пишет: «Главный штаб был *вынужден* принять такой алгоритм действий»[607]. (Курс. – В.Л.) Это странное заявление, поскольку именно он был более всего заинтересован в том, чтобы дело оставалось в руках подчиненного ему «Главного начальника края».

21 августа 1913 г. канцелярия Иркутского генерал-губернатора просила Департамент общих дел МВД прислать «проект нового Положения о Туркестанском генерал-губернаторстве». 4 сентября 1913 г. Департамент отвечал ей, что «согласно п. 2 Высочайше утвержденного 25 февраля 1913 г. Особого Журнала Совета министров от 20 ноября 1912 года, разработка нового Положения о Туркестанском генерал-губернаторстве поручена Военному министру»[608]. Однако, последний не был заинтересован в скорой подготовке нового проекта «Туркестанского положения», которое передавало управление краем в подчинение сопернику военного ведомства – Министерству внутренних дел, а потому не спешил делать это.

---

[606] РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 31 – Дело о выработке начал преобразования управления Туркестанским краем. Л. 100.

[607] *Котюкова Т.В.* Окраина на особом положении… Туркестан в преддверии драмы / Т.В. Котюкова. М.: Научно-политическая книга, 2016. С. 47

[608] РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 31 – Дело о выработке начал преобразования управления Туркестанским краем. Л. 109.

В июне 1914 г. Главный штаб доложил В.А. Сухомлинову о том, что из Туркестанского края не поступило ни одного документа, связанного с подготовкой проекта нового «Туркестанского положения». Несмотря на начавшуюся войну, в сентябре 1914 г. Главный штаб направил в Туркестан начальника Азиатской части, генерал-лейтенанта М.М. Манакина с тем, чтобы он форсировал работу над искомым документом. Прибыв на место, Манакин вынужден был признать, что работа над составлением проекта нового «Туркестанского положения» в крае еще даже не начиналась. К этому времени бывший генерал-губернатор, генерал от кавалерии А.В. Самсонов отправился на фронт.

В октябре 1914 г. «временным» туркестанским генерал-губернатором был назначен генерал от инфантериии Ф.В. Мартсон. Он разделял взгляды Самсонова на управление краем. Исследователь Т.В. Котюкова пишет о том, что после визита в Туркестан Манакина деятельность по составлению материалов для проекта нового «Туркестанского положения» в областях края ускорилась по его основным направлениям[609]. Но она имела ограниченные результаты. В октябре 1915 г. Мартсон доложил о проделанной работе в Главный штаб и предлагал отложить составление проекта до окончания войны, ссылаясь на ухудшение положения в крае в военное время. Военное министерство не устраивала позиция Мартсона по этому вопросу и в январе 1916 г. Главный штаб снова направил в Туркестан М.М. Манакина. В феврале 1916 г. он представил отчет, в котором отмечал, что за 3 года составление проекта «Туркестанского положения» краевой администрации продвинулось только в незначительной мере. Манакин предлагал, чтобы этим делом занялось само Военное министерство в лице Азиатского отдела Главного штаба. А туркестанская администрация должна предоставлять ему необходимые документы и материалы.

Предполагалось, что работа закончится 15 июня 1916 г., однако в апреле 1916 г. Мартсон сообщал, что выполнить такую работу в срок он не

---

[609] *Котюкова Т.В.* Указ. соч. С. 47-48.

сможет. На помощь туркестанской администрации Главный штаб направил делопроизводителя Азиатской части Вдзенконского. Но это не оказало большого влияния на ход дела. В мае 1916 г. император Николай II «распорядился продолжить работы по составлению проекта нового положения об управлении Туркестаном»[610]. 14 июня 1916 г. туркестанский генерал-губернатор Ф.В. Мартсон окончательно покинул край[611], а на его место был назначен «старый туркестанец», генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин, так как в Туркестане уже началось восстание коренного населения.

Несмотря на хлопоты, связанные с ним, в 1916 г. он уделял серьезное внимание работе над составлением проекта нового «Туркестанского положения» и, вероятно, довел бы дело до конца, если бы не Февральская революция 1917 г. Исследователь Д.В. Васильев пишет о том, что «работы по подготовке очередного проекта Положения начались в конце августа 1916 г.»[612]. Нелишне заметить, что это было время апогея восстания 1916 г. Излагая вкратце идеи этого проекта, Д. В. Васильев сообщает о том, что «сохраняя систему военно-народного управления, он (Куропаткин - В.Л.) пытался приспособить имперскую власть в крае к новым условиям, усилить эффективность ее контроля за обществом»[613]. Он отмечает, что Куропаткин «не особо спешил (! – В.Л.) с подготовкой административных реформ, и работа над новым Положением приблизилась к своему завершению лишь к началу февраля 1917 г.»[614].

Незадолго до Февральской революции, 18 февраля 1917 г. Куропаткин писал в Главный штаб о том, что часть разделов нового «Туркестанского положения» уже готовы, а остальные близки к завершению. Но Февральская революция положила конец всем его планам и делам.

---

[610] *Котюкова Т.В.* Указ. соч. С. 49
[611] Генерал от инфантерии Ф.В. Мартсон умер в октябре 1916 г. в возрасте 63 лет – В.Л.
[612] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 130.
[613] Там же. С. 130.
[614] Там же. С. 130-131.

В контексте изложения правовых основ организации и деятельности царской полиции в Средней Азии было бы ошибочным не указать, что с 1882 г. по всей России, в том числе, разумеется, в Туркестанском крае, а также в Семиреченской и Закаспийской областях, не входивших до 1898 г. в его состав, действовало «Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей»[615]. Он устанавливался для контроля над общественно вредными лицами на основании статей 32-36 закона от 14 августа 1881 года[616]. Примечание к статье 1-й закона от 12 марта 1882 г. указывало, что полицейский надзор учреждается не только над теми, кому это назначил суд, но и над теми, кто находится под негласным надзором полиции, а также над теми, кто подлежал ему по другим обстоятельствам[617]. В Русском Туркестане такой надзор устанавливался за лидерами и активными участниками мусульманских выступлений против власти, а их было немало.

Зарубежный туркестановед Х.К. д'Анкосс приводила такие данные по антирусским выступлениям в Туркестане: в 1899 г. - 50, 1905 - 235, 1907 - 346, 1916 - 382, 1917 – 547[618]. Она писала о том, что больше всего таких волнений было в Ферганской области – за период 1899-1917 гг. – 2.249, тогда как за этот же период по другим областям Туркестанского края – 4.922 выступлений [619] . В Семиреченской области в этот период - 283, в Сырдарьинской области - 398, в Закаспийской области - 775, в Самаркандской области – 1215[620]. Полицейскому надзору подлежали также

---

[615] Высочайше утвержденное Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей. 12 марта 1882 года // ПСЗРИ-3. Т. 2. СПб.,1886. № 730. С. 84-87.

[616] Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. 14 августа 1881 года // ПСЗРИ-3. Т. 1. СПб., 1885. № 350. С.261-266.

[617] Высочайше утвержденное Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей. 12 марта 1882 года // ПСЗРИ-3. Т. 2. СПб.,1886. № 730. С. 84.

[618] *D'Fncausse H.K.* Islam and the Russian Empire. Reform and Revolution in Central Asia. London, 1988. P. 74.

[619] Ibidem.

[620] Ibidem.

те, кто был выслан из края туркестанским генерал-губернатором по статье 15-й «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г., но, по истечении срока ссылки, вернулся в родные места, а также политически неблагонадежные муллы, ишаны, матдахи и т.п. Кроме того, полицейскому надзору обязательно подвергались лица, высланные из «внутренних» губерний России. Самым видным из них был член «августейшей фамилии» - «Его Императорское Высочество», великий князь Николай Константинович Романов – двоюродный дядя последнего русского царя, проживший в крае с небольшим перерывом с 1881 г. до смерти в 1918 г.

2 сентября 1899 г. туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской направил циркуляр всем руководителям областей края, в котором указывал, что в сельские сообщества мусульман края (особенно в кочевые) «приписывается немало разных подозрительных лиц», среди которых замечены и «подданные сопредельных государств» [621] . Он требовал установления над ними полицейского надзора. В уездных полицейских управлениях велись специальные журналы учета поднадзорных, а в областных правлениях заводились «тематические» дела на сей счет. В них фигурировали самые различные лица: неблагонадежные «туземцы», евреи, армяне, российские чиновники, казаки и др. Встречались среди них даже православные священники[622].

Указанные управления вели постоянно список поднадзорных лиц. В них преимущественно фигурировали «сарты» - оседлые мусульмане, причем, под надзор полиции ставились не только политически неблагонадежные, но и воры-рецидивисты, мошенники, табибы (знахари)-шарлатаны и др.[623]. Все городские и участковые приставы имели, так называемые «Секретные исходящие журналы», в которых, они, в частности, вели учет поднадзорных

[621] ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 11. Д. 1725 - Об организации управления мусульманским духовенством (1898 г.). Л. 249 об.
[622] См. напр.: ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 37015 - Дело о негласном полицейском надзоре (1889-1890 гг.)
[623] См. напр.: ЦГА Кыр. Ф. 149. Оп. 1. Д. 3 - О поднадзорных. Список лиц, состоящих под надзором полиции по Пригородному участку Андижанского уезда.

за текущий год. Позже, по окончании года, эти журналы сдавались в уездное полицейское управление, где и хранились. В течение года заполнение журналов могло проверяться либо самим начальником уездной полиции, либо его помощником[624].

Следует заметить, что до конца XIX в. поднадзорных полиции в Туркестанском крае было немного, судя по вышеприведенному мнению Х.К. д'Анкосс, однако в начале XX в., особенно в годы первой русской революции 1905-1907 гг. их стало много больше. «Общая» (военная) полиция Русского Туркестана исполняла закон 1882 г. по мере возможностей исправно, а с конца 1907 г. ей стало помогать в этом Туркестанское Районное охранное отделение - учрежденный орган Департамента полиции МВД, выступавший в качестве тайной политической полиции в регионе, включая Бухарское и отчасти Хивинское ханства.

Есть еще одно немаловажное правовое обстоятельство, влиявшее на деятельность полиции в Русском Туркестане. Любопытно, но многие отечественные и зарубежные туркестановеды в своих трудах часто игнорируют тот факт, что с конца XIX в. до 1917 г. отдельные местности края фактически постоянно находились в положении «усиленной», или «чрезвычайной охраны», установленной тоже законом от 14 августа 1881 г.. Были, конечно, исключения, но они только подчеркивают указанное «правило»[625]. Возможно, это обстоятельство можно было бы обойти при рассмотрении проблем социально-экономического, этнологического, культурного и т.п. характера, однако оно нуждается в безусловном учете при изучении деятельности полиции в Русском Туркестане, поскольку оба вида «охраны», прежде всего, касались усиления ее функций по обеспечению нужного царской власти порядка в регионе. В.И. Ленин писал о том, что положение об «усиленной» охране «с 1881 г. стало одним из самых

[624] См. напр.: ЦГА Кыр. Ф. 154. Оп. 1. Д. 2 - Секретный, исходящий журнал участкового пристава оседлого района Ошского уезда за 1910 год.

[625] См. перечень правовых актов такого рода: *Литвинов П.П.* Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном: монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. С. 512-515.

устойчивых, основных законов Российской империи. *Полиция получает какие угодно права и полномочия*… «Его «хорошие свойства» *разбаловали самое полицию*»»[626]. (Курс. – В.Л.) Действительно, закон от 14 августа 1881 г. был рассчитан на 3 года, но продлевался вплоть до Февраля 1917 года.

Положение «усиленной» охраны вводилось постановлением правительства, утвержденным царем [627] . Но после издания «Основных законов» от 23 апреля 1906 г. оно стало объявляться «именными», царскими указами, данными Сенату[628]. Однако, статья 7-я закона от 14 августа 1881 г. указывала, что «право первоначального объявления какой-либо местности в положении усиленной охраны принадлежит Министру внутренних дел, а в местностях, подведомственных генерал-губернаторам и сим последним, с утверждения Министра внутренних дел»[629]. Поскольку Русский Туркестан находился в ведении военного министра, то он делегировал свои полномочия по объявлению края на положении «усиленной» охраны местному генерал-губернатору.

Во время «холерного бунта» 1892 г. в Ташкенте и его окрестностях, вызвавшего волнения среди мусульман края, туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский издал 2 сентября 1892 г. приказ (№ 128) об объявлении с 10 сентября 1892 г. Ферганской области, города Ташкента, Ташкентского, Чимкентского и Аулиеатинского уездов, Сырдарьинской области, находящимися на «положении усиленной охраны», на основании пункта 7-го, примечания к статье 1-й «Устава о предупреждении и

---

[626] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 9. 5-е изд. М.: Политиздат, 1979. С. 331

[627] См. напр.: Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О продлении срока действия Положения об усиленной охране в городе Ташкенте, Ташкентском, Чимкентском и Аулиеатинском уездах Сыр-дарьинской области, и в областях Ферганской и Самаркандской. 4 августа 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26616. С. 620-621.

[628] См. напр.: Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О продлении срока действия Положения об усиленной Охране в некоторых местностях Сыр-дарьинской области и в Ферганской и Самаркандской областях. 13 сентября 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28346. С. 861.

[629] Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. 14 августа 1881 года // ПСЗРИ-3. Т. 1. СПб., 1885. № 350. С. 262.

пресечении преступлений» и ходатайств военных губернаторов областей Туркестанского края[630]. Положение «усиленной охраны» весьма расширяло полицейские полномочия туркестанского генерал-губернатора и начальников областной полиции – военных губернаторов. Естественно, что и «общая» (военная) полиция в уездах тоже получала более обширные права по отношению к населению.

Однако еще более суровым было положение «чрезвычайной» охраны. Статья 9-я закона от 14 августа 1881 г. указывала: «Положение чрезвычайной охраны вводится не иначе, как Высочайше утвержденным Положением Комитета министров по представлению Министра внутренних дел»[631]. Для Русского Туркестана такие представления делал военный министр, имевший, как уже отмечалось, на подвластных ему территориях права главы МВД. Положение «чрезвычайной охраны» объявляло туркестанских генерал-губернаторов «главноначальствующими», подчиняя им все гражданские ведомства, находившиеся в ведении центральных министерств, давало им «право учреждать для содействия существующим органам полиции особые военно-полицейские команды с кругом прав и обязанностей, указываемых при самом их учреждении»[632].

Кроме того, было много иных прав по отношению к судам, учебным заведениям, общественным организациям и др. Статья 29-я закона от 14 августа 1881 г. отмечала: «Местным начальникам полиции и начальникам Жандармских управлений и их помощникам предоставляется подвергать лиц, подозреваемых в совершении государственных преступлений или прикосновенности к ним, а равно в принадлежности к противозаконным сообществам предварительному аресту на срок не более 7 дней и производить у таких лиц обыски и выемки»[633]. Хотелось бы отметить, что в

---

[630] Туркестанская туземная газета. 1892. № 35. 5 сентября.
[631] Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. 14 августа 1881 года // ПСЗРИ-3. Т. 1. СПб., 1885. № 350. С. 262.
[632] Там же. С.264.
[633] Там же. С.265.

таких условиях туркестанская полиция действовала, конечно, тоже более сурово, но не злоупотребляла своими правами и положением с тем, чтобы не вызвать взрыва недовольства населения, особенно «туземного», весьма чувствительного ко всякого рода запретам русской власти.

Безусловно, положение «чрезвычайной охраны» учреждалось значительно реже, нежели положение «усиленной охраны» [634]. Генерал-губернаторы не имели права на установление «чрезвычайной охраны», однако они должны были издавать приказы о введении законов о ней в административный оборот. Например, 4 марта 1915 г. «временный» туркестанский генерал-губернатор Ф. В. Мартсон издал приказ № 44 по Туркестанскому краю о продлении «высочайшим» указом от 4 марта 1915 г. действия «Положения о чрезвычайной охране» до 4 сентября 1915 г.[635]. На основании статьи 12-й закона от 14 августа 1881 г., положение об «усиленной охране» должно было подтверждаться правительством один раз в год, а положение о «чрезвычайной охране» – через каждые полгода[636].

Таким образом, царское правительство, понимая, что «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г. грешит многими недостатками, старалось выработать новый документ об административном руководстве российскими областями в Средней Азии. Три специальные комиссии, учрежденные в начале XX в., так и не смогли решить эту проблему,

---

[634] См. напр.: Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О замене введенного в Ферганской области положения об усиленной охране положением чрезвычайной охраны. 17 сентября 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28346. С. 862; Именной Высочайший указ, данный Сенату – О продлении срока действия введенного в полосе отчуждения Средне-Азиатской железной дороги и в прилегающих к ней городах и поселениях Положения чрезвычайной охраны. 14 марта 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 28989. С. 172-173; Именной, Высочайший Указ, данный Сенату - О продлении чрезвычайной охраны в Закаспийской области в пределах полосы отчуждения Средне-Азиатской ЖД и прилегающих к ней городах: Красноводске, Кызыл-Арвате, Асхабаде и Мерве. 3 октября 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32588. С. 760-761 и др.

[635] Сборник действующих обязательных постановлений Туркестанского Генерал-Губернатора. Ташкент, 1915. С. 1.

[636] Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. 14 августа 1881 года // ПСЗРИ-3. Т. 1. СПб., 1885. № 350. С. 262.

поскольку правительство намеревалось передать регион в ведение МВД, а военное министерство тому сопротивлялось. Поэтому принципы деятельности туркестанской полиции оставались прежними. В конце XIX – начале XX в. ее функции расширились за счет исполнения закона 1882 г. о полицейском надзоре в Российской империи, а также правительственных актов о введении положения «усиленной» и «чрезвычайной» охраны в отдельных местностях областей Туркестанском края.

***

Содержание главы позволяет прийти к выводу о том, что правовые основы организации и деятельности полиции в Русском Туркестане складывались в течение длительного времени. Базовым фундаментом служило «Общее губернское учреждение» и имперское законодательство о полиции, в которое вносились дополнения и изменения, соответствующие специфике региона. Они находили обязательную рефлексию в разных вариантах «Туркестанского положения». «Временное положение об управлении Туркестанской областью» 1865 г. было пробным и носило ограниченный регулирующий характер, поскольку его авторы не имели глубоких знаний о положении в Средней Азии. Более удачным оказался проект «Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях» 1867 г., составленный так называемой «Степной комиссией». Он определял принципы управления вновь созданным Туркестанским генерал-губернаторством, в том числе организации и деятельности полиции в крае. Документ устанавливал полицейские штаты в сельской и городской местности, их классы по чинопроизводству, материальное обеспечение – оклады содержания, разряды пенсионного обеспечения, служебные льготы и преимущества.

Проект не прошел предусмотренной процедуры законодательного утверждения, но был запущен в административный оборот с личного

распоряжения императора. Вместе с тем, правительство поставило перед первым туркестанским генерал-губернатором Кауфманом задачу доработки Проекта 1867 г. Он дважды, в 1871 и 1873 гг., направлял в центр дополненные и измененные его варианты, однако они отклонялись Комитетом министров.

Думается, что это была скрытая политическая игра части «верхов» во главе с царем и военным министром, направленная на сохранение за Кауфманом права широкой административной импровизации, не стесненной рамками утвержденного закона. Поэтому «Положение об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях» 1867 г. действовало в Туркестанском крае почти два десятилетия. К началу 1880-х гг. стало очевидно, что оно исчерпывает свой административный ресурс и правительство затребовало от Ташкента новый проект об управлении краем, который представили в 1881 г. соратники пораженного инсультом генерал-губернатора Кауфмана.

Однако Комитет министров отклонил этот документ, так как он выдвигал немного нового, по сравнению с «законом» 1867 г. В целях проверки положения в крае и сбора необходимых материалов для составления нового «Туркестанского положения» в 1882-1883 гг. была проведена правительственная ревизия генерал-губернаторства, которая представила отчет о ней и программу желательных изменений в управлении им. Для их обсуждения была образована специальная правительственная комиссия во главе с Н.П. Игнатьевым. Она работала в течение двух лет и в 1886 г. направила для рассмотрения в Государственный совет проект «Положения об управлении Туркестанским краем». Он одобрил этот документ, а царь утвердил его. Прошедший все официальные стадии обсуждения закон стал еще на три десятилетия «конституцией» Русского Туркестана.

Новое «Положение об управлении Туркестанским краем» закрепило нормативы деятельности полиции в регионе, однако не уточнило некоторые

аспекты их применения. В частности, оно не смогло преодолеть принципы «военно-народного» управления и полностью заменить его административно-полицейским, как это было в подавляющем большинстве краев, губерний и областей в Российской империи. Однако, это было оправдано спецификой условий Средней Азии, в населении которой абсолютно преобладали мусульмане. Были у него и иные недостатки, в том числе и в части организации и деятельности полиции. Поэтому в последующем принимались соответствующие правовые акты, вносившие дополнения и изменения в ее работу. Но было немало позитивных установлений – например, уравнение «туземных» жителей и российских переселенцев относительно полицейских наказаний.

Еще в дореволюционный период «Положение» 1886 г. критиковали видные туркестанцы (А.Н. Куропаткин, Г.П. Федоров, В.П. Наливкин и др.), однако, современный российский туркестановед Д. В. Васильев считает, что «Положение 1886 г. стало окончательным вариантом основного закона для Туркестанского края, итогом двадцатилетней законотворческой деятельности местных и центральных властей, свидетельством сохранения главной тенденции политики царского правительства в Центральной Азии, направленной на органическое слияние Туркестана с остальной империей, частным проявлением общего курса имперской политики в отношении окраин»[637]. Тем не менее, недостатки закона вскоре дали о себе знать – Россия вступила в эпоху империализма, мировых экономических кризисов и роста революционного движения.

В начале XX в. царские власти предпринимали три попытки образования специальных комиссий для выработки нового «Туркестанского положения», но все они не имели окончательного успеха, хотя в каждом варианте проблеме организации и деятельности полиции уделялось самое серьезное внимание. Ее работа в крае зависела и от общеимперских установлений. Например, на протяжении долгого времени она исполняла

[637] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 109.

закон 1882 г. о полицейском надзоре за политически неблагонадежными представителями местного населения, а также за присланными политическими ссыльными из «внутренних» губерний России. Кроме того, полиция Русского Туркестана пребывала в состоянии перманентного напряжения, поскольку отчасти регион постоянно объявлялся на «исключительном» положении, то есть «усиленной» или «чрезвычайной» охраны.

В Семиреченской и Закаспийской областях действовали свои правительственные «положения» об управлении, которые в отношении организации и деятельности полиции фактически ничем не отличались от аналогичного туркестанского акта 1886 года. Можно утверждать, что, при всех своих недостатках, ошибках и просчетах, в целом законодательное регулирование организации и деятельности полиции в российских областях Средней Азии отличалось относительной прочностью правового обеспечения, способствовало позитивному развитию региона и поддержанию должного порядка в жизни коренного и «пришлого» населения.

ГЛАВА 4. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ СЛУЖБ В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ

Выше уже упоминалось о принципах формирования полицейских служб в общероссийском масштабе и их нормативно-правовом обеспечении. Отмечалось, что в разных частях царистской империи их применение имело свою специфику. Примером тому являлся рассматриваемый в данном исследовании Русский Туркестан. Как отмечалось, долгое время он не представлял собой единого в административно-территориальном отношении образования и включал в себя непосредственно Туркестанский край, а также Семиреченскую и Закаспийскую области, которые управлялись на основании упоминавшихся выше собственных правительственных положений, вплоть до падения царизма в стране. О неудачных попытках царской власти разработать единый документ об управлении регионом тоже указывалось выше.

Вместе с тем, все вышеизложенное не дает представления о том, как именно была организована и функционировала полиция в разных областях Русского Туркестана. Повсеместно в регионе полиция делилась на сельскую и городскую. Сельскую полицию в областях Туркестанского края представляли уездные управления и участковые приставы, предусмотренные утвержденными правительственными штатами. Они состояли из 9-11 «ответственных» сотрудников, исключая «техперсонал». Сельская полиция края была малочисленной и не могла всецело удовлетворять его потребностям в охране общественного порядка и пресечения противоправных действий. Только после кровопролитного Андижанского бунта мусульманских фанатиков в 1898 г. правительство было вынуждено втрое увеличить число участковых полицейских приставов в Туркестанском крае, но этого оказалось явно недостаточно. Последующие попытки краевой администрации увеличить состав сельской краевой полиции в количественном и качественном отношении не имели успеха.

Штаты городской полиции в Туркестанском крае тоже устанавливались правительственными «положениями» об управлении (1865, 1867, 1886 гг.) и иными законодательными актами. Городские полицейские команды в Туркестанском крае формировались с участием членов органов местного самоуправления, но под контролем царской администрации. Численность русских полицейских в городах законодатель 5 чел., из которых один был старшим. Наиболее многочисленной она была в краевом центре – Ташкенте. Здесь и в других городах края также сохранялась традиционная мусульманская полиция.

Сельская и городская полиция в Семиреченской области в штатном составе была схожа со своим аналогом в Туркестанском крае. После возвращения в состав Туркестанского генерал-губернаторства в ней было только увеличено число сельских участковых полицейских приставов. В Закаспийской области положение сельской и городской полиции было таким же, как в прочих областях Русского Туркестана – она возглавлялась уездными начальниками в чине штаб-офицеров. Особенностью было существование в некоторых уездах приставств, руководители которых тоже сочетали административные и полицейские функции и были офицерами.

Следует заметить, что, как правило, состав полицейских команд в Русском Туркестане утверждал военный министр. Необходимые документы готовились в областных правлениях и утверждались военными губернаторами. От них они поступали туркестанским генерал-губернаторам, которые отсылали их в Главный штаб на подпись министра. Иногда проблема их формирования выносилась для решения на законодательный уровень – примеры такого рода приводятся в содержании данной главы. Кроме того, все сведения о чинах полиции в Русском Туркестане сопровождаются данными об их воинских званиях, «классах» по гражданскому чинопроизводству, должностных правах, обязанностях и т.п. Таким образом, формирование местной (сельской и городской) полиции в

Русском Туркестане проходило на основании процедур, установленных общегосударственным и региональным законодательством.

4.1. Организация полиции в сельских районах Туркестанского края

Сельскую полицию в Туркестанском крае составляли уездные управления и участковые приставы. Уездное административно-полицейское управление представляли: уездный начальник (из военных штаб-офицеров), его старший помощник (из штаб-офицеров), младший помощник (из «туземцев»). Заведовал канцелярией полицейского управления старший помощник уездного начальника (без особой доплаты). В канцелярии работали 2 письмоводителя в IX классе, 2 переводчика (без «классного» чина, вольнонаемных). При уездном полицейском управлении состояли писари, рассыльные, сторожа и др. К нему был приписан уездный врач в VIII классе.

Примечание к штатам «военно-народного» управления в проекте «Туркестанского положения» 1867 г. гласило: «Фельдшеров при Враче не полагается: они могут быть требуемы из военных госпиталей» [638] . Повивальная бабка – 500 рублей. В нем же отмечалось: «По сему штату учреждаются уездные управления… в уездах: Казалинском, Перовском, Туркестанском, Чимкентском, Аулиеатинском, Ташкентском, Ходжентском и Джизакском»[639]. Совершенно очевидно, что для края с территорией свыше 1 млн. кв. км, с преимущественно сельским населением, такое полицейское обеспечении было явно недостаточным.

В предыдущей главе отмечалось, что часть полицейских полномочий с правом незначительных наказаний аборигенов предполагалось возложить на лиц «туземной администрации», однако в окончательно утвержденном

[638] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. С. 71.
[639] Там же. С. 71-72.

Проекте 1867 г. они остались только за главами «туземной администрации» *кочевых* сообществ[640]. Поскольку это была очень слабая помощь российской полиции, то в «Положении об управлении Туркестанским краем» 1886 г. законодатель предпочел вообще не упоминать о полицейских правах и полномочиях «туземной администрации». Это был явно поверхностный подход к делу, тем более что для сельской местности трех областей Туркестанского края было учреждено всего 16 полицейских участков во главе с приставами.

В условиях нарастания исламистских настроений среди «туземного» населения, недавно подавленного движения «джетым-ханов», охватившего именно сельские местности края в середине 1880-х гг., это было прискорбно мало. Но решение вопроса пришло по поговорке: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Андижанское восстание 1898 г., бывшее результатом вышеуказанных обстоятельств, заставило царское правительство усилить туркестанскую полицию за счет учреждения 32 новых должностей участковых полицейских приставов, что вдвое превышало число существующих. И хотя их стало 48, тем не менее, и такого количества было недостаточно для огромных пространств края. Но туркестанской администрации пришлось довольствоваться и этим. Нелишне отметить, что большую роль в учреждении этих должностей сыграл «старый туркестанец»[641], военный министр А.Н. Куропаткин, сумевший убедить министра финансов С.Ю. Витте выделить средства на содержание численно возросшей когорты сельских полицейских приставов в Туркестанском крае.

Военный министр А.Н. Куропаткин писал во «всеподданнейшем» отчете за 1899 г. о том, что после Андижанского восстания 1898 г. стало очевидно, что надо усилить полицейский надзор за «туземным» населением и

---

[640] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. § 108-112. С.17-18

[641] «Старыми туркестанцами» называли тех, кто участвовал в присоединении Средней Азии на начальном этапе утверждения царской власти в регионе. Куропаткин служил в Туркестане с 1866 г., был начальником Закаспийской области в 1890-1897 гг. – В.Л.

мусульманским духовенством[642]. В марте 1900 г. был издан закон по этому поводу[643]. В документе отмечалось, что участковые полицейские приставы распределялись в Туркестанском крае следующим образом: в Самаркандской области – 11 участков; в Ферганской – 20; в Сырдарьинской – 17.

Большой знаток Средней Азии В.П. Наливкин писал по этому поводу: «Значительное увеличение числа приставов требовало подыскания такого же числа подходящих лиц, которых не имелось ни в виду администрации, ни в ее распоряжении»[644]. Он указывал, что, по «старотуркестанской» традиции, «местная власть, набирая приставов, обратилась к воинским частям, из коих многие, пользуясь удобным случаем, поспешили избавиться от не совсем подходящих офицеров, часть которых и на новом поприще оказалась не совсем подходящими, увеличив таким образом процент ненадежного элемента в рядах местной русской администрации»[645].

Известно, что полиция в царской России имела отношение фактически ко всем мероприятиям государственной власти. Туркестанский край в этом отношении не отличался от других регионов страны. Например, на основании закона от 10 июня 1900 г., участковые полицейские приставы должны были обязательно присутствовать на заседаниях уездных земельно-податных присутствий в областях Самаркандской, Ферганской и Сыр-дарьинской[646].

Между тем, актуальность вопроса об усилении сельской туркестанской полиции с начала XX в. только обострялась. За увеличение ее численности выступали вышеупомянутые нами две комиссии под председательством К.А. Несторовского и «Вневедомственное Совещание» П.А. Харитонова. За

---

[642] Отдел рукописей ГПБ РФ. Ф. 169. П. 35. Д. 7 – Всеподданнейший доклад по военному министерству за 1899 год. Л. 13.

[643] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об учреждении должностей 32 участковых приставов в Туркестанском крае. 6 марта 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18241. С. 183-184.

[644] *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. С. 137.

[645] Там же.

[646] Высочайше утвержденное Положение об уездных земельно-податных присутствиях в областях Самаркандской, Ферганской и Сыр-дарьинской. 10 июня 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18781. С. 646-652.

то же ратовал туркестанский генерал-губернатор А. В. Самсонов. Незадолго до начала первой мировой войны и направления на фронт, 20 мая 1914 г. он обратился к военному министру В.А. Сухомлинову, указывая, что дела с полицией в Туркестанском крае обстоят плохо. Самсонов отмечал: «Представителями полицейской власти в уездах Туркестанского края в настоящее время являются уездный начальник, его помощник и участковый пристав. Никаких низших полицейских органов Положением об управлении Туркестанским краем не установлено»[647]. Он указывал, что нужда в низших полицейских служащих обнаружилась сразу же после введения в действие «Туркестанского положения» 1886 г.

Тогдашний генерал-губернатор Н.О. Розенбах «вынужден был возложить в институционном порядке, целый ряд полицейских обязанностей на сельских должностных лиц: волостных управителей и сельских старшин»[648]. Самсонов писал: «Мероприятие это оказалось недостаточным и местная администрация в силу необходимости вынуждена была возложить исполнение полицейских обязанностей на рассыльных волостных управителей – так называемых джигитов, нанимаемых в некоторых селения за счет населения, караульщиков и даже на пятидесятников, вопреки указанию статьи 84 Туркестанского Положения, ограничивающей обязанности последних исключительно выбором из своей среды волостных управителей». Он указывал, что эти «туземные» лица «не отвечают предъявляемым полицейским чинам требованиям»[649].

Самсонов указывал, что полиция в Туркестанском крае нуждается в усилении и совершенствовании, так как край быстро развивается, растет число фабрик, заводов, копей и т.п. Среди населения края много пришлых и сомнительных переселенцев не только из России, но и из Кавказа, Персии, Китайского Туркестана и др. Растет преступность. Надо бороться с ней и

---

[647] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4360 – Об увеличении полицейских штатов в уездах областей Туркестанского края. Л. 1.
[648] Там же.
[649] Там же. Л. 1 об.

укреплять общественный порядок в крае. Туркестанский генерал-губернатор подчеркивал, что «неотложная необходимость в организации сельской конно-полицейской стражи единодушно признается всеми должностными лицами во всех областях Туркестанского генерал-губернаторства». Он указывал, что направляет военному министру проект штатов сельской полиции, рассмотренный и одобренный Советом туркестанского генерал-губернатора, и просит военного министра Сухомлинова «не отказать в незамедлительном направлении настоящего законопроекта в законодательные учреждения»[650].

Результаты обсуждения указанного вопроса вызвали в среде краевой администрации надежды на скорое улучшение положения. Военный губернатор Ферганской области, генерал-лейтенант А.И. Гиппиус писал во «всеподданнейшем» отчете за 1913 г. о том, что после революции 1905-1907 гг. в области выросла преступность - если в 1906 г. было 125 грабежей и разбоев, то в 1913 г. их стало уже 174. Он отмечал, что «с изданием закона об устройстве в Туркестанском крае сельской полиции и вооруженной стражи, законопроекты о чем подготовлены в Главном управлении края, эти цифры, несомненно, уменьшатся»[651].

6 февраля 1914 г. Совет туркестанского генерал-губернатора заслушал отчет о состоянии краевой полиции и нашел его незавидным. Он рекомендовал «Главному начальнику края», генералу кавалерии А.В. Самсонову войти с ходатайством к военному министру относительно улучшения положения полиции в регионе, особенно сельской, увеличения ее численности и окладов содержания служащих. В военном министерстве в это время рассматривался вопрос об улучшении положения вообще всех чинов административного управления Туркестанским краем с намерением решить его в законодательном порядке. Таким образом, материалы о полиции стали

[650] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4360 – Об увеличении полицейских штатов в уездах областей Туркестанского края. Л. 2; см. приложения.
[651] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4365 – Всеподданнейшие отчеты военных губернаторов Самаркандской, Ферганской и Сыр-дарьинской областей за 1913 год. (25 июля 1914-25 февр.1916). Л. 6.

составной частью представления военного министерства в Государственную Думу от 31 мая 1914 г. (№ 1228): «Об увеличении содержания личному составу административных управлений областей Туркестанского генерал-губернаторства». В последующем оно было отклонено российским парламентом как по финансовым, так и политическим причинам – отсутствия единого для всех областей края законодательно утвержденного правительственного «положения» об управлении им, а также из-за начавшейся вскоре первой мировой войны.

Начальник Главного штаба, генерал от инфантерии Н.П. Михневич писал 5 июля 1914 г. исполняющему должность туркестанского генерал-губернатору, генерал-лейтенанту В.Е. Флугу о том, что возбужденное ходатайство о сельской полиции в Туркестанском крае, а также все документы, к нему приложенные, внимательно изучены в военном министерстве, но определенного вывода им пока не сделано, так как эта проблема изучалась в правительственной комиссии Харитонова, предложившей «учредить особую должность помощника начальника уезда по полицейской части», однако по ее материалам Совет министров не принял никакого определенного решения. Поскольку это так, то до принятия единого для всех областей Туркестанского генерал-губернаторства правительственного «положения» об его управлении трудно судить о том, как в нем будет решен вопрос о сельской полиции в крае. Михневич советовал обратиться по этому вопросу к разработчикам нового «Туркестанского положения», которое может быть подготовлено уже к концу 1914 г. Поэтому в своих планах образования сельской полицейской стражи в Туркестанском крае его администрация должна согласовывать свои действия с предполагаемым решением этой проблемы в новом «Туркестанском положении».

Генерал Флуг писал 13 августа 1914 г. в Главный штаб о том, что он учел мнение Михневича и тоже считает, что туркестанская администрация должна согласовывать свои планы образования сельской полицейской

стражи «преподанными уже началами нового Положения об управлении Туркестанским краем» [652] . Однако, его проект будет еще долго разрабатываться, тогда как сельская полицейская стража нужна уже сейчас. Флуг отмечал, что надо привлечь опытных специалистов по организации сельской полиции, чтобы они разработали законопроект о ней, который стал бы потом составной частью нового «Туркестанского положения». Он указывал, что создание действующей сельской полиции ныне тем более важно, что с началом войны войска ушли на фронт, в тылу положение осложнилось и в крае трудно удерживать должный правопорядок.

Таким образом, сельская полиция в Туркестанском крае была представлена уездными управлениями и чинами «туземной» администрации. Она была малочисленной и не могла всецело удовлетворять потребностям региона в охране общественного порядка и пресечения противоправных действий. Попытки туркестанской краевой и областной администрации коренным образом улучшить состояние сельской полиции, в том числе за счет новой организации стражи, не имели особого успеха.

а) *О сельской полиции в Сырдарьинской области*

Сырдарьинская область во все времена существования Туркестанского генерал-губернаторства (края) считалась «головной». Во-первых, она занимала земли бывшей Туркестанской области, учрежденной в феврале 1865 г., во-вторых, на ее территории находился краевой центр – Ташкент, самый многочисленный по населению город в Средней Азии.

Формирование полицейских кадров в Русском Туркестане началось с учреждения вышеуказанной области и «Временного Положения» об управлении ею от 6 августа 1865 года[653]. На основании «Общего губернского учреждения», возглавлял областную полицию военный губернатор. В ее

[652] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4360 – Об увеличении полицейских штатов в уездах областей Туркестанского края. Л. 33.

[653] Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд.1.СПб., 1867. № 42372. С. 876-881.

состав входили офицеры – управляющие «туземным» населением, их помощники, а также нижние чины войск. Кроме того, полицейские функции исполняли городничие в гг. Чимкенте, Аулие-ате и Туркестане - обер-офицеры. Канцелярские функции исполняли гражданские чиновники военного министерства: правители канцелярий, их помощники, переводчики и писари 1-2 классов. Только что взятый русскими войсками город Ташкент в штатах не значился.

Что касается организации сельской полиции в Сырдарьинской области, то она проходила уже на основании установлений проекта «Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях» 1867 г., охарактеризованных выше. С 1 января 1887 г. было введено в действие «Положение об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г.[654] В предыдущей главе диссертации его составлению в комиссии Н.П. Игнатьева было уделено серьезное внимание, однако в «статейном» отношении оно не рассматривалось, поскольку предполагались ссылки на него в процессе исследования избранной проблематики.

Согласно документу, начальство областной полицией сохранил военный губернатор Сырдарьинской области. На местах полицейскими управлениями руководили уездные начальники. Выше мы приводили штат таких управлений, предусмотренный проектом «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях» 1867 г.[655]. В Сырдарьинской области штат был таким же. «Туркестанское положение» 1886 г. оставило его без существенных изменений, отметив, что «по этому штату образуются управления в уездах: Казалинском, Перовском, Чимкентском, Аулиеатинском, Ташкентском» [656] . Остальные уезды относились к Ферганской и вновь образованной Самаркандской области. Как

[654] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанского края. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. С. 318-344.
[655] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867.
[656] Штат управления Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. Штаты и табели. С. 111.

отмечалось, уезды делились на участки, которые были подведомственны сельским полицейским приставам. В Сырдарьинской области «Положение» 1886 г. устанавливало 6 должностей участковых полицейских приставов из 16, служивших в Туркестанском крае.

30 декабря 1894 г. туркестанский генерал-губернатор, генерал-лейтенант А.Б. Вревский писал военному министру П.С. Ванновскому о том, что на пристани Чиназской переправы, на реке Сыр-дарье постоянно должен находиться полицейский, и он уже там имеется, но ему надо построить соответствующее помещение, в связи с чем военный губернатор Сырдарьинской области ходатайствует о выделении на это 321 руб. 18 коп. Вревский указывал, что это ходатайство было рассмотрено в Совете туркестанского совета генерал-губернатора, который, однако, не нашел возможным отнести эти расходы на земские средства края, так как на Чиназской переправе иметь полицейский пост «по закону не положено». Поэтому «Совет решил возбудить в установленном порядке ходатайство об учреждении полицейского поста»[657]. Вревский просил военного министра решить этот вопрос в правительстве на законном основании. Нелишне заметить, что в то время на Сыр-дарье было 54 переправы, но Чиназская считалась важнейшей и нуждалась в постоянной полицейской охране.

23 марта 1895 г. военный министр П. С. Ванновский писал министру финансов С.Ю. Витте о том, что надо учредить полицейский пост на Чиназской переправе, так как он там очень нужен. Он просил назначить полицейскому оклад в 180 руб. в год. Витте выдержал паузу и 6 июня 1895 года ответил, что он не против учреждения полицейского поста на Чиназской переправе, но расходы на это надо отнести не на счет Государственного казначейства, а «на средства Предельного бюджета, по § 10, статьи 3 сметы Главного Интендантского управления («разные расходы»)»[658]. Военное

[657] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1798 – По вопросу об учреждении полицейского поста на Чиназской переправе. (17 января 1895 – 5 октября 1902 г.). Л. 1-1 об.
[658] Там же. Л. 4 об.

министерство не согласилось с изъятием денег из своего бюджета и продолжило переписку с министерством финансов по этому поводу.

Между тем, 9 апреля 1896 г., по распоряжению туркестанского генерал-губернатора А.Б. Вревского, краевая канцелярия просила Главный штаб сообщить ей о том, как обстоит дело с решением вопроса об учреждении полицейского поста на Чиназской переправе. 5 июля 1896 г. Азиатская часть Главного штаба составила докладную записку: «Об учреждении полицейского поста на Чиназской переправе» [659]. Ее вывод заключался в том, чтобы, ввиду отказа министерства финансов, учредить полицейский пост на Чиназской переправе за счет казны и «предложить администрации Туркестанского края обойтись пока местными средствами». Она отмечала, что вскоре, после постройки железнодорожной «ветки» на Ташкент, Чиназская переправа «настолько потеряет свое значение, что учреждение особого полицейского поста едва ли будет необходимо» [660]. Однако военный министр не согласился с этим мнением и приказал внести решение вопроса на заседание Военного совета. 13 июня 1896 г. последний рассмотрел этот вопрос и постановил: «На реке Сыр-Дарье, на пристани Чиназской переправы, учредить с 1 января будущего года полицейский пост»[661].

Военный совет указал, что расходы на устройство и содержание полицейского поста на Чиназской переправе следует отнести на смету Главного Интендантского управления, а именно: на «кредит по содержанию Военно-народного управления в Туркестанском генерал-губернаторстве»[662]. 19 сентября 1896 г. «Положение» Военного Совета об учреждении полицейского поста на Чиназской переправе было утверждено царем [663].

---

[659] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1798 – По вопросу об учреждении полицейского поста на Чиназской переправе. (17 января 1895 – 5 октября 1902 г.). Л. 16-16 об.
[660] Там же. Л. 16 об.
[661] Там же. Л. 18.
[662] Там же. Л. 18 об.
[663] Высочайше утвержденное Положение Военного совета - Об учреждении полицейского поста на Чиназской переправе на реке Сыр-дарье. 19 сентября 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13244. С. 640-641.

Закон указывал: учредить полицейский пост на Чиназской переправе на реке Сыр-дарье с 1 января 1897 г., выделить на постройку поста 321 руб. 18 коп., и определить жалованье полицейскому в 180 руб. в год.

Как и предполагалось, полицейский пост на Чиназской переправе просуществовал недолго. 2 апреля 1901 г. туркестанский генерал-губернатор, генерал-лейтенант Н.А. Иванов писал военному министру А.Н. Куропаткину о том, что «с проведением железной дороги до Ташкента и упразднением Ташкентско-Самаркандского почтового тракта, назначенная переправа потеряла значение и в содержании там сказанного полицейского поста надобности уже не встречается». Он сообщал о том, что сделал «распоряжение об упразднении этого поста»[664]. 28 апреля 1901 г. Азиатская часть Главного штаба составила представление в Военный совет: «Об упразднении полицейского поста на Чиназской переправе» [665]. 21 июня 1901 г. он постановил: «Упразднить полицейский пост в селении Чиназ на переправе через Сыр-дарью»[666].

«Положение» Военного Совета было «высочайше» утверждено[667]. Но на этом дело не кончилось. 19 августа 1901 г. туркестанский генерал-губернатор Иванов писал военному министру о том, что после упразднения полицейского поста на Чиназской переправе осталась будка и просил разрешить «продать упомянутою полицейскую будку с аукционного торга»[668]. 5 сентября 1902 г. начальник Главного штаба сообщал в краевую канцелярию о том, что военный министр «разрешил продать на слом с

---

[664] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1798 – По вопросу об учреждении полицейского поста на Чиназской переправе. (17 января 1895 – 5 октября 1902 г.). Л. 24 об.
[665] Там же. Л. 25.
[666] Там же. Л. 26.
[667] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об упразднении полицейского поста в селении Чиназ на переправе через реку Сыр-Дарью. 2 июля 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20469. С. 754.
[668] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1798 – По вопросу об учреждении полицейского поста на Чиназской переправе. (17 января 1895 – 5 октября 1902 г.). Л. 31.

аукционного торга полицейскую будку при переправе у селения Чиназ через реку Сыр-Дарью»[669].

В октябре 1901 г. правительство учредило полицейский надзор на северном участке строящейся Оренбурго-Ташкентской железной дороги в составе 4 становых приставов и 15 конно-полицейских урядников с подчинением их начальникам попутных уездов. Расход на них в сумме 11270 руб. отнесли «на кредит, внесенный в расценочную смету северной части Оренбурго-Ташкентской железной дороги» [670] . Сфера надзора распространялась частично и на территорию Казалинского уезда, Сырдарьинской области. Летом 1902 г. был издан закон о назначении разъездных денег 4-м становым приставам. Им назначалось для поездок по 500 руб. в год с отнесением расхода на кредит, внесенный в указанную выше расценочную смету[671].

18 декабря 1907 года туркестанский генерал-губернатор Н.И. Гродеков писал в военное министерство о том, что надо учредить при станции «Голодная степь», Среднеазиатской железной дороги полицейский надзор из 3-х полицейских - одного старшего и двух младших «на средства Государственного казначейства»[672]. Этот вопрос рассматривался 15 ноября 1907 г. на заседании Совета туркестанского генерал-губернатора, выписка из протокола которого направлялась в Главный штаб. Совет отмечал, что в Туркестанский край едет много переселенцев, а станция «Голодная степь» играет важную роль на этом направлении, в связи с чем там необходимо учреждение полицейского наблюдения в виде команды из 3-х человек.

---

[669] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1798 – По вопросу об учреждении полицейского поста на Чиназской переправе. (17 января 1895 – 5 октября 1902 г.). Л. 32

[670] Высочайше утвержденное Положение Комитета министров - Об учреждении полицейского надзора вдоль линии северного участка Оренбурго-Ташкентской железной дороги. 23 октября 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20669. С. 1088.

[671] Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О назначении разъездных денег четырем Становым приставам вдоль линии северного участка Оренбурго-Ташкентской железной дороги. 28 июня 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21785. С. 688.

[672] РГВИА, Ф. И-400. Оп. 1. Д. 3619 - Об учреждении полицейского надзора при станции «Голодная степь» Среднеазиатской железной дороги. (28 декабря 1907 – 1 июля 1911 года). Л. 1.

3 января 1908 года Азиатская часть Главного штаба составила докладную записку: «По вопросу об учреждении полицейского надзора при станции «Голодная степь» Средне-Азиатской железной дороги»[673]. Она рекомендовала военному министру войти по этому вопросу в «сношения» с соответствующими министерствами и ведомствами. Военный министр А.Ф. Редигер одобрил это предложение. Азиатская часть отправила документы в Государственный контроль и министерство финансов[674]. Оба ведомства отозвались положительно, однако советовали проработать вопрос глубже и основательнее, так как в казне мало средств, имеются трудности после революции, русско-японской войны и т.п. Главный штаб отправил их отзывы в Ташкент.

26 февраля 1909 года Совет туркестанского генерал-губернатора снова рассмотрел этот вопрос и принял постановление, идентичное первому, но с некоторыми уточнениями. Выписка из «Журнала» заседания была отправлена в военное министерство. Она вновь обсуждалась в Государственном контроле и министерстве финансов. На сей раз оба ведомства заявили о том, что, с их стороны, предложение военного министерства «не встречает препятствий».

9 февраля 1910 года Азиатская часть подготовила представление в Совет министров: «Об учреждении полицейского надзора при станции «Голодная степь» Средне-Азиатской железной дороги»[675]. В нем излагалась суть дела и испрашивалось положительное решение правительства. Прилагались все материалы по переписке с министерствами. 6 июля 1910 г. правительство обсудило этот вопрос и постановило направить документ военного ведомства в Государственную Думу.

Законопроект об учреждении полицейского поста на станции «Голодная степь» рассматривался в Комиссии по направлению

---

[673] РГВИА, Ф. И-400. Оп. 1. Д. 3619 - Об учреждении полицейского надзора при станции «Голодная степь» Среднеазиатской железной дороги. (28 декабря 1907 – 1 июля 1911 года). Л. 4-4 об

[674] Там же. Л. 8-8 об, 11-12.

[675] Там же. Л. 30-31.

законодательных предложений и 22 мая 1911 года в Финансовой комиссии Государственной Думы. С докладом выступал депутат Н.Н. Янковский, который призвал одобрить представление военного ведомства. Государственная Дума обсуждала законопроект на заседании 23 мая 1911 г. и одобрила его. Он получил поддержку также в Государственном совете. 1 июня 1911 г. решение парламента утвердил царь Николай II[676].

Закон от 1 июня 1911 г. учреждал с 1 января 1912 года полицейский надзор при станции «Голодная Степь» Среднеазиатской железной дороги в составе одной должности старшего полицейского служителя и двух младших. Расходы на их содержание относились на счет Государственного казначейства. Представляется нужным отметить, что они были внесены в государственный бюджет в качестве дополнительного кредита по смете Главного Интендантского управления в сумме 980 руб.[677].

Как отмечалось, статья 68-я «Положения об управлении Туркестанского края» от 12 июня 1886 г. указывала: «До введения общественного управления заведывание хозяйством и благоустройством городов возлагается на начальников уездов, а где их нет – *на участковых приставов*, под наблюдением областных правлений и военных губернаторов, а также при участии депутатов от городских обществ»[678]. (Курс. – В.Л.) Таких городов в Туркестанском крае было немало, о чем свидетельствуют данные, изложенные ниже в разделе о городской полиции в регионе. В таких случаях главными руководителями населенных пунктов становились участковые полицейские приставы, что являло собой важную грань в деятельности краевой полиции. С появлением нового города, не являвшегося

---

[676] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон - Об учреждении полицейского надзора при станции «Голодная Степь» Средне-Азиатской железной дороги. 1 июня 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1914. № 35393. С. 491-492.

[677] Государственная роспись доходов и расходов на 1914 год. 22 июня 1914 года // Собрание узаконений и распоряжений правительства, № 143, отдел первый, 24 июня 1914 года. СПб., 1914, № 1596. С. 2405.

[678] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанского края. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. Статья 68. С. 325.

уездным центром, его статус подтверждался законодательным установлением. Так, в начале 1913 г. правительство обсудило вопрос о присвоении городского статуса поселению при «узловой» станции Арысь, Ташкентской железной дороги, возникшему при строительстве этой магистрали. Городок считался «безуездным» и располагался на территории в 1,1 тыс. десятин. Совет министров постановил присвоить ему указанный статус, а его решение было утверждено императором Николаем II[679]. Закон разрешал туркестанскому генерал-губернатору применить в городе Арысь правила о хозяйстве городов, в которых не введено «Городовое Положение», то есть возложить «заведование городским хозяйством на местного Участкового пристава и выборных от населения».

Военный министр, генерал от инфантерии А.А. Поливанов направил 20 января 1916 г. представление в Государственную думу: «Об учреждении в Сырдарьинской области двух должностей участковых приставов»[680]. В документе отмечалось, что на основании «Туркестанского положения» 1886 г. в Сырдарьинской области было учреждено 6 должностей участковых приставов, а законом от 6 марта 1900 г. к ним было добавлено еще 11 таких должностей[681]. Таким образом, на территории Сырдарьинской области в 459.003 кв. верст находилось всего 17 полицейских участков. Число это всегда считалось незначительным, особенно, в Казалинском уезде, в районе Ташкентской железной дороги, и на Аральском море, где шло бурное развитие судоходства и промышленной ловли рыбы. Появилось много пришлого населения. Возникли русские поселки на островах Аральского моря. Представители «туземной» администрации из-за незнания русского

---

[679] Высочайше утвержденное Положение Совета Министров - О возведении возникшего при станции Арысь, Ташкентской железной дороги, Чимкентского уезда, Сыр-дарьинской области поселка на степень безуездного города с названием Арысь. 11 февраля 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 38776. С. 137.

[680] Туркестан в имперской политике России: Монография в документах. Отв. ред. Т.В. Котюкова. М., 2016. С. 190.

[681] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об учреждении должностей 32 участковых приставов в Туркестанском крае. 6 марта 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18241. С. 183-184.

языка и неспособности к исполнению полицейских обязанностей не могли помогать участковым приставам, а, как отмечалось, «русское население вообще не признает за ними авторитетной власти»[682]. У полиции не было лодок для посещения островов Аральского моря.

В связи с нехваткой полицейского надзора росла преступность. Казалинский уезд был сложен для его осуществления, так как местное «туземное» население постоянно перемещалось из пустынь Кызыл-Кумов в Кара-Кумы и, наоборот. Поэтому в уезде нужно было учредить еще 2 должности участковых полицейских приставов. Сумму на содержание участковых приставов в Сырдарьинской области предполагалось увеличить на 1080 руб. Должности были учреждены, но это мало изменило трудное положение полиции в регионе.

Совершенно очевидно, что сельская полиция в Сырдарьинской области представляла собой важное звено в «военно-народном» управлении ею. На ней лежала наибольшая ответственность за поддержание должного правопорядка среди ее населения. Однако численности сельской полиции явно не хватало для решения стоявших перед ней задач. Государство скупо финансировало ее содержание, а переложить его на средства населения было трудно, так как оно пребывало в дисперсном состоянии, особенно в кочевых районах. Вместе с тем, государство устраивало полицейский надзор на важных объектах инфраструктуры в области – на паромных переправах и железнодорожных станциях. Однако фактически до самого падения царизма в стране и Средней Азии состояние сельской полиции в Сырдарьинской области оставалось весьма проблемным и непростым.

---

[682] Туркестан в имперской политике России: Монография в документах. Отв. ред. Т.В. Котюкова. М., 2016. С. 190.

б) *О сельской полиции в Самаркандской области*

Самаркандская область была образована на основании «Положения об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г.[683]. В ее состав вошли уезды: Ходжентский, Джизакский, Самаркандский и Катта-Курганский.

Уездное полицейское управление в Самаркандской области было таким же, как во всех других, так называемых «коренных» областях Туркестанского края – Сырдарьинской и Ферганской. Оно состояло из начальников уездов, их помощников, секретарей, письмоводителей, письменных и словесных переводчиков, уездных врачей, фельдшеров и повивальных бабок (акушерок). Кроме того, в области работали участковые полицейские приставы, численность которых отмечалась выше. Понятно, что они представляли собой именно сельскую полицию в области. Изучение архивных и законодательных источников показывает, что в отношении формирования ее кадров существует весьма немного документов. Из этого следует, что уездная полиция в Самаркандской области достаточно успешно справлялась со своими обязанностями, и не было нужды законодательным образом корректировать ее кадровый состав. «Туземное» население контролировалось волостными управителями и сельскими старшинами. Но более всего любопытно то, что попытка туркестанской администрации усилить сельскую полицию в Самаркандской области касалась не коренного населения, а русских и иных переселенцев.

Как известно, после присоединения Средней Азии к России переселение ее жителей в этот регион осуществлялось с разрешения властей и в дозированном порядке. Прорыв произошел во время голода 1891-1892 гг. в Поволжье, когда в Русский Туркестан хлынули переселенческие потоки, которые невозможно было сдерживать и регулировать. Во многих местах региона образовались русские поселения. Рост их числа и населения в них

[683] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанского края. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. С. 318-344.

позже был стимулирован проведением столыпинской аграрной реформы[684]. Естественно, что такие поселки появились и в Самаркандской области.

7 сентября 1907 года помощник туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенант К. А. Кондратович писал военному министру о том, что 14 июля 1907 года исполняющий должность военного губернатора Самаркандской области, полковник В.Н. Сусанин просил «Главного начальника края», генерала от инфантерии Н.И. Гродекова возбудить вопрос о назначении должности полицейского пристава исключительно для русских поселков Ходжентского уезда. Он отмечал, что вопрос возник в связи с циркуляром министра внутренних дел от 17 мая 1907 г., а испрашиваемая мера обойдется казне в 2.700 руб., но она действительно необходима.

В архивном деле есть копия указанного циркуляра МВД, в котором глава ведомства П.А. Столыпин требовал повсеместно усилить надзор за вредной «противуправительственной» агитацией, сектантскими общинами, уголовно преступными элементами и проч. Для Ходжентского уезда это было весьма актуально, поскольку, как сообщал Сусанин, здесь было 9 чисто русских селений: Сретенский (165 семей - 663 жителей), Николаевский (30 – 128), Романовский (72 – 370), Надеждинский (92 – 357) Обетованный (23 – 97), Нижне-Волынский (63 – 313), Верхне-Волынский (34 – 140), Конно-Гвардейский (24 – 116), Духовской (10 – 44). Кроме того, вокруг них были еще русские хутора. Сусанин указывал, что всеми полицейскими делами ведает всего один человек – Саватский участковый полицейский пристав, который не способен надзирать за указанными селениями, поскольку у него отнимает много времени поддержание порядка на «узловой» железнодорожной станции Черняево и в поселке при ней.

Полковник отмечал, что крестьяне этих сел – «разболтанные вредной агитацией»[685]. По его мнению, за ними был нужен постоянный полицейский

---

[684] Именной Высочайший указ, данный Сенату – О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования. 9 ноября 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд.1. СПб., 1909. № 28528. С. 970- 974.

надзор, в связи с чем он и инициировал ходатайство об учреждении особой должности участкового полицейского пристава исключительно для работы в русских поселках Ходжентского уезда Самаркандской области. С его появлением, Саватский участковый полицейский пристав освободится от надзора за русскими поселками и полностью посвятит себя работе в «туземных» поселениях и на железнодорожной станции Черняево. Сусанин просил ходатайствовать перед военным министерством и другими высшими инстанциями об учреждении искомой должности. Его тревога была небеспочвенной. Как отмечает один из российских туркестановедов, наиболее крупные баптистские общины в Русском Туркестане находились именно в селениях Ходжентского уезда, Самаркандской области – например, в Верхне-Волынском и Нижне-Волынском (свыше 350 чел.). Они появились в Средней Азии во время упоминаемого выше «голодного» переселения из Поволжья.

Военный губернатор Самаркандской области, генерал-майор Н.С. Лыкошин отмечал, что в то время у туркестанской администрации не было времени изучать конфессиональный состав прибывающих, поскольку она старалась быстрее обустроить «изголодавшихся и измученных людей»[686].

Азиатская часть Главного штаба 25 сентября 1907 года составила докладную записку: «Об учреждении новой должности участкового пристава для русских поселков Ходжентского уезда Самаркандской области», в которой указывала, что из рапорта Кондратовича не усматривается, обсуждался ли этот вопрос в Совете туркестанского генерал-губернатора, так как, согласно пункту 1, отд. I, статьи 20-й «Положения об управлении Туркестанским краем», «все законодательные вопросы по общему

---

[685] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3596 – Об учреждении новой должности участкового пристава исключительно для заведывания русскими поселками Ходжентского уезда (19 сентября 1907 – 29 апреля 1908 года). Л. 2 об.

[686] *Литвинов П.П.* Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). Елец: ЕГПИ, 1996. С. 99.

управлению подлежат ведению Совета»[687]. Она рекомендовала направить дело туркестанскому генерал-губернатору для нового изучения и решения. Военный министр согласился с этим, и дело направили в Ташкент.

Туркестанские власти стали действовать по закону и созвали для обсуждения этого вопроса Совет генерал-губернатора. Следует отметить, что рассмотрение законодательных предложений сначала происходило в соответствующем областном правлении, а уже потом его постановление поступало в краевую канцелярию. Поэтому 12 февраля 1908 г. Общее присутствие Самаркандского областного правления обсудило вопрос о необходимости учреждения новой должности полицейской пристава для русских поселков Ходженского уезда Самаркандской области. На заседании председательствовал новый военный губернатор Самаркандской области, генерал-майор А.С. Галкин. Поскольку, как отмечалось выше, вопрос возник по инициативе исполнявшего обязанности самаркандского губернатора, полковника Сусанина, то у генерала Галкина сложилось иное мнение. Под его влиянием члены «Общего присутствия» Самаркандского областного правления «приказали»:[688] признать положение сложным, однако учреждать отдельную должность участкового пристава для русских поселков Ходжентского уезда не следует, так как они еще недостаточно развились, оформили сельские общества, установили между собой необходимые связи и т.п.

Кроме того, также решили освободить Саватского участкового полицейского пристава от обязанностей по железнодорожной станции Черняево, поселку при ней и перевести его штаб-квартиру в поселок Конногвардейский, то есть ближе к русским поселкам Ходжентского уезда. В связи с этим постановили передать полицейские функции по железнодорожной станции и поселку Черняево полицейскому приставу

---

[687] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3596 – Об учреждении новой должности участкового пристава исключительно для заведывания русскими поселками Ходжентского уезда (19 сентября 1907 – 29 апреля 1908 года). Л. 5

[688] Так писали тогда в решениях областных правлений – В.Л.

г. Ура-Тюбе, так как у него по самому городу было мало дел, а в Черняево он мог ездить без дополнительной оплаты от казны.

Получив постановление самаркандских властей, краевая канцелярия 3 марта 1908 г. подготовила соответствующую «Справку» для заседания Совета туркестанского генерал-губернатора. В ней признавалась ненужность учреждения особой должности участкового пристава для русских поселков Ходжентского уезда Самаркандской области. Заседание состоялось 20 марта 1908 г. Члены Совета решили не ходатайствовать об этом перед вышестоящими инстанциями. Несмотря на отрицательное постановление по данному вопросу, оно, тем не менее, согласно установленным порядкам, было направлено 19 апреля 1908 г. краевой канцелярией в Главный штаб для информации и отчета по ранее возбужденному делу.

Таким образом, состояние сельской полиции в Самаркандской области в рассматриваемый период не претерпело особых изменений.

в) *О сельской полиции в Ферганской области*

Ферганская область занимала территории бывшего Кокандского ханства, развалившегося вследствие перманентных внутренних неурядиц и потрясений, завершившихся народной войной против прогнившего ханского режима в 1873-1875 гг.. Когда ранее буржуазные (западные) историки, а ныне еще и националистически ангажированные историки в странах так называемой «Центральной Азии» заявляли о том, что все беды ханства были инспирированы Россией ради его захвата, то это иначе как бредом назвать трудно, поскольку именно царизму был нужен послушный ему ханский режим. Царское правительство понимало, что Кокандское ханство населено самыми фанатичными мусульманами в Средней Азии, нежелательными для него в качестве подданных, поэтому оно пыталось помочь ханскому режиму удержаться у власти, но не смогло остановить волну народного гнева.

Ханство окончательно разрушилось, а на его месте была образована Ферганская область в составе Туркестанского генерал-губернаторства

(края)[689]. Однако положение в ней продолжало оставаться напряженным и, недаром, ее первым военным губернатором был назначен генерал-майор М.Д. Скобелев, будущий герой русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Он решительно наводил полицейский порядок в кишлаках и аулах, преследуя шайки так называемых «джетым-ханов» (лжеханов)[690]. Но они продолжали возбуждать население. В 1885 г. полиция выследила и, действуя вместе с войсками, быстро разгромила отряды «джетым-хана» Дервиш-хана-тюри и шайки его приверженцев.

Операция продолжалась не более одних суток. Положение в области нормализовалось, но не окончательно, поскольку в 1898 г. ферганские исламские фанатики вырезали около 20 спящих в казарме солдат местного гарнизона в Андижане и объявили «газават» - «священную» войну против русской власти. Уездная полиция явно «проморгала» его подготовку, так как о готовящемся мятеже ей загодя сообщил один из близких родичей знаменитой «царицы Алая» - кыргызской родоправительницы Курбан-джан-датхи.

Как уже отмечалось, «Туркестанским положением» 1886 г. в крае было учреждено новое «типовое» уездное управление, выступавшее и как полицейское. О его штате диссертант писал выше. Однако для Ферганской области законодатель сделал исключение, а именно: среди уездов - Кокандского, Маргиланского, Наманганского и Андижанского было выделено Ошское уездное полицейское управление [691] . По штату оно фактически ничем не отличалось от других, но в составе населения Ошского уезда присутствовала большая доля кыргызов-кочевников Алайской долины

---

[689] Именной, данный Сенату – О порядке управления в Ферганской области. 19 февраля 1876 года // ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд.1. СПб., 1878. № 55593. С. 139; Именной, объявленный Сенату Товарищем Министра Юстиции – Об образовании Ферганской области. 19 февраля 1876 года // ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд.1. СПб., 1878. № 55594. С. 139-140.

[690] См. напр.: ФР РНБ (СПб.). Ф. 874. Оп. 2. Д. 140 – Рапорт Скобелева М.Д. (генерал-майора) Командующему Туркестанским Военным Округом К.П. фон Кауфману о поимке Джетым-хана от 5 октября 1876 года.

[691] Штат управления Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. Штаты и табели. С. 111-112.

и обширных пространств Восточного Памира. Нелишне также отметить, что на долю Ферганской области изначально приходилось наибольшее число участковых полицейских приставов Туркестанского края – 7. А по закону от 6 марта 1900 г. об учреждении 32 новых таких должностей в Туркестанском крае на долю Ферганской области пришлось тоже большинство из них – 20[692]. В конце 1911 г. в Ферганской области было учреждена еще одна должность нового участкового полицейского пристава [693]. В 1913 г. Узгенский участковый полицейский пристав на законном основании был перечислен из Андижанского уезда в Ошский[694].

В 1893 г. в Туркестанском крае возник вопрос о полицейском подчинении пригородных участков. Городская полиция отказывалась принимать их под свое начало, а уездная таковая настаивала на том, что они относятся именно к городским территориям. Генерал-губернатор, генерал-лейтенант А.Б. Вревский возбудил по этому поводу ходатайство перед военным министром П.С. Ванновским с тем, чтобы окончательно решить этот вопрос на законодательном уровне. Он склонялся к тому, чтобы возложить ответственность за поддержание порядка на пригородных участках на уездную полицию. Ванновский поручил разобраться в этом Главному штабу.

Азиатская часть подготовила докладную записку, в которой рекомендовала военному министру направить соответствующее представление в Государственный совет. Он приказал Главному штабу составить такой документ. Представление военного министерства рассматривалось в Государственном совете осенью 1893 г. и было одобрено.

---

[692] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об учреждении должностей 32 участковых приставов в Туркестанском крае. 6 марта 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18241. С. 184.

[693] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон - Об учреждении в пределах Ферганской области нового Участкового Управления. 23 декабря 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1914. № 36276. С. 1352.

[694] Высочайшее повеление, объявленное военном министром - О перечислении Узгентского участка из Андижанского уезда в Ошский уезд, Ферганской области. 13 мая 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 39388. С. 508.

1 ноября «мнение» Государственного совета утвердил царь Александр III[695]. Закон указывал, что заведование пригородными участками в Туркестанском крае следует возложить на помощников начальников уездной полиции. То есть они были отнесены к сфере ответственности сельской полиции. Так здесь появились, так называемые «пригородные» полицейские приставы.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что организация и деятельность сельской полиции в Туркестанском крае основывалась на установлениях правительственных «положений» об его управлении 1867 и 1886 гг., а также специальных, ориентированных на регион, правовых актов. Командовали ею начальники уездов областей Русского Туркестана, исполнявшие функции общероссийских исправников – руководителей уездной полиции. Штат уездного полицейского управления в крае был незначительным и не мог эффективно поддерживать должный правопорядок на его огромной территории. На ней работали всего 16 участковых полицейских приставов и только после кровопролитного мятежа исламистов в Андижане в 1898 г. их число возросло до 48, чего тоже было явно недостаточно для трех областей края. Туркестанская «военно-народная» администрация добивалась усиления сельской полиции, но без особого успеха, несмотря на то, что военное министерство всемерно ее поддерживало. Это разрушает мифы советской историографии о засилье «военщины» в Российской империи. Правительство учредило всего лишь несколько полицейских постов и должностей в сельской местности Туркестанского генерал-губернаторства.

---

[695] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О порядке заведования пригородными участками в Туркестанском крае. 1 ноября 1893 года. 8 ноября 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 10008. С. 589.

4.2. Городская полиция в Туркестанском крае

В Русском Туркестане было относительно немного городов. За исключением крупных агломераций - Ташкента, Самарканда, Коканда и др., большинство признанными городскими поселений в регионе, по численности населения были равны, как отмечалось, большим деревням в центральных губерниях Российской империи. Тем не менее, полицейскому обеспечению их правительство уделяло серьезное внимание, поскольку города края представляли собой центры административного управления, культуры, клинической медицины, передовых форм образования и проч. В них проживало большинство консолидированного русского населения, в связи с чем во многих городах существовали так называемые «русские части». Именно для них учреждались полицейские команды, поскольку за «туземным» населением надзирала традиционная городская мусульманская полиция, о которой диссертант писал выше.

Еще «Туркестанское положение» 1865 г. предоставило коренному населению право иметь свою полицию[696]. Проект «Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях» 1867 г. возлагал управление «туземной» полицией на выборных городских аксакалов[697]. Естественно, что они находились в ведении царской администрации. Так, § 76 указывал: «Существующие в городе Ташкенте туземные полицейские власти и стражи находятся в распоряжении начальника города»[698]. Последний был военным в чине полковника, но мог быть и гражданским чиновником VI класса[699]. Его помощник тоже был из военных, но мог иметь и гражданский чин VII класса.

---

[696] Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд.1.СПб., 1867. № 42372. Статья 41. С. 881.

[697] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. § 116. С. 18.

[698] Там же. С. 13.

[699] Случай такого рода имел место только один раз – в 1868-1869 гг. начальником города Ташкента был гражданский чиновник, действительный статский советник Е.А. Россицкий – В.Л.

Письмоводителем городского полицейского управления был чиновник X класса. В штате состоял врач в VIII классе. Все остальные – писари, рассыльные, повивальная бабка и др. были «неклассными» сотрудниками[700].

«Туркестанское положение» 1886 г. не внесло существенных изменений в организацию городской полиции. Закон указывал, что «города, населенные туземцами, делятся на части, число которых определяется, по постановлению областного правления, военным губернатором. Заведывание сими частями возлагается на старшин (аксакалов), по выбору домовладельцев. Высший полицейский надзор в городе вверяется старшему аксакалу, назначаемому военным губернатором из туземцев, в ведении которого находятся низшие полицейские служители из туземцев. Все содержание полицейской части в туземных городах относится на счет городских доходов»[701]. Городские полицейские команды из «туземцев» действовали во всех городах края, и они численно превышали русские полицейские подразделения. Например, в городе Туркестане, Сырдарьинской области их соотношение было: 1 к 1,5 (8 и 12)[702]. Все решения о «туземной» полиции в городах Русского Туркестана принимались краевой администрацией самостоятельно, без обращения в военное министерство и прочие ведомства царистской империи.

Как отмечалось, «Туркестанское положение» 1886 г. устанавливало, что «до введения общественного управления заведывание хозяйством и благоустройством городов возлагается на начальников уездов, а где их нет – на участковых приставов, под наблюдением областных правлений и военных губернаторов, а также при участии депутатов от городских обществ»[703]. Закон указывал: «Управление городом Ташкентом вверяется начальнику

---

[700] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. С. 72.

[701] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанского края. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. Статья 71. С. 325.

[702] См.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3147 – Об изменениях в штатах полиции в городах Туркестанского генерал-губернаторства. (17 февраля 1903 - 8 мая 1905 года). Л. 94.

[703] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанского края. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. С. 325.

города, которому присваиваются права и обязанности уездного начальника… Полицейские управления в городах: Ташкенте (Русской его части), Новом Маргелане и Самарканде действуют на основании общих узаконений с тем лишь изъятием, что полицмейстер Русской части Ташкента подчиняется начальнику города. В прочих городах Туркестанского края заведывание полицией возлагается на уездных начальников, причем в городе Казалинске и укреплении Петро-Александровском назначаются особые полицейские пристава, подчиняющиеся на общем основании начальникам Казалинского уезда и Аму-Дарьинского отдела… Для исполнения низших полицейских должностей в Русских частях городов образуются команды полицейской стражи из вольнонаемных людей, на общем основании, с отнесением расхода на содержание сей стражи на средства подлежащих городов, по принадлежности. Примечание 1. Впредь до увеличения общественных доходов в тех городах, где вольнонаемные полицейские команды еще не существуют, для полицейской службы назначается, с разрешения генерал-губернатора, необходимое число нижних чинов из местных войск в распоряжение уездных начальников, полицмейстера и пристава. 2. В городе Новом Маргелане, впредь до умножения городских средств, содержание существующей там полицейской команды относится на Государственное казначейство»[704].

У туркестанской полиции были обязанности, выходящие за рамки обыденной охраны общественного правопорядка, в частности, например, участие в расследовании уголовных и «политических» дел. Статья 161-я указывала: «*Дознания по сим делам производятся полицией*, согласно статьям 31-50 Законов о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках (изд. 1876 г.). О каждом начатом ею дознании *полиция немедленно посылает уведомление подлежащему лицу прокурорского надзора* (ст.31, примеч. тех

[704] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанского края. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. С. 325.

же Зак.)» [705] . (Курс. – В.Л.) Однако, уже в первый год действия «Туркестанского положения» 1886 г. законодатель обратил внимание на то, что у полиции Туркестанского края в деле расследования государственных преступлений нет должной ясности, поскольку статьями 160-172 «Положения» 1886 г. это не было предусмотрено. Министерство юстиции разработало проект: «О распространении действия правил о порядке производства дознаний по государственным преступлениям на местности, входящие в состав Туркестанского генерал-губернаторства». Кстати, документ был разработан после неудавшегося в 1887 г. покушения на царя Александра III, в котором участвовал и родной брат В.И. Ленина – Александр Ульянов, позже казненный. Министр юстиции предлагал распространить на области Туркестанского края «Правила» от 19 мая 1871 г.[706]. 16 декабря 1887 г. «всеподданнейший» доклад министра юстиции Н.А. Манасеина был утвержден Александром III [707] . «Правила» стали приложением к статье 161-й (прим.) «Туркестанского положения» 1886 г.[708].

Следует отметить, что с принятием «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г. военная администрация региона начала активнее будировать перед «центром» вопрос об увеличении численного состава полиции в городах генерал-губернаторства. 22 января 1888 г. туркестанский генерал-губернатор, генерал-адъютант Н.О. Розенбах направил рапорт военному министру П.С. Ванновскому, в котором указывал, что г. Коканд многочисленен по количеству мусульманского населения,

---

[705] Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // Свод законов Российской империи. Т.2. Ч. 1. СПб., 1900. С. 245.

[706] Высочайше утвержденные Правила о порядке действия чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений. 19 мая 1871 года // ПСЗРИ-2. Т. 46. Отд. 1. СПб., 1874. № 49615. С. 591-594.

[707] Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции - О распространении действия правил о порядке производства дознаний по государственным преступлениям на местности, входящие в состав Туркестанского генерал-губернаторства». 16 декабря 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4885. С. 496-497.

[708] Приложение к статье 161-й (прим.) «Положения об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 года - Особые правила о порядке производства дознаний по государственным преступлениям в местностях, входящих в состав Туркестанского генерал-губернаторства // Свод законов Российской империи. Т.2. Ч. 1. СПб., 1900. С. 257.

тамошние муллы и студенты медресе ведут вредную исламистскую пропаганду и за положением в городе нужен постоянный полицейский надзор. Он просил учредить в Коканде должность полицейского пристава.

Розенбах прилагал к рапорту разработанный краевой канцелярией документ - «Проект штата должности полицейского пристава города Коканда»[709]. 8 марта 1888 г. Азиатская часть Главного штаба составила докладную записку: «Об учреждении должности полицейского пристава в городе Коканде». Она указывала, что до 1 января 1887 г. соблюдение порядка в городе было доверено «особому чиновнику, занимающему должность заведующего полицейской частью»[710]. С введением в действие «Туркестанского положения» 1886 г., заведование полицией было поручено помощнику начальника уезда, но он был обременен другими, преимущественно административными заботами. Поэтому в Коканде следует учредить должность полицейского пристава, так как город очень большой, тем более что в нем «имеется несколько тысяч мулл-проповедников мусульманского фанатизма, надзор за которыми безусловно необходим»[711]. Видимо, Азиатская часть имела в виду не мулл – исламских «священников» в мечетях, а «муллабачей» - студентов кокандских медресе. В заключение она рекомендовала военному министру войти по этому поводу в контакт с «заинтересованными» ведомствами.

30 марта 1888 г. военный министр П.С. Ванновский вступил по этому вопросу в переписку с министром внутренних дел Д.А. Толстым, который поддержал его предложение относительно учреждения должности полицейского пристава в Коканде. Не высказались против него и руководители прочих ведомств. После сбора всех материалов по делу последовала уже упоминавшаяся выше обычная процедура подготовки

[709] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1224 – Об учреждении должностей полицейских приставов в городах Коканде, Катта-Кургане и Самарканде. (8 марта 1888 – 5 июня 1889 г.). Л. 8.
[710] Там же. Л. 2.
[711] Там же.

соответствующего представления военного министерства, которое было направлено 21 мая 1888 г. в Государственный совет.

3 октября 1888 г. «Соединенные департаменты Законов и Государственной экономии» одобрили документ, а 11 октября Общее собрание членов Государственного совета вынесло положительное «мнение» по представлению военного министерства. 7 ноября 1888 г. император Александр III утвердил его. Закон устанавливал: «1. В городе Коканде (Ферганской области) назначается особый полицейский пристав с присвоением ему оклада содержания, квартирного довольствия, канцелярской суммы и служебных преимуществ, предоставленных однородным должностям в Туркестанском крае. 2) Полицейский пристав города Коканда подчиняется местному уездному начальнику на общем для упомянутого края основании». В документе указывалось: «Вызываемый означенной мерою (ст. 1) ежегодный расход в количестве одной тысячи шестисот рублей отнести на средства города Коканда»[712].

5 ноября 1888 г. исполняющий должность туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенант А.А. Яфимович подал рапорт военному министру, в котором указывал, что надо учредить должность полицейского пристава в г. Катта-Кургане, так как он граничит с Бухарским ханством, многие из подданных которого и живут в этом городе, а также приезжают сюда по торговым и иным делам, в связи с чем за ними необходим постоянный полицейский надзор. Он писал о том, что пристав будет содержаться на городские средства.

После согласования ходатайства Яфимовича с МВД, Главный штаб направил представление в Государственный совет: «Об учреждении должности полицейского пристава в городе Катта-Кургане»[713]. В начале 1889

---

[712] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О назначении особого Полицейского Пристава в город Коканд. 7 ноября 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. С. 533.

[713] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1224 – Об учреждении должностей полицейских приставов в городах Коканде, Катта-Кургане и Самарканде. (8 марта 1888 – 5 июня 1889 г.). Л. 26-27 об.

г. его рассмотрел Государственный совет и выразил положительное «мнение» по этому поводу. 13 февраля 1889 года его утвердил царь[714]. Закон указывал: «Учредить должность особого полицейского пристава в город Катта-Курган, Самаркандской области с присвоением ему содержания, наравне с другими лицами таких же должностей в городах Туркестанского края. Полицейский пристав города Катта-Кургана подчиняется местному Уездному начальнику на общем для упомянутого края основании». Вызываемый расход на это в сумме 1600 руб. отнесли на средства города Катта-Кургана»[715].

17 декабря 1888 г. туркестанский генерал-губернатор Розенбах направил военному министру рапорт об учреждении должности второго полицейского пристава в г. Самарканде. Он указывал, что в этом большом городе много населения, большинство которого мусульмане, функционируют десятки медресе, растет исламский фанатизм и т.п. Просил учредить должность второго полицейского пристава, поскольку одного не хватает для обеспечения должного порядка в городе. Кроме того, Розенбах предлагал учредить должность полицейского надзирателя на железнодорожном вокзале города.

Ванновский, обратившись к министру внутренних дел, получил от того согласие на принятие такой меры. Главный штаб направил 19 апреля 1889 г. в Государственный совет представление: «Об учреждении в городе Самарканде должности полицейского пристава и о разрешении расхода на найм полицейского надзирателя»[716]. Он поддержал ходатайство военного министерства, а решение Госсовета о нем 23 мая 1889 г. было утверждено императором Александром III. Закон отмечал: 1. Установить: а) оклад жалованья пристава в Самарканде на уровне «однородных должностей в

[714] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О назначении особого Полицейского Пристава в город Катта-Курган, Самаркандской области. 13 февраля 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 5784. С. 67-68.
[715] Там же. С. 68.
[716] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1224 – Об учреждении должностей полицейских приставов в городах Коканде, Катта-Кургане и Самарканде. (8 марта 1888 – 5 июня 1889 г.). Л. 44-46.

Туркестанском крае» и б) оклад жалованья полицейскому надзирателю – 300 рублей в год. 2. «Должность полицейского надзирателя замещать лицами русского происхождения». 3. Расход на содержание этих должностей «отнести на средства города Самарканда»[717].

Выше отмечалось, что «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г. лишило лиц «туземной администрации» в сельской местности права полицейского наказания представителей коренного населения за маловажные проступки. В городах региона было такое же положение. Между тем, в крупных населенных пунктах усилился процесс урбанизации, быт пришлого населения оказывал влияние на поведение «туземцев», причем, преимущественно не в лучшую сторону. Поэтому генерал-губернатор Н.О. Розенбах ходатайствовал перед военным министром о предоставлении городским старшинам (аксакалам) в крае права наказывать «туземцев» арестом и штрафами. В конце 1888 г. военное министерство вошло с соответствующим представлением в Государственный совет. Он одобрил документ, а 24 января 1889 г. царь утвердил соответствующее его «мнение» [718] . Закон указывал: 1) предоставить городским старшинам (аксакалам) в Туркестанском крае право наказывать «туземцев» арестом и штрафами. 2) Жалобы на меры городских старшин (аксакалов) должны подаваться начальнику города, уездному начальнику или полицмейстеру. 3) Штрафы обращались в городские доходы.

22 июня 1893 года туркестанский генерал-губернатор, генерал-лейтенант А.Б. Вревский писал военному министру П.С. Ванновскому о том, что военные губернаторы Сырдарьинской и Ферганской областей подали рапорты об увеличении штатов полиции в гг. Ташкенте, Аулие-ате,

---

[717] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об учреждении в городе Самарканде должностей Полицейского Пристава и Надзирателя. 23 мая 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6038. С. 228.

[718] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О предоставлении городским старшинам (аксакалам) в Туркестанском крае прав по наложению на туземцев взысканий за маловажные полицейские проступки. 24 января 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 5732. С. 36-37.

Туркестане, Старом Маргилане, Андижане и Намангане. Он указывал, что состояние полицейской части в Туркестанском крае очень плохое. Вревский отмечал, что в Ташкенте, при 116 тыс. постоянных жителей и 20 тыс. пришлого населения, а также войск с семьями (до 14 тыс. чел.), при территории в 171 кв. верст, город «имеет только 5 полицейских чинов: начальник города, его помощник, полицмейстер и два полицейских пристава, то есть в Ташкенте имеется полицейских чинов в четыре раза меньше чем в Казани и почти в семь раз меньше, чем в Тифлисе». И это при том, что население этих городов почти одинаковое с Ташкентом, но зато он численно растет быстрее этих городов. Туркестанский генерал-губернатор предлагал увеличить штат ташкентской полиции, во-первых, в «Русской части» города дополнительным учреждением двух помощников полицейского пристава, во-вторых, в «Азиатской части» Ташкента организовать особое управление в составе, одинаковом с полицейским управлением «Русской части». Вревский указывал, что военные губернаторы Сырдарьинской и Ферганской областей просят «учредить должности полицейских приставов в гг. Туркестане, Аулие-ате, Старом Маргилане, Андижане и Намангане, подобно тому, как уже были учреждены такие должности в городах Казалинске, Петро-Александровске, Самарканде, Катта-Кургане и Коканде»[719].

Получив рапорт Вревского, военный министр отдал распоряжение Главному штабу вступить по данному вопросу в переписку с «заинтересованными» ведомствами. 3 ноября 1893 года министр внутренних дел И.Н. Дурново писал военному министру о том, что он не против увеличения полицейских штатов в означенных военным министерством городах Туркестанского края. Главный штаб быстро составил и направил соответствующее представление в Государственный совет, к которому прилагались документы: «Проект штата должности полицейского пристава в городах Аулие-Ате, Туркестане, Старом Маргелане, Андижане и Намангане»

[719] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1657 – Об изменении и дополнении штатов полицейского управления в городах Ташкенте, Андижане, Аулиеата, Старом Маргелане, и Коканде и городских установлений в городе Ташкенте. (12 мая 1894-11 апреля 1895 г.). Л. 1-1 об.

и «Проект штата полицейского управления в Ташкенте» [720] . Однако Государственный совет нашел, что для решения вопроса мало одного отзыва МВД и потому обратился по этому поводу в министерство финансов и Государственный контроль. 22 января 1894 г. Государственный контролер, сенатор Т. Т. Филиппов писал Государственному секретарю о том, что он не против планируемого увеличения штатов полиции в городах Туркестанского края. Министр финансов С. Ю. Витте ответил только 27 июня 1894 г. Он поддерживал увеличение штатов полиции в городах Туркестанского края, но с тем, чтобы при этом в «Азиатской части» Ташкента упразднили должность старшего Аксакала из «туземцев». Военное министерство вынуждено было согласиться с мнением могущественного финансиста.

8 октября 1894 года «Соединенные департаменты» Государственного Совета рассмотрели представление: «О дополнительных штатах управления Туркестанского края» и выразили положительное «мнение» по данному вопросу. 28 ноября 1894 г. его утвердил царь. Закон отмечал увеличение окладов содержания помощника начальника Ташкента, полицмейстера и двух приставов «Русской части» города, придание им двух помощников, учреждение в гг. Аулие-Ата, Туркестане (Сырдарьинской области), Старом Маргилане, Андижане, Намангане (Ферганской области) по одной должности полицейского пристава. Он указывал: «а) Полицейский надзор в Русской и Туземной частях города Ташкента возлагается на Особое Полицейское управление»; б) Полицмейстер Туземной части города Ташкента подчиняется Начальнику сего города; в) полицейские пристава в городах Аулие-ате и Туркестане (Сырдарьинской области), Старом Маргилане, Андижане и Намангане (Ферганской области) подчиняются местным уездным начальникам на общем для Туркестанского края основании. Должность Старшего Аксакала в городе Ташкенте упразднить.

[720] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1657 – Об изменении и дополнении штатов полицейского управления в городах Ташкенте, Андижане, Аулиеата, Старом Маргелане, и Коканде и городских установлений в городе Ташкенте. (12 мая 1894-11 апреля 1895 г.). Л. 15-16

Полицейскому приставу Коканда увеличить сумму на канцелярские расходы и наем переводчика на 300 рублей в год»[721].

15 декабря 1895 г. туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский писал Ванновскому о том, что военные губернаторы Сырдарьинской и Ферганской областей просили его ходатайствовать об учреждении должностей полицейских приставов в гг. Чимкенте, Перовске – Сырдарьинской области и Коканде – Ферганской области. Он отмечал, что в Чимкенте и Перовске обязанности глав городской полиции возложены на начальников уездов, но они с ними справляются не очень успешно, поскольку у них много дел по чисто административному управлению. Поэтому они поручали руководство городской полицией кому-либо из чинов уездного правления – секретарю или даже письмоводителю. С таким положением нельзя мириться, так как число полицейских дел в этих городах растет. В Коканде положение иное. Там уже есть один полицейский пристав, но надо второго, так как город большой, более 80 тыс. населения, и это главный торговый центр Ферганской области, до которого скоро дойдет железная дорога. Вревский просил военного министра добиваться учреждения должностей полицейских приставов в гг. Чимкенте, Перовске и Коканде. Он прилагал к рапорту проект: «Об изменении и дополнении Высочайше утвержденных 12 июня 1886 г. Положения об управлении Туркестанского края и штата сего управления»[722]. Документ предлагал: 1) учредить в гг. Чимкенте и Перовске должности городского пристава, а в г. Коканде – 2-го городского пристава, 2) «Полицейские пристава в городах Чимкенте, и Перовске Сырдарьинской области и второй пристав в городе Коканде, Ферганской области подчиняются местным уездным начальникам на общем для Туркестанского края основании»[723].

---

[721] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О пополнении штата управления Туркестанского края. 28 ноября 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. Отд. 1. СПб., 1898. № 11066. С. 655-656.

[722] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1921 – Об учреждении новых полицейских должностей в городах Туркестанского края. (2 января 1896 – 29 января 1897 г.). Л. 2.

[723] Там же. Л. 2 об.

13 февраля 1896 г. Главный штаб запросил мнение министра финансов по этому поводу. 28 февраля 1896 г. С.Ю. Витте писал военному министру о том, что он не против учреждения должностей полицейских приставов в указанных городах Сырдарьинской и Ферганской областей.

11 апреля 1896 г. Главный штаб направил представление в Государственный совет: «Об учреждении должностей городских полицейских приставов в городах Чимкенте и Перовске и второго полицейского пристава в городе Коканде»[724]. Документ изучался полгода, пока 12 октября 1896 г. представление военного министерства не обсудили «Соединенные департаменты» Государственного Совета. Они признали меры нужными, однако предложили, чтобы военное министерство и туркестанский генерал-губернатор внесли в представление изменения и дополнения, если они возникли за период после представления дела в Государственный Совет. Военный министр ответил, что необходимости в изменениях и дополнениях нет. То же заявил и туркестанский генерал-губернатор. 2 декабря 1896 г. император Николай II утвердил «Мнение» Государственного совета об учреждение должностей полицейских приставов в Чимкенте и Перовске и должности 2-го полицейского пристава в Коканде. Закон указывал: 1. Учредить в городах Чимкенте и Перовске, Сырдарьинской области по одной должности полицейского пристава, а в городе Коканде, Ферганской области – второго полицейского пристава «на одинаковых основаниях с однородными должностями в Туркестанском крае»[725].

29 августа 1899 г. туркестанский генерал-губернатор, генерал-лейтенант С.М. Духовской обратился к военному министру А.Н. Куропаткину с рапортом, в котором указывал, что надо утвердить должности городских приставов в некоторых городах Туркестанского края – Ходженте, Коканде, Ура – тюбе, Джизаке и др. Он отмечал, что недавнее

[724] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1921 – Об учреждении новых полицейских должностей в городах Туркестанского края. (2 января 1896 – 29 января 1897 г.). Л. 5-7.
[725] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об увеличении состава городской полиции в Туркестанском крае. 2 декабря 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13474. С. 745.

Андижанское восстание показало, что среди мусульманского населения городов еще силен религиозный фанатизм, за которым нужен постоянный полицейский надзор. По распоряжению Куропаткина, Главный штаб вступил 17 сентября 1899 г. по этому поводу в переписку с «заинтересованными» ведомствами – министерствами внутренних дел, финансов и Государственным контролем.

Однако дело развивалось вяло и в течение едва ли не 3-х лет туркестанские власти не раз запрашивали Главный штаб о его рассмотрении, получая ответ, что пока не получено заключение министерства финансов. 13 июня 1902 г. управляющий Канцелярией туркестанского генерал-губернатора запросил Азиатскую часть Главного штаба: «В каком положении находится дело по представлению Его Превосходительства (Духовского – В.Л.) от 29 августа 1899 года, за № 7419 об учреждении должности полицейских приставов в городах Ферганской и Самаркандской областей»[726].

Только 6 июля 1902 г. Департамент Государственного казначейства министерства финансов сообщил в Главный штаб о том, что со стороны его ведомства «не встречается препятствий к учреждению установленном порядке означенных должностей на предложенных военным министерством основаниях»[727].

26 июля 1902 года Военное министерство отправило в Государственный совет представление: «Об увеличении штатов городских полицейских установлений в Ферганской и Самаркандской областях»[728]. В документе указывалось, что вопрос рассматривался в Совете туркестанского генерал-губернатора, который одобрил его, приводилась численность жителей городов указанных областей, подчеркивалось их важное экономическое и административное значение. Отмечалось, что «весьма значительное скопление в означенных городах пришлого люда из

[726] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2479 – Об утверждении должностей городских приставов в некоторых городах Туркестанского края. (15 сентября 1899 – 8 февраля 1903 г.). Л. 21.
[727] Там же. Л. 37.
[728] Там же. Л. 29-30.

Европейской России, Кавказа и из-за границы требует особо бдительного полицейского надзора» [729] . Начальники уездной полиции сами не могут справиться с возросшими задачами, так как у них мало людей в уездных управлениях. В Государственный совет был также представлен «Проект дополнительного штата городским установлениям Ферганской и Самаркандской областей»[730].

12 октября 1902 г. представление обсуждалось в «Соединенных департаментах Законов и Государственной экономии» Государственного совета. Они одобрили положения документа, а Общее собрание его членов выразило положительное «мнение» о его содержании, которое 8 декабря 1902 г., в Севастополе утвердил царь Николай II. Закон указывал: 1. Учредить в городе Старом Маргилане, Ферганской области должность Полицмейстера и Секретаря при нем. Полицмейстер – по VII классу, Секретарь в X классе. 2. На канцелярские расходы Старомаргиланского полицейского управления и на наем переводчика – 1.200 рублей в год. 3. Учредить должность полицейских приставов: в Ходженте, Джизаке и Ура-Тюбе, Самаркандской области, Оше и Новом Маргилане по одной должности полицейского пристава в каждом, а по 2 должности полицейских приставов в Коканде, Намангане и Андижане, Ферганской области». 5. 1) «Заведывание полицией в Старом Маргелане возлагается с этого времени на Полицмейстера». 2) Полицмейстер Старого Маргилана в отношении права наказывать «туземцев» в административном порядке «приравнивается к уездному начальнику». Жалобы на него должны были приноситься военному губернатору Ферганской области. 3. Вновь учрежденные полицейские приставы «в городах Ходженте, Джизаке, Ура-тюбе (Самаркандской области), Оше, Коканде, Намангане и Андижане (Ферганской области)

[729] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2479 – Об утверждении должностей городских приставов в некоторых городах Туркестанского края. (15 сентября 1899 – 8 февраля 1903 г.). Л. 29-29 об.
[730] Там же. Л. 31-31 об.

подчиняются местным уездным начальникам, а в городах Новом Маргелане и Старом Маргелане – полицмейстерам этих городов»[731].

21 ноября 1898 г. туркестанский генерал-губернатор, генерал-лейтенант С.М. Духовской писал военному министру А.Н. Куропаткину о том, что «из всех городов Туркестанского края утвержден в надлежащем порядке штат полицейских команд только в Новом Маргелане». Он отмечал, что, на основании «высочайше» утвержденного 19 октября 1884 г. штата полиции в Новом Маргилане, он в настоящее время состоит из: участковых полицейских – 6 чел.; полицейских низшего звания – 22 чел.; конных полицейских при приставах – 2 чел. Духовской указывал: «Во всех прочих городах края полицейская служба отправляется вольнонаемными людьми из туземцев и русских, содержимыми по штатам, утвержденным генерал-губернатором, сообразно со средствами городов и действительной надобностью»[732].

Туркестанский генерал-губернатор отмечал, что его предшественники – Розенбах и Вревский, все военные губернаторы и областные правления, а также начальник Закаспийской области высказываются за увеличение состава туркестанской полиции. Он указывал, что 23 декабря 1889 года туркестанский генерал-губернатор А. Б. Вревский даже направлял в Главный штаб сведения об имеющемся штате полиции в городах Туркестанского края[733]. Духовской особенно просил об усилении штатов конно-полицейской стражи в сельской местности. Туркестанский генерал-губернатор предлагал принять на счет казны половину расходов на содержание полиции г. Ташкента, поскольку на то у города мало средств. Он прилагал к рапорту

---

[731] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об увеличении состава городской полиции в Ферганской и Самаркандской областях. 8 декабря 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 22224. С. 947.

[732] Там же.

[733] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2229 – Об усилении штатов полицейских команд в городах Туркестанского края. (8 декабря 1898 г. – 8 июня 1903 г.). Л. 15 об. – 16.

«Проект штатов полицейских команд в городах Туркестанского края»[734]. Однако усилия Духовского не увенчались успехом, хотя и не пропали даром.

29 июля 1901 г. туркестанский генерал-губернатор Н.А. Иванов писал в Главный штаб о том, что «из переписки по организации в городах Туркестанского края полицейских команд не видно, чтобы были предложения об упразднении в тех же городах должностей Аксакалов и об изменении 70 и 72 статей Положения об управлении Туркестанским краем»[735]. 6 сентября 1901 года начальник Азиатской части Главного штаба, генерал-майор Д.В. Путята писал Иванову о том, что готовится представление военного министерства в Государственный совет о полицейских командах в городах Туркестанского края и надо дать конкретные сведения о том, как «изменить существующее число городских аксакалов и признается ли нужным соответственное изменение статей Туркестанского Положения и в чем именно»[736].

9 ноября 1901 года туркестанский генерал-губернатор Н.А. Иванов писал начальнику Главного штаба о том, что его предшественник – генерал-лейтенант Духовской в своих планах по полицейской части в крае «имел в виду лишь вопрос об увеличении местных полицейских команд как органов наружной полиции и совершенно не касался вопроса о аксакалах»[737]. Он указывал, что не надо вносить изменения в соответствующие статьи «Туркестанского положения» 1886 г., так как городские аксакалы несут не только полицейские обязанности, но и многие другие, связанные с городской жизнью.

16 ноября 1902 года Главный штаб подготовил представление в Государственный совет: «Об устройстве полицейских команд в городах

---

[734] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2229 – Об усилении штатов полицейских команд в городах Туркестанского края. (8 декабря 1898 г. – 8 июня 1903 г.). Л. 3-6 об.
[735] Там же. Л. 237.
[736] Там же. Л. 238.
[737] Там же. Л. 240.

Туркестанского края»[738]. В нем излагалась суть вопроса и мнения «сторон» по этому вопросу.

Военное министерство выдвигало требования, которые были одобрены Государственным советом и нашли отражение в законе от 21 апреля 1903 г.[739]. Он гласил: «1. В русских частях городов Сыр-дарьинской, Ферганской и Самаркандской области с числом жителей не менее 2000 обоего пола полагается не свыше пяти городовых, а где больше, то число городовых определяется по расчету, полагая не более одного городового на каждые пятьсот душ обоего пола. 2. В число каждых пяти городовых полагается один со званием Старшего, остальные носят название Младших» … 4. Туркестанский генерал-губернатор имеет право, там, где надо вводить конных городовых с тем же окладом, что и пешим, но на содержание лошадей – в Сырдарьинской области – не свыше 50 рублей в год, в Ферганской области – не свыше 60 рублей в год, в Самаркандской области – не свыше 100 рублей в год. 5. Численный состав полицейских команд для городов края определяется для каждого города Военным министром по представлениям туркестанского генерал-губернатора, который прилагает заключение местной «городской думы или заменяющего ее установления … 7. На городовых не может быть возлагаемо исполнение обязанностей рассыльных или сторожей при полицейских управлениях, а также других служб и поручений, не соответствующих прямому их назначению охранять порядок и безопасность»[740]. Закон от 11 ноября 1906 г. утвердил это, как приложение к статье 72-й «Туркестанского положения» 1886 г.[741]

---

[738] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2229 – Об усилении штатов полицейских команд в городах Туркестанского края. (8 декабря 1898 г. – 8 июня 1903 г.). Л. 246-253.

[739] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об устройстве полицейских команд в городах Туркестанского края. 21 апреля 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22816. С. 401-402; Свод законов Российской империи. Т. 2. СПб., 1912. С. 451-452.

[740] Там же.

[741] См.: Высочайше утвержденное Положение Совета Министров - О временном увеличении штатов полиции в городах Аулиеате, Сырдарьинской области и Новом Маргелане, Ферганской области. 11 ноября 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28540. С. 978.

Нелишне заметить, что незадолго до рассмотрения указанного представления в правительстве, военное ведомство продвинуло через Государственный совет законопроект об увеличении состава городской полиции в Ферганской и Самаркандской областях, «высочайше» утвержденный в конце 1902 г.[742]. Закон учреждал в г. Старом Маргилане, Ферганской области должность Полицмейстера в VII классе и Секретаря при нем в X классе, должности полицейских приставов в гг. Ходженте, Джизаке и Ура-Тюбе, Самаркандской области, Оше и Новом Маргилане, Ферганской области - по одной должности полицейского пристава в каждом и по 2 должности полицейских приставов в Коканде, Намангане и Андижане, той же области. Заведование полицией в Старом Маргилане возлагалось на Полицмейстера. Закон отмечал, что в отношении права наказывать «туземцев» в административном порядке он «приравнивается к уездному начальнику». Жалобы на его действия должны были приноситься военному губернатору Ферганской области. Документ отмечал, что «полицейские приставы во вновь образованных должностях в городах Ходженте, Джизаке, Ура-тюбе (Самаркандской области), Оше, Коканде, Намангане и Андижане, Ферганской области подчиняются местным уездным начальникам, а в городах Новом Маргелане и Старом Маргелане – полицмейстерам этих городов»[743].

В связи с изданием этого закона, 4 февраля 1903 г. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора составила справку, в которой отмечала, что, согласно статье 71-й «Туркестанского положения» 1886 г., «высший полицейский надзор в городах Туркестанского края, населенных туземцами, вверяется Старшему аксакалу, назначаемому Военным губернатором из туземцев, в ведении которого находятся низшие полицейские служители из

---

[742] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об увеличении состава городской полиции в Ферганской и Самаркандской областях. 8 декабря 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 22224. С. 947-948.
[743] Там же. С. 948.

туземцев»[744]. Как отмечалось, законом от 28 ноября 1894 г. полицейский надзор в «Туземной» части Ташкента был возложен на особое полицейское управление – была учреждена для нее должность полицмейстера, а должность Старшего аксакала была упразднена. Канцелярия указывала, что в законе от 8 декабря 1902 г. заведование полицией в Старом Маргилане возлагается на учреждаемого полицмейстера, но об упразднении должности старшего аксакала города в нем ничего не сказано.

Туркестанский генерал-губернатор Н.А. Иванов обратился 14 февраля 1903 г. по этому поводу к военному губернатору Ферганской области, генерал-майору Г.А. Арендаренко, поскольку стало известно, что начальник Маргиланского уезда, полковник Рудановский выступает против ликвидации должности старшего аксакала города. Ферганский губернатор обратился к уездному начальнику за разъяснениями по этому поводу. Рудановский прислал в ответ рапорт на имя Арендаренко, в котором объяснял свою позицию следующими причинами: во-первых, Старший аксакал имел большой авторитет в Новом Маргилане, что облегчает проведение в среду «туземного» населения распоряжений русской власти; во-вторых, с его помощью можно было лучше наблюдать за политическими настроениями «туземцев», так как он прекрасно знал все проявления в общественной жизни; в-третьих, доклады Старшего аксакала о положении в городе «всегда являются более авторитетными, чем те же доклады нижних чинов полиции»[745].

Поэтому ферганский губернатор писал Иванову о том, что, по его мнению, должность Старшего аксакала в Новом Маргилане отменять не следует, «так как упразднение дает ничтожное сбережение городских сумм, но лишит Администрацию возможности знать настроение населения и будет обидным для туземцев, лишая их традиционной должности»[746]. Однако

---

[744] Туркестан в имперской политике России: Монография в документах. Отв. ред. Т.В. Котюкова. М., 2016. С. 176.
[745] Там же. С. 177.
[746] Там же.

туркестанский генерал-губернатор обратился по этому поводу в Военное министерство, которое, проконсультировавшись с правительством, признало необходимым все же упразднить должность Старшего аксакала в Новом Маргилане. Иванов направил 22 марта 1903 г. соответствующее предписание военному губернатору Ферганской области. Арендаренко писал 29 марта 1903 г. туркестанскому генерал-губернатору о том, что он упразднил указанную должность, но считает «долгом доложить, что следить за настроением умов многолюдного города отныне будет трудно, так как в этом отношении до сих пор нам оказывали ценные услуги одни старшие городские аксакалы»[747].

Тем не менее, военное министерство направило соответствующее представление в Государственный совет, которое было одобрено им и утверждено царем [748] . В итоге, вопреки мнению туркестанской администрации, должность Старшего аксакала города Старого Маргилана была все-таки упразднена.

29 ноября 1904 года туркестанский генерал-губернатор, генерал от кавалерии Н.Н. Тевяшев возбудил перед военным министром ходатайство о новых штатах полицейских команд в «Русских частях» городов: Оша и Андижана – Ферганской области, Перовска, Казалинска и Петро-Александровска – Сыр-дарьинской области и г. Самарканда, Самаркандской области. Он посылал в Главный штаб необходимые документы для решения этого вопроса. Это были журналы заседаний местных хозяйственных управлений указанных городов[749].

В конце 1904 г., по «всеподданнейшему» докладу военного министра, штаты полицейских команд в «Русских частях» городов Туркестанского

---

[747] Туркестан в имперской политике России: Монография в документах. Отв. ред. Т.В. Котюкова. М., 2016.

[748] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об упразднении должности Старшего Аксакала в городе Старом Маргилане. 8 июня 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 23116. С. 717.

[749] См.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3147 – Об изменениях в штатах полиции в городах Туркестанского генерал-губернаторства. (17 февраля 1903 - 8 мая 1905 года). Л. 61, 71 и др.

края: Самарканда, Петро-Александровска, Казалинска, Перовска, Оша и Андижана были «высочайше» утверждены[750]. К закону прилагались штаты таких команд: в Самарканде полицейская команда – 36 чел.: 7 старших городовых, 25 младших и 4 конных; Петро-Александровске – 5 чел.: 1 старший и 4 младших; Казалинск – 21 чел.: 4 старших пеших, 14 младших, 1 старший конный и 2 младших конных; Перовск - 5 чел.: 1 старший и 4 младших; Ош - 5 чел.: 1 старший и 4 младших[751]. Нелишне уточнить, что в «Русских частях» этих городов проживало: в Самарканде - 17.619 чел., Петро-Александровске – 2.467, Казалинске – 10.500, Перовске – 6.877, Оше - 1.696, в Андижане – 957[752].

Процесс формирования полицейских кадров в Туркестанском крае происходил не только на основе «высочайше» утвержденных законодательных актов. Деятельное участие в нем принимали военное министерство и туркестанские власти. Сложилась определенная процедура, при которой туркестанские генерал-губернаторы подавали рапорты об изменении и дополнении штатов полиции в тех, или иных местностях на имя военного министра, который поручал Главному штату подготовить соответствующие докладные записки, чем занималась Азиатская часть. Так, в феврале 1905 года туркестанский генерал-губернатор Н.Н. Тевяшев представил военному министру на утверждение штаты таких формирований в «Русских частях» гг. Коканда и Намангана, Ферганской области[753]. 10 апреля 1905 г., по совету Азиатской части, военный министр В.В. Сахаров утвердил предложенные штаты. 8 мая 1905 г. он же утвердил штаты

---

[750] Высочайшее повеление, объявленное Военным министром - Об утверждении штатов полицейских команд в русских частях городов Туркестанского края: Самарканда, Петро-Александровска, Казалинска, Перовска, Оша и Андижана. 26 ноября 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 25429. С. 1158.

[751] Высочайше утвержденные 26 ноября 1904 года штаты полицейских команд в русских частях городов; Самарканда, Самаркандской области; Петро-Александровска, Казалинска и Перовска, Сыр-дарьинской области и Андижана и Оша, Ферганской области // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 2. СПб., 1907. № 25429. С. 727-728.

[752] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3147 – Об изменениях в штатах полиции в городах Туркестанского генерал-губернаторства. (17 февраля 1903 - 8 мая 1905 года). Л. 76-76 об.

[753] Там же. Л. 78.

полицейских команд в «Русских частях» гг. Чимкента, Аулиеата и Туркестана, Сыр-Дарьинской области. В конце декабря 1905 г. Сахаров, ставший теперь временно исполняющим должность туркестанского генерал-губернатора направил новому военному министру А. Ф. Редигеру рапорт с просьбой утвердить дополнительный штат полиции в Новом Маргилане в числе 10 человек. Одновременно Сахаров просил главу военного ведомства об увеличении штата полиции в г. Аулие-ате на 5 чел. сроком на 1 год ввиду «исключительных обстоятельств» [754] . Понятно, что имелись в виду революционные события в России, имевшие отзвуки и в Туркестанском крае. 21 января 1906 г. Редигер утвердил предложенный штат.

Вместе с тем, военное министерство решило закрепить изменения в штатах указанных городов законодательным образом. Поэтому в начале апреля 1906 г. оно внесло в Государственную Думу разработанное Азиатской частью Главного штаба представление: «Об увеличение штатов полиции в городах Аулие-ате, Сыр-дарьинской области и Новом Маргелане, Ферганской области»[755]. Однако Дума не смогла рассмотреть его, поскольку 9 июля 1906 г. была распущена царем Николаем II. Однако намерение военного министерства увеличить численность полиции в гг. Аулие-ате и Новом Маргилане не исчезло. 10 октября 1906 г. оно внесло в Совет министров новое представление: «О временном увеличении штатов полиции в городах: Аулиеате, Сыр-дарьинской области и Новом Маргелане, Ферганской области»[756]. 24 октября 1906 г. правительство постановило: 1. Утвердить увеличение штатов полиции в гг. Аулиеате и Новом Маргилане, согласно решению местных властей, «сохранив действие означенных мер и на дальнейшее время» [757] . 2. Дополнить «высочайше» утвержденный 19 октября 1884 года штат полицейской команды в Новом Маргилане

[754] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3417 – Об увеличении штата полиции в городах Аулиеата, Сыр-дарьинской области и Скобелеве (бывший Новый Маргелан) Ферганской области. (4 января 1906 – 5 декабря 1911 года). Л. 5.
[755] Там же. Л. 51-53.
[756] Там же. Л. 24-27 об.
[757] Там же. Л. 32.

14 должностями конных городовых, с выдачей им содержания пеших полицейских, но по 60 руб. в год на содержание лошади каждому и если нет казенной квартиры, то давать квартирный деньги на наем жилья. 3) «Вызываемые в означенными в отделах 1 и 2 мерами расход относить на городские средства названых городов по принадлежности»[758]. 11 ноября 1906 г. царь Николай II утвердил постановление правительства[759]. Этот закон стал приложением к статье 72-й «Туркестанского положения» 1886 г. – «Правила об устройстве полицейских команд в городах Туркестанского края»[760].

Вместе с тем, приведенный закон носил временный характер, что явствует из названия представления военного министерства. Поэтому дело об увеличении полицейских штатов в городах Аулие-ате и Новом Маргилане продолжилось. 19 марта 1907 года Главный штаб запросил туркестанского генерал-губернатора о том, считает ли он необходимым вносить вопрос об увеличении полицейских команд в городах Туркестанского края в Государственную Думу, чтобы решить его в законодательном порядке, или положение улучшилось так, что без этого можно обойтись. 27 марта 1907 года помощник туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенант К.А. Кондратович телеграфировал в Главный штаб: «Причины, вызвавшие увеличение штатов, не только не уменьшились, но положение стало еще острее, а потому внесение в Государственную Думу представления о всех мерах… признано необходимым»[761].

---

[758] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3417 – Об увеличении штата полиции в городах Аулиеата, Сыр-дарьинской области и Скобелеве (бывший Новый Маргелан) Ферганской области. (4 января 1906 – 5 декабря 1911 года). Л. 32.

[759] Высочайше утвержденное Положение Совета Министров - О временном увеличении штатов полиции в городах Аулиеате, Сырдарьинской области и Новом Маргилане, Ферганской области. 11 ноября 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28540. С. 978.

[760] См.: Свод законов Российской империи. Т. 2. СПб., 1912. С. 451-452.

[761] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3417 – Об увеличении штата полиции в городах Аулиеата, Сыр-дарьинской области и Скобелеве (бывший Новый Маргелан) Ферганской области. (4 января 1906 – 5 декабря 1911 года). Л. 42.

4 апреля 1907 года военное министерство внесло в Государственную Думу представление: «Об увеличение штатов полиции в городах Аулие-ате, Сыр-дарьинской области и Новом Маргелане, Ферганской области»[762]. Оно предлагало увеличить их не временно, а постоянно на все будущее время. Излагалась суть дела - революционное напряжение, грядущее строительство железной дороги, наплыв разного люда, разбой, грабительство, волнения «туземцев» и проч. Упоминалось о законе от 21 апреля 1903 г. Военное министерство просило: «Утвердить а законодательном порядке принятые меры по увеличению полицейских команд в Аулиеате и Новом Маргелане». Поскольку Государственная дума 2-го созыва была разогнана на основании закона от 3 июня 1907 г.[763], то решение вопроса позже перешло к новому составу парламента.

В процессе обсуждения предложения военного министерства правительство постановило переименовать Новый Маргилан в город Скобелев, что было подтверждено «высочайше»[764]. Переименование не касалось г. Старого Маргилана, который остался самостоятельной административно-полицейской единицей в Ферганской области, Туркестанского края.

28 мая 1908 года представление военного министерства обсуждала Комиссия законодательных предложений 3-й Государственной Думы. 4 июня 1908 года секретарь Государственной думы сообщал военному министру А.Ф. Редигеру о том, что комиссия решила «отложить окончательное суждение по сему делу до осенней сессии»[765].

---

[762] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3417 – Об увеличении штата полиции в городах Аулиеата, Сыр-дарьинской области и Скобелеве (бывший Новый Маргелан) Ферганской области. (4 января 1906 – 5 декабря 1911 года). Л. 51-53

[763] Высочайше утвержденное Положение о выборах в Государственную Думу. 3 июня 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29242. С. 321-335.

[764] Высочайше утвержденное Положение Совета министров – О переименовании областного города Ферганской области Нового Маргелана в «Скобелев». 23 октября 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29682. С. 610.

[765] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3417 – Об увеличении штата полиции в городах Аулиеата, Сыр-дарьинской области и Скобелеве (бывший Новый Маргелан) Ферганской области. (4 января 1906 – 5 декабря 1911 года). Л. 77.

Однако только 24 марта 1910 г. состоялось заседание Комиссии Думы по направлению законодательных предложений. В повестке было 5 вопросов. Вопрос об увеличении штатов полицейских команд городах Аулие-ате и Скобелеве, Туркестанского крае был в ней 3-м и докладчиком по нему выступал депутат Н. Н. Яновский. Комиссия одобрила его доклад и рекомендовала внести вопрос на обсуждение и решение 114-го заседания Государственной Думы. Оно состоялось 9 мая 1910 г. Рассматривалось 14 вопросов, из которых туркестанский был 11-м. С докладом снова выступал Яновский. Таким образом, в итоге Дума утвердила представление военного министерства, а 6 июня 1910 г. закон утвердил царь[766].

Документ отмечал, что во изменение «Высочайше» утвержденного 19 октября 1884 года штата полицейской команды в городе Скобелеве (Новом Маргилане), Ферганской области постановить: 1. «Взамен четырнадцати должностей полицейских нижнего звания из общего числа двадцати двух, учредить четырнадцать должностей конных полицейских». 2. Отпускать каждому конному полицейскому дополнительно по 60 рублей на содержание лошади. Все расходы на содержание конных полицейских отнести на счет городских средств города Скобелева. Считаем нелишним заметить, что на заседании 21 сентября 1910 г. правительство постановило переименовать Маргиланский уезд, Ферганской области в Скобелевский[767].

Как отмечалось, повсеместно в Туркестанском крае вопрос об устройстве полицейских команд в уездных городах решался на основании статьи 68-й «Положения об управлении Туркестанским краем», гласившей: «До введения общественного управления заведывание хозяйством и благоустройством городов *возлагается на начальников уездов, а где их нет –*

---

[766] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон - Об изменении состава Полицейской Команды в городе Скобелев (Новом Маргилане) Ферганской области. 6 июня 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33671. С. 693.

[767] Высочайше утвержденное Положение Совета министров – О переименовании Маргеланского уезда, Ферганской области в Скобелевский уезд с присвоением означенного названия также всем учреждениям, именующимся по названию указанного уезда. 31 октября 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 34317. С. 1193.

на участковых приставов, под наблюдением областных правлений и военных губернаторов, а также при участии депутатов от городских обществ» [768] . (Курс. – В.Л.) Обычно заседания депутатов от городских обществ проходили под председательством начальников уездов, либо их помощников, с присутствием полицейских приставов, если они имелись в том или ином участке территории края.

18 августа 1907 года исполняющий должность туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенант К.А. Кондратович направил военному министру «Постановление Катта-Курганского уездного начальника в силу ст. 68 Положения об управлении Туркестанским краем с участием городских депутатов» о численности полицейских в «Русской части» города, а также «Журнал» Общего присутствия Самаркандского областного правления от 25 июля 1907 г. Из постановления катта-курганских властей явствовало, что численность полицейской команды в городе они считали достаточной, Однако Общее присутствие Самаркандского областного правления на заседании 25 июля 1907 г. указало, что число полицейских в Катта-Кургане должно соответствовать «высочайше» утвержденному Мнению Государственного Совета от 21 апреля 1903 г., то есть «не должно быть выше пяти человек»[769]. Поэтому «Общее присутствие» постановило сформировать полицейскую команду в городе из 5 чел., а именно: 1 старшего городового и 4 младших.

3 сентября 1907 года Азиатская часть Главного штаба составил докладную записку: «Об утверждении штатов полицейской команды в Русской части города Катта-Кургана, Самаркандской области» [770] . Она предлагала военному министру утвердить штат, предложенный туркестанской администрацией. 4 сентября 1907 года исполняющий

---

[768] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанского края. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. Статья 68. С. 325.
[769] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3630 – Об учреждении штатов полицейских команд в городах Катта-кургане, Джизаке и Ходженте, Самаркандской области. (31 августа 1907 - 4 августа 1908 года). Л. 3.
[770] Там же. Л. 7-7 об.

должность военного министра, генерал-лейтенант А.А. Поливанов утвердил этот штат.

14 июля 1907 г. было принято «Постановление Джизакского уездного начальника капитана Рукина в силу ст. 68 Положения об управлении Туркестанского края при участии городских депутатов: надворного советника Мурвасского и туземца Саадуллы Файзуллинова». В документе отмечалось, что в «Русской части» Джизака действовала полицейская команда численностью в 11 чел., включая одного старшего городового. Учитывая установление закона от 21 апреля 1903 г., присутствовавшие решили сформировать полицейскую команду из 5 чел. 13 сентября 1907 г. Самаркандское областное правление рассмотрело джизакский документ и одобрило его. Все материалы по джизакскому вопросу были отправлены в Канцелярию туркестанского генерал-губернатора. 29 сентября 1907 года генерал-губернатор Н.И. Гродеков направил военному министру представление об утверждении штата полицейской команды в г. Джизаке, Самаркандской области. 12 октября 1907 года Азиатская часть Главного штаба составила докладную записку: «О неимении препятствий к утверждению проекта штата полицейской команды в Русской части города Джизака, Самаркандской области», в которой излагала суть вопроса и предлагала военному министру утвердить этот штат[771]. 13 октября 1907 года временно управляющий военным министерством, генерал-лейтенант А.А. Поливанов утвердил его.

8 июля 1908 года туркестанский генерал-губернатор, генерал-адъютант П.И. Мищенко направил военному министру рапорт о предоставлении документов по утверждению штата полицейской команды в «Русской части» г. Ходжента, Самаркандской области. В «Постановлении исполняющего должность Ходжентского уездного начальника, подполковника Н.С. Лыкошина, в силу ст. 68 Положения об управлении Туркестанским

[771] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3630 – Об учреждении штатов полицейских команд в городах Катта-кургане, Джизаке и Ходженте, Самаркандской области. (31 августа 1907 - 4 августа 1908 года). Л. 15 -15 об.

краем, при участии городских депутатов: Ходжентского городского врача, статского советника Моисеева, священника Нарцисова и туземца Кабылбая Мулабаева» от 22 июня 1907 года отмечалось, что присутствовавшие заслушали предписание военного губернатора Самаркандской области от 14 апреля 1907 года: «Об определении штата полицейской команды Русской части города Ходжента». В решении по этому вопросу указывался только старший полицейский, а численность младших не приводилась. Документ поступил в краевую канцелярию и туркестанский генерал-губернатор П.И. Мищенко отправил его в Главный штаб.

21 июля 1908 года Азиатская часть Главного штаба составила докладную записку: «О неимении препятствий к утверждению проекта штата полицейской команды в Русской части города Ходжента Самаркандской области»[772]. Она внесла правку только в численность городской полиции – 5 чел. 31 июля 1908 года временно исполняющий обязанности военного министра, генерал-лейтенант А.А. Поливанов утвердил штат полиции в Ходженте.

Вышеприведенное свидетельствует о том, что практика утверждения штатов городских полицейских команд в Туркестанском крае военным министром фактически не давала сбоев. Иначе обстояло дело с полицейскими проектами, которые военное министерство вынуждено было обсуждать с «заинтересованными» министерствами. Так, например, 1 мая 1910 г. туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов направил военному министру В.А. Сухомлинову копию «Журнала общего присутствия Сыр-Дарьинского Областного Правления», которое решило ходатайствовать «о разрешении, хотя бы временно, увеличить Чимкентскую городскую полицию 4-мя младшими городовыми»[773]. Сухомлинов распорядился приступить по

[772] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3630 – Об учреждении штатов полицейских команд в городах Катта-кургане, Джизаке и Ходженте, Самаркандской области. (31 августа 1907 - 4 августа 1908 года). Л. 31-32.

[773] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3897 - По вопросу о временном увеличении штата нижнеполицейских служителей в городе Чимкенте, Сыр-Дарьинской области. (11 мая 1910 – 1 дек. 1910 г.). Л. 1-1 об.

этому вопросу к консультациям с «заинтересованными» ведомствами – МВД и министерством финансов.

9 июля 1910 года начальник Главного штаба, генерал от инфантерии Н.П. Михневич объяснял в письме министру внутренних дел П.А. Столыпину, что необходимо хотя бы временно усилить чимкентскую полицию на 4 чел., так как город быстро растет и, соответственно, преступность в нем тоже. Однако 2 сентября 1910 г. МВД отвечало, что оно не усматривает нужды в увеличении городской полиции в Чимкенте и, в частности, в охране почтово-телеграфной конторы, подчиненной МВД, поскольку полицейской охраны там хватает. Одновременно Михневич направил такие же пояснения в министерство финансов, но тоже не имел успеха. 24 ноября 1910 г. департамент Государственного казначейства писал в Главный штаб о том, что его ведомство против усиления Чимкентской городской полиции. Он тоже отмечал, что планируемое учреждение должности городового для охраны Чимкентского отделения Государственного казначейства не нужно, так как там хватает своей охраны.

1 декабря 1910 года временно исполняющий должность начальника Главного штаба, генерал-майор Беляев писал туркестанскому генерал-губернатору А.В. Самсонову о том, что ввиду отрицательного отзыва из министерств внутренних дел и финансов вопрос о временном увеличении Чимкентской городской полиции придется отложить на будущее.

Выше отмечалось формирование полицейских учреждений в городах Туркестанского края, относившихся к разным областям региона. В рамках соответствующих законодательных актов их сочетание было, в известной мере, случайным. Вместе с тем, диссертант полагает, что есть необходимость коснуться более подробно состояния городской полиции отдельно в каждой области Туркестанского генерал-губернаторства (края).

а) *Городская полиция в Сырдарьинской области*

Городская полиция официально появилась в Сырдарьинской области в 1865 г., когда она называлась еще «Туркестанской». На основании «Временного положения» об ее управлении от 6 августа 1865 г., [774] учреждались должности городничих в Чимкенте, Туркестане и Аулие-ата из числа обер-офицеров, которые были обязаны поддерживать полицейский порядок в этих населенных пунктах. Как отмечалось, Ташкент в документе не значился, так как он был взят русскими войсками лишь за полтора месяца до издания этого закона. Он стал центром Туркестанской области и образованного в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства (края). О полиции в Ташкенте упоминалось выше, включая установления Проекта 1867 г. и «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г. Но есть и некоторые явно нелишние и полезные дополнения к вышеприведенным материалам.

Ташкентская полиция фактически исполняла обязанности, сходные со всеми подобными ей городскими службами края. Однако, среди них были и особенные, лишь ей присущие. Так, например, при прибытии каждого нового туркестанского генерал-губернатора руководство ташкентской полиции разрабатывало специальный сценарий церемониала его встречи, текст которого печатался в типографии на русском и «туземном» языках и раздавался русским чиновникам, а также лицам «туземной администрации» г. Ташкента, главам религиозных общин города, почетным гражданам и др. Впервые такая церемония была проведена во время прибытия первого туркестанского генерал-губернатора, генерал-адъютанта К.П. Кауфмана в Ташкент 7 ноября 1867 г. В последующем она несколько совершенствовалась, однако, ее «сценарии» каждый раз фактически ничем не отличались друг от друга и их содержание сводилось к следующему. При въезде в город, у «Арки», нового «Главного начальника края» встречали

[774] Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд.1. СПб., 1867. С. 876-881.

«татары с муллой во главе … кази, аглямы, муфтии, имамы, муллы … еврейское общество с особым хлебом-солью и индийцы»[775]. Между «Аркой» и насыпью «водопровода Янчевского» нового генерал-губернатора приветствовали «муллабачи» - студенты 14 ташкентских медресе и учащиеся 156 мектебов города. На Соборной улице выстраивались ученики еврейского училища во главе с раввином, а в переулке Романовской улицы – руководители ташкентской римско-католической общины. Последними выстраивались у городской церкви представители православного духовенства[776]. В течение таких дней все полицейские чины носили парадную форму одежды, усиливались посты у административных учреждений, банков, церквей и мечетей, питейных заведений, строго пресекались любые нарушения порядка и т.п.

Нельзя не отметить, что основные заботы туркестанской администрации вызывало состояние полиции именно в Ташкенте. А оно было весьма непростым. Полицейские жили все хуже, город быстро рос в территориальном и численном отношении, появилось много пришлого люда, росла преступность, революционные события 1905-1907 гг. тоже породили немало забот для городской полиции. Это очень расстраивало туркестанского генерал-губернатора, генерала от инфантерии Н.И. Гродекова. Он отдал распоряжение функционирующему при нем Совету разработать программу мер по усилению ташкентской полиции, о чем выше упоминалось. В канун отъезда уволенного от должности Н.И. Гродекова из края, 20 марта 1908 г., Совет туркестанского генерал-губернатора постановил ходатайствовать перед правительством об: 1) увеличении штатов ташкентской полиции и повышении окладов ее служителей и 2) «принять на средства казны расход по содержанию полиции, хотя бы в течение пяти лет и условно»[777]. Он предлагал добавить должности: 1 полицейского пристава, 1 помощника

[775] АГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 43 - Доклады, циркуляры, прошения жителей и другие документы по делу управления Средней Азией (1875-1892 гг.). Л. 13.
[776] Там же. Л. 13 об.
[777] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3680 - Об увеличении полицейских штатов в Туркестанском крае и Закаспийской области (1908-1912). Л. 1.

пристава, 1 врача, 1 фельдшера, 58 городовых, а также 23 должности околоточных надзирателей и 10 полицейских служителей. Из штатов ташкентской полиции планировалось исключить должности 2-х секретарей и 2-х повивальных бабок. Новый генерал-губернатор, генерал-адъютант П.И. Мищенко предлагал повысить оклады полицейских, начиная с приставов в той мере, в какой правительство сочтет это возможным. Ташкентская городская Дума тоже рассматривала этот вопрос и признала, что «содержание Управления начальника города, как учреждения не чисто полицейского, по имеющейся административно-полицейской функции должно быть всецело отнесено на средства казны»[778]. Мищенко добавил к этому поправку: «о принятии этого расхода на счет казны в течение десяти лет» [779] . Краевая канцелярия подготовила докладную записку по этому вопросу. Она предлагала учредить в Ташкенте должность обер-полицмейстера «с изъятием из его ведения дел административного характера, подлежащих ныне ведению начальнику города» [780] . Для рассмотрения докладной записки 5 июня 1908 г. состоялось заседание Совета туркестанского генерал-губернатора. Совет счел учреждение должности обер-полицмейстера преждевременным. 8 июля 1908 г. Мищенко направил в Главный штаб рапорт о реорганизации полиции в Ташкенте и просил решить вопрос в законодательном порядке.

13 августа 1908 г. Азиатская часть Главного штаба составила докладную записку: «По вопросу о реорганизации Ташкентской полиции»[781]. Изложив суть дела, она выступала против решения вопроса в законодательном порядке, так как это потребует сложного согласования с МВД, министерством финансов и Государственным контролем. По ее мнению, министерство финансов непременно отказало бы, поскольку содержание ташкентской полиции за счет казны в течение 5 лет потребует

[778] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3680 - Об увеличении полицейских штатов в Туркестанском крае и Закаспийской области (1908-1912). Л. 1 об.
[779] Там же. Л. 1.
[780] Там же. Л. 2-2 об.
[781] Там же. Л. 2-2 об.

1,5 млн. руб., а 10 лет – 3 млн. руб. Азиатская часть указывала, что решать этот вопрос в данный момент нет смысла, так как работает правительственная комиссия по выработке нового положения об управлении Туркестанским краем, проект которого «должен быть представлен Военным министерством в Совет министров до 30 июля 1909 года». Она отмечала, что в это же время в Туркестанском крае по «высочайшему» повелению проходит ревизия и надо ждать ее результатов, которые станут основой будущего «положения» об управлении краем. Азиатская часть советовала военному министру А.Ф. Редигеру передать вопрос о реорганизации ташкентской полиции председателю «Вневедомственного Совещания по выработке Положения об управлении Туркестанским краем и штатов к нему». Военный министр согласился. Между тем, 9 сентября 1908 г. начальник Ташкента, полковник Н.К. Колмаков как глава городской полиции, направил управляющему Канцелярией туркестанского генерал-губернатора рапорт, в котором указывал, что в городе сложилось трудное положение с охраной правопорядка, много преступлений, хулиганства, проституции, пьянства и т.п., а полиции очень мало для того, чтобы обуздать правонарушения, так как ее служители имеют низкие оклады жалованья, которые давно надо увеличить. Он подчеркивал, что особенно трудно живется низшим полицейским – младшим городовым, получающим 14 руб. 50 коп. в месяц и не способным содержать свои семьи на такие деньги.

11 сентября 1908 г. туркестанский генерал-губернатор телеграфировал военному министру о том, что он «успел убедиться в крайней недостаточности здесь штата полицейских и полной невозможности их существовать на те оклады, которые положены действующему штату»[782]. Он просил ускорить рассмотрение представления от 8 июля 1908 г. 15 сентября 1908 г. начальник Главного штаба уведомил Мищенко о том, что его

[782] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3680 - Об увеличении полицейских штатов в Туркестанском крае и Закаспийской области (1908-1912). Л. 6

материалы направлены для рассмотрения во «Вневедомственное Совещание» по выработке нового Положения об управлении Туркестанским краем.

4 октября 1908 г. Мищенко писал военному министру А.Ф. Редигеру о том, что такой поворот дела «заставляет предполагать, что вопрос о реорганизации ташкентской полиции будет разрешен лишь в более или менее отдаленном будущем»[783]. Он указывал, что иначе и быть не может, поскольку «Вневедомственное Совещание» будет работать длительное время, а процесс обсуждения его материалов в «верхах» затянется, видимо, до полутора - двух лет. При этом он отмечал, что терпеть нынешнее положение ташкентской полиции больше нельзя, так как город быстро растет экономически, увеличилось число жителей, быстро нарастает число преступлений, беспорядков, развиваются пьянство, наркомания, проституция и проч. Качество работы ташкентской полиции падает, ее служители получают мало денег, а низшее звено, вообще, влачит жалкое существование вместе со своими семьями. Мищенко признавал «подобное положение Ташкентской полиции крайне ненормальным и нежелательным»[784]. Он просил военного министра изъять вопрос о Ташкентской полиции из ведения «Вневедомственного Совещания» по выработке проекта нового «Туркестанского положения» и рассмотреть его отдельно и, желательно, законодательным образом. Военный министр поручил Азиатской части Главного штаба вступить по этому вопросу в контакты с «заинтересованными» министерствами и ведомствами, что и было ею исполнено.

25 ноября 1908 г. «товарищ» министра внутренних дел, директор Департамента полиции МВД, тайный советник А.А. Макаров писал военному министру о том, что он понимает трудности работы туркестанской полиции, в том числе, по донесениям розыскных пунктов его департамента в Туркестанском крае, в связи с чем советовал военному ведомству отдельным

[783] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3680 - Об увеличении полицейских штатов в Туркестанском крае и Закаспийской области (1908-1912). Л. 11.
[784] Там же. Л. 11 об.

образом «возбудить в установленном порядке вопрос об усилении полиции в Туркестанском крае»[785]. Однако, военное министерство, как отмечалось, постоянно конфликтовавшее с МВД по вопросу о том, кто должен управлять Туркестанским краем, не приняло совета Макарова. 23 января 1909 г. начальник Главного штаба, генерал-лейтенант А.З. Мышлаевский сообщал туркестанскому генерал-губернатору о мнении МВД по вопросу о ташкентской полиции и отмечал, что военный министр выступил против него и приказал оставить его в ведении «Вневедомственного Совещания».

10 февраля 1909 г. туркестанский генерал-губернатор П.И. Мищенко направил рапорт Мышлаевскому, в котором писал о том, что, несмотря на позицию военного министра по вопросу о полиции в крае, он отдал распоряжение всем руководителям областей подготовить проекты усиления штатов полиции с тем, чтобы потом «Вневедомственному совещанию» было проще решать полицейский вопрос в Средней Азии. Он подчеркивал, что «в первую очередь должно быть поставлено преобразование штатов Ташкентской городской полиции»[786]. Мищенко отмечал, что вопрос о ее усилении был возбужден еще в 1907 г. и его положительное решение поддерживают все туркестанские краевые и даже «центральные ведомства». Он указывал, что на 140 кв. верст территории Ташкента и 194 тыс. его жителей состав городской полиции прискорбно мал, а именно: начальник города с правами главы уездной полиции, 2 полицмейстера, с управлениями при них, 4 полицейских пристава, 4 их помощника и 170 низших чинов. Если учесть, что из 170 полицейских 30 – это старшие городовые, то на весь город остается всего 140 младших городовых, из которых формируются посты по 3 чел. в каждом. Таким образом, на весь Ташкент приходится всего 47 полицейских постов, то есть по одному городовому на 3 кв. версты города. По мнению Мищенко, положение усугублялось тем, что оклады содержания ташкентских полицейских были мизерными и дороговизна жизни в городе

[785] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3680 - Об увеличении полицейских штатов в Туркестанском крае и Закаспийской области (1908-1912). Л. 16.
[786] Там же. Л. 22.

побуждала многих из них искать работу с лучшей оплатой. Вскоре после взятия Ташкента он стал делиться на две части – «Русскую» и «Туземную» («Азиатскую»). Задачи полицейского надзора за жизнью жителей «Русской части» города постоянно возрастали. Если в 1877 г. в ней было всего 4 тыс. жителей, то к 50-летнему юбилею взятия города (1915 г.) - 75 тыс. чел. Всего же в Ташкенте в это время было 250 тыс. жителей. Таким образом, население «Русской части» составляло 30 %. от всех жителей города[787].

В рапорте в Главный штаб от 10 февраля 1909 г. Мищенко заявлял о том, что нельзя более откладывать вопрос о реорганизации ташкентской полиции, а также не усиливать всю полицию в Туркестанском крае. По его мнению, «присоединение его к общему вопросу о реорганизации полиции в Империи или же об изменении действующего положения об управлении Туркестанским краем представляется решительно невозможным»[788]. Однако в середине марта 1909 г. начальник Главного штаба в письме Мищенко рекомендовал тому изучить вопрос об усилении краевой полиции более глубоко и детально, собрать побольше нужных для этого материалов, подкрепить проблему солидными аргументами, поскольку имеющиеся по этому делу сведения «не дают законодательной власти общей картины положения полиции в крае»[789].

1 февраля 1911 г. преемник Мищенко – генерал-губернатор А.В. Самсонов сообщал военному министру В.А. Сухомлинову о том, что рекомендованные Главным штабом материалы были собраны и обсуждены в Совете туркестанского генерал-губернатора, который принял постановление: «О переименовании должности начальника города Ташкента в должность Обер-полицмейстера, с изъятием из его ведения дел административного характера и предоставлением ему возможно широких полицейских прав»[790].

---

[787] *К. Тимаев.* 50-летие Ташкента и Туркестанского края // Туркестанский курьер. 1915. № 130. 17 июня.
[788] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3680 - Об увеличении полицейских штатов в Туркестанском крае и Закаспийской области (1908-1912). Л. 25-25 об.
[789] Там же. Л. 26.
[790] Там же. Л. 35 об.

Он отмечал, что согласен с этим решением своего Совета и требовал усиления штата полиции края, поскольку в г. Ташкенте проживало более 150 тыс. «туземцев», на которых нельзя было полагаться, так как они давно связаны с соседними мусульманскими странами – Персией, Турцией, Афганистаном и др., где нарастает панисламизм, влияющий на ташкентских мусульман. Кроме того, порочное влияние на них оказывают российские революционные группы в крае. Вместе с тем, Самсонов выступил категорически против предложения подчинить ташкентскую городскую полицию прямому ведению военного губернатора Сырдарьинской области, указав, что он «физически не может быть представителем полицейской власти в городе Ташкенте»[791].

Сырдарьинский губернатор управляет огромной территорией, где проживает 1,5 млн. чел. и ему не до полиции в Ташкенте. Туркестанский генерал-губернатор А. В. Самсонов выступал за то, чтобы содержание ташкентской полиции было переведено на счет Государственного казначейства до тех пор, пока финансовое положение города значительно не улучшится, и он сможет содержать полицию на собственные средства.

15 марта 1911 г. исполняющий должность начальника Главного штаба, генерал-майор Беляев писал Самсонову о том, что его представление об усилении полиции в Туркестанском крае получено и военный министр возбудил ходатайство об его рассмотрении в правительстве. Он отмечал, что прислано много важных документов, но, к сожалению, их некому и некогда обрабатывать, так как нет времени и отсутствуют специалисты по Туркестану. Беляев предлагал заняться обработкой материалов о полиции непосредственно знатокам дела из туркестанской администрации и самим предложить «законопроект в том виде, в каком представляется желательным внести его на рассмотрение законодательных учреждений»[792].

---

[791] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3680 - Об увеличении полицейских штатов в Туркестанском крае и Закаспийской области (1908-1912). Л. 35 об.
[792] Там же. Л. 38-38 об.

1 февраля 1912 г. Канцелярия военного министерства писала в Азиатскую часть Главного штаба о том, что правительство образовало межведомственную комиссию под председательством министра внутренних дел, сенатора А. А. Макарова по вопросу о преобразовании полиции в Империи, в связи с чем она должна предоставить в комиссию материалы об усилении полиции в Туркестанском крае. 7 марта 1912 г. Азиатская часть уведомляла канцелярию о том, что предоставлять указанные материалы в комиссию Макарова нет смысла, так как она разрабатывает проект преобразования полиции на территориях, подчиненных МВД, к которым Туркестанский край не относится, так как он находится в ведении военного министерства и на его территории правами министра внутренних дел пользуется военный министр, а непосредственно в самом крае – туркестанский генерал-губернатор. Поэтому вопрос о реорганизации полиции в Туркестанском крае должен рассматриваться, как отдельный и он уже находится в стадии разрешения в военном министерстве. Однако до конца он так и не был решен, в связи с будущими перипетиями в жизни как всей Российской империи, так и Туркестанского региона, в частности.

б) *О городской полиции в Самаркандской области*

Полиция в Самаркандской области стала формироваться после ее учреждения по «Туркестанскому положению» 1886 г. Согласно штатам, приложенным к нему, она состояла из полицмейстера в VII классе, полицейского пристава в IX, секретаря управления в X, переводчиков, врача в VII классе, фельдшера и повивальной бабки (акушерки)[793]. Что касается других городов области, то об учреждении в них полицейских команд упоминалось выше. В частности, мы отмечали учреждение в Самарканде в 1888 г. второй должности полицейского пристава и полицейского

[793] Штат управления Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. Штаты и табели. С. 113.

надзирателя. Но были и другие законы, касавшиеся полиции в указанной области, нами выше не упоминавшиеся, но заслуживающие рассмотрения.

Так, например, 17 февраля 1901 года туркестанский генерал-губернатор генерал-лейтенант Н. А. Иванов писал военному министру А.Н. Куропаткину о том, что самаркандский губернатор, генерал-майор В.Ю. Мединский ходатайствует об учреждении третьей должности полицейского пристава в г. Самарканде, поскольку существует острая необходимость заведовать его «Туземной частью, вследствие присоединения к городу в 1897 г. части земель, смежных с городом волостей, и происшедшего по этому случаю увеличения городской территории и населения, исчисляемого в 61 974 души» [794] . Военный губернатор Самаркандский области указывал, что полицейского штата в городе Самарканде в этих условиях не хватает, и он с трудом справляется с множеством дел, требующих полицейского присутствия и вмешательства. Туркестанский генерал-губернатор поддерживал просьбу Мединского, указывая, что содержание нового полицейского пристава в Самарканде «для городской кассы не будет обременительно»[795].

Следуя установленному порядку, 3 марта 1901 года Главный штаб направил копию этого рапорта туркестанского генерал-губернатора на рассмотрение министра финансов С.Ю. Витте и просила прислать свое заключение по этому вопросу. Витте отреагировал на этот документ весьма быстро и 20 марта 1901 года Департамент окладных сборов министерства финансов писал в Главный штаб о том, что его ведомство не имеет ничего против «возбуждения в законодательном порядке вопроса об учреждении в городе Самарканде третьей должности полицейского пристава с отнесением потребного на сие расхода на местные городские суммы»[796].

---

[794] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2479 – Об утверждении должностей городских приставов в некоторых городах Туркестанского края. (15 сентября 1899 – 8 февраля 1903 г.). Л. 5.
[795] Там же.
[796] Там же. Л. 7.

В военном министерстве подготовили и 3 мая 1901 г. направили в Государственный совет представление: «Об учреждении должности полицейского пристава в городе Самарканде». Военное ведомство предлагало учредить третью должность полицейского пристава в городе Самарканде с правами IX класса по должности, «со всеми соответствующими выплатами, льготами и преимуществами» [797] . 6 октября 1901 года представление рассмотрел департамент Законов Государственного Совета и утвердил его. 5 ноября 1901 года «Мнение» Государственного Совета по этому делу утвердил император Николай II [798] . Этот закон фактически повторял все предложения, изложенные в представлении военного министерства.

Более сугубо самаркандских полицейских законодательных актов правительством, кроме обозначенных нами выше, не принималось.

в) *О городской полиции в Ферганской области*

Ферганская область была самой густонаселенной областью в пределах Туркестанского края, а ее население считалось самым фанатичным в вере Пророка. Как отмечалось, именно здесь в 1898 г. произошел кровавый Андижанский мятеж, связанный с резней спящих в казарме русских солдат и окрестных гражданских жителей. В значительной мере к нему привели промахи царской полиции, не сумевшей вовремя его предотвратить. Вследствие мусульманского бунта, полиция в Ферганской области была усилена, однако, в недостаточной мере. Нехватка средств в казне сдерживала государственное участие в этом процессе, а городских доходов явно не хватало для содержания значительных полицейских подразделений, способных поддерживать должный порядок в населенных пунктах области.

---

[797] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2479 – Об утверждении должностей городских приставов в некоторых городах Туркестанского края. (15 сентября 1899 – 8 февраля 1903 г.). Л. 10-10 об.

[798] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об учреждении должности Полицейского Пристава в городе Самарканде. 5 ноября 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20698. С. 1112.

Поэтому наибольшее число нормативно-правовых актов полицейского характера, относившихся к Ферганской области, принималось для ее городов. 11 октября 1884 г. Военный совет постановил: учредить в г. Новом Маргилане, Ферганской области полицейскую команду из 6 участковых городовых, 22 полицейских низших чинов, 2 конных городовых при приставах с содержанием их за счет казны[799]. Это было странное решение, поскольку глава правительственной ревизии Туркестанского края в 1882-1883 гг. Ф.К. Гирс писал во «всеподданнейшем» отчете: «Новый Маргелан город исключительно русский. Всего населения в нем до 2120 человек, не считая войск и незначительного числа туземцев. При такой малочисленности и совершенном почти отсутствии торговой и промышленной деятельности, обязанности полиции в Новом Маргелане несложны»[800]. Сенатор-ревизор рекомендовал в связи с этим обстоятельством «штат полицейского управления в городе Новом Маргелане ограничить полицмейстером и одним полицейским приставом»[801]. Туркестанский генерал-губернатор Д.И. Суботич писал позже о том, что 19 октября 1884 г. был «высочайше» утвержден штат полиции в Новом Маргилане, содержавшийся за счет казны[802]. Это обстоятельно было закреплено в примечании 2-м, к статье 72-й «Положения об управлении Туркестанским краем»: «В городе Новом Маргилане, впредь до умножения городских средств, содержание существующей там полицейской команды относится на Государственное казначейство»[803]. Указанный документ закреплял следующий штат полицейского управления в Новом Маргилане: полицмейстер в VII классе,

---

[799] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3417 – Об увеличении штата полиции в городах Аулиеата, Сыр-дарьинской области и Скобелеве (бывший Новый Маргелан) Ферганской области. (4 января 1906 – 5 декабря 1911 года). Л. 54-54 об.

[800] Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1883. С. 75.

[801] Там же.

[802] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3417 – Об увеличении штата полиции в городах Аулиеата, Сыр-дарьинской области и Скобелеве (бывший Новый Маргелан) Ферганской области. (4 января 1906 – 5 декабря 1911 года). Л. 22.

[803] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанского края. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. Статья 72. С. 325.

полицейский пристав в IX, секретарь – X, городской врач – VII, повивальная бабка (акушерка). В штате также состояли переводчики, низшие канцелярские служащие[804]. Об учреждении особого полицейского пристава в г. Коканде в 1888 г. отмечалось выше так же, как и об установлении полицейских штатов в городах Ферганской области – Андижане и Оше в ноябре 1904 г. Однако городу Коканду уделили внимания меньше, чем он того заслуживал. Между тем, по численности населения в крае он уступал только Ташкенту (около 100 тыс. жителей). Весной 1908 г. военный губернатор Ферганской области, генерал-майор В. Н. Сусанин отдал распоряжение областному правлению рассмотреть вопрос о положении полиции в этом городе. Он обсуждался 19 мая 1908 г. на заседании «Общего Присутствия» Ферганского областного правления, которое отметило, что функции начальника Кокандской уездной полиции исполняет сам начальник уезда, который очень загружен чисто административными делами и не может эффективно исполнять свои полицейские обязанности, в связи с чем в Коканде надо учредить должность полицмейстера и городского полицейского управления, которые возьмут на себя указанные обязанности, освободив от них уездного начальника. На заседании был утвержден примерный штат такого управления[805]. «Общее присутствие» постановило просить туркестанского генерал губернатора продвинуть дело далее для законодательного утверждения.

Туркестанский генерал-губернатор отдал распоряжение своей канцелярии подготовить докладную записку: «Об учреждении в городе Коканде должности полицмейстера и городского полицейского управления». Она повторяла все положения постановления Ферганского областного правления. 28 августа 1908 г. Совет туркестанского генерал-губернатора рассмотрел ее, одобрил и рекомендовал учредить в Коканде самостоятельное

---

[804] Штат управления Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. Штаты и табели. С. 112.

[805] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3753 – Об учреждении в городе Коканде, Ферганской области самостоятельного полицейского управления в составе полицмейстера и секретаря. (30 сент. 1908 - 31 мая 1916). Л. 4.

городское полицейское управление во главе с полицмейстером. В связи с этим Совет туркестанского генерал-губернатора рекомендовал упразднить должность Старшего аксакала – начальника «туземной» полиции города. Он утвердил проект штатов городского полицейского управления г. Коканда в составе полицмейстера в VII классе по чинопроизводству и секретаря в X классе.

20 сентября 1908 года туркестанский генерал-губернатор, генерал-адъютант П.И. Мишенко направил соответствующий рапорт военному министру А.Ф. Редигеру. Он просил решить «вопрос в законодательном порядке, чтобы освободить начальника Кокандского уезда от обязанностей начальника полиции с переложением их на полицмейстера, с изменением посему действующего «Положения об управлении Туркестанского края»[806].

20 ноября 1908 г. на основе туркестанских документов Азиатская часть Главного штаба составила докладную записку: «По вопросу об образовании в городе Коканде самостоятельного полицейского управления» [807] . Она рекомендовала военному министру приступить к консультациям по этому вопросу с «заинтересованными» ведомствами. 14 ноября 1908 года Главный штаб отправил соответствующие документы в МВД, министерство финансов и Государственный контроль.

14 января 1909 г. МВД писало в Главный штаб о том, что оно не против учреждения в г. Коканде должности полицмейстера и городского полицейского управления, но содержать их только на местные средства. По его мнению, городских доходов на то было достаточно. 21 февраля 1909 года «товарищ» (заместитель) Государственного Контролера писал военному министру о том, что его ведомство не против учреждения в Коканде искомой должности и городского полицейского управления, с отнесением расходов по их содержанию на городские средства. Как всегда, задерживалось с отзывом

---

[806] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3753 – Об учреждении в городе Коканде, Ферганской области самостоятельного полицейского управления в составе полицмейстера и секретаря. (30 сент. 1908 - 31 мая 1916). Л. 1-1 об.
[807] Там же. Л. 8-9

министерство финансов. Азиатская часть Главного штаба просила его поторопиться. Однако только 15 сентября 1909 года вице-директор департамента Государственного казначейства В. Кузьминов писал в Главный штаб о том, что его ведомство задерживается с отзывом, так как у него нет точных сведений о городских доходах и способности Коканда содержать самостоятельное полицейское управление. Министерство финансов отстаивало свою позицию и впредь.

В последующем кокандское дело заглохло на 5 лет. Однако в упоминавшемся выше представлении военного министерства в Государственную Думу от 31 мая 1914 г. (№ 1228): «Об увеличении содержания личному составу административных управлений областей Туркестанского генерал-губернаторства» было, в том числе и предложение об учреждении полицейского управления в г. Коканде[808].

Уже в ходе войны, 7 декабря 1914 г. В. Кузьминов писал военному министру о том, что его ведомство «не против учреждения в Коканде полицейского управления»[809]. 11 декабря 1914 г. Главный штаб сообщил об этом временно исполняющему должность туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенанту В.Е. Флугу. 19 марта 1915 тот писал начальнику Главного штаба о том, что он считает учреждение в Коканде городского полицейского управления «настоятельно необходимым»[810]. При этом он, однако, отмечал, что, учитывая возросшую дороговизну жизни, нужно сразу запланировать повышенные оклады полицмейстера и секретаря.

28 апреля 1915 года начальник Главного штаба Н.П. Михневич писал об этом Государственному контролеру, а также министру финансов П.Л. Барку. Оба согласились с учреждением в Коканде полицейского управления, но без повышения окладов его чинов, установленных

---

[808] См.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3753 – Об учреждении в городе Коканде, Ферганской области самостоятельного полицейского управления в составе полицмейстера и секретаря. (30 сент. 1908 - 31 мая 1916). Л. 22 об.
[809] Там же. Л. 20.
[810] Там же. Л. 22.

представлением военного министерства в Государственную думу от 31 мая 1914 г.

30 января 1916 года Главный штаб составил докладную записку для Военного совета: «Об учреждении в городе Коканде, Ферганской области должности полицмейстера и городского полицейского управления»[811]. В ней излагались позиции «заинтересованных» министерств по этому вопросу.

11 февраля 1916 г. Военный совет рассмотрел записку и постановил составить на ее основе соответствующее представление в Совет министров для законодательного утверждения. 15 февраля 1916 г. Главный штаб подготовил такой документ: «Об учреждении в Коканде должности полицмейстера и самостоятельного полицейского управления» [812] . Он предлагал: 1) Учредить в Коканде городское полицейское управление в составе: полицмейстера, в чине надворного советника и секретаря – коллежского секретаря. 2) «Подчинить вновь учреждаемой должности полицмейстера города Коканда существующие в названом городе должности полицейских приставов». 3). «Предоставить полицмейстеру города Коканда присвоенные уездному начальнику полномочия по наложению на туземцев наказаний в административном порядке с тем, чтобы жалобы на постановления о наложении таких наказаний приносились военному губернатору Ферганской области». 4) Половину расходов на содержание в Коканде городского полицейского управления в сумме 4300 руб., а именно: 2150 руб. отнести на средства Государственного казначейства и 2150 руб. на «местные городские суммы»[813].

15 марта 1916 года Совет министров обсудил этот документ и постановил утвердить его. Затем, 20 апреля 1916 г. Главный штаб подготовил по кокандскому вопросу «всеподданнейший» доклад военного министра

---

[811] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3753 – Об учреждении в городе Коканде, Ферганской области самостоятельного полицейского управления в составе полицмейстера и секретаря. (30 сент. 1908 - 31 мая 1916). Л. 39-41.
[812] Там же. Л. 49-50.
[813] Там же. Л. 62 об.

царю, который 23 апреля 1916 г. был «высочайше» утвержден. Однако это еще не значило его полного законодательного утверждения.

Поэтому 4 мая 1916 года военное министерство внесло в Государственную Думу представление: «Об учреждении в городе Коканде, Ферганской области Городского полицейского управления». В нем отмечалось, что «заведование полицейскими делами в городе Коканде, Ферганской области лежит на Уездном начальнике, несущем в то же время многочисленные и разносторонние обязанности по управлению уездом и по наблюдению за городским хозяйством»[814]. Документ указывал, что ранее такое положение полиции в Коканде было терпимо, однако, со временем оно обострилось, так как население города выросло до 120 тыс. жителей, а сам он занимает 20 кв. верст. В Коканде появилось много пришлого «элемента», причем, не очень политически благонадежного. Выросла преступность, в связи с чем в 1914 году Коканд стал лидировать в Туркестанском крае по числу уголовных преступлений. В самом Коканде и в Кокандском уезде в это время проживало около полумиллиона жителей, работали 60 фабрик и заводов, свыше 2700 торговых предприятий. Через станцию Коканд проходило много железнодорожных грузов. Городское хозяйство города значительно выросло, и бюджет Коканда достиг почти 500 тыс. руб. В Коканде и уезде проживало много рабочего люда, иностранноподданных – персов индусов, афганцев, а также множество разных «инородцев» из Кавказа. Все это еще более обостряло обстановку в городе и уезде, а потому назрела неотложная необходимость образовать в Коканде самостоятельное полицейское управление во главе полицмейстером. Его решили приравнять к полицмейстеру в г. Скобелеве - по VII классу чинопроизводства и придать Секретаря по X классу. Военное министерство указывало, что полицмейстеру и полицейскому управлению города Коканда будут подчинены все полицейские служители города – приставы, городовые и проч. Подобно

[814] Россия. Главный Штаб. Азиатская часть. Об учреждении в городе Коканде, Ферганской области Городского полицейского управления. Представление Военного министерства в Государственную думу от 4 мая 1916 года. № 785. СПб., 1916. С. 1.

полицмейстерам городов Скобелева и Старого Маргилана, полицмейстер Коканда получит право налагать административные взыскания на «туземцев», так как полицмейстеры в этих городах были приравнены в этом отношении к уездным начальникам. Все жалобы на административные взыскания Кокандского полицмейстера должны были подаваться военному губернатору Ферганской области.

В мае 1916 г. среди депутатов Государственной думы распространили около 550 экземпляров указанного представления военного министерства. однако документ не был реализован, так как летом 1916 г. в Средней Азии вспыхнуло мощное региональное восстание коренного мусульманского населения, носившее не только антицаристский, но и во многом антирусский характер. Естественно, что оно охватило и Ферганскую область, населенную самыми «крепкими» адептами ислама, но преимущественно ее сельские районы, поскольку в городах полиция смогла поддерживать относительный порядок, в чем ей оказывали помощь подразделения Туркестанского военного округа.

Таким образом, положение полиции в городах Туркестанского края отличалось от ситуации в сельской местности. Она была более консолидирована и совершенна в количественном и качественном отношении, хотя и относительно. Вместе с тем, городской полицией в генерал-губернаторстве, как правило, тоже руководили, на правах общеимперских исправников, уездные начальники. Особенно значительными были полицейские формирования в краевом центре – Ташкенте и областных городах. В отличие от сельской местности, в городах края функционировали команды традиционной мусульманской полиции во главе с назначенными русской властью аксакалами. Наравне с сельскими участковыми полицейскими приставами, они имели право наказания «туземцев» арестом и денежными штрафами. Численность официальных городских полицейских команд в Туркестанском крае была ограниченной – не более 5 чел. Соответственно, им было трудно поддерживать должный правопорядок в

подконтрольных им пределах, особенно в условиях нарастания революционного кризиса в России, освободительного и панисламистского движения на территории ее областей в Средней Азии.

4.3. Организации сельской и городской полиции в Семиреченской и Закаспийской областях

Как отмечалось, Семиреченская и Закаспийские области Русского Туркестана имели свои правительственные положения об управлении. Несмотря на то, что принципы организации и деятельности полиции в них были во многом схожи с таковыми же в других, так называемых «коренных» областях Туркестанского края, их отдельное рассмотрение представляет интерес как в административно-территориальном, так и правовом отношении.

а) *О сельской полиции в Семиреченской и Закаспийской области*

Семиреченская область была учреждена в 1867 г. на основании закона от 11 июля 1867 г. об образовании Туркестанского генерал-губернаторства (края) из «части Семипалатинской области к югу от Тарбагатайского хребта»[815]. Согласно проекту «Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях» 1867 г. в ее состав вошли уезды: Сергиопольский, Копальский, Верненский, Иссыккульский и Токмакский.

Как и в Сырдарьинской области, полицию возглавлял военный губернатор, а основные ее силы сосредоточивались в уездных правлениях. Штат уездных полицейских управлений в Семиреченской области был таким же[816]. Он существовал в ней вплоть до 1891 г., когда было утверждено новое «Степное положение»[817]. Несмотря на то, что в мае 1882 г. Семиреченская

---

[815] Именной, данный Сенату - Об учреждении Туркестанского Генерал-Губернаторства в составе двух областей Семиреченской и Сыр-Дарьинской. 11 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44831. С. 1151.

[816] См. п. 4.1 данной главы – В.Л.

[817] Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7574. С. 133-147; в документах именовалось кратко: «Степным» - В.Л.

область была выведена из состава Туркестанского края и передана в ведение Степного генерал-губернаторства (края)[818], она управлялась еще 9 лет на основании проекта «Туркестанского положения» 1867 г.

Изменения, внесенные «Степным положением» 1891 г. в состав уездных административно-полицейских управлений Семиреченской области, устанавливали следующие их штаты: уездные начальники в VI классе. Их помощники в VII классе. Письмоводители – по 2 чел. в X классе. Письменные переводчики в X классе. Словесные переводчики без «классного» чина. Уездные врачи должны были иметь VII класс по чинопроизводству. При уездных полицейских управлениях состояли фельдшеры и повивальные бабки[819]. Несмотря на то, что Степное генерал-губернаторстве находилось в ведении МВД, административная власть начальников уездов в нем, как и в Туркестанском крае, не отделялась от полицейской. Статья 31-я «Положения» 1891 г. гласила: «Уездный начальник пользуется правами и исполняет обязанности, присвоенные по Общему закону, уездному исправнику и уездному полицейскому управлению»[820]. «Степное положение» предоставляло начальникам уездов Семиреченской области такие же широкие права и обязанности по управлению коренным населением, как и туркестанским[821]. Не меньшими были и их полицейские полномочия. Они могли заключать под стражу лиц, признанных по приговорам сельских обществ «вредными» и порочными, и подлежащими удалению из их среды. Уездные начальники Семиреченской области

---

[818] Именной, данный Сенату - О сосредоточении высшего надзора по управлению областями Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской в лице Генерал-Губернатора и о подчинении губерний Тобольской и Томской Общему порядку высшего управления, существующему для внутренних губерний. 18 мая 1882 года // ПСЗРИ-3. Т. 2. Отд.1. СПб.,1886. № 886. С.211-212.

[819] Штат управления Семиреченской области. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. Штаты и табели. № 7574. С. 42.

[820] Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7574. С. 137.

[821] В «Степном положении» 1891 г. представители коренного населения именовались «инородцами», тогда как в «Туркестанском положении» 1886 г. – «туземцами» - В.Л.

получили полицейские права наказания «инородцев» за антиобщественные проступки и нарушения распоряжений власти арестом не свыше 7 дней и штрафом не свыше 15 руб.[822]. Это полностью соответствовало указаниям статьи 64-й «Туркестанского положения» 1886 г. Статья 39-я «Положения» 1891 г. подчеркивала, что «постановления об аресте приводятся немедленно в исполнение»[823].

Документ указывал: «Для исполнения низших полицейских обязанностей в распоряжении уездного начальника состоят вольнонаемные полицейские служители»[824]. Закон устанавливал при семиреченских уездных полицейских управлениях должности врача, фельдшера и повивальной бабки. Статья 46-я устанавливала: «Уездный врач обязан выдавать врачебное пособие бесплатно, снабжая больных медикаментами за счет особой суммы, ассигнуемой для сего в распоряжение областного правления»[825]. Врачи при уездных управлениях должны были при содействии полиции проводить среди «инородцев» кампании по оспопрививанию и готовить учеников из их среды для проведения этого гуманистического мероприятия. В случаях эпизоотий, а также при перегонах большого количества скота полиция привлекала к своей работе уездных ветеринаров, подчиненных Областному врачебному инспектору.

В конце 1900 г., когда Семиреченская область находилась уже в составе Туркестанского края, правительство постановило усилить финансирование чинов уездных полицейских управлений в Семиреченской области[826]. Их начальники получили прибавку к окладам содержания в

---

[822] Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7574. С. 137.

[823] Там же. С. 138.

[824] Там же. Статья 43.

[825] Там же. Статья 46.

[826] Высочайше утвержденное Положение Комитета министров - Об изменении существующего порядка отпуска разъездных денег чинам уездных управлений в Семиреченской области. 11 декабря 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19370. С. 1106.

500 руб., а помощники – 300 руб. Кроме того, все прочие чины уездной полиции стали тоже получать командировочные выплаты, если на выездах они исполняли обязанности начальников полицейских управлений или их помощников.

В конце 1902 г. Государственный совет постановил серьезным образом усилить сельскую полицию в Семиреченской области. Закон от 11 декабря 1902 г. указывал: I. Учредить в Семиреченской области 7 новых должностей участковых приставов. II. Определение границ новых участков в Семиреченской области предоставить туркестанскому генерал-губернатору[827]. Более правительственных актов об организации сельской полиции в Семиреченской области не принималось вплоть до краха царизма.

Что касается сельской полиции в Закаспийской области, то она началась с образования в 1874 г. Закаспийского военного отдела на основе территорий, отошедших к России по договору с Хивинским ханством, заключенному после похода русских войск в 1873 г.[828]. Несмотря на географическую принадлежность территории отдела к Средней Азии (Русскому Туркестану), он был передан в управление Кавказского Наместника – «Его Императорского Высочества», великого князя Михаила Николаевича - младшего брата царя Александра II. Закон от 9 марта 1874 г. указывал: «Закаспийский военный отдел разделяется на два приставства: Мангышлакское и Красноводское»[829]. Управление ими находилось, соответственно, в форте Александровском и Красноводске. Относительно полицейских прав приставов закон отмечал: «Вообще же Пристав несет и другие обязанности, возложенные на Уездных исправников в Империи, на

---

[827] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении в Семиреченской области семи новых должностей участковых приставов. 11 декабря 1902 года. // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. - СПб., 1904. № 22260. С. 969.

[828] Именной, объявленный в приказе по Военному ведомству – Об управлении Закаспийским краем. 9 марта 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд.1. СПб., 1876. № 53233. С. 333-338.

[829] Именной, объявленный в приказе по Военному ведомству – Об управлении Закаспийским краем. 9 марта 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд.1. СПб., 1876. № 53233. С. 335.

основаниях общих для уездной полиции правил, насколько оные применимы к местным условиям» [830] . Штат новых административно-полицейских организаций был относительно небольшим. Его возглавляли военные штаб-офицеры, приставские врачи были тоже от армии. Канцелярские дела в закаспийских приставствах вели гражданские («классные») чиновники[831].

Закаспийский военный отдел просуществовал до Туркменского похода русских войск под предводительством знаменитого генерала М.Д. Скобелева. 21 апреля 1881 г. великий князь Михаил Николаевич писал военному министру Д.А. Милютину о том, что, по его мнению, с окончанием военных действий в Туркмении надо устроить «прочное» русское управление в Закаспийском крае. Он просил ходатайствовать перед «Государем Императором» об «а) переименовании ныне же Закаспийского отдела в Закаспийскую область; б) представлении Мне права устройства временного управления областью, а равно и войсками в ней находящимися по ближайшему Моему усмотрению. в) назначении теперь же начальника Закаспийского военного отдела, генерал-лейтенанта Рерберга начальником Закаспийской области и Командующим в оной войсками»»[832].

23 апреля 1881 года Азиатская часть Главного Штаба составила по письму Кавказского Наместника «всеподданнейший» доклад об организации устройства новой области в Закаспийском крае [833]. 6 мая 1881 г. новый российский император Александр III утвердил закон об ее образовании[834]. После этого был подготовлен «Проект Временного положения об управлении Туркменской областью» 1881 г. Однако, Военный совет, обсуждавший проект весной 1882 г., признал необходимым изъять из него название:

---

[830] Там же.

[831] Высочайше утвержденный 9 марта 1874 года Штат управления Закаспийского Военного отдела // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 3. СПб., 1876. № 53233. С. 37.

[832] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 692 - Об устройстве управлений и войск Закаспийской области. (8 февраля 1881- 31 марта 1882 г.). Л. 111 об-112.

[833] Там же. Л. 117-120.

[834] Именной, данный Сенату - О присоединении к Империи, занятой Нашими войсками территории туркменов Текинского рода и образовании из нея и земель Закаспийского военного отдела области Закаспийской с включением оной в состав Кавказского Военного Округа. 6 мая 1881 года // ПСЗРИ-3. Т. 1. СПб., 1885. № 142. С. 66.

«Туркменская» и заменить его - «Закаспийской». 6 июня 1882 г. «Временное положение об управлении Закаспийской областью» было «высочайше» утверждено. Поскольку оно не было официально опубликовано, то сведения о его содержании даются по соответствующим архивным материалам, достоверно его излагающим. «Положение» 1882 г. делило область на 3 уезда: Мангышлакский, Красноводский и Ахалтекинский[835]. Начальники уездов получили обширные полномочия - право решать все дела «туземного» населения, но особенно «следить за…состоянием умов населения, пресекать любые нарушения порядка, высылать дурных», неблагонадежных, порочных и проч.»[836]. Кроме них, в штате уездной полиции состояли их помощники, по 2 переводчика, но с «классными» чинами (для «письменных» - XII класс) Указывалось, что «письменные переводчики назначаются безразлично как из гражданских чинов, так и военных»[837]. Полицейские функции исполняли военнослужащие подразделений, подчиненных уездному начальнику.

В 1884 г. было достигнуто мирное соглашение с четырьмя мервскими ханами и император Александр III утвердил «Проект изменений и дополнений Временного положения об управлении Закаспийским краем», узаконившем присоединение новых туркменских земель[838]. Правительственный ревизор Туркестанского края в 1908-1909 гг., сенатор К.К. Пален указывал, что этот документ присвоил уездным начальникам обязанности, «возложенные на уездных исправников в Российской империи на основании общих для уездной полиции правил»[839]. Он действовал до утверждения нового «Закаспийского положения» от 6 февраля 1890 г., передавшего область из подчинения кавказским властям, в ведение

[835] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 760 – Об устройстве управления Закаспийской областью. (2 января 1882 - 4 августа 1884 г.). Л. 122.
[836] Там же. Л. 123 об.
[837] Там же. Л. 126-126 об.
[838] Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Областное управление. СПб., 1910. С. 173.
[839] Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Уездное правление. СПб., 1910. С. 112.

непосредственно военного министерства[840]. Оно было весьма кратким и содержало всего 39 параграфов. Начальником области был назначен молодой, но опытный генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин, «старый туркестанец» и соратник генерала М. Д. Скобелева по Туркменскому походу 1881 г.

«Закаспийское положение» 1890 г. устанавливало 5 уездных управлений: Мангышлакское, Красноводское, Асхабадское, Тедженское и Мервское, которые одновременно функционировали, как полицейские органы. Согласно штатам, начальники уездной полиции состояли в VI классе по чинопроизводству, но в реалиях они были военными в чине полковника или подполковника. Их помощники имели VII класс, но тоже были из штаб-офицеров. Уездные врачи числились в VIII классе, но были преимущественно из военных медиков. Вольнонаемные врачи пользовались правами военных врачей пятого разряда, а фельдшера – старших военных фельдшеров. Полицейские приставы значились в штатах в VIII классе, но, в большинстве своем были армейскими капитанами. Их помощники были из «туземных» ханов. Вместе они возглавляли 7 областных приставств: «Чикишлярское, Каракалинское, Дурунское, Атекское, Серасхское, Елатанское и Пендинское»[841]. Уездные и приставские административно-полицейские управления имели канцелярских служителей: делопроизводителей, письменных и словесных переводчиков, курьеров, писарей и др.

В конце 1893 г. А.Н. Куропаткин направил рапорт военному министру П.С. Ванновскому, в котором предлагал распространить на начальников уездной полиции в Закаспийской области права заковывать арестантов в кандалы. В Главном штабе снеслись по этому поводу с министром внутренних дел И.Н. Дурново, который поддержал это предложение.

---

[840] Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд.1. СПб., 1893. № 6576. С. 70-75.

[841] № 6576 – 6 февраля 1890 года – Временный штат военно-народного управления Закаспийской области // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 2. СПб., 1893. Штаты и табели. С. 94.

Предложение Куропаткина об этом было внесено во «всеподданнейший» доклад военного министра, который был утвержден царем 1 февраля 1894 г.[842]

В начале 1903 г. начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант Д.И. Суботич возбудил ходатайство перед военным министром А.Н. Куропаткиным о предоставлении полицейским руководителям области прав по наложению взысканий на местное население. Куропаткин, как бывший ее начальник, счел долгом помочь «родной» области и преуспел. Он добился издания в апреле 1903 г. закона, предоставившего начальнику Закаспийской области полицейское право на арест провинившегося до одного месяца, а всем прочим, как и по статье 64-й «Туркестанского положения» 1886 г.: начальникам уездной полиции – на 7 дней ареста и штраф не выше 15 руб., а их помощникам и приставам – на 3 дня ареста и штраф до 5 руб.[843]

В это же время осуждался вопрос о полиции на острове Челекене[844]. Он оказался нефтеносным и здесь началась добыча весьма растущего по востребованности сырья. Сюда прибыло много рабочего люда, и нефтяные компании обязали за свой счет нанять полицейских для поддержания порядка на острове. Статья 24-я (прим.) «Закаспийского положения» 1890 г. указывала: «Для исполнения полицейских обязанностей на острове Челекен состоят полицейские служители, подчиненные Красноводскому уездному начальнику»[845]. Ситуация внушала оптимизм, однако в начале XX в., в условиях начавшегося мирового экономического кризиса, положение на

---

[842] Высочайшее повеление, объявленное военным министром - О предоставлении уездным начальникам Закаспийской области права заковывать арестантов в кандалы. 1 февраля 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10316. С. 41.

[843] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О предоставлении начальнику, уездным начальникам, их помощникам и приставам Закаспийской области прав по наложению взысканий на местное население. 2 апреля 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22765. С. 358-359.

[844] На современных картах – это полуостров, поскольку за истекшее время произошло причленение острова к берегу за счет понижения уровня Каспийского моря – В.Л.

[845] Временное положение об управлении Закаспийской области. Издание 1892 года // Свод законов Российской империи. Т. II. СПб., 1912. С. 425.

Челекене изменилось. Компании стали сворачивать свой бизнес и отказались содержать полицейских на острове.

Осенью 1901 г. начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант Д.И. Суботич направил рапорт туркестанскому генерал-губернатору Н.А. Иванову, в котором отмечал указанные обстоятельства и предлагал сохранить присутствие полиции на Челекене. Иванов поручил управляющему краевой канцелярией М.И. Бродовскому составить докладную записку по этому вопросу. Последний подготовил такой документ: «Об учреждении штата полиции на острове Челекен», в котором отмечалось, что до 1901 г. штат полиции здесь содержался горнопромышленниками, но с 1901 года они перестали оплачивать его содержание, а государственная казна ничего для полиции острова не предусмотрела. Бродовский писал о том, что полиция на острове нужна, так как в связи с горными промыслами число приезжих сюда растет, «причем, в значительной части состоит из весьма подвижных и беспокойных элементов»[846]. Он рекомендовал обратиться по этому поводу к военному министру.

6 ноября 1901 года туркестанский генерал-губернатор Иванов направил рапорт военному министру А.Н. Куропаткину, в котором просил того возбудить в правительстве вопрос об учреждении полицейского штата на о. Челекене в числе одного пристава и двух полицейских «с отнесением расхода на эту надобность по 3.400 руб. ежегодно на средства Государственного казначейства» [847] . Иванов отмечал, что действующими штатами в Закаспийской области на Челекене, полиции не предусмотрено, но он важен своими горными промыслами, на которых ежегодно работают от 200 до 300 рабочих - русских и иных, то есть «пришлых инородцев». Они представляют собой разномастный «сброд», среди которого процветают

[846] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2896 – Об учреждении полицейского управления на острове Челекен. Л. 1.
[847] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2896 – Об учреждении полицейского управления на острове Челекен. Л. 1.

выпивки, драки, воровство и т.п., что плохо влияет на местных «туземцев». Закаспийские власти вынуждены были сами, за свой счет, ввести на острове должности полицейского пристава и двух полицейских. Туркестанский генерал-губернатор указывал, что условия Челекена требуют полицейским иметь лошадей, а на покупку 3-х лошадей нужны дополнительные деньги. Он отмечал, что закаспийские власти не могут содержать полицейский штат на острове за свой счет, так как у них нет достаточных средств. Поэтому надо учреждать полицейский штат на Челекене за счет Государственного казначейства, включая корм для лошадей и проч. Иванов указывал, что начальник Закаспийской области Д.И. Суботич донес ему в рапорте о том, что в 1902 году ожидается 18 тыс. руб. подесятинной платы, а также по 3 руб. с десятины за разведку нефти и иных ископаемых. Поэтому казна получит больше, чем надобно, на учреждение полицейского штата на острове.

28 ноября 1901 года Азиатская часть Главного штаба направила копию ходатайства туркестанского генерал-губернатора об учреждении полицейского штата на Челекене, Красноводского уезда, Закаспийской области министру финансов. В тот же день такой же документ был отослан Государственному контролеру и министру земледелия и государственных имуществ.

14 декабря 1901 г. министр земледелия и государственных имуществ писал А. Н. Куропаткину о том, что он не против учреждения на Челекене полицейского штата. 17 января 1902 года Государственный Контролер сообщал военному министру о том, что он поддерживает учреждение на Челекене полицейской команды, так как ожидается «поступление в казну значительных доходов от развития горных промыслов в этой местности»[848]. Министерство финансов, как обычно, затягивало с ответом и поэтому 27 июня 1902 г. Главный штаб просил его ускорить доставление заключения по делу. 9 июля 1902 г. министр финансов С. Ю. Витте писал Куропаткину о

[848] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2896 – Об учреждении полицейского управления на острове Челекен. Л. 6.

том, что он не против учреждения полицейского штата на острове Челекене, но при условии содержать его не за счет Государственного казначейства, а - «средств Предельного бюджета Военного министерства»[849].

Поскольку обсуждение «челекенского» дела затянулось, то 23 января 1903 года туркестанский генерал-губернатор Н.А. Иванов писал в Главный штаб о том, что начальник Закаспийской области вновь возбудил вопрос об учреждении на Челекене полицейского штата и что надо скорее решать этот вопрос, так как положение на острове становится все сложнее. Азиатская часть стала готовить соответствующие документы, однако, 5 августа 1903 г. Иванов докладывал военному министру о том, что исполняющий должность начальника Закаспийской области, генерал-майор Ковалев сообщил о том, что в настоящее время нет нужды учреждать постоянный штат полиции на Челекене, так как, кроме фирмы братьев Нобель, все прочие компании прекратили разработку нефтяных месторождений и осталось населения на острове всего 190 чел. Вместе с тем, он отмечал, что полицейский надзор на острове нужно сохранить для сбережения деловых построек и оборудования до тех пор, пока нефть здесь не станут снова добывать.

12 сентября 1903 года туркестанский генерал-губернатор снова писал в Главный штаб о том, что начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант Е.Е. Уссаковский прислал ему рапорт, в котором настаивает на учреждении полицейского штата на Челекене из 2-х полицейских на средства Военного министерства. Н. А. Иванов указывал, что лично он поддерживает это предложение, так как Челекен продолжает давать казне доходы: в 1900 г. – 3.054 руб.; 1901 – 2.593; 1902 – 15.796. Кроме того, казна получила за вывоз соли из Челекена с 1 января 1900 г. по 1 января 1903 г. 58.520 руб. Генерал-губернатор отмечал, что в настоящее время на Челекене есть 2 полицейских, которые содержатся за счет земских сумм Закаспийской области. Он указывал, что надо платить полицейскому штату на Челекене из других источников и просил решить этот вопрос на законодательном уровне.

[849] Там же. Л. 29.

Военный министр А.Н. Куропаткин отдал распоряжение Азиатской части Главного штаба изучить эту проблему.

7 октября 1903 года она составила докладную записку: «По вопросу об учреждении на острове Челекен штата полиции», в которой излагала суть дела и рекомендовала военному министру войти в Государственный совет с представлением об учреждении на острове должностей двух полицейских служителей «с отнесением этого расхода, как вызываемого исключительно потребностями местного горного промысла, на средства Государственного казначейства»[850].

6 ноября 1903 г. военное министерство направило представление в Государственный Совет: «Об учреждении на острове Челекене, Закаспийской области двух должностей полицейских служителей» [851] . В документе излагалась суть дела, материалы переписки между министерствами, их соображения по этому вопросу. Военное ведомство указывало, что нельзя оставить Челекен с его богатыми горными промыслами без полицейского надзора. Отмечалось, что он нужен для поддержания порядка между «пришельцами» - русскими и проч., а присмотр за «туземцами» обеспечит их выборная власть – волостные управители и аульные старшины. Поэтому надо учредить две должности полицейских служителей на острове, несмотря на то, что пока доходы от нефтепромыслов падают, но они могут возрасти в будущем. Документ указывал, что нужно «отнести весь расход, вызываемый новым мероприятием, на средства Государственного казначейства»[852].

13 декабря 1903 года Государственный Совет рассмотрел это представление военного министерства. Он постановил: 1) Назначить на острове Челекене двух полицейских служителей с содержанием в 600 руб. в год (400 руб. – жалованье, 100 – квартирные, 100 на содержание лошади). 2) «Вызываемой указанной мерой расход в количестве одной тысячи двухсот

[850] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2896 – Об учреждении полицейского управления на острове Челекен. Л. 16 об.
[851] Там же. Л. 24-25 об.
[852] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2896 – Об учреждении полицейского управления на острове Челекен. Л. 25-25 об.

рублей в год отнести на кредиты, отпускаемые по смете Военного министерства в пределах нормального его бюджета» 3) «Полицейских служителей на острове Челекен подчинить Красноводскому уездному начальнику»[853]. 23 февраля 1904 г. этот документ утвердил царь[854].

Параллельно с «челекенским» вопросом в правительстве рассматривалось дело о Мургабском Государевом имении. Оно было образовано на основании закона от 6 августа 1887 г.[855] Он указывал, что имение создается на землях по течению реки Мургаба и отдается в подчинение Департамента уделов Министерства Императорского двора. В январе следующего года царь Александр III повелел установить штаты управления Мургабского Государева имения и предоставить его управляющему одинаковые с окружными начальниками в Закаспийской области права в полицейском отношении[856]. Согласно штатам Имения, управляющий состоял в V классе (статского советника), но закон устанавливал, что его должность «замещается лицом военного звания»[857]. Таким образом, управляющим мог быть не только полковник, но даже и генерал-майор. Местопребыванием управления Имением объявлялась станция Байрам-Али, Закаспийской военной железной дороги. Однако полицейские обязанности управляющего подавлялись его административными заботами о восстановлении ирригационных сооружений и поддержании их в порядке. Со временем на территории имения (80 тыс. десятин) и в селении Байрам-Али появилось много «пришлого» населения,

---

[853] Там же. Л. 31 об.

[854] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об усилении полиции на острове Челекен, Закаспийской области. 23 февраля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24092. С. 168.

[855] Именной, данный Сенату - Об обращении в состав Государевых имений части земель, вновь присоединенных в Средней Азии. 6 августа 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4670. С. 390.

[856] Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции - О штате Удельного управления Мургабского Государева Имения и о предоставлении Управляющему тем Имением одинаковых с начальником Округа в Закаспийской области прав в полицейском отношении. 16 января 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 4947. С. 9-10.

[857] Высочайше утвержденные 16 января 1888 года Штаты Мургабского Государева Имения. 16 января 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. Штаты и табели. № 4947. С. 7.

доставлявшего немало хлопот его администрации. Управляющий имением стал подавать в министерство Императорского двора и туркестанским властям ходатайства с просьбой возбудить в правительстве вопрос об усилении полицейской части в подведомственных ему пределах.

28 марта 1906 г. туркестанский генерал-губернатор, генерал-лейтенант Д.И. Суботич писал в рапорте военному министру о том, что управляющий Мургабским Государевым имением еще в 1904 г. возбудил вопрос о реорганизации административного управления им, мотивируя это потребностью в средствах, «необходимых на содержание значительно увеличенного состава полицейских чинов»[858]. Он указывал, что в целях установления правильных отношений между Управлением Мургабским Государевым имением, начальником Закаспийской области и Байрам-алинской полицией этот вопрос надо решать, как можно скорее. Вместе с рапортом он прислал в Главный штаб документ: «Временный штат административно-полицейского управления в Мургабском Государевом Имении в Байрам-али»[859]. Он был следующим: 1) Полицейский пристав – 1 – в VIII классе по чинопроизводству. 2) Помощник полицейского пристава – 1 - IX классе. 3). Околоточный надзиратель – 1 - по вольному найму. 4) Полицейских – 8 чел. 5) Конно-милиционная стража – 10 чел. 6) Надзиратель старший – 1. 7) Надзиратель младший – 1. Канцелярия административно-полицейского управления Мургабского Государева имения: 1) Письмоводитель – 1. XII класс по чинопроизводству. 2) Письменный переводчик – XII класс. Кроме того, Суботич направил в военное министерство «Временную инструкцию об административно-полицейском управлении Мургабского Государева Имения», утвержденную им 23 марта 1906 г.

Часть содержания Инструкции относилась к сугубо административным функциям, а потому диссертант ее не характеризует. Что касается

[858] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3448 – Об установлении административно –полицейского управления в Мургабском Государевом Имении. (7 апреля 1906 - 26 апреля 1912). Л. 1.
[859] Там же. Л. 2.

полицейских полномочий, то в § 2-м указывалось, что, по отношению к Имению, ими располагали Байрам-алинский полицейский пристав и его помощник. Права и обязанности полицейского пристава непосредственно Мургабского Государева имения излагались в § 8-м Инструкции[860]. Не перечисляя их, следует отметить, что они мало отличались от соответствующих задач службы полицейских приставов в России и Средней Азии. Инструкция указывала, что управляющий Имением мог передавать часть своих полномочий Мургабскому полицейскому приставу, который подчинялся начальнику Закаспийской области.

Получив документы из Ташкента, Главный штаб приступил к консультациям по этому поводу с «заинтересованными» правительственными ведомствами. В них приняли участие: министерство Императорского двора, которому подчинялось Мургабское Государево имение, а также министерство финансов, МВД, Государственный контроль и др. В итоге, 12 сентября 1906 г. Азиатская часть Главного штаба составила докладную записку: «Об установлении административно-полицейского управления в Мургабском Имении»[861]. В ней обосновывалась необходимость учреждения нового штата полиции в Мургабском Государевом имении и рекомендовалось поддерживать связи с «заинтересованными» министерствами по данному вопросу. 6 сентября 1906 г. Азиатская часть составила новую докладную записку, в которой предлагала военному министру своей властью ввести в действие «Временный штат» административно-полицейского управления Мургабского Государева имения, на чем настаивал начальник Главного управления уделов министерства Императорского двора. Министр А. Ф. Редигер осуществил эту меру.

20 сентября 1906 г. Главный штаб писал начальнику Главного управления уделов Министерства Императорского двора о том, что военный

---

[860] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3448 – Об установлении административно –полицейского управления в Мургабском Государевом Имении. (7 апреля 1906 - 26 апреля 1912). Л. 3 об.
[861] Там же. Л. 10-10 об.

министр своей волей разрешил внести в действие «Временный штат» административно-полицейского управления в Мургабском имении, но «в виде временной меры, о чем одновременно с сим сообщается Туркестанскому генерал-губернатору для зависящих распоряжений»[862].

В результате контактов военного министерства с «заинтересованными» ведомствами, в Главном штабе решили ввести в Государевом Мургабском имении уже не временный, а «постоянный штат особого приставского управления, включая город Байрам-али». 20 ноября 1907 года Азиатская часть составила докладную записку по этому вопросу. В ней отмечалось, что, поскольку Государево Мургабское имение и город Байрам-али – это практически одно целое, то надо установить для них и единое административно-полицейское управление. Военному министру рекомендовалось войти с этим предложением в высшие инстанции. Таким образом, указанное единое управление попадало в зависимость от военного ведомства и туркестанской администрации, а не от Главного управления уделов, подчинявшегося министерству Императорского двора.

«Заинтересованные» министерства согласились с предложением военного ведомства, но министерство финансов рекомендовало в целях экономии средств убрать должность письмоводителя указанного управления Имением, передав его функции письменному переводчику.

19 февраля 1908 года Азиатская часть Главного штаба подготовила очередную докладную записку: «Об установлении постоянного штата особого приставского управления в Байрам-али, Закаспийской области»[863]. Ее содержание сводилось к тому, чтобы центр тяжести такого управления переместился из Имения в город. Военному министру рекомендовалось одобрить постоянные штаты приставского управления в Байрам-али. К мнению финансового ведомства прислушались, убрав из штатов должности

[862] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3448 – Об установлении административно –полицейского управления в Мургабском Государевом Имении. (7 апреля 1906 - 26 апреля 1912). Л. 12.
[863] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3448 – Об установлении административно –полицейского управления в Мургабском Государевом Имении. (7 апреля 1906 - 26 апреля 1912). Л. 56-59.

письмоводителя и помощника пристава, а также понизив оклад последнего. Был подготовлен проект «Штата управления пристава в Мургабском Государевом Имении в Байрам-али»[864].

13 февраля 1908 года Военное министерство вошло в Совет министров с представлением: «Об установлении постоянного штата Особого приставского управления в Байрам-али, Закаспийской области». Прилагался проект его штатов. Правительство рассматривало эти документы 26 февраля 1908 г. В итоге оно постановило направить этот вопрос в Государственную Думу для его законодательного разрешения.

22 марта 1908 года Азиатская часть подготовила соответствующее представление в Государственную думу. К нему прилагался проект штатов и документы, связанные с прежним обсуждением этого вопроса. Материалы военного министерства застряли в коридорах российского парламента более чем на полтора года и только 5 ноября 1909 г. их начали обсуждать в Комиссии по направлению законодательных предложений Государственной думы. 12 декабря 1908 г. вопрос об административно-полицейском управлении в Мургабском Государевом Имении рассмотрела также Финансовая комиссия Думы. Однако более года дело не продвигалось.

4 марта 1910 года начальник Главного штаба писал в секретариат Государственной Думы о том, что надо решать проблему, так как того требуют обстоятельства. 4 апреля 1910 г. Секретарь Государственной думы 3-го созыва И.П. Созонович писал военному министру В.А. Сухомлинову о том, что вопрос о Байрам-алимском полицейском приставском управлении и его штате вынесен для обсуждения на заседании Финансовой комиссии Государственной Думы 5 апреля 1910 г., на которое приглашается либо сам военный министр, либо начальник Главного штаба. Комиссия заседала в срок и приняла постановление вынести вопрос на рассмотрение парламента.

На заседании общего собрания Государственной Думы по вопросу о приставском административно-полицейском управлении в Байрам-Али от

[864] Там же. Л. 65.

Комиссии по направлению законодательных предложений докладывал депутат В.А. Потулов. Дума одобрила представление военного ведомства.

10 июня 1910 года царь Николай II утвердил ее решение. Документ стал законом. Он устанавливал штат управления полицейского пристава в Мургабском Государевом имении в Байрам-Али, Закаспийской области. Он был следующим: полицейский пристав – в VIII классе. Околоточный надзиратель – вольнонаемный. Полицейских (вольнонаемных) – 8 чел. Конно-полицейская стража – 10 чел. вольнонаемных. Надзиратели арестного дома: Старший - вольнонаемный. Младший – вольнонаемный. Письмоводитель – в X классе. Словесный переводчик - вольнонаемный[865].

В 1913 г. снова возник вопрос о челекенской полиции. Исполнявший должность туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенант В.Е. Флуг писал 6 июля 1913 г. в рапорте военному министру В.А. Сухомлинову о том, что прокурор Асхабадского окружного суда обратился к начальнику Закаспийской области с представлением: «О необходимости для усиления на острове Челекен полицейского надзора учредить должность одного полицейского чиновника и увеличить число низших полицейских служителей»[866]. Флуг отмечал, что представление областного прокурора поддержал прокурор Ташкентской судебной палаты. Он указывал, что нет необходимости решать этот вопрос на законодательном уровне, так как намечается решение вопроса об «общей реорганизации полиции во всех населенных пунктах края». Вместе с тем, Флуг писал о том, что он предложил еще до этой «реорганизации» направить на остров Челекен «на правах помощника пристава кого-либо из служителей Канцелярии Начальника области, а также возбудить вопрос о временном найме двух полицейских служителей из кредита в 25.000 рублей на непредвиденные надобности по Интендантской смете отпускаемого в распоряжение

[865] Штат Управления Пристава в Мургабском Государевом Имении в Байрам-Али, Закаспийской области. 10 июня 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 2. СПб., 1913. Штаты и табели. № 33714. С. 342.

[866] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4192 – Об учреждении новых полицейских должностей в Закаспийской области Л. 12.

Начальника области»[867]. Он отмечал, что начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант Л.В. Леш отказался направить на Челекен для полицейской службы чиновника своей канцелярии, но согласился выделить средства из своего кредита на наем двух полицейских служителей для работы на острове. Флуг просил военного министра «разрешить временно, до реорганизации краевой полиции, учредить на острове Челекене две добавочные полицейские должности»[868].

Азиатская часть составила 25 июля 1913 г. докладную записку по Главному штабу: «О разрешении учредить на острове Челекен, Закаспийской области две должности полицейских с отнесением расхода на имеющийся в распоряжении Начальника области 25-тысячного кредита на непредвиденные надобности»[869]. Рекомендовала военному министру разрешить, что тот и сделал.

В 1914 г. в Мервском уезде планировалось учредить новое приставство – Эрсаринское и еще одну должность пристава для упорядочения положения на российско-афганской границе. Было направлено соответствующее ходатайство начальника Закаспийской области Л.В. Леша на имя туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова, который переправил его в Главный штаб. Было даже подготовлено представление в Государственную Думу, однако его рассмотрению в парламенте вначале помешала начавшаяся мировая война, а потом восстание коренного населения края в 1916 г.

Туркменский исследователь О. Кулиев сообщает о том, что крепость Кушка и русские поселки Алексеевское и Полтавское в Закаспийской области были выделены «из состава Пендинского приставства для удобства управления. Гражданское население района в административном отношении *управлялось полицейским приставом Кушки на основании особого*

[867] Там же. Л. 12 об.
[868] Там же.
[869] Там же. Л. 19-19 об.

положения»[870]. (Курс. – В.Л.) Такого рода роль полиция играла в других местах Туркестанского края – например, в городке Арыси, Сырдарьинской области, о чем выше упоминалось.

Таким образом, формирование сельской полиции в Закаспийском регионе началось во времена организации здесь Военного отдела. Основные ее функции исполняли приставства. Они были сохранены и после образования Закаспийской области, но были подчинены уездному полицейскому начальству. Упрочение местной административно-полицейской системы произошло в период управлению областью генерала А.Н. Куропаткина. Большое значение имело учреждение полицейских должностей на острове Челекен и в Мургабском Государевом имении. По мнению диссертанта, в целом деятельность сельской полиции в Закаспийской области по всем показателям так и не превзошла своих успехов в куропаткинский период управления ею.

б) *Городская полиция в Семиреченской области*

Семиреченская городская полиция появилась вместе с образованием области, о чем выше упоминалось. § 78 проекта «Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях» 1867 г. указывал: «В городе Верном для заведывания городом в полицейском отношении назначается городничий; класс должности, содержание ему и на канцелярские расходы определены в штате»[871]. § 79 предоставлял городничему г. Верного право приглашать в необходимых случаях для помощи полиции воинские команды. Согласно «Степному положению» 1891 г., полицейское управление в Верном составляли: полицмейстер в VII классе, Секретарь в X. Столоначальников – 2 чел. в XII. Полицейских приставов – 2 чел. в IX. Городской врач,

[870] *Кулиев О.* Административно-территориальное устройство Туркменистана. Ашхабад, 1989. С. 37.
[871] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. С. 13.

состоявший при полицейском управлении, в VII классе. Фельдшер и повивальная бабка – без «классных» чинов.[872].

Поскольку после 1882 г. законодательная инициатива относительно Семиреченской области отошла к МВД, то на исходе 1889 г. министр внутренних дел И. Н. Дурново внес в Государственный совет представление о штатном составе полицейской команды в г. Верном и о способе покрытия расходов на ее содержание, которое было одобрено ведущим законосовещательном органом и утверждено царем Александром III[873]. Закон указывал: 1) Штатный состав полицейской команды в городе Верном определить в 44 чел., в том числе 9 старших городовых и 35 – младших.

В июне 1892 г. в Российском империи было введено новое «Городовое положение» [874] . Законодатель указывал, что оно будет вводиться «постепенно» по российским городам «за исключением Царства Польского, Туркестанского края, Закаспийской области и тех городских поселений Кавказского края, к коим не было применено Городовое Положение 16 июня 1870 года»[875]. Однако к городам Семиреченской области оно имело прямое отношение, так как область тогда не относилась к Туркестанскому краю. Более того, в 1894 г. министр внутренних дел И.Н. Дурново внес в Правительствующий Сенат список городов Степного края, в которых, на основании статьи 22-й «Городового положения» 1892 г., вводилось так называемое «упрощенное городское общественное управление». Сенат одобрил его, а царь Александр III утвердил указанный документ [876] . В

---

[872] Штат управления Семиреченской области. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. Штаты и табели. № 7574. С. 44.

[873] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О штатном составе полицейской команды в городе Верном и о способе покрытия расходов на ее содержание. 14 декабря 1889 года. // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6439. С. 655.

[874] Именной, Высочайший указ, данный Сенату - О введении в действие нового Городового Положения. 11 июня 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8707. С.430; Высочайше утвержденное Городовое Положение. 11 июня 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8708. С.430-456.

[875] Именной, Высочайший указ, данный Сенату - О введении в действие нового Городового Положения. 11 июня 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8707. С. 430.

[876] Высочайшее Повеление, объявленное Министром Внутренних Дел – Об утверждении списка городских поселений Степного Генерал-Губернаторства и Гродненской губернии,

Семиреченской области «упрощенное общественное управление» получили города: Пишпек, Джаркент, Пржевальск, Копал и Лепсинск. В Верном, как областном центре, «Городовое положение» 1892 г. действовало в полном объеме. Может показаться, что указанные обстоятельства не имели отношения к полиции в Семиреченской области, однако это не так. Решения о составе городских полиций в ней, расходах на их содержание и проч. принимались теперь именно органами общественного самоуправления. Поскольку «Городовое положение» 1892 г. не распространялось на области Туркестанского края и Закаспийскую область, то после 1898 г. - объединения всех российских областей Средней Азии в одно генерал-губернаторство на его территории оно действовало только в городах Семиреченской области.

Поскольку г. Верный являлся областным центром, то правительство уделяло серьезное внимание усилению полиции в городе. В апреле 1895 г. был издан закон об учреждении должности письменного переводчика при Верненском городском полицейском управлении в XIV классе по чинопроизводству[877]. В конце 1897 г. верненская полиция была усилена: «а) учреждением должностей двух помощников (приставов – В.Л.) … и четырех околоточных надзирателей … б) назначением двум полицейским приставам по 200 рублей каждому на канцелярские расходы»[878].

После царского указа от 26 декабря 1897 г., объявившего о передаче Семиреченской области в состав Туркестанского края[879], законодательная

в коих вводится предусмотренное статьею 22 Высочайше утвержденного 11 июня 1892 года Городового Положения, упрощенное городское общественное управление. 6 мая 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10584. С. 359; Список городов см.: ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10584. Дополнения к тому. С. 207.

[877] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об учреждении письменного переводчика при Верненском городском полицейском управлении. 17 апреля 1895 года. // ПСЗРИ-3. Т.15. СПб., 1899. № 11545. С. 192-193.

[878] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об усилении Омской, Семипалатинской и Верненской городской полиции. 1 декабря 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14727. С. 665.

[879] Именной, Высочайший указ, данный Сенату - О разделении Сибири и Среднеазиатских областей на военные округа с соответствующими изменениями в устройстве их высшего гражданского управления. 26 декабря 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14818. С. 711.

инициатива по отношению к ней вновь перешла к военному министерству. Поэтому 12 августа 1900 года военный губернатор Семиреченской области, генерал-майор М.Е. Ионов писал в рапорте туркестанскому генерал-губернатору, генерал-лейтенанту С.М. Духовскому о том, что «Степным Положением» от 25 марта 1891 г. не установлено для г. Пишпека должности городского полицейского пристава, «существующей во всех других четырех уездных городах области»[880]. Он отмечал, что такая должность для Пишпека очень нужна, поскольку город является уездным центром, развивается экономически, а население его численно растет. Семиреченский губернатор указывал, что еще 17 августа 1891 г. он обратил внимание на этот пробел в «Степном положении» от 25 марта того же года и просил Степного генерал-губернатора, генерал-лейтенанта М.А. Таубе ходатайствовать об исправлении ситуации, учредив в Пишпеке должность городского полицейского пристава. Но Таубе отказал, сославшись на то, что «Степное положение» только что принято и неудобно сразу же просить МВД о внесении изменений в него. Потом это несколько забылось, однако в 1895 года Общее Присутствие Семиреченского областного правления решило ходатайствовать об учреждении должности городского пристава в Пишпеке, с отношением расходов на земские средства, так как это было везде, кроме Джаркента, где приставу платили из городских средств. Были собраны необходимые документы и отправлены в Канцелярию Степного генерал-губернатора. Таубе вошел с соответствующим ходатайством в МВД, но оно отказало не в учреждении должности, а в том, чтобы приставу в Пишпеке платили из земских средств. 14 ноября 1897 года министр внутренних дел И.Л. Горемыкин писал Степному генерал-губернатору о том, что полицейского пристава в Пишпеке должен содержать город и пусть этот вопрос решает Пишпекское городское общественное правление. Однако 12 января 1898 года на заседании Пишпекского местного общественного

[880] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2666 – Об учреждении должности городского пристава в городе Пишпеке, Семиреченской области. (18 сентября 1900 - 30 апреля 1901 года). Л. 2.

управления присутствовавшие выборные от населения отказались принять расходы по содержанию полицейского пристава на городские средства, хотя оно и имело остаток от городских сумм в 36.626 руб., который они решили пустить на устройство городских торговых лавок и дома для общественного управления городом. Ионов отмечал, что его предшественник, генерал Иванов еще раз предлагал Пишпекому общественному управлению принять расходы на пристава на городских средства, но оно отказалось.

Было указано, что 19 июня 1899 года заседание Пишпекского общественного управления решило, что оно возьмет содержания пристава на городские суммы в том случае, если областные власти вернут городской сад, переданный государством местной сельскохозяйственной школе. Ионов писал о том, что городской сад областные власти отдать не могли, так как он никогда не принадлежал городу. Он сожалел о том, что и сейчас городское общественное управление Пишпека придерживается все тех же позиций по вопросу о полицейском приставе. Ионов отмечал, что за счет городских доходов в Пишпеке можно учредить должность городского пристава по VIII классу.

5 сентября 1900 г. туркестанский генерал-губернатор, генерал-лейтенант С.М. Духовской писал военному министру А.Н. Куропаткину о том, что 12 августа к нему обратился военный губернатор Семиреченской области с рапортом об учреждении должности городского полицейского пристава в Пишпеке и просил уважить его просьбу [881] . Он прилагал необходимые для продвижения дела документы. Военный министр приказал Главному штабу приступить к консультациям с министерствами по этому вопросу.

3 октября 1900 года начальник Главного штаба, генерал-лейтенант В.В. Сахаров писал министру внутренних дел Д.С. Сипягину о том, что, поскольку дело о полицейском приставе в Пишпеке началось еще во время

[881] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2666 – Об учреждении должности городского пристава в городе Пишпеке, Семиреченской области. (18 сентября 1900-30 апреля 1901 года). Л. 1.

пребывания Семиреченской области в составе Степного генерал-губернаторства, то есть в ведении МВД, то Главный штаб просит его дать необходимые по этому делу сведения и высказать соображения МВД на сей счет. 15 октября 1900 г. «товарищ» министра внутренних дел, князь П.Д. Святополк-Мирский прислал положительный отзыв на запрос Главного штаба. Одновременно Сахаров обратился к министру финансов С. Ю. Витте с запросом относительно учреждения должности городского полицейского пристава в уездном городе Пишпеке. 1 декабря 1900 г. «товарищ» министра финансов В.Н. Коковцов писал в Главный штаб о том, что его ведомство поддерживает намерение военного министерства, но считает, что содержание пристава надо отнести на городские доходы, а не на земские средства.

Поскольку МВД и «минфин» были не против предложений военного ведомства, то Главный штаб быстро составил представление: «Об учреждении должности пристава в Пишпеке и об отнесении расходов на его содержание на городские средства» в Государственный совет и уже 11 января 1901 года военный министр Куропаткин направил его Государственному секретарю В.К. Плеве со всей сопроводительной документацией. В представлении излагалась история вопроса, мнения «сторон» по этому поводу, а также указывалось, что «состояние городских сумм вполне допускает отнесение на них нового расхода, потребного для учреждения должности городского пристава»[882]. В «Заключении» представления военное министерство предлагало: 1) Учредить должность городского полицейского пристава в Пишпеке. 2) Присвоить ему права VIII класса по службе[883].

27 января 1901 г. Департамент законов Государственного совета рассмотрел представление военного министерства об учреждении должности полицейского пристава в Пишпеке. Он постановил: рекомендовать Общему собранию Государственного совета поддержать учреждение в г. Пишпеке,

---

[882] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2666 – Об учреждении должности городского пристава в городе Пишпеке, Семиреченской области. (18 сентября 1900-30 апреля 1901 года). Л. 12 об.

[883] Там же.

Семиреченской области должности городского полицейского пристава. 5 марта 1901 г. оно выразило одобрительное «мнение» по данному вопросу. 19 марта 1901 г. его утвердил царь Николай II. Закон указывал: «1. Учредить в городе Пишпеке, Семиреченской области должность Городского Пристава на общих основаниях, установленных для таких же должностей в прочих уездных городах названной области»[884].

1 февраля 1911 г. туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов писал в рапорте военному министру В.А. Сухомлинову о том, что его предшественник – П.И. Мищенко получил 16 марта 1909 г. указание из Главного штаба собрать материалы по вопросу об усилении полиции в Туркестанском крае, что краевой администрацией было исполнено. Он сообщал о том, что они были обсуждены в январе 1911 г. в Совете туркестанского генерал-губернатора, который постановил возбудить ходатайство перед военным министерством о законодательном решении ряда вопросов, из которых к Семиреченской области относились такие, как: 1. учредить в г. Верном одну добавочную должность околоточного надзирателя. 2. учредить две должности околоточных надзирателей в г. Пишпеке и одну – в г. Пржевальске. 3. учредить по одной должности околоточных надзирателей в гг. Копале, Лепсинске и Джаркенте[885]. О реализации решений, касавшихся семиреченских городов, диссертант пишет в главе о материальном обеспечении чинов туркестанской полиции, полиции, поскольку указанное ходатайство имело для них особенное значение.

б) *Городская полиция в Закаспийской области*

В Закаспийском регионе, населенном кочевниками – туркменами и казахами, в дороссийский период фактически не было городов. Старинный город Мерв лежал в развалинах. Асхабад, ставший центром Закаспийской

[884] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об учреждении должностей Городского Пристава в город Пишпек, Семиреченской области. 19 марта 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 19836. С. 151.
[885] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3680 - Об увеличении полицейских штатов в Туркестанском крае и Закаспийской области (1908-1912). Л. 35-36.

области, вначале был просто аулом. Только с утверждением русской власти в Туркмении и проведением в 1880-х гг. Закаспийской военной железной дороги стали возникать станции, вокруг которых быстро вырастали поселения со статусом городов – Бахарден, Мерв, Асхабад, Кизил-Арват и др. На строительство магистрали приехало много рабочих, в том числе подданных Персии. Многие из них оседали в городках, занимались торговлей, работали путевыми обходчиками, станционными смотрителями, сторожами и т.п.

Как и в других частях Русского Туркестана, в Закаспийской области, в уездных городах были и городские полицейские управления. Однако в первое время полицейские обязанности в городах исполняли уездные воинские команды, что им с трудом удавалось. Поэтому в 1887 г. начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант А.В. Комаров ходатайствовал перед военным министров П.С. Ванновским об учреждении в Асхабаде и Мерве городских полицейских управлений. Азиатская часть Главного штаба подготовила докладную записку, в которой рекомендовала военному министру обратиться по этому поводу с представлением в Государственный совет. Ванновский распорядился подготовить такой документ. Главный штаб исполнил поручение и направил его по указанному адресу. «Соединенные департаменты» Государственного совета одобрили его, а 10 ноября 1887 г. император Александр III утвердил их решение. Закон установил штат полиции в Асхабаде и Мерве, который состоял из полицейских приставов в IX классе. Нижние полицейские чины набирались по вольному найму[886].

В 1889 г. Комаров снова ходатайствовал перед военным министром об усилении полиции в Асхабаде. Последовала та же процедура, в результате которой 20 ноября того же года последовал закон об усилении личного

[886] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - По проекту временного штата городских полицейских управлений в Асхабаде и Мерве. 10 ноября 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4790. С. 453.

состава полицейского управления в городе Асхабаде[887]. В его штат добавили должность одного помощника полицейского пристава в чине X класса.

Как отмечалось, в Мерве функционировало городское полицейское управление. Так, например, 18 марта 1893 г. Канцелярия начальника Закаспийской области писала именно ему о том, что надо требовать от местных «европейских» евреев документы, дающие им право на законное проживание вне установленной для них «черты оседлости»[888].

Во время управления областью Куропаткиным проблем в работе городской полиции не возникало, поскольку он был жестким и требовательным руководителем, заставляя уездную полицию работать с должным усердием и ответственностью. Генерал писал об Асхабаде: «Назначенный полицмейстером энергичный офицер Андрейченко вел усиленную борьбу, чтобы очистить город от скопившихся в нем нечистот»[889]. По всем другим местам Закаспийской области проводилась такая же работа. С уходом Куропаткина отлаженная система стала давать сбои. Ревизор Туркестанского края К.К. Пален считал его преемников слабыми гражданскими администраторами[890]. Отчасти это было верно, тем более что они часто стали меняться.

В августе 1902 г. начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант Д.И. Суботич направил рапорт туркестанскому генерал-губернатору Н.А. Иванову, в котором предлагал меры по усилению полиции во вверенных ему пределах. Он указывал, что надо учредить полицейское управление в г. Кизил-Арвате, так как там заведует полицейской частью «один из офицеров 1-го Закаспийского железнодорожного батальона (он же

---

[887] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об усилении личного состава Полицейского управления в городе Асхабаде. 20 ноября 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6374. С. 615-616.

[888] ЦГА Тур. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2859 - О выселении евреев из Закаспийской области. Л. 2.

[889] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1766 – Воспоминания Куропаткина Алексея Николаевича – «Семьдесят лет моей жизни». Глава 49-50. Глава 49. Служба в Закаспийской области. Глава 50. Съезд уездных начальников Закаспийской области. Л. 58.

[890] Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Областное управление. СПб., 1910. С. 182.

заведующий комендантской частью)»[891]. Суботич отмечал, что в городе «до 4.000 душ, преимущественно мастеровых», представляющих собой политически неблагонадежный элемент, наблюдать за которым должна «штатная» городская полиция, а не случайные люди.

4 сентября 1902 года туркестанский генерал-губернатор Н.А. Иванов писал военному министру А.Н. Куропаткину о том, что начальник Закаспийской области Суботич подал ему рапорт, в котором просил увеличить штаты «военно-народного управления» в Закаспийской области. Он отмечал, что тот предлагает: 1. учредить постоянную должность второго помощника начальника Асхабадского уезда, вместо нынешней временной такой должности. 2. «Учреждение двух должностей приставов: Тохтамышского и Отамышского, взамен командированных офицеров для заведования населением Отамыш и Тохтамыш». 3. Реорганизовать штаты Асхабадской городской полиции. 4. Учредить полицейское управление в Кизил-Арвате. 5. Учредить должности помощников делопроизводителей в уездных полицейских управлениях. 6. Учредить должности письмоводителей при участковых полицейских приставах. Генерал-губернатор указывал, что он не согласен с таким мнением начальника Закаспийской области об увеличении штатов, «за исключением лишь учреждения должностей письмоводителей при участковых приставах»[892].

Иванов отдал распоряжение своей канцелярии затребовать у начальника Закаспийской области соответствующие документы по возбужденному им вопросу. Суботич отправил в Ташкент проект: «Дополнительный штат военно-народного управления Закаспийской области» [893]. В нем затрагивались проблемы полиции не только Кизил-Арвата, но и областного центра – Асхабада. По Кизил-Арвату начальник Закаспийской области предлагал следующий штат: полицейский пристав,

[891] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3014 – Дело об увеличении штата военно-народного управления в Закаспийской области. (23 сентября 1908 - 3 апреля 1909 г.). Л. 7 об.
[892] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3014 – Дело об увеличении штата военно-народного управления в Закаспийской области. (23 сентября 1908 - 3 апреля 1909 г.). Л. 1-2
[893] Там же. Л. 8-8 о

письмоводитель полицейского управления, медицинский фельдшер, околоточный надзиратель и 5 городовых. Для полицейского управления Асхабада: полицмейстер, секретарь, помощник секретаря, письменный переводчик, полицейских приставов - 2, городской врач, переводчик при городском враче, медицинских фельдшеров - 2, ветеринарный фельдшер, околоточных надзирателей - 4, конных городовых - 2, пеших городовых – 5.

6 сентября 1903 г. новый министр финансов Э.Д. Плеске сообщал военному министру А.Н. Куропаткину свое мнение по планируемому увеличению штатов «военно-народного управления» в Закаспийской области. В целом он соглашался с тем, что этот штат надо увеличить, но указывал на перерасход средств в требованиях закаспийского начальства. 5 декабря 1903 г. Департамент военной и морской отчетности Государственного контроля писал военному министру о том, что он не против увеличения штатов «военно-народного управления» в Закаспийской области, «за исключением лишь должностей: 2-го помощника Асхабадского уездного начальника, помощника секретаря в Асхабадском городском полицейском управлении и письмоводителей при участковых приставах»[894].

16 февраля 1904 г. новый начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант Е.Е. Уссаковский писал в Главный штаб о том, что он считает усилении полиции в городах Асхабаде и Кизил-Арвате «крайне необходимым и неотложным» и просил Главный штаб ускорить решение вопроса об увеличении штатов «военно-народного управления» в Закаспийской области. 1 марта 1904 года Азиатская часть Главного штаба составила докладную записку: «По вопросу об усилении штатов военно-народного управления в Закаспийской области»[895]. В ней излагалась суть вопроса и мнения правительственных ведомств по этому поводу. В заключение отмечалось, что в связи с войной на Дальнем Востоке и прочими трудностями: «Главный штаб признавал бы соответственным осуществление

[894] Там же. Л. 122-122 о

[895] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3014 – Дело об увеличении штата военно-народного управления в Закаспийской области. (23 сентября 1908 - 3 апреля 1909 г.). Л. 126-126 об.

приведенных выше предложений закаспийского начальства отложить до более благоприятного времени». Таким образом, вопрос об усилении полиции в городах Закаспийской области был отодвинут на второй план.

В 1905 г. началась первая русская революция, и вопрос вообще заглох. Только на ее исходе, 29 мая 1907 г. туркестанский генерал-губернатор, генерал от инфантерии Н.И. Гродеков писал начальнику Главного штаба о том, что несколько лет назад начальством Закаспийской области возбуждалось ходатайство об увеличении штатов «военно-народного управления» в Закаспийской области, но оно было отложено из-за трудностей войны с Японией, революционных событий в стране и т.п. Он отмечал, что теперь можно вернуться к ранее отклоненному вопросу, так как время показало, что увеличение штата полиции в Закаспийской области стало еще более необходимым из-за роста правонарушений и антиправительственных настроений. Гродеков указывал, что вопрос об усилении полиции в Закаспийской области долго не решается в виду отсутствия средств в казне. Он писал о том, что понимает это, но просит усилить полицию хотя бы в Асхабаде и Кизил-Арвате, где проживало много армян и активно действовали подпольные агенты армянской националистической партии «Дашнак-цутюн». Города численно выросли, напряженность в них не уменьшилась, революционные выступления усилились, а преступность возросла, в связи с чем в таком положении надо обязательно усилить полицию. К рапорту туркестанского генерал-губернатора прилагался проект: «Дополнительные штаты военно-народного управления Закаспийской области» [896] и «Объяснительная записка к дополнительному штату военно-народного управления Закаспийской области»[897]. В документах фигурировали не только полиции в Асхабаде и Кизил-Арвате, но также в Красноводске, Мерве и крепости Кушка. Однако эти предложения не были реализованы, что ухудшило положение полиции в

[896] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3014 – Дело об увеличении штата военно-народного управления в Закаспийской области. (23 сентября 1908 - 3 апреля 1909 г.). Л. 133-134.
[897] Там же. Л. 153-158.

Закаспийской области. Во «всеподданнейшем» отчете за 1908 г. начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант М.Д. Евреинов отмечал, что «думать об увеличении штата полиции не приходилось, ибо хозяйство во многих городах области, особенно в Асхабаде, не вполне удовлетворительно, почему приходилось даже иногда отыскивать средства на покрытие расходов уже существующего штата полиции»[898].

В рапорте в Главный штаб от 10 февраля 1909 г. туркестанский генерал-губернатор П.И. Мищенко отмечал, что полиция в Закаспийской области находится в плачевном положении, особенно городская. Он указывал, что «исключая Асхабад и Мерв, до сего времени штатов полиции не имеется, да и в названных городах штаты эти состоят: в Асхабаде из полицейского пристава с помощником и в Мерве – из полицейского пристава»[899]. Мищенко писал о том, что в Асхабаде живет 42 тыс. чел., а в Мерве – 8 тыс., но население в нем многонациональное и поликонфессиональное. По его мнению, при таком положении в области «полная недостаточность таких штатов станет совершенно очевидной. Состав низших полицейских служителей, содержимых на средства городов, стесненных в средствах, также крайне незначителен»[900]. Мищенко отмечал, что в 1902 г. был возбужден вопрос об увеличении штатов «военно-народного управления» в Закаспийской области, однако в связи с войной России с Японией он был отложен. И до сих пор этот вопрос так и не решен. Туркестанский генерал-губернатор также указывал, что в начале 1908 г. о недостаточном числе полиции в Асхабаде писал в краевую канцелярию начальник Жандармско-полицейского управления Среднеазиатской железной дороги. Однако в Закаспийской области до сих пор мало полиции, особенно в городах.

---

[898] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3799 - Всеподданнейший отчет Начальника Закаспийской области за 1908 год. Л. 37.
[899] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3680 - Об увеличении полицейских штатов в Туркестанском крае и Закаспийской области (1908-1912). Л. 24.
[900] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3680 - Об увеличении полицейских штатов в Туркестанском крае и Закаспийской области (1908-1912). Л. 24.

Городская полиция в Закаспийской области строго соблюдала закон 1882 г. о полицейском надзоре[901]. Однако поднадзорные могли свободно проживать на территории области. Вместе с тем, весной 1913 г. правительство запретило лицам, находящимся под надзором полиции, проживать в г. Красноводске, Закаспийской области[902].

В начале 1914 г. начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант Л.В. Леш направил в Главный штаб ходатайство об учреждении новой должности полицейского пристава в г. Мерве. Последовала привычная процедура согласования с «заинтересованными» ведомствами, на материалах которого 22 апреля 1914 г. было составлено представление в Государственную думу: «Об учреждении в Мервском уезде, Закаспийской области новой должности пристава». Однако оно не было результативно рассмотрено из-за начавшейся вскоре первой мировой войны.

Вышеприведенное позволяет утверждать, что состояние сельской и городской полиции в Семиреченской и Закаспийской областях дореволюционной Средней Азии немногим отличалось от ее положения в других субъектах Туркестанского генерал-губернаторства (края). Наиболее сходным оно было в Семиреченской области, которая в 1067-1882 гг. входила в его состав. Несмотря на передачу ее в ведение МВД в 1882 г., в области продолжало действовать «Туркестанское положение» 1867 г. и, соответственно, его нормативы по организации и деятельности полиции. Лишь с принятием «Степного положения» от 25 марта 1891 г. они претерпели некоторые изменения, однако в целом мало отличались от

---

[901] Высочайше утвержденное Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей. 12 марта 1882 года // ПСЗРИ-3. Т. 2. СПб.,1886. № 730. С. 84-87.

[902] Высочайше утвержденное Положение Совета министров - О включении города Красноводска, Закаспийской области в число местностей, в коих воспрещено жительство и пребывание лицам, подвергаемым по судебным приговорам надзору полиции. 24 мая 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 39412. С. 524.

туркестанских, введенных «Положением» 1886. Впрочем, само название акта от 25 марта 1891 г. указывало на его связь с Туркестанским краем[903].

Естественно, что возвращение Семиреченской области в его состав по закону от 26 декабря 1897 г. не вызвало серьезных проблем в административном и полицейском отношении. Иная ситуация сложилась в связи с включением в пределы Туркестанского генерал-губернаторства (края) Закаспийской области. Здесь сельской полицией командовали не только уездные начальники и участковые приставы, но и руководители, так называемых «приставств» - административно-полицейских частей закаспийских уездов. Что касается городской полиции, то она учреждалась на основании общероссийских и региональных установлений «Закаспийских положений» 1882, 1884 и 1890 гг.

Штаты городских полицейских команд в рассматриваемых областях Русского Туркестана утверждались непосредственно самим военным министром. В их формировании принимали участие представители органов общественного самоуправления в городах. Только в некоторых случаях утверждение полицейских должностей и команд происходило на законодательном уровне.

***

Исходя из вышеизложенного в данной главе, можно заключить, что формирование полицейских кадров в рассматриваемом регионе происходило на законодательной основе - правительственных «положений» об управлении Туркестанским краем, Семиреченской и Закаспийской областями, а также - специальных единичных правовых актов. Повсеместно в Русском Туркестане полиция делилась на сельскую и городскую. Сельскую полицию в Туркестанском крае представляли уездные управления и участковые

---

[903] Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской *и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края*. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7574. С. 133-147; курс. – В.Л.

приставы. Уездное полицейское управление составляли: уездные начальники (из военных штаб-офицеров), их старшие помощники (из штаб-офицеров), младшие помощники (из «туземцев»). Заведовали канцелярией полицейского управления старшие помощники уездного начальника (без особой доплаты). В канцеляриях работали по 2 письмоводителя и 2 переводчика (без «классного» чина, вольнонаемных). При уездных полицейских управлениях также состояли писари, рассыльные, сторожа и др. К ним были приписаны уездные врачи в VIII классе и повивальные бабки без «классного» чина.

Сельская полиция была малочисленной и не могла всецело удовлетворять потребностям региона в охране общественного порядка и пресечения противоправных действий. В сельских поселениях традиционная мусульманская полиция отсутствовала, и местные жители были обязаны сами поддерживать требуемый царскими властями порядок. Правительство полагало, что представители органов местного самоуправления, так называемой «туземной администрации» - волостные правители и сельские (аульные и кишлачные) старшины станут активно исполнять полицейские функции по отношению к подведомственному населению, помогая тем самым участковым полицейским приставам. Однако такие надежды не оправдались, поскольку «туземная» элита не только пренебрегала ими, но и нередко покрывала проступки своих сородичей. Поэтому после кровопролитного Андижанского бунта мусульманских фанатиков в 1898 г. правительство было вынуждено втрое увеличить число участковых полицейских приставов в Туркестанском крае, но это лишь отчасти помогло решить проблему поддержания правопорядка в сельской местности.

В начале XX в. туркестанская администрация неоднократно предлагала царскому правительству увеличить состав сельской краевой полиции в количественном и качественном отношении, однако не имела существенного успеха. Лишь в некоторых местах Туркестанского края правительство учредило полицейские должности для охраны некоторых объектов, что

фактически мало повлияло на общее положение сельской полиции на его территории.

Штаты городской полиции в Туркестанском крае устанавливались правительственными «положениями» об управлении (1865, 1867, 1886 гг.) и иными законодательными актами. Наибольшее внимание уделялось полицейским проблемам краевого центра – Ташкента. Руководил его полицией начальник города, наделенный правами уездного начальника. Кроме него, в краевом центре было два полицмейстера – для «Русской» и «Азиатской» частей. Здесь работало больше всего полицейских приставов, надзирателей, старших и младших городовых. В городах края разрешалось функционирование традиционной мусульманской полиции, которой командовали выборные местные аксакалы, но утвержденные в должности царской властью. Численность членов ее команд была большей, чем официальной государственной городской полиции.

Права руководителей «туземной» полиции были ограниченными, однако в 1899 г. аксакалы получили право наказания «туземцев» арестом и денежными штрафами в установленном размере. Городские полицейские команды в Туркестанском крае формировались с участием членов органов местного самоуправления, но под контролем царской администрации. Численность полицейских в них вначале была разной, однако позже законодатель ограничил их состав 5 чел., из которых один был старшим. Руководили городской полицией соответствующие уездные начальники, а в неуездных городках – приставы.

В областных центрах ею командовали полицмейстеры, приставы и квартальные надзиратели. В связи с ростом численности туркестанских городов, вызванным врастанием края в общероссийский рынок, правительство увеличивало количество полицейских в них, однако в меньшей мере, чем требовалось. Сказывалась скупость государственного финансирования полиции в городах, чьи бюджеты не позволяли ее содержать в полной мере. А это было чревато пагубными последствиями, поскольку

ситуация в областях Туркестанского края, особенно с началом XX в. становилась все более напряженной – влиял рост панисламистских настроений и революционного движения в самой России.

Состояние полиции в Семиреченском и Закаспийском регионах отличалось от «коренных» областей Туркестанского края тем, что в них действовали собственные правительственные «положения» об управлении. Сельская полиция в Семиреченской области в штатном составе была схожа со своим аналогом в Туркестанском крае, поскольку, во-первых, даже после вывода из его состава в 1882 г. область продолжала управляться на основании Проекта 1867 г. до издания «Степного положения» 1891 г., а, во-вторых, после этого полицейские права уездных начальников в Семиречье были идентичны с краевыми туркестанскими. После возвращения в состав Туркестанского генерал-губернаторства, в Семиреченской области было только увеличено число сельских участковых полицейских приставов.

В Закаспийской области положение сельской полиции было таким же, как в прочих областях Русского Туркестана – она возглавлялась уездными начальниками в чине штаб-офицеров. Особенностью было существование в некоторых уездах приставств, руководители которых тоже сочетали административные и полицейские функции и были военными офицерами. Были учреждены полицейские должности на острове Челекене и в Мургабском Государевом имении. Что касается городской полиции, то она формировалась на основании общетуркестанского сотрудничества властей с органами местного самоуправления. Состав полицейских команд, как правило, утверждался военным министром. Особое внимание уделялось полиции в областных центрах. Лишь иногда вопрос о городской полиции в указанных областях решался в Государственном совете с последующим утверждением его «мнения» царем (Асхабад, Пишпек).

Таким образом, формирование сельской и городской полиции в Русском Туркестане не было единообразным по существу, однако всех их

объединяло то, что оно проходило на основании процедур, установленных общегосударственным и региональным законодательством.

ГЛАВА 5. МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЧИНОВ ПОЛИЦИИ В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ

В отечественной историографии существует обширная литература об организации и деятельности различных институтов царской власти в Российской империи. Есть она в немалом числе и среди зарубежных изданий о ее прошлом. Можно констатировать, что преимущественно труды такого рода посвящены работе ведомственных учреждений в центральных регионах страны, тогда как о национальных окраинах царистской империи изданий значительно меньше. Безусловно, внимание многих исследователей было посвящено МВД – самому могущественному министерству в государстве, ведавшему многими делами, в том числе и полицейскими. Однако во всех трудах о властных институтах в царской России как отечественных, так и зарубежных есть общий недостаток – они либо очень мало пишут о материальном обеспечении чиновников, либо вообще игнорируют эту проблему. Все это вполне присуще исследованиям по истории дореволюционной полиции.

В царские времена об этом писали немного, в советский период создавались мифы о том, что чины дореволюционной полиции, как «цепные псы самодержавия» были материально обеспечены всем сверх меры, а потому преданно служили царю и угнетателям. В постсоветский период с этой проблемы были сброшены идеологические покрова, однако, работ о действительном благосостоянии полицейских в царской России весьма немного. Думается, что современная отечественная полицеистика в будущем достойно восполнит этот пробел.

Диссертант изначально полагал, что предпринятое им исследование не будет в полной мере целостным, если он проигнорирует вопрос о материальном положении полицейских Русского Туркестана, подчиненных военному министерству. Поэтому он собирал необходимые материалы об их заработной плате с тем, чтобы представить действительно объективную

картину их жизненного положения в непростом регионе страны. Естественно, что при этом автор не мог пройти мимо изучения проблемы пенсионного обеспечения туркестанских полицейских, их служебных льгот и преимуществ. И, конечно, полной целостности исследования нельзя достигнуть без изучения вопроса об обеспечении чинов полиции жильем, а также служебным обмундированием. Диссертант надеется, что все изложенное в параграфах данной главы создаст то представление об ее теме, которое он изначально запланировал и добивался его.

5.1. Заработная плата полицейских служащих в регионе

Истоки проблемы оплаты работы чинов царской полиции в Средней Азии восходят к изданию «Временного Положения об управлении Туркестанской области» от 6 августа 1865 г.[904]. Документ указывал, что полицейская власть в ней сосредоточивалась в руках военного губернатора и управляющих «туземным» населением. Военный губернатор получал за гражданское управление областью 2.000 руб. в год. Кроме того, ему причитался за командование войсками оклад содержания по чину генерал-майора и «столовых» денег - 1961 руб. 40 коп. в год. Заведующие населением были из штаб-офицеров, но в штатном расписании выступали, как чины VI класса (коллежские советники) с окладом в 2.400 руб. в год. Их помощники – обер-офицеры в IX классе (титулярных советников) получали 1200 руб. Кроме них, денежное содержание полагалось писарям, письменным и словесным переводчикам, а также рассыльным. Документ отмечал: «Рассыльным из киргиз сверх жалованья отпускается муки по 3 четверти в год»[905]. В Чимкенте, Туркестане и Аулие-Ате полицейские

[904] Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПБ., 1867. № 42372. С. 876-881.
[905] Высочайше утвержденный 6 августа 1865 года Временный штат Военно-Народного Управления в Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 2. СПб., 1867. № 42372. С. 298; 1 четверть пшеницы составляла 9,5 пудов или 6,5 пудов ржи – В.Л.

функции исполняли городничие из обер-офицеров с окладом в 900 руб. в год каждому.

«Временное положение» 1865 г. быстро обнаружило свои недостатки и в 1866 г., как отмечалось, была образована комиссия Холодковского для выработки нового документа об управлении областью. Выше упоминалось об ее работе, не касаясь однако проблем материального обеспечения чинов администрации и полиции. Поэтому нужно отметить, что проект комиссии устанавливал главой военно-полицейской власти военного губернатора области с окладом в 3.000 руб. Кроме этого, он получал отдельное содержание, как командующий войсками в области [906] . Документ предусматривал учреждение уездных полицейских управлений, которыми руководили заведующие «туземным» населением. Они подразделялись на районы с оседлым и кочевым населением. Начальники полиции в «оседлых» уездах получали по-разному.

Самый большой оклад содержания полагался начальнику Ташкентского уездного полицейского управления – 3000 руб. (1800 – жалованья и 1200 – столовых)[907]. Кроме него, в нем состояли: старший помощник и 3 младших, делопроизводитель, его помощники, письменные и словесные переводчики, писари. Предполагалось, что старший помощник будет получать 2.400 руб. в год., младшие - вдвое меньше, делопроизводитель – 1400 руб., его помощники – по 1000 руб., письменные переводчики – по 500 руб., словесные – по 150 руб., на «экстраординарные» расходы, угощения, прием туземцев - 1000 руб. в год. Начальники полиции в других «оседлых» уездах получали 2400 руб. в год. Их старшие помощники – по 1400 руб., а младшие – по 1000 руб. В «кочевых» уездах оклады были

[906] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4768 - Проект Положения о Туркестанской области по военно-народному управлению. Л. 18.
[907] РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 680 - Журнал Комиссии, учрежденной в Ташкенте, Главным начальником Оренбургского края для составления Положения об устройстве Туркестанской области в гражданском отношении. (12 сентября - 3 октября 1866 г.). Л. 124-131.

меньше: соответственно – 2000, 1200 и 800 руб. Вспомогательный состав во всех уездных полицейских управлениях получал значительно меньше.

Проект «Туркестанского положения» 1867 г. отмечал, что военные губернаторы Семиреченской и Сырдарьинской области как главы администрации и полиции в них получали 7.000 руб. в год. Однако на экстраординарные расходы Семиреченскому губернатору выделялось 5.000 руб., тогда как Сырдарьинскому вдвое больше – 10.000 руб.[908]. Планировалось, что уездную полицию в областях будут возглавлять начальники уездов из штаб-офицеров с окладом в 2.000 руб. Им также выделялось по 500 руб. на разъезды и столько же на экстраординарные расходы, включая прием и угощение «туземцев». Их старшие помощники были также из штаб-офицеров с вознаграждением в 1.500 руб. Они заведовали канцелярией, но без особой доплаты, а также младшие помощники - из «туземцев», которым предполагалось платить по 750 руб. В штат полиции входили: уездный врач в VIII классе с окладом в 1.200 руб. и 300 руб. на разъезды, а также повивальная бабка с жалованьем в 500 руб. Вспомогательный персонал составляли письмоводители, переводчики, писари и др. Из них «классные» чины имели только письмоводители – IX (титулярных советников) с окладом содержания в 800 руб.

Выше отмечалось, что уездную полицию в Туркестанском генерал-губернаторстве (крае) возглавляли не исправники, как это было в самой России, а непосредственно сами начальники уездов, то есть они тоже обладали «нераздельной» властью, присущей генерал-губернатору и военным губернаторам областей края. Таким образом, уездные начальники были обязаны поддерживать правопорядок как в сельской местности, так и в городах. Вместе с тем, исключение составляли областные центры – Ташкент и Верный. Руководителем ташкентской полиции являлся начальник города. Он был военным в чине полковника, но в штатных расписаниях числился в

[908] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб. типография военного министерства, 1867. С. 66, 69.

VI классе по гражданскому чинопроизводству. Ему планировался оклад содержания в 2.500 руб. Также полагалось 1.500 руб. на экстраординарные расходы и угощение «туземцев» Его помощник должен был состоять в VII классе и получать 1.500 руб. в год. В состав полиции также входили: врач в VIII классе, с жалованьем в 1.500 руб. и городская повивальная бабка – 500 руб. Им планировалось выдавать 200 руб. на медикаменты для их бесплатной раздачи больным «туземцам». В Верном полицией заведовал городничий в VII классе, с окладом в 2.000 руб. Численность населения в этом городе была кратно меньше ташкентской, однако штат верненской полиции был почти таким же, как в Ташкенте, включая и вспомогательный персонал. В примечаниях к штатам отмечалось: «Из определенного по классам должностей содержания половина производится в виде жалованья, а другая половина в виде столовых»[909].

Выше также отмечались проекты Кауфмана 1871 и 1873 гг., но без указания финансирования чинов туркестанской полиции. Между тем, проект 1871 г. указывал, что главный полицейский в крае - генерал-губернатор «содержание получает по особому Высочайшему Повелению» [910] . Начальникам областных полиций – военным губернаторам полагался оклад в 6.000 руб. в год. Однако на «экстраординарные» расходы военному губернатору Семиреченской области теперь уже полагалось 8.000 руб., а Сырдарьинскому – 5.000 руб. в год.

Согласно Проекту 1871 г., Уездные полицейские управления в обеих областях возглавляли военные – полковники, числившиеся в VI классе по гражданскому чинопроизводству. Они должны были получать оклад в 2.000 руб., на разъезды – 600 руб. и на «экстраординарные» расходы – 800 руб. в год. Им полагалось по одному помощнику в VII классе с жалованьем в 1.500 руб. и 300 руб. на разъезды. При нем состояли

---

[909] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб. типография военного министерства, 1867. С. 73

[910] РГИА. Ф. 37. Оп. 53. Д. 815 – С Проектом Положения об управлении Туркестанского края. (3 ноября 1871 – 17 марта 1872 года). Л. 13 об. – 14.

«словесный» переводчик и курьеры (рассыльные). Уезды должны были делиться на 4 полицейских участка, которыми руководили чиновники VIII класса с окладом в 1.400 руб. каждому, разъездными – 500 руб. Им выделялось по 600 руб. на наем переводчиков и канцелярские расходы. Проект 1871 г. предлагал учредить при уездных полицейских управлениях должность судебного следователя в VIII классе с жалованьем в 1.500 руб. и разъездными в 500 руб. Кроме того, в их состав входили: уездный врач в том же классе, с таким же окладом и разъездными, а также повивальная бабка с вознаграждением в 600 руб., 2 медицинских фельдшера (старший и младший) – по 400 и 300 руб. и 1 ветеринарный – 400 руб. В канцелярии уездного полицейского управления должны были работать: письмоводитель по X классу (1.000 руб.), 2 его помощника в XII классе (по 600 руб.), переводчик в XII классе (900 руб.). Уездные полицейские управления должны были получать по 1.500 руб. в год на канцелярские расходы и наем писарей.

Первый проект Кауфмана предполагал учреждение полицейских управлений во всех крупных городах Туркестанского края. Самым значительным из них в численном и финансовом отношении являлось ташкентское, однако в документе древний город был переименован в Александровград. Полицию в городе должен был возглавлять Старший полицмейстер в VI классе. Ему выделялось содержание в 2.500 руб., 400 руб. на разъезды и 1.500 руб. на «экстраординарные» расходы [911] . Главе городского управления помогали 2 полицмейстера в VIII классе с окладом в 1.500 руб. каждому и на разъезды – по 300 руб. В бывшем Ташкенте предполагалось учредить 4 должности городских полицейских приставов в IX классе с жалованьем по 1.000 руб. и им давать по 150 руб. на разъезды. В полицейском управлении Александровграда планировалось учредить 2 должности городских врачей, причем, в более высоком – VII классе, с

[911] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб. типография военного министерства, 1867. Л. 17 об. -18.

окладом содержания в 1.600 руб. каждому, им по 700 руб. на разъезды и наем переводчиков. Учреждалась должность старшего фельдшера (оклад 400 руб.) и 2-х младших – по 300 руб., а также 2 должности повивальных бабок с окладами по 500 руб. В полицейской канцелярии города должны были работать: письмоводитель в IX классе (1.000 руб.), 2 его помощника в X классе (по 600 руб.), письменный переводчик в X классе (800 руб.), писари и рассыльные – пешие и конные. На наем словесных переводчиков и канцелярские расходы выделялось 4000 руб.

В г. Верном планировалось создать численно более скромное полицейское управление: полицмейстер - VII класс, 1500 руб. в год Ему на разъезды – 400 руб., городских приставов – 2 чел. в IX классе - 800 руб. каждому. Судебный следователь - в VIII классе, 1000 руб. Ему на разъезды – 500 руб. Письмоводитель (он же бухгалтер) – IX класс, 800 руб. Городской врач – VIII класс, 1600 руб., фельдшер – 400 руб., повивальная бабка – 500 руб. На канцелярские расходы Верненского городского полицейского управления, наем писарей и конных рассыльных предполагалось выделить 1500 руб.

Согласно проекта 1871 г., городские полицейские управления предполагалось открыть в крупных городах областей. Повсеместно их возглавляли приставы в IX классе. Но в «Нагорных тюменях», Зеравшанского отдела, Сырдарьинской области полицейский пристав состоял в VII классе. Оплата труда приставов была разной – в Копале (Семиреченская область) начальник городской полиции получал 800 руб. и 600 руб. на канцелярские расходы и наем рассыльных; в Казалинске и Перовске, Сырдарьинской области приставы тоже получали по 800 руб., однако на указанные выше расходы – по 700 руб. в год. В Ходженте пристав должен был иметь оклад содержания в 1.200 руб. Кроме того, планировалось придать ему 2-х помощников в X классе, с жалованьем в 800 руб., а на канцелярские расходы и наем рассыльных – 1.000 руб. Столько же предполагалось выделять на такие же расходы окружному приставу

«Нагорных тюменей», которому планировался и самый высокий оклад - в 2.000 руб. и выделение 1.000 руб. на разъезды и канцелярские расходы.

Второе детище администрации Кауфмана - Проект 1873 г. отмечал: «Для исполнения полицейских обязанностей в Русском Ташкенте признано необходимым учредить двух полицейских приставов»[912]. Им полагалось по 1000 руб. жалованья в год и по 100 руб. каждому на разъезды, переводчиков, рассыльных и канцелярские расходы. Документ указывал: «В городе Верном полицмейстеру придано в помощь два полицейских пристава, назначен штатный переводчик, секретарь с двумя помощниками и усилено личное содержание Полицмейстера (бывшего Городничего) до 2 тысяч рублей и сумму на канцелярские и наем писцов до 1000 рублей»[913]. Его авторы писали: «В городе Самарканде проектировано учредить городское полицейское управление по штату города Верного»[914].

Чины низших полицейских звеньев – волостные и сельские старшины тоже получали жалованье за службу. У оседлых «туземцев» волостные управители получали по 700 руб. в год. Кроме того, им полагалось на наем писарей и рассыльных по 500 руб. в год. Кишлачные аксакалы – по 150 руб. в год. Больше им ничего не полагалось. В кочевых сообществах волостные получали в год 500 руб. жалованья, а на иные расходы тоже 500 руб. Аульные старшины получали столько же, как и их оседлые (кишлачные) коллеги[915].

В проекте 1873 г. был разработан, так называемый «нормальный штат» уездного полицейского управления в Туркестанском крае. Он выглядел следующим образом: начальник уездной полиции – из штаб-офицеров, в VI-VII классах с окладом содержания в 2.500 руб., деньгами на разъезды и на «экстраординарные» расходы – по 750 руб. Старший помощник начальника –

---

[912] Пояснительная записка к Проекту Положения об управлении областей Туркестанского Генерал-губернаторства. СПб., 1874. С. 39.
[913] Там же.
[914] Там же.
[915] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 370 - О рассмотрении нового проекта Положения об управлении Туркестанского генерал-губернаторства (1874-75). Л. 103 об.

VII-VIII классы - 1800 руб., младший – VIII класс, 1500 руб. Уездный врач – VIII класс, 1.500 руб. Ему на разъезды – 300 руб и на наем фельдшеров – 1.000 руб., на переводчика – 400 руб. и на медикаменты – 200 руб. Повивальная бабка – 500 руб. в год. В Канцелярии уездного полицейского управления состояли: секретарь в X классе с окладом в 1.000 руб., его помощник – в XII классе – 800 руб., письменный переводчик в XII классе – 800 руб., словесный переводчик – 400 руб. На канцелярские расходы, наем писарей, на отопление, освещение и т.п. выделялось 1.200 руб.

К документу прилагался также и штат городской полиции в Туркестанском крае. Как и ранее, самым представительным он был в его «столице» - Ташкенте. Возглавлял полицию начальник города в ранге полковника (в VI классе по гражданскому чинопроизводству), с окладом в 3.000 руб., разъездными – 1.000 руб., на «экстраординарные» расходы – 1500 руб. Штат городской полиции также составляли: старший помощник начальника – в VII классе, 1800 руб., 300 руб. на разъезды, 2 младших помощника – в VIII классе, по 1.500 руб. и по 300 руб. на разъезды каждому, 2 полицейских пристава в X классе – по 1.000 руб., им на канцелярские расходы, разъезды и переводчиков - по 1000 руб. В состав ташкентской городской полиции также входили: секретарь – в X классе, 1000 руб., 3 помощника секретаря – им по 800 руб., письменный переводчик в XII классе – 800 руб., словесный переводчик – 600 руб., 2 городских врача в VIII классе – по 1.500 руб. Им на переводчиков – по 300 руб., на разъезды – по 300 руб., на медикаменты – по 200 руб. К полиции причислялись 3 повивальных бабки с окладом по 500 руб. На наем фельдшеров выделялась 1.000 руб. в год. На наем писарей, канцелярские расходы, отопление и т.п. – 1.500 руб.

Полицейское управление в Верном должны были осуществлять: полицмейстер в VII классе, с окладом в 2.000 руб., 2 полицейских пристава в X классе – по 1.000 руб. Им на переводчиков и канцелярские расходы - по 600 руб. в год. Городской врач в VIII классе с окладом в 1.500 руб., ему на

разъезды – 300 руб., на наем переводчика – 300 руб., на медикаменты – 200 руб. Кроме того, врачу предоставлялись 1.000 руб. на наем фельдшеров. Повивальная бабка, как и повсеместно, получала 500 руб. в год. В канцелярии верненской полиции служили: секретарь в X классе с жалованьем в 1.000 руб., 2 его помощника в XII классе - по 800 руб. Ей выделялось на канцелярские расходы и наем писарей 1.000 руб. в год. В проекте 1873 г. отмечалось: «По сему же штату утверждается Полицейское Управление в городе Самарканде»[916]. Из прочих городских полицейских управлений упоминался только штат г. Копала, Семиреченской области, состоявший из одного пристава в X классе, с окладом в 1.000 руб., получавшего также 600 руб. на канцелярские расходы и наем переводчика. Документ указывал: «По сему же штату утверждаются полицейские пристава в городе Лепсинске. Семиреченской области, городах Казалинске и Перовске – Сыр-дарьинской области; в городе Ходженте, Самаркандской области»[917].

Как уже отмечалось, проект Кауфмана 1873 г. тоже не нашел поддержки в правительстве и был отклонен. Поэтому продолжил свое действие проект «Туркестанского положения» 1867 года.

Выше отмечалось, что после Хивинского похода 1873 г. русских войск, на отвоеванных землях был учрежден Закаспийской военный отдел[918]. Как и в других местах Русского Туркестана, полицейская организация в отделе отличалась тесным сочетанием с административным управлением. Возглавлял ее начальник отдела в чине полковника (или генерал-майора) с окладом в 5.500 руб. в год, при казенной квартире. Ему выделялись на разъезды 1000 руб. Кроме того, он получал на экстраординарные расходы, прием и угощение туземцев, подарки и проч. – 2500 руб. в год[919]. Вместе с

---

[916] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб. типография военного министерства, 1867. Л. 102.

[917] Там же. Л. 103.

[918] Именной, объявленный в приказе по Военному ведомству – Об управлении Закаспийским краем. 9 марта 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд.1. СПб., 1876. № 53233. С. 333-338.

[919] Высочайше утвержденный 9 марта 1874 года Штат управления Закаспийского Военного отдела // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 3. СПб., 1876. № 53233. С. 36.

тем, структура отдела отличалась от общетуркестанской. Он делился не на уезды, а на приставства – Красноводское и Мангышлакское. Последнее, например, возглавлял штаб-офицер с окладом в 3000 руб. в год, при казенной квартире. Ему выделялось на разъезды – 500 руб. На экстраординарные расходы, прием и угощение «туземцев» - 500 руб. Помощник пристава, он же заведующий канцелярией в чине штаб-офицера имел оклад в 2000 руб. Письмоводитель был из военных офицеров с жалованьем в 800 руб. (IX класс). Врачом приставства состоял военный медик, получавший жалованье в своей воинской части, но за лечение гражданского населения ему доплачивали 200 руб. При приставе функционировал «туземец» для поручений с содержанием в 360 руб. в год, писари, рассыльные и проч.

Как отмечалось, в своем «всеподданнейшем» отчете о работе в крае Кауфман высказал свои соображения о совершенствовании деятельности полиции и нет необходимости повторять это. Большего внимания заслуживает в этом отношении проект «Туркестанского положения» 1881 г., составленный его соратниками. О нем тоже писалось выше, но без финансовых данных.

Его составители приводили сведения о городских полицейских управлениях. В Верном в 1881 г. такое управление состояло из полицмейстера с окладом в 2.000 руб. в год, его помощника – 1200 руб. и секретаря – 800 руб. В Ташкенте – городничего – 1.500 руб., его помощника – 1000 руб. и письмоводителя – 800 руб. Авторы проекта «Туркестанского положения» 1881 г. предлагали распространить по городам края штат Верненской городской полиции, а именно: полицмейстер – 2.000 руб., ему на разъезды, канцелярские расходы и наем переводчика – 800 руб. Секретарь – 800 руб. Полицейских приставов – 2 чел. – по 1.200 руб. каждому. Им на канцелярские расходы и проч. – по 600 руб. каждому. Согласно проекту «Туркестанского положения» 1881 г., «отнесение содержания городских полицейских управлений на средства горожан должно было принести 6500 руб. экономии». Исследователь Д.В. Васильев подтверждает указанные

штаты городских полиций в Туркестанском крае, однако не касается при этом финансового обеспечения их сотрудников[920].

Одновременно с проектом «Туркестанского положения» 1881 г. в правительстве обсуждали идентичный документ об управлении Закаспийской областью. Он устанавливал в ней принципы «военно-народного управления», то есть органического слияния административных и полицейских функций. Предполагалось, что начальник области будет иметь оклад содержания в 10.000 руб., получать 200 руб. на разъезды и 800 руб. на «экстраординарные» расходы, прием, подарки, угощение туземцев и т.п.[921]. Проект «Закаспийского положения» 1882 г. делил область на 4 округа. Начальники Красноводского, Мангышлакского и Атрекского окружных полицейских управлений должны были получать по 3.000 руб., 500 руб. на разъезды и столько же на «экстраординарные» расходы, угощение туземцев, приемы и проч.; их помощники - штаб- или обер-офицеры – 2.000 руб. жалованья и 300 руб. на разъезды; 2 делопроизводителя в IX классе, им по 1.500 руб. Окружной врач в VIII классе с окладом в 2.000 руб., 2 фельдшера – по 500 руб. Письменный переводчик в XII классе – 800 руб., словесный переводчик – 300 руб. Ахалтекинское окружное полицейское управление отличалось от других тем, что именно на его территории находился областной центр – Асхабад. Его штат был более существенным. Начальнику управления – штаб-офицеру полагался оклад в 4.000 руб., 1000 руб. на разъезды и столько же на «экстраординарные» расходы. Он имел 2-х помощников: старшего из штаб-офицеров с окладом в 3.000 руб. и младшего - из обер-офицеров с жалованьем в 2.000 руб. В окружном полицейском управлении планировались 2 делопроизводителя: по общим делам - 1.500 руб. и по судебным и следственным делам в VIII классе – 1800 руб. Врач имел VIII класс и 2.000 руб. жалованья. При нем должны были состоять 4

---

[920] *Васильев Д.В.* Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. / Д.В. Васильев. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 415-417.

[921] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 692 - Об устройстве управлений и войск Закаспийской области. (8 февраля 1881 - 31 марта 1882 г.). Л. 46 об.- 47.

фельдшера – им по 500 руб. Письменный переводчик значился в IX классе и получал 800 руб., а 3 словесных переводчика не имели классных чинов, и им полагалось по 500 руб.[922]. Проект обсуждался в правительстве и был изменен по содержанию. Округа заменили привычными для Русского Туркестана уездами. В июне 1882 г. он был «высочайше» утвержден[923].

Согласно «высочайше» утвержденному «Временному положению об управлении Закаспийской областью» 1882 г., ее начальник получил оклад содержания в 7 тыс. руб. в год. На разъезды ему не выделялось ничего, а на «экстраординарные» расходы, представительство, прием и угощение «туземцев» – 800 руб. В области образовали 3 уезда - Ахалтекинский, Красноводский и Мангышлакский. Был установлен для всех уездов фактически однообразный штат полицейских управлений: начальник – штаб-офицер с окладом в 2.500 руб. Ему на разъезды – 500 руб. На экстраординарные расходы – 1000 руб.; помощник его: штаб- или обер-офицер – 2.000 руб. Ему на разъезды – 300 руб. Делопроизводитель в IX классе – 1.200 руб. Уездный врач в VIII классе – 1.500 руб. Акушерка (повивальная бабка) – 300 руб. Письменный переводчик в IX классе – 800 руб. Словесный переводчик – 500 руб. На канцелярские расходы наем писарей, рассыльных, помещения, сторожей, отопление, освещение в год – 2500 руб.[924]. Вместе с тем, были некоторые различия в штатах уездных полицейских управлений области. Так, например, в Красноводском уезде должность врача замещал медик из воинской части, которому за лечение местного гражданского населения доплачивали 300 руб. В Мангышлакском уезде был усиленный медицинский состав: старший врач и старший фельдшер. На канцелярские и иные расходы в Мангышлакском уезде выделялось 2.200 руб., а в Красноводском меньше – 1.800 руб.

---

[922] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 692 - Об устройстве управлений и войск Закаспийской области. (8 февраля 1881 - 31 марта 1882 г.). Л. 48-49.
[923] В ПСЗРИ-3 этого документа нет. Поэтому все дается по архивным материалам – В.Л.
[924] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 760 – Об устройстве управления Закаспийской областью. (2 января 1882 - 4 августа 1884 г.). Л. 126-126 об.

Безусловно, наибольшее внимание правительства в Средней Азии занимало Туркестанское генерал-губернаторство (край), и, разумеется, материальное обеспечение штата чинов его управления. Основным, конечно, представлялся уездный уровень, на котором осуществлялись главные и повседневные контакты власти с местным населением.

Выше диссертант подробно писал о работе комиссии Н.П. Игнатьева по выработке проекта «Положения об управлении Туркестанским краем», утвержденному царем 12 июня 1886 г., но без изложения его содержания, поскольку часто ссылались на соответствующие его установления. Поэтому здесь он хотел бы сосредоточиться на тех из них, которые касались материального обеспечения чинов административного и полицейского управления регионом.

Согласно «высочайше» утвержденному 12 июня 1886 г. штату чинов Туркестанского края, генерал-губернатор, как, в частности, начальник региональной полиции, получал содержание «по особому Высочайшему повелению»[925]. Это была обычная практика царизма в установлении окладов содержания высших должностных лиц в Российской империи, размеры которых были неведомы многим, даже профессиональным историкам, в том числе туркестановедам, которые редко обращались к правовому аспекту интересующих их проблем. Между тем, закон от 24 марта 1900 г. указывал: «а) Содержание Туркестанскому Генерал-Губернатору вместе с содержанием по должности Командующего войсками в Округе должно составлять сумму в 30.000 рублей в год. Сумма эта распределяется: 1. по званию Командующего войсками: жалованье по чину из усиленного оклада – 2940 рублей и столовых 3095 рублей, а всего - 6035 рублей и 2. по званию Генерал-Губернатора- 23.965 рублей»[926]. Таким образом, за гражданское, в том числе

[925] Штат управления Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. Штаты и табели. С. 107.

[926] Высочайшее Повеление, объявленное Военным Министром - О размере содержания Командующего войсками Туркестанского Военного Округа и о кредитах, отпускаемых в его распоряжение». 24 марта 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18356. С. 281.

полицейское, управление краем, туркестанский генерал-губернатор получал около 4/5 всей своей «зарплаты». Кроме того, ему предоставлялись выплаты: на «экстраординарные» расходы – 28.000 руб.; на воспитание детей чиновников, помощь их вдовам и сиротам – 11.500; на расходы по приему и содержанию посольств – 14.500; на содержание сверхштатных чиновников в целях усиления состава управления – 10.000 руб.[927]

Военные губернаторы Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей, возглавлявшие свои местные полиции, имели оклады в 7.000 руб. в год. Им выделялось на «экстраординарные» расходы по 3000 руб. Начальник Амударьинского отдела, Сырдарьинской области (в чине полковника или генерал-майора), имевший также полномочия руководителя местной полиции, получал 4000 руб. в год. Ему на «экстраординарные» расходы выдавалось 3000 руб. в год. Его помощник в VII классе имел оклад в 1.800 руб. Управляющий делами в VII классе – 1.500 руб. 2 письмоводителя в X классе – им по 1.000 руб. Письменный переводчик в X классе – 800 руб. Словесный – 400 руб. Врач отдела из военных – оклад по чину и за лечение гражданского населения доплата в 600 руб. При нем состоял переводчик (300 руб.). При полицейском управлении была повивальная бабка с жалованьем в 500 руб.

Штат уездных полицейских управлений в Туркестанском крае тоже был фактически однообразным. Начальник такого управления в VI классе имел оклад в 2.500 руб. Он был из штаб-офицеров. Ему на разъезды выдавалось 500 руб. Его помощник в VII классе – 1800 руб., ему на разъезды – 300 руб.; Секретарь в IX классе – 1000 руб. 2 письмоводителя в X классе - по 800 руб. Письменный переводчик в XIV классе - 800 руб., переводчик (словесный) – 400 руб., уездный врач в VII классе – 1500 руб., ему на разъезды – 300 руб., на наем переводчика – 180 руб., фельдшер – 360 руб., повивальная бабка – 500 руб. в год. Как отмечалось, «Положение» 1886 г.

[927] Штат управления Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. Штаты и табели. С. 107.

устанавливало 16 полицейских участков в крае. Участковые полицейские приставы состояли в VIII классе и получали по 1.500 руб. в год. Им выдавалось также по 600 руб. на наем переводчика и разъезды[928].

Финансирование городских полицейских управлений в Туркестанском крае было разным. Полицейское управление «Русской части» г. Ташкента составляли: полицмейстер в VII классе, с окладом в 2000 руб. в год, ему на переводчика и канцелярские расходы – 1500 руб., Секретарь в X классе – 800 руб., 2 полицейских пристава – по 1200 руб., им на канцелярские расходы и переводчиков – по 600 руб., на содержание вольнонаемной стражи – 22020 руб.; городской врач в VII классе – 1500 руб., ему на переводчика – 180 руб., городской фельдшер – 360 руб., 2 повивальные бабки – по 500 руб. Полицейское управление в Новом Маргилане: Полицмейстер в VII классе – 1500 руб. Ему на разъезды – 300 руб. Секретарь в X классе – 800 руб. На канцелярские расходы и наем переводчика – 1200 руб. Полицейский пристав в X классе – 1000 руб. Ему на такие расходы и переводчика – 600 руб. На наем полицейских служителей – 5.658 руб. в год. Городской врач в VII классе – 1500 руб. Ему на переводчика – 180 руб. Фельдшер – 360 руб. Повивальная бабка – 500 руб. Такой же штат полицейского управления был в Самарканде.

Полицейские приставы полагались в гг. Казалинске и Петро-Александровске. Они имели IX класс по чинопроизводству, оклады в 1.000 руб. Им выделялось по 600 руб. на канцелярские расходы и на наем переводчиков.

Как отмечалось, Семиреченская область в 1882 г. была выведена из состава Туркестанского края и передана в ведение вновь образованного Степного генерал-губернаторства (края), которое возглавил ее многолетний военный губернатор, генерал-лейтенант Г.А. Колпаковский, управлявший областью с 1867 г. Однако было бы ошибочным полагать, что на нее стало

[928] Штат управления Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. Штаты и табели. С. 111.

распространяться «Степное положение» 1868 года[929]. Как отмечалось, в области продолжали действовать нормы «Туркестанского положения» 1867 г. Только в 1891 г. после утверждения нового «Степного положения»[930] полицейские институты в Семиреченской области стали финансироваться на другом основании. В 1897 г. был усилен штат Верненской городской полиции. Закон от 1 декабря того же года указывал: «3. Штат Полицейского управления города Верного дополнить: а) учреждением должностей двух помощников с годовым окладом содержания в 750 рублей каждому и четырех околоточных надзирателей с годовым окладом содержания в 420 рублей каждому; б) назначением двум полицейским приставам по 200 рублей каждому на канцелярские расходы»[931].

Состав уездных полицейских управлений в Семиреченской области был тоже одинаковым: уездный начальник в VI классе, с окладом в 2.200 руб.; его помощник в VII классе – 1.500 руб.; 2 письмоводителя в X классе – по 800 руб.; письменный переводчик в X классе – 800 руб. Словесный переводчик – 400 руб. Уездный врач в VII классе – 1.500 руб. Ему на разъезды и канцелярские расходы – 480 руб. Фельдшер – 360 руб., повивальная бабка – 500 руб. Ветеринарный врач в VIII классе – 800 руб., ему на разъезды – 300 руб.[932]. Из городских полиций в штатах упоминалась Верненская. Возглавлял ее полицмейстер в VII классе, с окладом в 1.000 руб. Секретарь городского полицейского управления в X классе с жалованьем в 800 руб. В управлении также работали: 2 пристава в IX классе – по 900 руб., 2 столоначальника в XII классе – по 600 руб., городской врач в VII классе –

[929] См.: Именной, данный Сенату – О преобразовании управления Киргизскими Степями Оренбургского и Сибирского ведомств и Уральскими и Сибирскими Казачьими Войсками. 21 октября 1868 года // ПСЗРИ-2. Т. 43. Отд. 2. СПб., 1873. № 46380. С.364-365

[930] Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7574. С. 133-147.

[931] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об усилении Омской, Семипалатинской и Верненской городской полиции. 1 декабря 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14727. С. 665.

[932] Штат управления Семиреченской области. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. Штаты и табели. № 7574. С. 42.

1000 руб., фельдшер – 240 руб., повивальная бабка – 360 руб. На канцелярские расходы полицейского управления в Верном выделялось 2500 руб. в год. О полиции в прочих городах Семиреченской области расписание штатов упоминало лишь о том, что в Джаркенте, Копале, Лепсинске и Пржевальске полагалось по одному приставу в VIII классе с окладом в 800 руб.[933]. Любопытно, что при этом не упоминался город Пишпек – центр одноименного уезда.

Как отмечалось выше, уровень жизни чиновников в России, в том числе полицейских, зависел не только от размера зарплаты, но и от региональных цен. В конце XIX в. в Туркестанском крае в разных местах цены были различными. Например, в Ташкенте хлеб черный за 1 фунт стоил 2,5 коп.; хлеб белый за 1 фунт – 4 коп.; мясо баранье за 1 пуд – 2 руб. 50 коп.; яйца куриные за 100 штук – 70 коп.; картофель за 1 пуд – 40 коп.; лук за 1 пуд – 80 коп.; морковь за 1 пуд – 20 копеек[934]. В других местах края они были ниже, но ненамного, особенно в областных центрах - Новом Маргилане и Самарканде, а также крупных городах – Коканде, Андижане, Оше и др. В начале XX в. цены заметно выросли, тогда как оклады содержания полицейских оставались на прежнем уровне, что особенно сказывалось на жизненном уровне низших чинов и их семей.

В 1901 г. военный министр А.Н. Куропаткин совершил служебную поездку в Туркестанский военный округ, о чем составил «всеподданнейший» отчет. Он предлагал в нем облегчить продвижение начальников уездной полиции в чине полковника к должности помощников военных губернаторов и званию генерал-майора. Но более всего министр ратовал за улучшение положения уездной полиции в Туркестанском крае. Он предлагал увеличить уездным начальникам выплаты на разъезды с 500 руб. до 750-1000 руб. в год. Куропаткин писал: «Особенно же необходимо улучшить положение участковых приставов для чего: а) дать им звание участковых начальников,

[933] Штат управления Семиреченской области. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. Штаты и табели. № 7574. С. 42, 44

[934] Туркестанская туземная газета. 1892. № 5. 8 февраля.

сделав эту должность штаб-офицерской; б) увеличить отпуск разъездных с 300 до 500 рублей, иначе нельзя держать лошадей – довольствие каждой лошади обходится в 15 рублей в месяц; другое средство – это давать чинам администрации небольшие участки, на которых они могли бы иметь клеверное поле; в) увеличить отпуск на канцелярские расходы и на содержание джигитов до 600 рублей, как это было ранее до 1887 года, когда эта сумма была уменьшена до 300 рублей; г) отпускать на содержание переводчика по 600 рублей, вместо отпускаемых ныне 300 рублей в год; д) строить казенные квартиры» [935] . В конце раздела «Нужды чинов администрации» Куропаткин писал: «Ввиду значительного вздорожания жизни в Туркестане, вызванного, главным образом, проведением Средне-Азиатской железной дороги, необходимо усилить содержание чинам администрации и по возможности обеспечить их казенными квартирами»[936].

25 апреля 1902 года управляющий Канцелярией туркестанского генерал-губернатора, генерал-майор Г.П. Федоров писал начальнику Азиатской части Главного штаба, генерал-майору Ф.Н. Васильеву о том, что 20 мая 1900 года и 12 мая 1901 года туркестанский генерал-губернатор, генерал-лейтенант Н.А. Иванов входил к начальнику Главного штаба с ходатайством об увеличении окладов чинов административно-полицейского управления Туркестанского края, так как материальное положение их ухудшилось[937]. Федоров отмечал, что военный министр А.Н. Куропаткин входил по этому поводу с «всеподданнейшим» докладом к царю, в связи с чем последовало «высочайшее соизволение» от 29 марта 1902 г., которое однако повысило оклады только чинам Главных управлений военного министерства, а вопрос об увеличении окладов содержания служащих военно-административного управления в Туркестанском крае так и остался

[935] Отчет о служебной поездке военного министра в Туркестанский военный округ в 1901 году. СПб., 1902. С. 143.
[936] Там же. С. 147.
[937] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2867 – Об увеличении содержания чинам административно-полицейского управления Туркестанского края. (1902-1903 гг.). Л. 2.

до сих пор нерешенным[938]. Он указывал, что туркестанский генерал-губернатор Н.А. Иванов просил его обратиться в Азиатскую часть с тем, чтобы узнать, в каком положении находиться сейчас вопрос о повышении окладов содержания туркестанским чиновникам.

7 июня 1902 года Азиатская часть обратилась к председателю Особой комиссии военного министерства, генералу от инфантерии Гончарову с просьбой сообщить о состоянии проекта повышения должностных окладов военным и «классным» чинам управления Туркестанским краем. Поскольку комиссия Гончарова работала при 1-м отделении Главного штаба, то 10 июня 1902 г. оно уведомило Азиатскую часть о том, что «разработка вопроса об увеличении окладов чинам административно-полицейского управления Туркестанского края еще не закончена»[939].

10 декабря 1902 года туркестанский генерал-губернатор Н.А. Иванов писал военному министру А.Н. Куропаткину о том, что надо непременно решить вопрос о повышении окладов чинам административно-полицейского управления в Туркестанском крае. Он отмечал: «Я с большой тревогой смотрю на действительно безотрадное и безвыходное положение служащих здесь лиц, необеспеченных в самых необходимых жизненных потребностях. На существующие оклады большинству служащих жить невозможно»[940]. О растущем взяточничестве чинов управления и полиции генерал-губернатор деликатно указывал, что от такой жизни некоторые чины начинают «изыскивать нелегальные средства»[941]. Иванов напоминал военному министру о том, что во время его служебной командировки в Туркестанский военный округ в 1901 г. он сам признавал очень плохое положение служащих

---

[938] Высочайшее повеление, объявленное Военным министром – О новых окладах содержания чинам Главных управлений Военного министерства. 29 марта 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21286. С. 202; № 21286 – 29 марта 1902 года – Расписание окладов содержания офицерских и классных чинов Главных управлений Военного министерства // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 2. СПб., 1904. Штаты и табели. С. 133-137.
[939] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2867 – Об увеличении содержания чинам административно-полицейского управления Туркестанского края. (1902-1903 гг.). Л. 4.
[940] Там же. Л. 6-6 об.
[941] Там же. Л. 6 об.

по административно-полицейскому управлению и даже писал в своем отчете о поездке: «Надо спешить помочь им спасти достоинство наших властей»[942]. Туркестанский генерал-губернатор указывал, что все чины административно-полицейского управления в Туркестанском крае восприняли с восторгом эти слова военного министра и просил Куропаткина повлиять на ускорение работы комиссии генерала Гончарова по повышению окладов содержания чинов административного управления и полиции Туркестанского края.

В отдельном представлении военному министру от 10 декабря 1902 г. Иванов отмечал, что последний раз оклады содержания военным и классным чинам административно-полицейского управления Туркестанского края были установлены «Положением» от 12 июня 1886 г. и оставались незыблемыми в течение долгого времени. Но на конец 1902 г. цены в Туркестанском крае возросли: на муку – на 129 %, крупу рисовую – 201%, мясо говяжье - 54%, мясо баранье - 63%, масло коровье - 64%, молоко - 52%, дрова - 63%, на лошадиный корм: клевер - 260%, ячмень – 148%. Он писал о том, что при таком росте цен чинам административно-полицейского управления в Туркестанском крае жить нельзя - особенно тяжело семейным чиновникам, в связи с чем они вынуждены подрабатывать, где можно честно, а где и нет, привлекая к этому и своих домашних. Поэтому Иванов снова просил военного министра ускорить работу комиссии генерала Гончарова.

22 февраля 1903 года делопроизводитель Генерал-квартирмейстерской части Главного штаба, полковник Микулин сообщал делопроизводителю Азиатской части, полковнику С.Д. Гаскету о том, что из-за большой занятости другими делами комиссия только недавно начала рассматривать вопрос об увеличении окладов чинам административно-полицейского управления Туркестанского края. Как только он решится, его передадут на рассмотрение и утверждение Военного Совета.

---

[942] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2867 – Об увеличении содержания чинам административно-полицейского управления Туркестанского края. (1902-1903 гг.). Л. 6 об.

Одновременно в правительстве рассматривался вопрос о формировании городских полицейских команд в Туркестанском крае, в связи с чем был издан закон от 21 апреля 1903 г.[943]. На его основании Старшим городовым повсеместно назначали оклад содержания не свыше 300 руб. в год, а младшим – от 175 руб. до 205 руб. в Сырдарьинской Ферганской и Самаркандской областях. Туркестанский генерал-губернатор получал право введения конных городовых, добавляя к их окладам по 50 руб. на корм для лошадей в Сырдарьинской области, 60 руб. – в Ферганской и 100 руб. - Самаркандской.

Однако это лишь несколько снизило озабоченность военного министерства по поводу увеличения окладов чинам административно-полицейского управления в Туркестанском крае. 15 октября 1903 г. Азиатская часть Главного штаба составила соответствующую докладную записку, в которой излагала историю вопроса, причины задержки его решения и предлагала военному министру до окончательного решения вопроса комиссией генерала Гончарова, в виду тяжелого и постоянно ухудшающегося материального положения чинов административно-полицейского управления Туркестанского края, «войти в сношения с Министерством финансов и Государственным контролем с проектом увеличения содержания и с просьбой ассигновать потребную ежегодную сумму из общих средств Государственного Казначейства сверх предельного бюджета Военного министерства»[944].

Но военный министр А.Н. Куропаткин не поддержал мнение Азиатской части и посоветовал, чтобы в Туркестанском крае подождали до утверждения нового «Положения» об управлении им и, соответственно, установления в нем новых штатов. 10 января 1904 г. начальник Главного штаба В.В. Сахаров сообщил об этом туркестанскому генерал-

[943] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об устройстве полицейских команд в городах Туркестанского края. 21 апреля 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22816. С. 402.

[944] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2867 – Об увеличении содержания чинам административно-полицейского управления Туркестанского края. (1902-1903 гг.). Л. 25.

губернатору Иванову. Но тот никак не ответил на это известие, а в мае 1904 г. скончался. Сменивший его генерал от кавалерии Н.Н. Тевяшев не успел вникнуть в суть дела и не продвигал вопрос о повышении окладов чиновникам края, так как управлял краем менее одного года. Поэтому 8 марта 1906 года Азиатская часть писала в Комиссию генерала Гончарова о том, что туркестанская администрация не ответила на письмо начальника Штаба по вопросу об увеличении окладов чинам административно-полицейского управлении Туркестанским краем, в связи с чем рассмотрение этого дела надо отложить и вернуться к нему только тогда, когда будет подготовлен «проект нового Положения об управлении Туркестанского края в новых его пределах (за исключением Закаспийской области). Выработан местным начальством и находится на рассмотрении министерств»[945].

Нельзя сказать, что туркестанская администрация ничем не помогала региональной полиции. Напротив, она всячески старалась оказывать ей поддержку. Например, на знаменитой Каркаринской ярмарке [946] была беспошлинная торговля, однако при этом взималось 0,1% от суммы проданных товаров «в пользу полицейской стражи»[947]. Но такие меры мало улучшали положение чинов полиции. Даже левая пресса Русского Туркестана признавала его удручающим. Так, газета «Самарканд», редактируемая «большевиками», писала в августе 1906 г.: «У нашей полиции вследствие нищенских окладов … наконец, вследствие их бегства со службы, начинает ощущаться недостаток этих полицейских служителей. Так, например, бывшую несколько месяцев свободной вакансию одного околоточного пришлось заместить безграмотным казанским татарином»[948].

Вместе с тем, было бы ошибочным излишне драматизировать положение туркестанской полиции. Во многих местах ее служители находили «пути» улучшения своего материального благосостояния.

---

[945] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2867 – Об увеличении содержания чинам административно-полицейского управления Туркестанского края. (1902-1903 гг.). Л. 28-29 об.
[946] Проходила в Пржевальском уезде, Семиреченской области – В.Л.
[947] Бартольд В.В. Сочинения в 9 томах. Т. 4. М., 1966. С. 77.
[948] Местная хроника // Самарканд. 1906. № 103. 8 августа, вторник.

Известная в России мусульманская газета «Терджиман» («Переводчик»), издававшаяся в Бахчисарае крымско-татарским деятелем И. Гаспринским, писала 7 июля 1901 г. (№ 25): «Местные конные полицейские города Андижана в месяц получают 20 рублей, чернорабочий зарабатывает больше 30 рублей; зарплаты полицейского еле хватает на корм лошадям, но *полицейские вместо нищенского существования с каждым днем богатеют*»[949]. (Курс. – В.Л.) Нелишне заметить, что андижанские конные городовые, в основном, были из числа «туземцев». Однако большинство полицейских Русского Туркестана действовали в рамках законности и потому влачили жалкое существование. Это подтверждал военный министр В.А. Сухомлинов, посетивший Туркестанский край и округ в 1912 г., который писал во «всеподданнейшем отчете» о том, что стоимость жизни чинов российской полиции в Туркестанском крае возросла, тогда как оклады содержания у них остаются прежними. В таких условиях лучшие работники уходят с должностей и на службе остаются только посредственные люди.

Военный министр отмечал, что министерство внутренних дел уже повысило оклады чинам полиции, а «служащие же в Туркестанском крае, находящиеся в несравненно более тяжелых условиях, остались вне нового закона только по той случайной причине, что служат по ведомству Военного министерства» [950] . Он указывал, что правительству пора осознать, что «служба на окраине требует отборных людей, ибо каждый, даже маленький деятель, там является строителем русского дела, проводником русской гражданственности и культуры»[951]. Сухомлинов отмечал, что надо повышать оклады чинов полиции, так как условия жизни в Туркестане не только не лучше, чем во «внутренней» России, но нередко намного хуже.

Нельзя также считать, что и царское правительство не предпринимало никаких мер по облегчению материального положения туркестанских

---

[949] *Абдирашидов Зайнабидин.* Аннотированная библиография туркестанских материалов в газете «Таржуман» (1883-1917). Токио, 2011. С. 126.
[950] РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 31 – Дело о выработке начал преобразования управления Туркестанским краем. Л. 30.
[951] Там же. Л. 30 об.

чиновников, в том числе полицейских. Например, в конце 1893 г. была повышена оплата их командировочных[952]. Вместе с тем, оно и отклоняло такие меры. Так, в конце 1896 г. туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский вошел с ходатайством к военному министру П.С. Ванновскому о выплате «добавочных» денег к жалованью полицейским города Нового Маргилана, прослужившим свыше 5 лет. Он указывал, что «добавочные» выплаты даются даже тюремным надзирателям за 5-10 лет службы, а нижним чинам полиции они почему-то не положены, что явно несправедливо. Он просил военного министра рассмотреть этот вопрос, поскольку содержание полицейской команды в Новом Маргилане шло за счет казны. Вревский прилагал список полицейских города, которые были достойны «добавочных» денег[953].

12 ноября 1897 года Азиатская часть Главного штаба составила докладную записку: «Об увеличении жалованья полицейским служителям в городе Новом Маргелане»[954]. Она излагала суть дела и рекомендовала военному министру одобрить и направить документ на утверждение в Военный совет, так как Главное Интендантского управление военного министерства не против этого. Ванновский последовал этому совету и поручил Главному штабу подготовить представление в Военный Совет. 14 ноября 1897 г. начальник Главного штаба, генерал-адъютант Н.Н. Обручев представил соответствующий документ, в котором предлагал «ежегодно вносить в сумму Главного Интендантского Управления, начиная с 1 января 1898 года, по 290 рублей, следуемых в добавочное жалованье нижним полицейским чинам города Нового Маргелана»[955]. 29 января 1898 года

---

[952] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О производстве отпуска поверстной платы в размере по 3 копейки на каждую лошадь, полагаемую чинам при следовании по всем безразлично вьючным путям Туркестанского округа и смежных с ним степных областей. 19 декабря 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10170 а. Дополнение к тому 13-му ПСЗРИ-3. С. 19.

[953] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1959 – О добавочном жаловании полицейским служителям в гор. Новом Маргелане. (16 декабря 1896 – 20 февраля 1898 г.). Л.1, 2, 3-4.

[954] Там же. Л. 8-8 об.

[955] Там же. Л. 10.

Военный совет рассмотрел этот вопрос, но «не признал возможным согласиться с мнением бывшего начальника Главного штаба, так как полицейские служители не отнесены к категориям тех вольнонаемных служителей, коим по закону могут производиться прибавки к жалованью за прослужение 5, 10 и 15 лет»[956]. Такой резкий поворот в деле может показаться странным, если не учитывать того, что в самом начале января 1898 г. военным министром стал генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин. Следуя его распоряжению, Военный совет указал, что он «не мог установить основание, по которому указанная мера испрашивается исключительно для полицейских служителей города Нового Маргелана, местные условия которого совершенно одинаковы с прочими городами Туркестанского края»[957]. Он отклонил ходатайство туркестанского генерал-губернатора.

20 февраля 1898 г. Азиатская часть уведомила об этом решении Вревского. Однако тот уже не мог бороться за свое предложение – в середине марта 1898 г. он был уволен от должности, а его преемник, генерал-лейтенант С.М. Духовской вскоре вообще забыл об этом деле, так как в мае 1898 г. в Андижане, как уже отмечалось, грянул кровопролитный антирусский бунт местных исламских фанатиков. Вместе с тем, сама мысль о добавочных выплатах полицейским чинам Туркестанского края сохранилась и побудила нового туркестанского генерал-губернатора Н.А. Иванова добиваться ее реализации. Следствием стало издание соответствующего закона. Он указывал: «Лицам военно-народного управления Туркестанского генерал-губернаторства прибавочное жалованье следует исчислять из полных окладов с тем, чтобы установленные в потребных случаях вычеты были передаваемы в казну на тех же основаниях, что ныне приняты в отношении содержания»[958]. Однако это мало улучшило положение чинов туркестанской

---

[956] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1959 – О добавочном жаловании полицейским служителям в гор. Новом Маргелане. (16 декабря 1896 – 20 февраля 1898 г.). Л. 11.
[957] Там же.
[958] Высочайше утвержденное Положение Военного совета - О прибавочном жалованье чинам военно-народного управления Туркестанского края. 5 сентября 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21993. С. 841.

полиции. Только в конце 1916 г. царское правительство, озадаченное размахом восстания коренного населения Средней Азии, снова вернулось к вопросу об улучшении материального состояния чинов краевой полиции, однако самодержавный режим стоял уже у края пропасти исторического краха и потому ничего сделано не было.

Нелишне отметить, что любой документ о полиции в России, не исключая, понятно, туркестанской, обязательно устанавливал выплаты на содержание помещений полицейских участков, их отопление и освещение. Например, в начале XX в., на отопление помещения Андижанской полицейской команды выделялось 120 руб. в год, а на его освещение - 10 руб. 12 коп.[959]

Важнейшей проблемой, которую нельзя не рассмотреть в контексте изучаемой проблемы – это источники финансирования полиции не только в Русском Туркестане, но и по всей России. Она изучена слабо, в связи с чем у многих создавалось впечатление, что, будучи главным инструментом самодержавного угнетения народа, она содержалась только за счет государства. Это ошибочное представление.

После официального установления института полиции в царской России правительство фактически изначально взяло курс на содержание его не только на средства государства, но и за счет доходов населения. Так, в апреле 1733 г. императрица Анна Иоанновна учредила полицию в 23 городах страны, указав, что ее служителей надо обеспечивать «*жалованьем и довольствием… из доходов тех же губерний*» [960] . (Курс. – В.Л.) В последующем этот тренд правительственной политики получил широкое распространение. Законодательных актов, подтверждающих это, можно привести множество. Они свидетельствуют о том, что царизм уверенно перекладывал содержание полиции на плечи простого населения. В тех

[959] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3147 – Об изменениях в штатах полиции в городах Туркестанского генерал-губернаторства. (17 февраля 1903 - 8 мая 1905 года). Л. 55.
[960] Высочайшая резолюция на докладе Полицмейстерской канцелярии – Об учреждении полиции в городах. 23 апреля 1733 года // ПСЗРИ-1. Т. 9. СПб., 1830. № 6378. С. 93.

случаях, когда на полицию не хватало средств местного бюджета, привлекались другие денежные источники, например, средства из земского сбора.

Как отмечалось, в конце 1862 г. в России была проведена крупная полицейская реформа. Однако автор сознательно оставил в стороне вопрос об источниках финансирования полиции с тем, чтобы коснуться его в данном случае. В законе от 25 декабря 1862 г. указывалось, что на содержание городских и уездных полиций по новым штатам будет выделено 4.247. 998 руб. 87 ¼ коп.[961]. Источники этого финансирования объяснялись в следующем правовом акте. Он отмечал, что они поступят: из казны – 1.126.736 руб. 50 коп.; из государственных земских сборов – 1.553.538 руб. 8 ¾ коп.; из городских доходов – 437.804 руб. 78 ¾ коп.; из страхового сбора – 50.000 руб.; из других источников – 740 руб. 4 коп.[962]. Таким образом, государственное участие в содержании полиции в стране едва превышало четверть от общей суммы расходов. И позже царское правительство относительно щедро финансировало полицию только в местах, охваченных народными бунтами, революционными событиями 1870-х гг. – актами «народовольцев» и проч.[963].

Со временем в царской России сложилась устойчивая система финансирования полиции, которая была закреплена законом от 14 апреля 1887 г., указывавшем, что «*расходы по содержанию полицейских команд*

---

[961] Высочайше утвержденные Временные Правила об устройстве Полиции в городах и уездах Губерний по Общему Учреждению управляемых. 25 декабря 1862 года // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 2. СПб., 1865. № 39087. С. 589.

[962] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об отпуске сумм на содержание Полиции по новым штатам 25-го декабря 1862 года. 25 декабря 1862 года // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд.1. СПб., 1865. № 39089. С. 597.

[963] См. напр.: Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об усилении состава полиции в некоторых губернских и уездных городах. 19 ноября 1878 года // ПСЗРИ-2. Т. 53. Отд. 2. СПб., 1880. № 59025. С. 241; Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об усилении Киевской городской полиции. 15 июня 1879 года // ПСЗРИ-2. Т. 54. Отд. 2. СПб., 1881. № 59778. С. 511; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об отпуске суммы на усиление полиции в городах Киеве и Харькове. 29 января 1880 года // ПСЗРИ-2. Т. 54. Отд. 2. СПб.1881. № 60449. С. 418.

относятся полностью на средства городов, на обязанности которых остается также отвод или наем городовым помещений, с отоплением и освещением, снабжение этих чинов вооружением (шашками и револьверами) и пользование их в больницах»[964]. (Курс. – В.Л.) Закон отмечал, что это положение не распространяется на города, где учреждены особые штаты полиции. Что касается полиции в сельской местности (уездах), то она содержалась за счет региональных земских сборов.

На российских территориях в Средней Азии финансирование полиции тоже имело разные источники. На основании «Туркестанского положения» от 6 августа 1865 г., полицейские функции в одноименной области осуществлялись воинскими подразделениями, которые содержались за государственный счет. Однако уже проект комиссии Холодковского 1866 г. указывал, что расходы на содержание общего управления и уездных полиций «образуются на ожидаемые доходы по Туркестанской области»[965]. Очевидно, что его авторы хотели внедрить здесь общероссийские принципы финансирования полиции. Однако «Степная комиссия», составлявшая проект «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» 1867 г., полагала иначе и отнесла расходы на полицию за счет Государственного казначейства. Проблема заключалась в том, что полицейские функции были частью полномочий уездной администрации, а она не могла финансироваться иначе. Однако традиционная «туземная» полиция содержалась за счет мусульманских сообществ.

Как отмечалось, Проект 1867 г. не был утвержден в привычном законодательном порядке, и правительство требовало его усовершенствования. Оно касалось только городской полиции в Туркестанском крае, так как указанные выше проекты генерал-губернатора К.П. Кауфмана по совершенствованию «Туркестанского положения» 1867 г.

---

[964] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О численном составе и устройстве полицейских команд в городах, для которых не издано особых штатов полиции. 14 апреля 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. С. 171.

[965] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4734 - Временное Положение об управлении Туркестанской областью. Л. 39 об.

предполагали отделить ее от сугубо административных функций и изменить характер материального содержания. По проекту 1871 г., городские полицейские управления должны были полностью содержаться за счет городских сумм[966]. Проект 1873 г. указывал: «Содержание полицейских управлений в городах Ташкенте, Самарканде и Ходженте, всего в количестве 44 400 рублей относятся на городские доходы»[967]. Его авторы разъясняли: «Расходы по содержанию городских полицейских управлений в городах Ташкенте (29.000 рублей, вместо нынешних 9.900 рублей), Самарканде (13.200 рублей) и Ходженте (1.600 рублей) предположено отнести на счет городских доходов; в прочих городах, по незначительности их доходов, подобные расходы проектировано отнести на суммы Государственного Казначейства (всего 18.000 рублей)»[968]. Такой двойственный подход к финансированию полиции считался первым туркестанским генерал-губернатором Кауфманом наиболее оправданным. Во «всеподданнейшем» отчете за время своего управления краем он писал о том, что «по недостаточности городских доходов содержание Верненской полиции при этом должно быть принято на счет казны … Что касается Ташкентской городской полиции, *содержание ее могло быть полностью отнесено на городские средства*»[969]. (Курс. – В.Л.) Авторы проекта «Туркестанского положения» 1881 г. отстаивали точку зрения Кауфмана относительно содержания полиции в гг. Ташкенте и Верном[970]. Они не могли поступать иначе, поскольку в течение кауфмановского периода в крае сложилась система финансирования полиции не только за счет средств

---

[966] РГИА. Ф. 37. Оп. 53. Д. 815 – С Проектом Положения об управлении Туркестанского края. (3 ноября 1871 – 17 марта 1872 года). Л. 17.

[967] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 370 - О рассмотрении нового проекта Положения об управлении Туркестанского генерал-губернаторства (1874-75). Л. 103.

[968] Пояснительная записка к Проекту Положения об управлении областей Туркестанского Генерал-губернаторства. СПб., 1874. С. 39.

[969] Проект Всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881. СПб., 1885. С. 99

[970] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1758 – Объяснительная записка к Проекту Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве, составленная Колпаковским, Абрамовым и др. Л. 24.

Государственного казначейства, но и в значительной мере - местных земских сборов и городских доходов.

Как отмечалось, преемник Кауфмана, генерал-лейтенант М.Г. Черняев, неприязненно относившийся к режиму своего предшественника, инициировал проведение ревизии края правительственной комиссией во главе с тайным советником Ф.К. Гирсом. Она, в частности, выявила любопытные факты финансирования полицейских учреждений в Туркестанском крае. Гирс указывал в отчете, что содержание уездных управлений в Сырдарьинской области обходилось в 99.786 руб., из которых 72.226 руб. из средств Государственного казначейства, 14.200 руб. – из местных земских сборов и 13.360 руб. – из городских доходов. Особо следует отметить содержание ташкентских административно-полицейских учреждений, составлявшее 61.781 руб. в год. Из них 46.481 руб., то есть большинство, поступали из городских доходов. В 1877 г. Кауфман ввел в Ташкенте «Городовое положение» 1870 г. и в 1880 г. приказом учредил полицейское управление «Русской части» города во главе с городничим, в составе 2-х приставов, 12 конных полицейских джигитов и делопроизводителя с канцелярией. Характерно, что из них только городничий получал 600 руб. оклада содержания из казначейства, а 983 руб. - из городских доходов. И все остальные сотрудники управления содержались за счет последних. Иное финансирование было в Ферганской области. Полиция в ее центре – Новом Маргилане получала в год 15.900 руб. из средств Государственного казначейства. На содержание 6 ферганских административно-полицейских уездных управлений в год тратилось 108.420 руб. в год, но из них только 5.000 руб. из городских доходов. Гирс писал в отчете о том, что в центре Зеравшанского округа – Самарканде «содержание полиции производится из городских сумм и составляет расход до 7.500 рублей в год»[971]. Семиреченская область не подвергалась ревизии,

[971] Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПБ., 1884. С. 105.

поскольку ко времени ее проведения - в 1882 г. была передана в подчинение вновьобразованного Степного генерал-губернаторства(края)[972]. Что касается Амударьинского отдела, Сырдарьинской области, то содержание здешних полицейских учреждений осуществлялось за счет казны. Гирс писал в отчете по ревизии: «Штатным чинам полиции, получающим жалованье из городских сумм, показано таковое со всеми добавками, причитающимися в инвалидный, пенсионный, эмеритальный капиталы и на госпитали и медикаменты»[973].

Упоминавшаяся выше комиссия графа Н.П. Игнатьева, в примечаниях к штатам управления Туркестанским краем, указывала, что содержание полицейских чинов относится к земским сборам и городским средствам края. Предполагалось, что расход на содержание вольнонаемных полицейских служителей в городе Ташкенте будет относиться 3 года за счет земских средств, на 4-й год – на ¾, а остальное за счет городских средств, на 5-й год – «половина на половину». После пяти лет содержание вольнонаемной полицейской стражи в г. Ташкенте должно было полностью относиться за счет городских средств[974].

В Закаспийской области, не входившей тогда в состав Туркестанского края, правительственное «положение» об ее управлении устанавливало, что расходы на содержание начальников уездной полиции, участковых приставов, их помощников, а также врачей и акушерок при ней следует «удовлетворять за счет взимаемого с туземного населения сбора на общественные нужды … Остальные чиновники гражданских ведомств

---

[972] Именной, данный Сенату - О сосредоточении высшего надзора по управлению областями Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской в лице Генерал-Губернатора и о подчинении губерний Тобольской и Томской Общему порядку высшего управления, существующему для внутренних губерний. 18 мая 1882 года // ПСЗРИ-3. Т. 2. Отд. 1. СПб.,1886. № 886. С. 211-212.

[973] Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПБ., 1884. С. 51 в сноске.

[974] Штат управления Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. Штаты и табели. С. 115.

содержатся за счет своих министерств»[975]. Таким образом, во всем Русском Туркестане финансирование полиции носило, в принципе, однообразный характер.

Наиболее проблематичным было положение полиции в Семиреченской области, которая стала управляться на основании «Степного положения» 1891 г. Оно предусматривало финансирование полиции из земских средств. Например, по статье 4 (п. «а»), § 1, отд. I (Прямые налоги) государственного бюджета («Росписи доходов и расходов») на 1892 г., по сметам МВД, осуществлялся сбор на содержание полиции в области в сумме 1.471 руб., а в «Росписи» на 1893 г. – 1.103 руб. Кроме того, на полицию в 1893 г. поступал сбор с торговых документов в Семиреченской области в сумме 1.103 руб.[976]

После воссоединения ее в 1898 г. с Туркестанским краем, стали проявляться несоответствия между нормами «Степного положения» 1891 г. и «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г. Случаев такого рода было немало, но следует обратиться к тем из них, которые относятся к теме данного раздела исследования. В 1896 и 1897 гг., еще в бытность Семиреченской области под эгидой МВД, собрание уполномоченных г. Джаркента отказалось содержать полицейского пристава за счет городских средств, указывая на обременительность суммы в 816 руб. в год. Оно подавало ходатайства по этому поводу Степному генерал-губернатору, генерал-лейтенанту М.А. Таубе. Семиреченский губернатор тоже дважды подавал ему рапорты, но каждый раз получал отказ в удовлетворении просьбы джаркентских «депутатов». Потеряв надежды на местные власти, они подали жалобу в Правительствующий Сенат. Тот рассматривал ее долго,

---

[975] Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд.1. СПб., 1893. № 6576. С. 70.

[976] См.: Высочайше утвержденная 30 декабря 1891 года Общая государственная роспись доходов и расходов на 1892 год // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 8212. Приложения к тому. С. 472; Высочайше утвержденная 28 декабря 1892 года Общая государственная роспись доходов и расходов на 1893 год // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 9212. Приложения к тому. С. 382; Высочайше утвержденная 28 декабря 1893 года Общая государственная роспись доходов и расходов на 1894 год // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 10222. Приложения к тому. С. 397.

но указом от 31 июля 1902 г. на имя Степного генерал-губернатора признал, что тот «не имел основания отклонять ходатайства Джаркентского собрания уполномоченных собственной властью» [977] . Поскольку Семиреченская область уже находилась в составе соседнего края, то преемник Таубе, генерал о кавалерии Н.Н. Сухотин передал решение вопроса туркестанскому генерал-губернатору Н.А. Иванову. Последний поручил рассмотреть его семиреченскому губернатору М.Е. Ионову. 11 января 1903 г. «Семиреченское областное по городским делам Присутствие» постановило, что «содержание полицейского пристава в сумме 800 руб. в год для города Джаркента не может быть слишком обременительным, так как доходы этого города год от году увеличиваются»[978].

1 февраля 1903 г. генерал-губернатор Иванов писал военному министру А. Н. Куропаткину о том, что он против претензий джаркентцев, однако их вопрос надо решать на министерском уровне. При этом он направлял в Главный штаб все необходимые для того документы. На их основании Азиатская часть составила соответствующую докладную записку, в которой рекомендовала военному министру «признать ходатайство уполномоченных города Джаркента об отнесении содержания полицейского пристава на земские средства не подлежащим удовлетворению» [979] . Куропаткин последовал совету своих чиновников. Возникла юридическая коллизия, при которой полицейские приставы в городах Семиреченской области, кроме Джаркента, содержались за счет земских сумм, тогда как законом от 21 апреля 1903 г. было установлено, что в Туркестанском крае «расходы по содержанию полицейских команд относятся полностью на средства городов, на обязанность которых остается также отвод и наем городовым помещений, с отоплением и освещением, снабжение этих чинов

[977] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3147 – Об изменениях в штатах полиции в городах Туркестанского генерал-губернаторства. (17 февраля 1903 - 8 мая 1905 года). Л. 1.
[978] Там же. Л. 6.
[979] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3147 – Об изменениях в штатах полиции в городах Туркестанского генерал-губернаторства. (17 февраля 1903 - 8 мая 1905 года). Л. 8 об.

вооружением (шашками и револьверами) и пользование их в больницах»[980]. Туркестанский генерал-губернатор признал практику содержания городских приставов в Семиреченской области за счет земских сборов незаконной. Действительно, статья 52-я «Степного положения» 1891 г. перечисляла города, в которых учреждались полицейские приставы, но не указывала на средства их содержания[981]. А статья 53-я лишь отмечала, что на городские средства должны содержаться только низшие чины полиции[982].

22 апреля 1903 г. «Общее присутствие» Семиреченского областного правления снова обсудило «джаркентский вопрос». Оно признало существующий порядок содержания городских приставов в области на земские средства не соответствующим законодательству не только в Джаркенте, но и в других городах Семиречья. «Присутствие» указало, что они должны содержаться за счет городских средств. 2 сентября 1903 года туркестанский генерал-губернатор доложил об этом военному министру. В результате, семиреченские города стали финансировать полицейских приставов так же, как в «коренных» областях Туркестанского края, а именно: «Содержание полицейских служителей относится на городские средства, включая приобретение оружия и обмундирования и лечение их в больницах[983].

В конце 1907 г. «Общее присутствие» Семиреченского областного правления исключило из смет гг. Копала, Лепсинска, Джаркента и Пржевальска суммы на разъезды полицейских приставов. В начале 1908 г. против этого выступил семиреченский губернатор В.И. Покотило. По его

---

[980] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об устройстве полицейских команд в городах Туркестанского края. 21 апреля 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22816. С. 402.

[981] Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7574. С. 138.

[982] Там же. С. 138-139.

[983] Высочайше утвержденные 26 ноября 1904 года штаты полицейских команд в русских частях городов; Самарканда, Самаркандской области; Петро-Александровска, Казалинска и Перовска, Сыр-дарьинской области и Андижана и Оша, Ферганской области // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 2. СПб., 1907. № 25429. С. 728.

просьбе, туркестанский генерал-губернатор Н.И. Гродеков обратился по этому поводу к военному министру А.Ф. Редигеру. Он отмечал, что без разъездов полицейским приставам будет трудно поддерживать порядок на вверенных им территориях. Азиатская часть составила докладную записку по Главному штабу: «По вопросу об отмене постановления Семиреченского по городским делам Присутствия об исключении из городских смет кредитов на разъездные деньги полицейским приставам» [984] . Она рекомендовала обратиться по этому поводу в Правительствующий Сенат.

Правительствующий Сенат рассматривал это обращение почти полтора года, изучая мнения «заинтересованных» учреждений. 26 мая 1910 г. он постановил: «Рапорт военного министра… об отмене состоявшихся по настоящему предмету решений большинства членов Семиреченского по городским делам Присутствия оставить без последствий» [985] . Военное ведомство не согласилось с этим решением. 28 мая 1911 года Азиатская часть подготовила докладную записку: «По проекту Сенатского определения по поводу постановлений Семиреченского областного по городским делам присутствия «Об исключении из городских расходных смет разъездных денег полицейским приставам»[986]. Она рекомендовала военному министру снова обратиться по этому вопросу «к обер-прокурору 1-го Департамента Правительствующего Сената». Военный министр В.А. Сухомлинов внял этому совету. 31 мая 1911 года Азиатская часть оперативно подготовила и направила указанному адресату представление с тем же названием, что и докладная записка. В Сенате документ обсуждали долго. Однако 2 марта 1912 г. он опять принял отрицательное постановление по этому вопросу. Военное министерство пыталось еще раз преодолеть сенатское «вето», однако 28 февраля 1914 г. Сенат снова отказал удовлетворить ходатайство военного министерства. Точку в деле поставил 17 января 1915 г. «Указ Его

[984] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3669 – По вопросу: могут ли быть относимы на городские средства расходы на выдачу разъездных денег городским полицейским приставам (9 марта 1900 – 26 янв. 1915 г.). Л. 16-17.
[985] Там же. Л. 23-23 об.
[986] Там же. Л. 35-37 об.

Императорского Величества, Самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената Военному Министру», который отмечал, что «Семиреченское областное по городским делам Присутствие поступило правильно, исключив из расходных смет городов Копала, Лепсинска, Пишпека, Пржевальска и Джаркента разъездные деньги полицейским приставам» и потому «рапорт Военного министра об отмене состоявшихся по настоящему предмету решений большинства членов Семиреченского областного по городским делам Присутствия оставить без последствий»[987].

Большое значение для финансирования царской полиции имел закон «Об улучшении земских и городских финансов» от 5 декабря 1912 г.[988]. Он отмечал, что его установления распространяются на всю страну, за исключением Закаспийской области, Туркестанского края. Закон относил половину всех местных расходов на полицию на счет государственных средств, в частности, понятно, и приставов семиреченских городов.

Поскольку закон от 5 декабря 1912 г не относился к Закаспийской области, то начальник Азиатской части Главного штаба, генерал-майор М.М. Манакин писал 1 марта 1914 г. в Главное управление по делам местного хозяйства МВД и просил разъяснений относительно применения закона 5 декабря 1912 года к поселениям русского типа в Закаспийской области. 19 мая 1914 г. оно отвечало, что «все 17 поселений Закаспийской области в финансово-хозяйственном отношении являются городскими поселениями Империи лишь тем, что в них не имеется специальных органов городского самоуправления и обязанности последних по заведыванию городскими делами выполняются органами местной административной власти». В связи с этим Главное управление по делам местного хозяйства МВД отмечало, что вопрос о применении закона 5 декабря 1912 года к

[987] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3669 – По вопросу: могут ли быть относимы на городские средства расходы на выдачу разъездных денег городским полицейским приставам (9 марта 1900 – 26 янв. 1915 г.). Л. 57-58.

[988] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об улучшении земских и городских финансов. 5 декабря 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 38452. С. 1631-1634.

поселениям русского типа в Закаспийской области «подлежит разрешению в утвердительном смысле»[989]. С такой же просьбой Манакин обратился 24 мая 1914 г. в Департамент военной и морской отчетности Государственного контроля. Он поддержал мнение МВД. Министерство финансов в своем ответе на запрос Азиатской части указало, что оно «всецело присоединяется к заключению, что городским поселениям Закаспийской области следует возмещать половину расходов на содержание полиции из Государственного казначейства»[990].

Это было своевременное решение, поскольку незадолго до принятия закона от 5 декабря 1912 г. начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант М.Д. Евреинов писал во «всеподданнейшем» отчете за 1908 г., о том, что «думать об увеличении штата полиции не приходилось, ибо хозяйство во многих городах области, особенно в Асхабаде, не вполне удовлетворительно, почему приходилось даже иногда отыскивать средства на покрытие расходов уже существующего штата полиции»[991].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в царской России деятельность полиции финансировалась, однако материальное обеспечение ее сотрудников явно не соответствовало мифам советской историографии о сытой и довольной жизни «цепных псов самодержавия». Это касалось не только полиции МВД, но и полицейских подразделений, подчиненных военному министерству, работавших на территории Русского Туркестана. Правительство устанавливало штаты региональной полиции, но недостаточно обеспечивало их в материальном отношении. Приведенные законодательные и архивные документы подтверждают, что чины «общей» (военной) полиции всех рангов в регионе стали жертвой быстрого ухудшения жизненных условий, роста цен и инфляции. Финансирование сотрудников

---

[989] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4198 – О принятии в некоторых городах Туркестанского генерал-губернаторства и Закаспийской области за счет казны половины расходов по содержанию городской полиции. Л. 44, 45.
[990] Там же. Л. 54-54 об.
[991] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3799 – Всеподданнейший отчет начальника Закаспийской области за 1908 год. (14 авг. - 4 нояб.1909 г.). Л. 37.

туркестанской полиции явно отставало от этих негативных явлений в экономике края и повседневной жизни ее представителей. Царское правительство старалось смягчить последствия снижения уровня материального благосостояния служащих полицейских подразделений, принимало определенные меры по его улучшению, однако это ему мало удавалось в условиях перехода страны в стадию империализма и нарастающего кризиса царизма, как политической и социально-экономической системы.

5.2. Пенсии, льготы и преимущества полицейской службы в Русском Туркестане

Опыт всемирно-исторического развития свидетельствует о том, что в любые времена в каждом государстве бюрократия, как управляющее сословие, всегда стремилась обеспечить себе наиболее благоприятные условия существования. Точно так же было и в царской России. Вместе с тем, было бы ошибочным представлять управленческий класс повсеместно процветающим. Мелкие государственные служащие часто жили на грани нищенства и вынуждены были искать дополнительные заработки, не гнушаясь и столь же мелкого мздоимства и лихоимства. Так же обстояли дела и в царской полиции Русского Туркестана, что отмечалось в предыдущем параграфе. Однако на ее представителей распространялись и общеимперские установления о пенсиях, а также льготах и преимуществах полицейской службы.

а) *Пенсионное обеспечение полицейских служащих в регионе*

Безусловно, царская Россия не была государством благоденствия простого народа – угнетение, эксплуатация и бедность были присущи ему изначально и перманентно сопровождали его впредь. Вместе с тем, утверждения историографии советского периода о том, что самодержавие

заботилось только о высших классах и сословиях, совершенно игнорируя интересы трудящихся, представляются сомнительными. Возможно, многим покажется удивительным, что в царской России существовала развитая система пенсионного обеспечения, в орбиту которой были вовлечены не только военные и гражданские чиновники, но и миллионы представителей простого народа. Зарубежные исследователи истории государства и права тоже могут удивиться тому, что в отсталой, по их мнению, России XVIII – начала XX в. пенсии и пособия получали отставные солдаты и матросы, «технические» сотрудники государственных учреждений – уборщики, сторожа, истопники и т.п. И, естественно, низшие чины полиции. Более того, выплаты за вышеуказанных лиц получали их родители, вдовы и дети.

Исследователь С.А. Торопкин пишет о том, что в России впервые право на пенсию государственных служащих закрепил Петр I в «Морском уставе» 1720 г. [992] С этим можно согласиться, однако истоки такого вознаграждения за службу можно найти в законодательстве допетровских времен – например, в «Соборном уложении» 1649 г. [993] . Устанавливая институт пенсионных выплат, Петр I думал не только о вознаграждении государственных служащих за труды, но и старался способствовать тем самым росту престижа государственной службы среди дворянства и иных свободных от крепостнических уз сословий.

Развитие пенсионного дела поддерживали преемники царя-реформатора, однако, особенно прочно оно укрепилось при императрице Екатерине II. Можно сказать, что она узурпировала право назначения пенсий.

---

[992] *Торопкин С.А.* Лишение сотрудников полиции права на пенсию: история и современность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (36). С. 180; см.: Морской устав. 13 января 1720 года // ПСЗРИ-1. Т. 6. СПб., 1830. № 3485. С. 2-116.

[993] Соборное Уложение // ПСЗРИ-1. Т. 1. СПб., 1830. № 1. Глава XVII. СПб., 1830. С. 91, 92, 99.

В марте 1763 г. царица надписала на докладе Военной коллегии резолюцию: «Без моего ведения никому пенсии не определять»[994].

В законе от 7 июня 1764 г. она фактически заложила юридически грамотные основы пенсионного законодательства в царской России[995]. Было установлено, что пенсии должны назначаться за 35 лет беспорочной службы, начавшейся с 15 лет и позже. Допускалось вместо пенсии просить чин, но при этом она уже никоим образом не назначалась. Закон указывал, что пенсия должна составлять половину жалованья на действительной службе. Через год «царица-матушка» установила также пенсии для жен и детей нижних чинов флота[996].

Император Павел I, которого многие историки почему-то считают «сумасбродом», за время своего правления предпринял ряд полезных решений. Так, например, на исходе XVIII в. он установил выплату пенсий отставным унтер-офицерам и рядовым из общих государственных доходов. Первым назначалась пенсия в 15 руб. в год, а рядовым – 10 руб.[997]. Его преемник, царь Александр I строго следил за исполнением отцовского закона. В 1804 г. он предписал, чтобы о любом случае снижения или отмены пенсии указанных лиц через министра военно-сухопутных сил докладывали ему лично и ждали от него указа о том, как надо поступать[998]. Царь не забывал и о пенсионном обеспечении чинов полиции. В 1813 г. он распорядился оставлять пенсии военным, которые переходили на должности

---

[994] Сенатский – Об отпуске из Штатс-конторы в Комиссариат на жалованье отставному генералитету по 50.000 рублей ежегодно, и неопределении пенсий никому без Высочайшей воли. 8 апреля 1763 года // ПСЗРИ-1. Т. 16. СПб., 1830. № 11788. С. 211-212.

[995] Высочайше утвержденный доклад Сената – О пенсионах статских чиновников. 7 июня 1764 года // ПСЗРИ-1. Т. 16. СПб., 1830. № 12175. С. 790-791

[996] Регламент о управлении Адмиралтейств и флотов. 24 августа 1765 года // ПСЗРИ-1. Т. 17. СПб., 1830. № 12459. С. 248.

[997] Сенатский, по Высочайше утвержденному докладу – О производстве пенсий отставным унтер-офицерам и рядовым из общих государственных доходов. 27 июля 1799 года // ПСЗРИ-1. Т. 25. СПб., 1830. № 19052. С. 738.

[998] Именной, данный Военной коллегии – О предоставлении чрез военного министра на Высочайшее усмотрение в случае какой-либо отмены в выдаче пенсионов и провианта. 18 июля 1804 года // ПСЗРИ-1. Т. 28. СПб., 1830. №21402. С. 455.

полицейской службы[999]. Через десятилетие император Александр I утвердил решение правительства о назначении пенсий и единовременных пособий чиновникам городских полиций из сумм Государственного казначейства[1000]. А несколько ранее он сравнял пенсионные права гражданских чиновников с военными, чем повысил престиж цивильной службы, в том числе полицейской, пенсии чинам которой назначались по разряду гражданского ведомства[1001].

Царь Николай I, которого тоже не жаловали советские историки, называвшие его «Палкиным» и «солдафоном», рассматривая в конце 1826 г. дело вдовы коллежского секретаря, таможенного полицейского Мартынова, которая осталась с 4-мя детьми и получила половину пенсии покойного мужа - 50 руб., установил, чтобы «пенсионов» ниже 100 руб., когда жалованье было не менее сей суммы, не назначали[1002]. Однако наивысшим его достижением на рассматриваемом поприще было утверждение через год «Устава о пенсиях и единовременных пособиях»[1003]. Он содержал положения о пенсиях военным, гражданским «классным» чиновникам, неклассным чинам, пенсиях и пособиях их вдовам и детям. Документ учреждал 9 разрядов пенсионного обеспечения[1004]. Были установлены и

---

[999] Именной, данный Сенату – О оставлении пенсионов, пожалованных уволенным от военной службы чиновникам при определении их к должностям по части полицейской. 26 марта 1813 года // ПСЗРИ-1. Т. 32. СПб., 1830. № 25361. С. 550.

[1000] Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О назначении пенсионов и единовременных выдач чиновникам градских полиций из сумм Государственного казначейства. 30 июня 1823 года // ПСЗРИ-1. Т. 38. СПб., 1830. № 29524. С. 1071-1072.

[1001] Сенатский, с прописанием Высочайшей воли – О сравнении гражданских чиновников в производстве им пенсиона с военными. 30 апреля 1819 года // ПСЗРИ-1. Т. 36. СПб., 1830. № 27779. С. 153.

[1002] Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О неназначении пенсионов ниже ста рублей, когда жалованье было не менее сей суммы. 28 декабря 1826 года // ПСЗРИ-2. Т. 1. СПб., 1830. № 776. С. 1337.

[1003] Уставы о пенсиях и единовременных пособиях. 6 декабря 1827 года // ПСЗРИ-2. Т. 2. СПб., 1830. № 1592. С. 1032-1044.

[1004] Там же. § 107. Примерное расписание окладов для определения пенсий гражданским чиновникам по их должностям. С. 1043-1044.

соответствующие выплаты по каждому из них[1005]. Устав действовал до падения царизма без принципиальных изменений – в него вносили лишь частичные поправки и дополнения. Так, например, через четверть века закон от 6 ноября 1852 г. отменил срок в 20 лет для назначения пенсии и оставил сроки в 25 и 35 лет[1006]. В учебных заведениях оставили сроки 20 и 25 лет, причем, в первом случае выплачивалась половина пенсии, а во втором - полная. В медицинском ведомстве остались сроки в 20 и 30 лет с теми же выплатами. Законодатель указал, что учителя неосновных предметов в учебных заведениях - каллиграфии, рисования, танцев, пения, музыки, фехтования и гимнастики должны получать пенсии по «Общему Уставу». Он установил выплаты пособий семьям умерших чиновников по срокам службы: до 10 лет – половину годового жалованья, от 10 до 20 лет – полное годовое жалованье. Вдове причиталась половина выплат, а другая делилась между детьми. В начале XX в. был издан закон о пенсиях рабочих казенных горных заводов и рудников, утративших трудоспособность на заводских или рудничных работах[1007].

С появлением «Пенсионного устава» разряды указывались во всех штатах различных государственных учреждений гражданского и иных невоенных ведомств[1008]. Вместе с тем, они устанавливались и отдельными законами. Так, например, закон от 19 сентября 1839 г. об учреждении

[1005] См.: Уставы о пенсиях и единовременных пособиях // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1900. С. 185-186; Уставы о пенсиях и единовременных пособиях // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1912. С. 312-313.

[1006] Именной, данный Сенату – О правилах для назначения пенсий и пособий увольняемым от службы чиновникам и семействам их. 6 ноября 1852 года // ПСЗРИ-2. Т. 27. Отд. 1. СПб., 1853. № 26747. С. 653.

[1007] Высочайше утвержденные Временные правила о пенсиях рабочим казенных горных заводов и рудников, у тративших трудоспособность на заводских или рудничных работах. 15 мая 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 2087. С. 337-339.

[1008] См. напр.: Высочайше утвержденное Положение о порядке производства дел исполнительных С. Петербургской полиции. 1 апреля 1838 года // ПСЗРИ-2. Т. 13. Отд. 1. СПб., 1839. № 11109. С. 224-257; № 13442. 4 мая 1840 года – Штат Уманской военной городской полиции // ПСЗРИ-2. Т.15. Отд. 2. СПб., 1841. С. 79-83.

должности помощника городничего в полицию г. Холмска устанавливал ей XIV класс по чинопроизводству и IX разряд по пенсии[1009].

Выплата пенсий с учетом трудового стажа и сроков выслуги для ее получения носила как общий, так и региональный характер. Во «внутренней» России действовали нормы «Общего устава», а на окраинах все зависело от пенсионных льгот и преимуществ службы в отдаленных местностях Российской империи. Они устанавливались издавна – например, в начале 1857 г. было указано, что служба гражданских («классных») чиновников в Закавказском крае должна засчитываться в соотношении 5 лет за 7. Полная пенсия назначалась за 35 лет работы, половина – за 30, а 1/3 – за 20 лет[1010]. Позже это было подтверждено в пункте 9-м приложения к статье 1 (прим. 4) «Пенсионного устава»[1011].

Проблема пенсионного обеспечения чиновников в Русском Туркестане изначально учитывалась царским законодательством. Штаты «Временного положения об управлении Туркестанской областью» от 6 августа 1865 г. не указывали разряд пенсии военного губернатора, но уже чиновнику особых поручений при нем – штаб-офицеру (или чиновнику VIII класса) устанавливался 6-й пенсионный разряд. Правитель областной канцелярии получал 5-й разряд по пенсии, его помощник – 7-й, управляющие туземным населением в отделах –3-й разряд, 2-й степени, их помощники – 7-й, письменные переводчики при начальниках отделов и их помощниках – 9-й, пенсионный разряд городничих в Чимкенте, Туркестане и Аулие-ата в законе не был показан, но, как обер-офицеры, они должны были числиться по 7-му

[1009] Высочайше утвержденное Положение Совета министров – Об определении в Холмскую городскую полицию помощника Городничего. 19 сентября 1839 года // ПСЗРИ-2. Т. 14. Отд. 1. СПб., 1840. № 12704. С. 733.

[1010] Сенатский, по Высочайшему повелению – О порядке назначения пенсий служащим в Закавказском крае чиновникам и их семействам. 24 января 1857 года // ПСЗРИ-2. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1858. № 31443. С. 65.

[1011] Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. Издание 1906 года // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1912. С. 341.

пенсионному разряду [1012]. Эти показатели имеют прямое отношение к рассматриваемой проблеме, так как чины управления указанной области, как отмечалось, исполняли не только административные, но и в разной мере полицейские функции.

§ 395 проекта временного «Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях» 1867 г. указывал: «Прослужившие беспорочно в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях двадцать лет получают при отставке в пенсию половинный, прослужившие же 25 лет – полный оклад их жалованья»[1013].

Как отмечалось, после введения Проекта 1867 г. в административный оборот по личному распоряжению императора Александра II, туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман получил задание доработать документ с учетом замечаний ряда министерств и ведомств с тем, чтобы он мог получить полноценное законодательное утверждение. Выше автор уже писал об этом, указывая, что в 1871 г. «первоустроитель» Русского Туркестана представил новый проект, который, конечно же, не обошел и вопрос о пенсионном обеспечении чинов администрации и полиции. В § 93 документа отмечалось: «Прослужившие беспорочно в Туркестанском крае двадцать лет получают при отставке на пенсию половинный, прослужившие же двадцать пять лет - полный оклад жалования»[1014]. Далее проект указывал: «При увольнении в отставку чиновников, прослуживших в крае усердно и беспорочно не менее 3-х лет, даруется в отношении получения пенсии, сокращение общеустановленных сроков. Но при сем служба в других местах, особенными преимуществами не пользующихся, принимается в расчет без всякого в сроках уменьшения год за год, а пенсии им назначаются по

[1012] Высочайше утвержденный 6 августа 1865 года Временный штат Военно-Народного Управления в Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 2. СПб., 1867. № 42372. С. 298.

[1013] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. С. 61.

[1014] РГИА. Ф. 37. Оп. 53. Д. 815 – С Проектом Положения об управлении Туркестанского края. (3 ноября 1871 – 17 марта 1872 года). Л. 12.

разрядам прежде занимаемых ими должностей в том размере, в котором будет причитаться по числу лет всей их службы. Упомянутое же сокращение заключается в том, что 5 лет службы в Туркестанском крае считаются за семь лет, с распространением сего преимущества на все время означенного служения и на тех чиновников, кои впоследствии перейдут на службу в другие губернии»[1015]. Документ отмечал: «Чиновникам, прослужившим в Туркестанском крае беспорочно и усердно пять и более лет, пенсии назначаются не по разрядам прежде занимаемых должностей, а из оклада, получаемого перед увольнением жалованья, в размере, какой будет причитаться по количеству лет всей их службы»[1016]. Поэтому пенсионные разряды в нем не указывались. § 96 гласил: «Выходящим в отставку по совершенно расстроенному здоровью, или по приключившимся неизлечимым болезням, пенсии назначаются по правилам, изложенным в 90 и 91 ст. Устройства о пенсиях[1017], а также из окладов получаемого жалования хотя бы они и не выслужили в крае пяти лет»[1018]. Выше также отмечалось, что в 1873 г. Кауфман отправил в правительство второй проект «Туркестанского положения», в котором излагались и пенсионные разряды чиновников, относящихся к полицейским управлениям. При обязательной выслуге в Туркестанском крае в течение 10 лет, многие чины администрации и полиции не пользовались правами и преимуществами службы в Туркестанском крае потому, что они не выслуживали этого срока, в связи с чем получали пенсии не по окладам жалованья, а по разрядам, причем, даже те, кто отслужил в крае 9 с половиной лет[1019].

[1015] РГИА. Ф. 37. Оп. 53. Д. 815 – С Проектом Положения об управлении Туркестанского края. (3 ноября 1871 – 17 марта 1872 года). Л. 12.
[1016] Там же.
[1017] Уставы о пенсиях и единовременных пособиях // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1857. Статьи 90-91. С. 20.
[1018] РГИА. Ф. 37. Оп. 53. Д. 815 – С Проектом Положения об управлении Туркестанского края. (3 ноября 1871 – 17 марта 1872 года). Л. 12 об.
[1019] Пояснительная записка к проекту Положения об управлении областей Туркестанского генерал-губернаторства. СПб., 1874. С. 101.

Поскольку губернаторы областей края, а также главы уездных правлений и их старшие помощники, как руководители полиции, относились к военным, то их пенсионные показатели в документе не отмечались. Младшие помощники начальников уездной полиции получали 6-й разряд по пенсии, руководители ее канцелярий (секретари) – 8-й, помощники секретарей – 9-й, письменные переводчики при уездных полицейских управлениях – 9-й. Примерно такие пенсионные разряды получали работники городских полиций. Начальник Верненского полицейского управления – полицмейстер имел 3-й разряд, 2-й степени по пенсии, полицейские приставы города – 8-й, начальник канцелярии – тоже 8-й, его помощники – 9-й. Проект 1873 г. отмечал: «По сему же штату утверждается Полицейское Управление в городе Самарканде»[1020]. Начальнику г. Ташкента и руководителю городской полиции полагался тоже 3-й разряд, 2-й степени по пенсии, его старшему помощнику – 5-й, младшим помощникам – 6-й, полицейским приставам – 8-й, руководителю полицейской канцелярии – тоже 8-й, его помощникам – 9-й, Такой же разряд полагался письменному переводчику. Проект 1873 г. указывал, что уездные врачи, фельдшера и повивальные бабки, причислявшиеся к полицейским сотрудникам, получают пенсии по особым постановлениям по медицинской части.

Как отмечалось, в 1881 г. комиссия под председательством исполняющего должность туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенанта Г.А. Колпаковского разработала очередной вариант «Туркестанского положения». Его авторы выступали за то, чтобы пенсии чиновникам назначались «не по разрядам, а по окладам содержания и в сокращенные сроки, подобно тому, как это установилось для служащих по министерству народного просвещения»[1021]. Они отмечали, что за отчетный период (1868-1979 гг.) расходы на пенсии, пособия и награды в

[1020] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 370 - О рассмотрении нового проекта Положения об управлении Туркестанского генерал-губернаторства (1874-75). Л. 102.
[1021] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1758 - Объяснительная записка к Проекту Положения об управлении Туркестанском генерал-губернаторстве, составленная Колпаковским, Абрамовым и др. (1881 г.). Л. 27.

Туркестанском генерал-губернаторстве составили 478 865 руб. 16 коп. из общей суммы затрат в крае в 4. 840. 302 руб. 98 коп.

Все вышеуказанные проекты «Туркестанского положения» были отклонены правительством, которое в 1886 г. законодательным образом утвердило «Положение об управлении Туркестанским краем», не раз упоминаемое в данной работе. Сами разряды по пенсиям указывались в расписании штатов, приложенном к этому документу[1022]. Диссертант считает необходимым соединить их с конкретным денежным выражением каждого разряда по пенсиям полицейских чиновников региона. Понятно, что в данном случае это представляет особое значение. Поскольку пенсионные разряды глав областных полиций в Туркестанском крае – военных губернаторов, как генералов, в штатах не показывались, то он приведет сведения о размере пенсий чиновников основного звена полицейской службы в царской России – уездного. Начальнику уездной полиции в Туркестанском крае пенсия назначалась по 3-му разряду, 2-й степени. Полная пенсия составляла 428 руб. 85 коп., а с вычетами – 420 руб. 24 коп. Соответственно: помощник начальника уездной полиции имел 5-й разряд по пенсии – 285 руб. 90 коп. (280 руб. 20 коп.); секретарь – 7-й разряд – 171 руб. 60 коп. (168 руб. 15 коп.); письмоводитель – 8-й разряд – 128 руб. 61 коп. (127 руб. 32 коп.); письменный переводчик – 9-й разряд – 85 руб. 80 коп. (84 руб. 90 коп.)[1023].

В примечаниях к штатам управления в Туркестанском крае отмечалось: «5. Канцелярские служащие, состоящие на государственной службе, числятся по правам на пенсию в IX разряде»[1024]. Уездные врачи, фельдшера и повивальные бабки получали пенсии по специальному «медицинскому положению», согласованному с 5-м и 9-м разрядам по пенсии гражданских

[1022] Штат управления Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. Штаты и табели. С. 107.

[1023] Там же. С. 111; Табель окладам пенсий, назначаемых гражданским чиновникам, их вдовам и семьям // Уставы о пенсиях и единовременных пособиях. Издание 1896 года. // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1912. С. 312-313.

[1024] Штат управления Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. Штаты и табели. С. 115.

чиновников. На таком же пенсионном обеспечении была городская полиция в крае. Начальник ташкентской полиции получал пенсию по 3-му разряду, 2-й ступени; Полицмейстер «Русской части» города – по 5-му; городские приставы – по 7-му; секретарь – по 8-му. Медицинские работники получали пенсии, как отмечалось выше, по своему «положению». Такое же пенсионное содержание было у сотрудников полиции в областных центрах - Новом Маргилане и Самарканде. В других населенных пунктах края пенсия городским приставам назначалась по 7-му разряду.

Примечательно, что на следующий день после утверждения «Туркестанского положения» 1886 г., 13 июня того же года был принят закон о преференциях гражданской службы на отдаленных окраинах Российской империи[1025]. Он отмечал: «Особые пенсионные преимущества, указанные в Высочайше одобренном в 1867 году проекте Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях, сохраняются за чиновниками гражданских ведомств и за военными чинами, занимающими гражданские должности, если те и другие прослужили не менее десяти лет в местностях, на которые распространяется действие означенного Положения»[1026].

Закон от 13 июня 1886 г. стал частью российского кодифицированного права[1027]. Статья 34-я документа указывала: а) пенсии назначаются по «Пенсионному уставу» с сокращением пенсионных сроков; б) пенсии для чинов Туркестанского края и Закаспийской области (но без Семиреченской области – В.Л.) назначались по принципу – «три дня службы считаются за четыре, а размер пенсии возвышается на два подразделения»[1028]. Но в пункте «в» такой же принцип устанавливался и для служащих в Семиреченской

[1025] Высочайше утвержденные Правила об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. 13 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3817. С. 347-357.
[1026] Там же. С. 347.
[1027] Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. Издание 1906 года // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1912. С. 330-343.
[1028] Высочайше утвержденные Правила об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. 13 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. отд.1. СПб., 1888. № 3817. С. 354.

области. Статья 35-я отмечала, что право на повышенные пенсии имеют те чиновники в Туркестане, кто прослужил в крае более десяти лет, причем, в последней должности не менее 3-х лет. Тем, кто вышел в отставку, не выслужив десяти лет, назначались пенсии по окладу должности, но с указанием сокращенных сроков. Однако, если выслуживший менее десяти лет был тяжелобольным человеком, то он получал так же, как и те, кто выслужил десятилетний срок. Статья 38-я устанавливала, что семействам умерших чинов (вдове, дочерям и сыновьям до 17 лет) выдавались пенсии и пособия: а) «прогоны» по классу должности умершего; б) пособие размеров в полугодовой оклад жалованья умершего. Нелишне заметить, что пенсионные положения с той же нумерацией статей были зафиксированы через год в законе от 15 июня 1887 г., который касался только прав и преимуществ чиновников, служивших по военному министерству в отдаленных армейских округах[1029].

Это представляет особый интерес для изучения избранной проблемы, поскольку Туркестанский военный округ относился именно к такой категории. В примечании к статье 34-й указанного закона отмечалось: «Лицам, получающим пенсию по разрядам медицинских, фармацевтических и ветеринарных должностей, а также классным фельдшерам разряды пенсий за службу в отдаленных местностях не возвышаются»[1030]. Пенсионные права медиков в Туркестанском крае нуждаются в пояснении. Закон от 17 апреля 1859 г. указывал, что чины военно-медицинской службы должны были получать пенсии только при отставке, а пенсии по выслуге определенных

[1029] Высочайше утвержденные Правила об особых преимуществах государственной службы по военному ведомству в отдаленных местностях Империи. 15 июня 1887 года. // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4597. С. 339-350.
[1030] Там же. С. 349.

сроков упразднялись[1031]. Врачи, пребывавшие в VII классе имели 4-5 разряды по пенсии, а врачи в VIII классе – 6-й разряд[1032].

Поскольку вышеприведенное положение закона от 13 июня 1886 г. о сохранении особых пенсионных преимуществ, установленных Проектом 1867 г. за чиновниками гражданских ведомств и за военными чинами, занимающими гражданские должности, вступало в противоречие с «Туркестанским положением» 1886 г., то законодатель, по представлению военного министра, внес в краевые штаты примечание: «Те из числа служащих по управлению Туркестанского края, должности которых понижены настоящим штатом, относительно служебных преимуществ сохраняют лично, пока будут состоять в занимаемых ими ныне должностях, права по чинопроизводству и пенсии, которыми они пользовались до введения в действие означенного штата»[1033]. Этим снимались все проблемы, возникавшие ранее при назначении пенсий туркестанским чиновникам, в том числе, понятно, и полицейским. Следует подчеркнуть, что вышеуказанные послабления по пенсиям и единовременным пособиям для чиновников составляли существенную часть льгот и преимуществ их служебной деятельности в регионе Средней Азии.

В начале 1889 г. военный министр П.С. Ванновский направил в Государственный совет представление о пенсионных и иных отчислениях чиновников административно-полицейского управления Туркестанского края. «Соединенные департаменты» Государственного совета постановили, что лица, входящие в краевые штаты, «удовлетворяются следующим им содержанием с присоединением к оному процентных надбавок в размере

[1031] Именной, объявленный в приказе Военного министра – Об окладах жалованья, пенсий и столовых денег, а также о фуражном и денщичьем довольствии чинов военно-сухопутного ведомства. 17 апреля 1859 года // ПСЗРИ-2. Т. 34. Отд. 2. СПб., 1861. № 34385. С. 364.

[1032] Высочайше утвержденный 29 марта 1867 года общий штат Военного министерства. // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 2. СПб., 1871. Штаты и табели. № 44412. С. 137-138.

[1033] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О сохранении за лицами, занимающими должности по управлению Туркестанского края прежних прав по чинопроизводству и пенсии. 4 мая 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 5973. С. 181-182.

вычетов, причитающихся в пенсионный и инвалидный капиталы и в эмеритальную кассу, надбавки эти обращаются в подлежащие источники при выдаче содержания»[1034]. Это означало, что вычеты из окладов содержания чиновников в пенсионный и инвалидный капиталы, а также в эмеритальную кассу компенсировались соответствующими надбавками к жалованью.

Таким образом, назначение пенсий полицейским чинам в Русском Туркестане осуществлялось на основании соответствующего общегосударственного законодательства, но с учетом специфических условий службы в этом регионе, получившим правовую рефлексию. Вышеприведенный порядок назначения пенсий полицейским чинам Туркестанского края сохранялся до падения царской власти в регионе.

б) *Льготы и преимущества полицейской службы в Русском Туркестане*

Как отмечалось, издание первого «Туркестанского положения» 1865 г. сопровождалось штатами, но без указания прав и преимуществ государственной службы чиновников в Средней Азии[1035]. Это было понятно – все чины управления в области были офицерами и имели их, на основании соответствующих установлений, изданных по военному ведомству. Однако условия службы в Туркестане не соответствовали сугубо милитарному администрированию. К тому же правительство намеревалось расширить свое присутствие в Средней Азии на уровне генерал-губернаторства (края). «Степная комиссия», составлявшая проект «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» 1867 г., рассмотрела также и вопрос о правах и преимуществах государственной

[1034] Высочайше утвержденное Мнение Соединенных Департаментов Государственной Экономии и Законов Государственного совета - По вопросу о надбавках к содержанию чиновников административно-полицейского управления Туркестанского края. 7 марта 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. С. 87.

[1035] Именной, объявленный Сенату военным министром – Об образовании Туркестанской области. 12 февраля 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41792. С. 184; Высочайше утвержденный 6 августа 1865 года Временный штат Военно-Народного Управления в Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 2. СПб., 1867. № 42372. С. 298.

службы в Туркестанском крае[1036]. Предполагалось, что при определении на службу в эти области чиновники получат двойные «прогоны»»[1037] и годовые оклады жалованья, как это было установлено для служащих в Сибири и Ставропольской губернии[1038]. При отъезде чиновников из Средней Азии, беспорочно отслуживших не менее 5 лет, им должны были выдаваться «прогоны» до нового места жительства и полугодовой оклад жалованья. Проект отмечал, что преимущества государственной службы в Туркестане распространяются и на военных чинов, занимающих должности по «военно-народному» управлению края. Устанавливались отпуска – один раз в 3 года. Они разрешались приказом туркестанского генерал-губернатора, а жалованье сохранялось за отпускниками в течение 4-х месяцев. За каждые 5 лет беспорочной службы назначались надбавки в четверть годового оклада. О льготах по пенсионному обеспечению указывалось выше. 5 лет службы в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях засчитывались за 7 лет. Дети чиновников Туркестанского края получали казенные вакансии в высших и средних учебных заведениях, причем, право их назначения принадлежало тоже туркестанскому генерал-губернатору.

Поясняя статьи проекта об особых правах и преимущества службы в Семиреченской и Сырдарьинской областях, его авторы отмечали, что даже в самой России есть нехватка квалифицированных чиновников, так как они ищут места, где платят более высокое содержание, а служба в Туркестанском крае трудная и сюда знающие и толковые люди не хотят ехать, поскольку они могут найти работу и в самой России. Поэтому их надо привлекать в Среднюю Азию более высокими окладами содержания, а также льготами и преференциями службы в этом регионе[1039]. По их мнению, служба в

[1036] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. Статьи 388-398. С. 59-61.

[1037] Прогоны – плата за проезд на почтовых лошадях или оплата проезда по железной дороге офицеров и чиновников // С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1983. С. 539

[1038] Устав о службе гражданской по определению правительства // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1857. Статьи 1287-1292. С. 273-274.

[1039] Объяснительная записка к Положению и штатам // Проект Положения об управлении в Семиреченский и Сыр-дарьинской областях. Ташкент, 1880. С. 234.

Туркестане была более сложной, чем в Сибири и нуждалась в расширении льгот. Авторы записки выражали надежду, что при таких условиях службы чиновники более охотно поедут работать в Туркестанский край. Поскольку проект «Туркестанского положения» 1867 г. был запущен в административный оборот с личного разрешения императора Александра II, то он приобрел ранг закона, пусть даже не утвержденного установленным образом, в том числе, и в части установлений о правах и преимуществах службы в крае. Как уже отмечалось, от первого туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана потребовали представить новый проект с учетом замечаний министерств и ведомств по указанному документу «Степной комиссии».

Было бы ошибочным полагать, что туркестанский генерал-губернатор впервые столкнулся с проблемой прав и преимуществ чиновников в отдаленных местах Российской империи. Он знал примеры законодательных установлений на сей счет. Раздел V «Устава о службе по определению от правительства», принятого еще до присоединения Средней Азии, был посвящен именно указанной проблеме[1040]. Статья 1254-я закона указывала, что к числу отдаленных местностей империи относились: Сибирь, Астраханская, Вятская, Олонецкая, Оренбургская и Ставропольская губернии, а также некоторые уезды Архангельской и Вологодской губерний. Наиболее интересными в плане практического применения в Туркестанском крае Кауфману показались права и преимущества государственной службы в губерниях и областях Сибири.

В проекте Кауфмана 1871 г. особым правам и преимуществам службы в Туркестанском крае в нем была посвящена 4-я глава[1041]. Во многом они были схожи с положениями проекта «Степной комиссии» 1867 г., но

[1040] О преимуществах службы в отдаленных и малонаселенных краях Империи и в губерниях Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской // Устав о службе гражданской по определению правительства // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1857. Статьи 1254-1410. С. 265-301.

[1041] РГИА. Ф. 37. Оп. 53. Д. 815 – С Проектом Положения об управлении Туркестанского края. (3 ноября 1871 – 17 марта 1872 года). Л. 11-12 об.

содержали и некоторые новации. Например, срок выслуги для получения льгот и преимуществ в Туркестанском крае сокращался с 5 лет до 3-х. Но даже тем, кто не прослужил 3-х лет, при отъезде полагались «прогоны» до места нового жительства, а половина пособия, выданная при поступлении на службу в Туркестанском крае, не возвращалась. Сохранялись установления Проекта 1867 г., относительно отпусков чиновников сроком в 4 месяца с сохранением содержания. Полагались надбавки в четверть оклада содержания за каждые 5 лет службы. Предлагалось сокращать наполовину сроки для получения «классного» чина. Сохранялись положения проекта «Степной комиссии» о пенсиях, пособиях чиновникам на воспитание детей и устройстве их в учебные заведения за казенный счет, а также о выплатах вдовам чиновников, беспорочно отслуживших в крае. Проект 1871 г. отмечал: «Предоставленными настоящим Положением преимуществами по службе пользуются все лица, поступившие на службу в Туркестанский край с 14 июля 1867 года, те есть со дня образования Туркестанского генерал-губернаторства и те, которые поступят в течение 10 лет со дня утверждения сего Положения»[1042]. Как указывалось, этот проект не получил утверждения в высших инстанциях и туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман через два года представил в правительство новый документ такого же рода. Его суть была изложена в «пояснительной записке». Ее авторы отмечали, что проект «Туркестанского положения» 1867 г. хорошо изъяснил права и преимущества службы в Туркестанском крае. Вместе с тем, по их мнению, было необходимо «службу в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях, подобно Закавказскому краю, считать 5 лет за 7»[1043].

В «записке» указывалось, что поэтому в проекте 1873 г. предлагается: 1. все права и преимущества служащих в Сибири и на Кавказе распространить на чиновников в Туркестанском крае. 2. Увеличить суточные

[1042] РГИА. Ф. 37. Оп. 53. Д. 815 – С Проектом Положения об управлении Туркестанского края. (3 ноября 1871 – 17 марта 1872 года). § 95, § 101. Л. 12 об.
[1043] Пояснительная записка к проекту Положения об управлении областей Туркестанского генерал-губернаторства. СПб., 1874. С. 101.

при переездах на службу в Туркестанский край: генералам – до 5 руб., штаб- и обер-офицерам – до 4 руб., как это было ранее, согласно «высочайше» утвержденному Положению Военного совета от 27 мая 1870 г., что было потом уменьшено. Составители «Пояснительной записки» предлагали материально поощрять тех, кто едет служить в Туркестанский край из «привилегированных губерний», помогать чиновникам края устраивать детей на учебу в центральные высшие учебные заведения, чтобы они потом возвращались служить в Туркестанский край. Они рекомендовали «распространить права и преимущества службы, предоставляемые настоящим Положением чинам Общего управления и на лиц, служащих в Туркестанском крае в ведомстве других министерств»[1044]. Они считали, что сохранение и увеличение прав и преимуществ службы в Туркестанском крае обеспечило бы «хороший состав чиновников, понимающих высокое назначение быть проводниками русского влияния в присоединенной стране»[1045].

В проекте 1873 г. Кауфман заложил возможность замещения должностей по управлению краем не только военными, но и гражданскими лицами. Отмечалось, что при этом было учтено «высочайшее» повеление от 7 ноября 1870 г. «о неназначении военных офицеров в должности вне военного ведомства» [1046] . В «Пояснительной записке» указывалось, что военными должны были быть только губернаторы областей, начальники уездов (так как они командуют войсками в своих пределах) и их старшие помощники, которые замещают их во время отсутствия. Остальные могли быть и в гражданских «классных» чинах. Кауфман еще в рапорте военному министру Д.А. Милютину от 18 января 1873 г. просил предоставить ему право «назначать на должности по управлению генерал-губернаторства, безразлично как чинов гражданских (кроме некоторых должностей,

[1044] Пояснительная записка к проекту Положения об управлении областей Туркестанского генерал-губернаторства. СПб., 1874. С. 103.
[1045] Там же. С. 104.
[1046] Там же. Закона от 7 ноября 1870 г. в ПСЗРИ-2 нет – В.Л.

предназначенных к замещению исключительно военными чинами), так и чинов военных» [1047] . Комиссия, рассматривавшая проект 1873 г., тоже «проектировала постановление о том, что все должности по управлению замещаются безразлично, как военными, так и гражданскими чинами, кроме должностей военных губернаторов, уездных начальников и старших помощников их, на которые исключительно назначаются военные чины»[1048]. Естественно, что все они относились и к полиции.

Как отмечалось, 12 июня 1886 г. получило действительное законодательное утверждение «Положение об управлении Туркестанским краем» [1049] . О правах и преимуществах государственной службы в этом генерал-губернаторстве документ не указывал, поскольку, как отмечалось выше, на следующий день, 13 июня был издан закон об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в западных губерниях и Царстве Польском [1050] . Он упоминал об областях Туркестанского края, а также Семиреченской и Закаспийской, вошедших в его состав только через десятилетие с лишним.

В преамбуле закона отмечалось, что выслуженные прибавки к жалованью и пенсии сохранялись за выслужившими установленные сроки в отдаленных местностях. Указывались пенсионные преимущества, о которых упоминалось выше. Устанавливалась выплата пособий чиновникам Туркестанского края и Семиреченской области пятилетних единовременных пособий, разрешалось брать в Туркестанском крае на службу лиц без «классного» чина до должностей VIII класса включительно и давать им первый чин - коллежского регистратора. Вместе с тем, закон указывал, что на должности IX и VIII классов можно было назначать подходящих людей

[1047] Пояснительная записка к проекту Положения об управлении областей Туркестанского генерал-губернаторства. СПб., 1874. С. 105

[1048] Там же.

[1049] Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанского края. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814. С. 318-344.

[1050] Высочайше утвержденные Правила об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. 13 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3817. С. 347-357.

только с разрешения «главного местного начальства» [1051] . Он допускал выдачу командированным «прогоны на всякие расстояния»[1052]. В «Правилах об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях» отмечалось, что в Туркестанском крае, Семиреченской и Закаспийской областях необходимо предоставить чиновникам особые права и преимущества службы, однако они не распространялись на их коренных уроженцев, кроме тех, кто имел высшее образование, или прожил вне Туркестана не менее 10 лет. Статья 7-я перечисляла особые права и преимущества, которые тоже уже отмечались. Чинам в Туркестанском крае и Семиреченской области (но без Закаспийской) полагалось пособие на подъем и обзаведение - семейным в размере годового оклада жалованья по должности, а одиноким – в две трети оклада, причем, его половина выдавалась перед отправлением на службу, а другая – по прибытии. Чины Туркестанского края, Семиреченской и Закаспийской областей должны были прослужить в них не менее двух пятилетий. Прибавки к жалованью назначались за усердную службу в течение одного или нескольких пятилетий. Служащие в областях Туркестанского генерал-губернаторства (тут не упоминались Семиреченская и Закаспийская области) по выслуге 10 лет получали пособие «в размере ординарных прогонов». Закон устанавливал казенные стипендии для детей чиновников Туркестанского края, Семиреченской и Закаспийской областей, которые уезжали для обучения в учебных заведениях гражданского и военного ведомств. Для учащихся высших учебных заведений полагалась стипендия в 360 руб. в год, для средних – 240, для низших – 120. Если дети учились при родителях, то им до 13 лет выдавалось 100 руб. в год, а с 13 до 18 лет – 150. На поездку для учебы им выдавались «прогоны» на общих основаниях. Предусматривались соответствующие выплаты вдовам и детям (до 17 лет) умерших чиновников.

[1051] Высочайше утвержденные Правила об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. 13 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3817. С. 348.

[1052] Там же.

Следует отметить, что закон от 13 июня 1886 г. касался всех чиновников, работавших в отдаленных местностях Российской империи, включая западные губернии и Царство Польское. Однако законодатель счел необходимым выделить льготы, права и преимущества для служащих именно военного ведомства, в связи с чем через год был издан специальный закон[1053]. Это был фактически экстракт из правового акта от 13 июня 1886 г., но касавшийся службы только по военному министерству в отдаленных округах страны. В статье 1-й перечислялись отдаленные военные округа, в том числе Туркестанский, но Закаспийская область упоминалась отдельно с указанием, что она «признается не смежной с Закавказьем». В статье 7-й повторялись установления однозначной статьи закона от 13 июня 1886 г. Далее в новом законе тоже повторялись положения последнего о пособиях на подъем и обзаведение, о прибавках к жалованью по выслуге. Статья 30-я устанавливала нормы документа 1886 г. о пособиях для воспитания детей чиновников, причем, «без различия приезжих от местных жителей». Это обстоятельство было уточнено законом от 24 марта 1900 г., который предполагал довести кредит на воспитание детей военнослужащих с 13.950 руб. до 19.500 руб., «а взамен сего сократить на 4.500 рублей сумму…на расходы по приему и содержанию посольств, определив таковую в размере 10.000 рублей»[1054]. Закон от 15 июня 1887 г. также разъяснял положения об отпусках чиновников военного ведомства[1055].

В начале 1901 г. закон был дополнен новыми нормативами. Государственный совет постановил: 1. время командировок чинов военного ведомства в отдаленных окраинах Империи не по делам государственной

[1053] Высочайше утвержденные Правила об особых преимуществах государственной службы по военному ведомству в отдаленных местностях Империи. 15 июня 1887 года. // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4597. С. 339-350.

[1054] Высочайшее Повеление, объявленное Военным Министром - О размере содержания Командующего войсками Туркестанского Военного округа и о кредитах, отпускаемых в его распоряжение. 24 марта 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18356. С. 281.

[1055] Высочайше утвержденные Правила об особых преимуществах государственной службы по военному ведомству в отдаленных местностях Империи. 15 июня 1887 года. // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4597. С. 348.

службы не включать во время, необходимое для получения единовременного пособия за 10-летний срок службы. 2. положения о расчете времени на получение такого пособия для лиц, прибывших служить в отдаленных окраинах Империи из «непривилегированных» губерний и областей[1056].

Выше упоминалось о правах и преимуществах государственной службы в Закаспийской области, но в контексте таковых на окраинах Российской империи. Думается, что есть необходимость в более подробном пояснении рассматриваемой проблемы в этой части Русского Туркестана. Уже отмечался факт образования области и утверждения в 1882 г. первого правительственного «положения» об ее управлении. Между тем, 9 января 1883 г. военный министр П.С. Ванновский издал приказ, в котором излагались права и преимущества службы в Закаспийской области, подчиненной ведению кавказского начальства [1057] . В нем отмечалось: 1. едущий служить в Закаспийскую область «получает единовременное пособие и подъемные: при отправлении с Кавказа полугодовой, а из прочих мест - годовой оклад жалованья, соответствующий должности, на которую они назначены и на проезд двойные прогоны по чину до места их назначения»[1058]. 2. Тем, кто будет в Закаспийской области «пользоваться жалованьем не по должностям, а по чинам, выдавать в пособие на подъем: при отправлении с Кавказа - семейным годовой, несемейным – полугодовой и из прочих мест – семейным по двухгодовому окладу, а несемейным по годовому окладу жалованья из основных окладов, независимо от двойных прогонов как тем, так и другим»[1059]. 3. Получившие эти пособия должны были прослужить в Закаспийской области не менее 3-х лет, а кто отъедет раньше этого срока, то должен вернуть сумму, соответствующую

[1056] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О дополнении статьи 29 Правил об особых преимуществах государственной службы по военному ведомству в отдаленных окраинах Империи. 12 февраля 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 19680. С. 71.
[1057] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 760 – Об устройстве управления Закаспийской областью. (2 января 1882 - 4 августа 1884 г.). Л. 206-207.
[1058] Там же. Л. 206.
[1059] Там же. Л. 207.

недослуженному времени. 4. Но те, кто не дослужил по здоровью, или, по распоряжению начальства, или «по другим заслуживающим уважения причинам, от них не зависящим», не должны были ничего возвращать.

В январе 1885 г. права и преимущества государственной службы в Закаспийской области удостоились законодательного утверждения [1060]. Правовой акт указывал, что до издания «закона о преимуществах гражданской службы в отдаленных краях Империи» надо распространить все льготы и привилегии для лиц, служащих в таких местах, и на Закаспийскую область. Как отмечалось, такой закон был издан 13 июня 1886 г. и во многом был повторен в приведенных «Правилах» от 15 июня 1887 г. В апреле 1887 г. была также установлена «прогонная» плата в Закаспийской области: «При следовании по грунтовым дорогам – в размере 5 копеек, а при проезде по железной дороге – в размере двух с половиной копеек за версту и лошадь … впредь до устройства торговых сообщений в Закаспийской области»[1061].

В феврале 1890 г. было утверждено новое «Временное положение об управлении Закаспийской областью»[1062]. Частично права и преимущества службы в Закаспийской области перечислялись в примечании к штатам управления ею [1063]. Этого было достаточно, поскольку подробно они излагались в упоминавшемся выше законе от 22 января 1885 г. Вместе с тем, его установления иногда вступали в противоречия с положениями «Закаспийского положения» 1890 г.

В начале 1892 г. военный министр П.С. Ванновский внес представление в Государственный совет, в котором просил сохранить за некоторыми чинами «военно-народного» управления в Закаспийской области

[1060] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О преимуществах гражданской службы в Закаспийской области. 22 января 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 2688. С. 23.

[1061] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об установлении размера прогонной платы в Закаспийской области. 28 апреля 1887 года // ПСЗРИ-3 Т. 7. СПб., 1889. № 4401. С. 196.

[1062] Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд.1. СПб., 1893. № 6576. С. 70-75.

[1063] Временный штат военно-народного управления Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 2. СПб., 1893. Штаты и табели. № 6576. С. 94.

права, которые они имели до издания «Временного положения об управлении Закаспийской областью» от 6 февраля 1890 г. «Соединенные департаменты» Государственного совета постановили сохранить полностью прежние оклады содержания, причем, вычеты с них в инвалидный, пенсионный капиталы и эмеритальную кассу военного ведомства отнести за счет казны[1064].

Одним из существенных преимуществ административной и полицейской службы в Туркестанском генерал-губернаторстве было льготное лечение чиновников и членов их семей в амбулаториях и больницах края. В конце 1889 г. был издан закон по этому поводу[1065]. Он указывал, что для получения права на бесплатное лечение и пользование медикаментами чиновники должны были отчислять из своих окладов по 2,5% в год на госпитали и лечение, а тем, кто не платил, полагалась такая же процентная прибавка. Для того чтобы получить такое право, надо было подать прошение в областное правление, которое переправляло его в Канцелярию туркестанского генерал-губернатора на утверждение «Главного начальника» края. После этого список утвержденных «бесплатников» направляли в Туркестанское окружное военно-медицинское управление и областным врачам. Так, 4 января 1895 г. краевая канцелярия уведомила указанное управление о том, что среди служащих по центральному административно-полицейскому управлению Туркестанского края право на бесплатное лечение и бесплатные медикаменты имеют 25 чел., в семьях которых числится 26 женщин и 55 детей обоего пола.

[1064] Высочайше утвержденное Мнение Соединенных департаментов Законов и Государственной экономии Государственного совета – О разъяснении законоположений, касающихся оплаты вычетов из содержания некоторых должностных лиц, поступивших на службу в Закаспийскую область до издания нового Положения об управлении сей областью. 23 марта 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8455. С. 186.

[1065] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О праве бесплатного лечения и пользования медикаментами лиц, служивших в Туркестанском крае по административно-полицейскому управлению и о способах покрытия расходов по сему предмету. 14 декабря 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. С. 655.

18 января 1895 г. военный губернатор Ферганской области, генерал-майор А.Н. Повало-Швейковский писал в Туркестанское окружное военно-медицинское управление о том, что среди подведомственных ему служащих по административно-полицейскому управлению области имеют право на бесплатное лечение и бесплатные лекарства 52 чел., имеющих жен и детей в количестве 130 душ обоего пола. К их числу относились и начальники уездных полиций и приставы. 20 января 1895 г. военный губернатор Сырдарьинской области., генерал-лейтенант Н. И. Корольков прислал тому же адресату список своих «бесплатников», среди которых числились: полицейский пристав, титулярный советник Езерский (жена и 3 детей), полицейский пристав, коллежский асессор Седов (жена и 5 детей), секретарь полицейского управления «Русской части» г. Ташкента, не имеющий чина Михайлов (жена и 6 детей), начальник Казалинской уездной полиции, полковник С.Р. Путинцев (жена и дочь) и др. 15 февраля 1895 г. прислал список лиц, имеющих право на бесплатное лечение и лекарства военный губернатор Самаркандской области. В списке было 51 чел.[1066]. Из лиц, относившихся к полиции в нем числились: полицмейстер г. Самарканда, капитан М.Д. Левшин (без данных о семье), секретарь полицейского управления г. Самарканда, титулярный советник М.П. Введенский (жена), полицейский пристав, коллежский асессор И.С. Добровольский (жена), Пенджекентский участковый полицейский пристав, капитан Пузыревский (без данных о семье), полицейский пристав г. Катта-Кургана, титулярный советник В. М. Соболев (жена и 3 дочерей), Багдошский участковый полицейский пристав, капитан Скварский (без сведений о семье).

Следует отметить, что вышеупомянутый закон о бесплатном лечении и медикаментах касался только областей Туркестанского генерал-губернаторства (края), но не имел отношения к Закаспийской области, которая тогда не входила в его состав. Однако, в августе 1900 г. его действие

[1066] РГВИА. Ф. 1402. Оп. 2. Д. 37– Сведения о количестве служащих по административно-полицейскому управлению края, имевших право на бесплатное лечение (1898). Л. 7-10.

было тоже распространено и на нее, уже подчиненную к тому времени краевой военной администрации в регионе Средней Азии[1067].

Иногда возникали проблемы с правами и преимуществами медицинских работников в Туркестанском крае. Так, например, в 1909-1913 гг. рассматривался вопрос о восстановлении в правах и преимуществах отдаленной службы 36-ти врачей и фармацевтов, перемещенных из одной отдаленной местности Туркестанского края. Он возник из-за того, что они перемещались по службе в пределах края без предварительного согласования с военным министерством. Но в целом проблема была разрешена положительно[1068]. Поскольку все лучше познается в сравнении, то нелишне указать, что в 1902 г. был издан закон о том, что полиция «военно-народного» управления в Дагестанской области тоже могла пользоваться бесплатными лекарствами из окружных аптек за счет средств Главного военно-медицинского управления военного министерства[1069].

Есть основания полагать, что в странах Западной Европы положение полицейских в рассматриваемом отношении во второй половине XIX – начале XX в. отличалось от условий жизни их российских коллег. Так, исследователь И.А. Андреева не рассматривает вопрос о материальном обеспечении французских полицейских, их правах и преимуществах в период нового времени, но она вскользь упоминает о том, что парижский префект Л. Лепин «добился повышения жалования стражам порядка в 1894 г., введения для них системы дополнительных пособий (на одежду, жилье, в случае отставки, рождения детей). Все эти преимущества сделали парижских

[1067] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О предоставлении чинам военно-народного управления Закаспийской области права бесплатного лечения в военно-врачебных заведениях и бесплатного же пользования медикаментами из аптек сих заведений. 7 августа 1900 года. // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19159. С. 1003.

[1068] См.: РГВИА. Ф. 546. Оп. 2. Д. 3856 - О восстановлении в правах и преимуществах отдаленной службы 36-ти врачей и фармацевтов, перемещенных из одной отдаленной местности Туркестанского края в другую без предварительного разрешения военного министра (1909-1913).

[1069] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О предоставлении права чинам военно-народных управлений и их семействам 6-ти округов Дагестанской области пользоваться лекарствами из окружных аптек. 13 сентября 1902 года. // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд.1. СПб., 1904. № 22002. С. 844.

полицейских предметом зависти их провинциальных коллег»[1070]. И не более того. Однако из этого можно сделать вывод о том, что во всех прочих местах Франции ничего не делалось в этом отношении ни до, ни после 1894 г.

Представляется очевидным, что в царской России единая и обширная по числу гражданского охвата пенсионная система сложилась еще в начале Нового времени. Она распространялась не только на чиновников, но и на многих представителей простого народа. То же можно сказать о правах, льготах и преимуществах полицейской службы. Особые преференции в пенсионном и ином обеспечении имели служащие в отдаленных местностях Российской империи, включая и Русский Туркестан. Работать в них не считалось выгодным и престижным, в связи с чем государство старалось привлечь людей на службу на окраинах страны более высокими пенсионными выплатами, льготами и преимуществами по службе, а также прочими жизненными условиями. Так было и в Средней Азии. Это не имело большого успеха, однако, тем не менее, в Русский Туркестан приезжали служить люди, увлеченные романтикой Востока, чиновники, надеявшиеся на скорое карьерное продвижение, лица, проштрафившиеся на должностях в России и др. Вместе с тем, есть основания утверждать, что пенсионное и иное обеспечение низших чинов администрации и полиции как в самой России, так и в областях Средней Азии было недостаточным и с трудом поддерживало их жизненное существование.

5.3. Обеспечение полицейских чинов квартирным и форменным довольствием

а) *О решении квартирного вопроса в туркестанской полиции*

Как отмечалось, проблема квартирного обеспечения полицейских служащих в царской России не получило над собой должной научной

[1070] *Андреева И.А.* Полицейская система Франции: монография. Омск: Омская Академия МВД России, 2011. С. 138.

рефлексии. Между тем, анализ российского законодательства второй половины XVII – начала XX в. показывает, что оно предусматривало решение жилищного вопроса полицейских чиновников. При императоре Николае I, в нормативно-правовых актах на это указывалось нередко, но применительно к различным категориям чиновников и даже священнослужителей как православной, так и иных христианских конфессий. Вместе с тем, преимущество в квартирном обеспечении отдавалось военнослужащим [1071] . Отдельных законодательных актов по квартирным деньгам для чинов полиции принималось немного. К ним относился, например, закон от 8 мая 1844 г., согласно которому полицмейстерам Санкт-Петербурга выделялось в год на квартиры по 1.000 руб.[1072]. Во многих актах по полиции об этом даже не упоминалось[1073]. Видимо, законодатель полагал, что полицейские чины будут сами решать эту проблему за счет своего жалованья, включавшего и «квартирные» деньги. В 1850-х гг. «убогая комната с мебелью, отоплением, самоваром и прислугой» в С-Петербурге обходилась в 60 руб. серебром в год. Цены на квартиры в провинции были, конечно, на порядок ниже, не исключая и Москву. Так, например, в указанный период городской полицмейстер в Вологде получал в год «квартирных» денег около 140 руб. серебром, частный пристав - 85 руб.,

---

[1071] См. напр.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об улучшении в Астрахани квартирного довольствия военно-сухопутным и морским чинам. 30 июня 1828 года // ПСЗРИ-2. Т. 3. Отд. 1. СПб., 1830. № 2118. С. 648-650; Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О производстве квартирного довольствия по новому Положению со времени получения иного на месте. 26 ноября 1829 года // ПСЗРИ-2. Т. 4. СПб., 1830. № 3296. С. 806-807; Высочайше утвержденные правила в руководство Комитета, Высочайше утвержденного в 18 день августа 1814 года, для пособия раненым и семействам убитых на сражении и умерших от ран. 12 декабря 1829 года // ПСЗРИ-2. Т. 4. СПб., 1830. № 3333. Ч. 1. Глава VIII. С. 855.

[1072] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О квартирных деньгах С-Петербургским полицмейстерам. 8 мая 1844 года // ПСЗРИ-2. Т. 19. Отд.1. СПб., 1845. № 17902. С. 328.

[1073] См. напр.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета – О новом штате Таганрогской городской полиции. 3 июня 1853 года // ПСЗРИ-2. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1854. № 27314. С. 276.

квартальный надзиратель - 55-57 руб.[1074]. Таким образом, фактически каждый из них мог снять приемлемую для своего положения квартиру.

Обеспечение жильем полагалось чиновникам всех государственных ведомств. Однако в мае 1839 г. император Николай I утвердил закон о «квартирных» деньгах именно для полицейских чиновников в российских городах [1075]. Он был закреплен в статье 1056-й «Устава о службе по определению правительства»[1076]. В приложении к ней разъяснялись основные его положения[1077]. Однако их исполнение не было однозначным. Поэтому они были со временем усовершенствованы и в 1896 г. «Устав о службе по определению правительства» указывал: «Квартиры натурой отводятся для помещения гражданских чиновников или от правительства, или от обывателей» [1078]. Последний вариант был особенно характерен для периферии. «Устав о земских повинностях» отмечал, что местные «обыватели» должны нести квартирную повинность в пользу полицейских, предоставляя им жилье [1079]. Приложение к примечанию к статье 557-й «Устава о службе по определению правительства» устанавливало, что предоставление квартир «не распространяется на города, в коих порядок удовлетворения полицейских чиновников квартирным довольствием определено особыми, утвержденными для этих городов, штатами

[1074] См.: Петровский И.В. Социальный портрет чиновничества городских учреждений города Вологды середины XIX в. // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное. Материалы XII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 29-30 мая 2008 г. М., РУДН, 2008. С. 323.

[1075] Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О квартирных деньгах и помещениях для полицейских чиновников в губернских, уездных и других городах. 16 мая 1839 года // ПСЗРИ-2. Т.14. Отд. 1. СПб., 1840. № 12353. С. 446-448.

[1076] Устав о службе по определению правительства. Книга первая // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1857. С. 224.

[1077] Приложение к статье 1056-й «Устава о службе по определению правительства». О квартирных деньгах и помещениях для полицейских чиновников в губернских, уездных и других городах // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1857. С. 732.

[1078] Устав о службе по определению правительства. Книга первая. Издание 1896 года // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1912. Статья 553. С. 103.

[1079] Устав о земских повинностях. Издание 1899 года. // Свод законов Российской империи. Т. 4. СПб., 1912. С. 321-324. С. 177-178.

полиции»[1080]. Изучение данных историографии и источников показывает, что в большинстве случаев правительство не могло обеспечивать всех чиновников (кроме крупных), в том числе и полицейских, казенными квартирами. Поэтому, как правило, оно ограничивалось предоставлением им компенсации в виде, так называемых «квартирных денег». Закон устанавливал: «Квартирные деньги производятся за треть года вперед, по наступлении первого числа того месяца, с которого треть начинается»[1081].

Безусловно, иногда, как отмечалось, царская власть издавала специальные узаконения о «квартирных» деньгах для полицейских чиновников [1082] . Однако, чаще всего, сведения о них закладывались в законодательных актах о полицейских штатах. Так, по штату Киевской городской полиции «квартирные» полагались полицмейстеру (700 руб. в год), его помощнику (500 руб.), помощникам приставов (200 руб.) и околоточным надзирателям (по 50 руб.)[1083]. Характерно, что о «квартирных» деньгах для городских приставов и сотрудников канцелярии Киевской полиции законодатель не упоминал. В законе о штате Новочеркасской полиции указывалось, что чины городской полиции, вплоть до околоточных надзирателей, получали от города либо квартиры, либо «квартирные деньги»[1084].

В Русском Туркестане квартирный вопрос долгое время не получал законодательной рефлексии, в связи с чем он решался местными властями, исходя из существующих обстоятельств. Проект «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях» 1867 г. приводил

[1080] Приложение к статье 557 (прим.). О квартирном довольствии полицейских чиновников. Устав о службе по определению правительства. Книга первая. Издание 1896 года // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1912. Пункт 6. С. 166.

[1081] Устав о службе по определению правительства. Книга первая. Издание 1896 года // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1912. Статья 583. С. 105

[1082] См. напр.: Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – О назначении Полицмейстеру города Новочеркасска двойных квартирных денег. 7 марта 1870 года // ПСЗРИ-2. Т. 45. Отд. 1. СПб., 1874. № 48108. С. 237.

[1083] Высочайше утвержденный 25 февраля 1875 года штат Киевской городской полиции // ПСЗРИ-2. Т. 50. Отд.3. СПб., 1877. № 54433 Штаты и табели. С. 122.

[1084] Высочайше утвержденный 17 декабря 1877 года штат Новочеркасской полиции // ПСЗРИ-2. Т. 52. Отд. 3. СПб., 1879. Штаты и табели. № 57998. Пункт 2. С. 436.

штаты туркестанской краевой администрации, но в примечаниях к ним указывал что «служащим по военно-народному управлению *квартирного довольствия не полагается*»[1085]. (Курс. – В.Л.)

Характерно, что в проектах «Туркестанского положения» 1871 и 1873 гг., поданных первым туркестанским генерал-губернатором К.П. Кауфманом в правительство, вопрос о квартирном обеспечении чиновников администрации и полиции вообще не рассматривался[1086]. Позже «первоустроитель», видимо, учел это обстоятельство и во «всеподданнейшем» отчете о своем управлении краем предлагал давать казенные квартиры начальникам уездной полиции [1087] . Однако, авторы проекта «Туркестанского положения» 1881 г. тоже проигнорировали квартирный вопрос [1088] . В этом не было ничего странного, поскольку туркестанская администрация, переложила оплату предоставления квартир полицейским чиновникам на городские доходы и земские сборы и не считала нужным закреплять это законодательно. Все устанавливалось приказами генерал-губернатора по «военно-народному» управлению. Ревизор Туркестанского края в 1882-1883 гг., тайный советник Ф.К. Гирс писал в отчете: «Чины исполнительной полиции (г. Ташкента – В.Л.) имеют квартиры от города, кроме одного помощника при начальнике города, получающего квартирные деньги из городских же сумм – по чину Майора,

---

[1085] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. С. 74.

[1086] См.: РГИА. Ф. 37. Оп. 53. Д. 815 – С Проектом Положения об управлении Туркестанского края. (3 ноября 1871 – 17 марта 1872 года); Положение об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства. СПб., 1873. // РГВИА. Ф. 546. Оп. 2. Д. 4898. Л. 20-71 об. (печатное); РГВИА. Ф. 546. Оп. 2. Д. 4898 - Переписка по Проекту Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством. (1873); РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 370 - О рассмотрении нового проекта Положения об управлении Туркестанского генерал-губернаторства (1874-75); Пояснительная записка к проекту Положения об управлении областей Туркестанского генерал-губернаторства. СПб., 1874. 109 с. и др.

[1087] Проект Всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881. СПб., 1885. С. 92.

[1088] См.: ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1758 - Объяснительная записка к Проекту Положения об управлении Туркестанском генерал-губернаторстве, составленная Колпаковским, Абрамовым и др. (1881 г.).

285 р. 15 к.»[1089]. Он признавал, что такие траты обременительны для городских бюджетов и предлагал облегчить их положение. Гирс напоминал о том, что в 1879 г. Генерального штаба полковник А. Н. Куропаткин предложил ввести взамен воинской повинности для «туземцев» Туркестанского края, которой они очень боялись, специальный «квартирный» налог, который мог бы давать ежегодно 3.125.000 руб. Его можно было бы взимать на основании «Устава о земских повинностях»[1090]. Ревизор указывал, что туркестанский генерал-губернатор Кауфман запросил по этому поводу мнение военных губернаторов Сырдарьинской и Ферганской областей, однако они отвергли такую идею. Гирс отмечал, что наем квартир у мусульман затруднителен из-за традиционных женских «половин» в их домах. Он указывал, что, поскольку дома под квартиры власти не строят, а жить чиновникам в казармах трудно – в них холодно и сыро, то в Туркестанском крае нужно ввести специальный налог, за счет которого можно было бы строить дома под квартиры чиновников[1091]. Несмотря на то, что военное министерство, в ведении которого находился край, отказалось внедрить такое мероприятие, тем не менее, в «степных» областях[1092] оно было действительным образом реализовано на практике, что нашло отражение в законодательном плане[1093].

На решение квартирного вопроса в Туркестанском крае влияли соответствующие правительственные установления[1094]. Они не имели

[1089] Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. - СПБ., 1884. С. 51 в сноске.

[1090] Устав о земских повинностях. Отделение 8. О квартирных потребностях // Свод законов Российской империи. Т. 4. СПб., 1900. Статьи 604-653. С. 143-147.

[1091] Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. - СПБ., 1884. С. 414-421.

[1092] К «степным» областям относились: Акмолинская, Семипалатинская, Уральская и Тургайская – В.Л.

[1093] См.: Уставы о прямых налогах. Примечание к статье 743. Издание 1903 года // Свод законов Российской империи. Т. 5. СПб., 1912. С. 88.

[1094] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О производстве квартирного довольствия чиновникам военно-окружных управлений и управлений местных войск, а также чиновникам и мастеровым классных чинов артиллерийского ведомства. 25 апреля 1872 года // ПСЗРИ-2. Т. 47. Отд. 1. СПб., 1875. Дополнения к 47-му тому Втор. Собр. Зак. № 50774-а. С. 62; Высочайше утвержденное Мнение

прямого отношения к квартирному обеспечению чинов полиции в крае, однако ее офицерский состав получал жилье по нормам указанных документов. Более того, в январе 1907 г. Военный совет принял постановление о выдаче офицерским и «классным» чинам вторых квартирных денег с 1 сентября 1904 г. по 1 января 1908 г., «если введение новых квартирных окладов в Туркестанском округе не последует ранее»[1095]. Нижние чины туркестанской полиции не имели прав на получение квартир, тогда как простые солдаты Туркестанского военного округа получали по 12 руб. в год на квартирные нужды их семейств, причем, даже те, кто имел собственные дома[1096]. В Закаспийской области такие выплаты нижним чинам и их семействам были установлены еще в начале 1884 г.[1097]. Нельзя полагать, что это обстоятельство отстоит от рассматриваемой здесь проблематики туркестанской полиции, поскольку офицеры и нижние чины войск нередко привлекались к проводимым ею акциям. Например, во время «холерного» бунта 1892 г. в Ташкенте, Андижанского мятежа мусульман-фанатиков в 1898 г., или в революционных событиях 1905-1907 гг. в Средней Азии, не говоря уже о региональном антицаристском и антирусском восстании коренного мусульманского населения в 1916 г.

«Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г. детально прописывало материальное обеспечение чинов администрации и полиции - денежное (жалованье, «столовые») и квартирное довольствие. Губернаторам

Государственного совета – О преобразовании квартирного довольствия генералов и офицеров. 31 мая 1872 года // ПСЗРИ-2. Т. 47. Отд. 1. СПб., 1875. № 50915. С. 760-762; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании воинской квартирной повинности. 8 июня 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 53623. С. 865-870.

[1095] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О выдаче офицерским и классным чинам 11-го Туркестанского стрелкового батальона вторых квартирных денег. 9 января 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 28775. С. 12.

[1096] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об отпуске квартирных денег семействам нижних чинов, служащих в Туркестанском военном округе. 16 марта 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8427. С. 171.

[1097] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О квартирном довольствии семейств нижних чинов в Закаспийской области. 20 января 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. Дополнения к 4-му тому Третьего ПСЗРИ. № 1976 а. С. 299.

всех трех областей края, как одновременно и начальникам областных полиций, предоставлялись казенные квартиры. Вскоре был издан закон об улучшении жилищных условий туркестанского генерал-губернатора и военных губернаторов областей края[1098]. Государственный совет постановил: «Отпускать ежегодно в виде нормальных кредитов на содержание дома, дачи и сада при Туркестанского генерал-губернаторе по двадцати тысяч рублей, а на содержание домов и дач военных губернаторов Туркестанского края по десяти тысяч рублей с предоставлением сей последней суммы в распоряжение местного генерал-губернатора для распределения оной, по ближайшему его усмотрению, между военными губернаторами означенного края»[1099].

4 июня 1898 г. законодатель указал: «Должностям военных губернаторов Самаркандской, Ферганской и Сырдарьинской областей…присвоить с 1 июля 1898 года оклад содержания в 10.000 рублей в год, *независимо от квартир в натуре или квартирных денег* и права пользоваться путевыми пособиями…на общем основании»[1100]. (Курс. – В.Л.) 28 октября 1889 г. на заседании «Соединенных департаментов» Государственного совета, обсуждавших проект «Временного положения об управлении Закаспийской областью», министр финансов И.А. Вышнеградский предложил отнести расходы «по производству квартирных денег Участковым Приставам и Уездным Начальникам на существующий в Области сбор на общественные надобности»[1101].

[1098] Высочайше утвержденное Мнение Департамента Государственной Экономии Государственного совета - Об определении размера кредита на содержание домов и дач Генерал-Губернатора и Военных Губернаторов в Туркестане. 14 июня 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд.1. СПб., 1893. № 6971. С. 566.

[1099] Там же.

[1100] Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета – Об увеличении содержания военным губернаторам и начальникам областей, состоящим в ведении военного министерства. 4 июня 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 190., № 15525. С. 447.

[1101] Россия. Государственный совет. Об изменении положения и штатов управления Закаспийской области. Представление Военного министерства. 28 октября 1889 года. СПб., 1889. С. 6.

Казенные квартиры в Туркестанском крае, кроме «Главного начальника края», губернаторов, были также положены начальнику Амударьинского отдела, Сырдарьинской области, его помощнику, начальникам уездных полицейских управлений, их старшим помощникам, ташкентскому полицмейстеру и городским приставам, полицейским приставам в гг. Казалинске и Петро-Александровске, полицмейстерам в Новом Маргилане и Самарканде, а также всем 16 участковым полицейским приставам Туркестанского края [1102] . Статья 405-я «Устава о земских повинностях» указывала, что за счет земских сумм в областях Туркестанского края следует относить, в частности, «расходы по выдаче квартирных денег, взамен квартир в натуре (там, где их не существует) уездным начальникам, полицмейстерам, помощникам уездных начальников и участковым полицейским приставам» [1103] . Уточнение сумм содержалось в примечаниях к штатам «Туркестанского положения» 1886 г. Пункт 7-й в них указывал: «Взамен квартир в натуре, где их не существует, выдаются из земского сбора квартирные деньги: уездным начальникам и полицмейстерам – по пятисот, помощникам уездных начальников – по четыреста и участковым полицейским приставам – по триста рублей в год»[1104]. Нельзя считать, что такое финансирование квартирного обеспечения было характерно только для областей Русского Туркестана, находившихся в ведении военного министерства. 4 мая 1889 г. был издан закон о «квартирном довольствии» полицейских чиновников в краях, губерниях и областях, управлявшихся по «Общему губернскому учреждению», то есть подчиненных Министерству внутренних дел[1105].

[1102] Штат управления Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. Штаты и табели. С. 108-112.

[1103] Устав о земских повинностях. Издание 1899 года. // Свод законов Российской империи. Т. 4. СПб., 1912. С. 194.

[1104] Штат управления Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. Штаты и табели. С. 115.

[1105] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О квартирном довольствии полицейских чиновников. 4 мая 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 5976. С.183-184.

Повышение квартирного довольствия полицейским чиновникам МВД вызвало интерес у Туркестанской Казенной палаты – органа министерства финансов в крае. В августе 1889 г. она отправила в Государственный контроль запрос о том, «из каких сумм следует выдавать квартирные деньги городским приставам – из земских или городских»[1106]. Государственный контроль обратился за консультациями в МВД. 7 сентября 1889 г. Департамент общих дел МВД переправил этот запрос в Главный штаб. Азиатская часть поставила 16 сентября 1889 г. в известность об этом туркестанского генерал-губернатора и испрашивала его мнение по этому вопросу. Исполняющий должность туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенант А.А. Яфимович писал 21 октября 1889 г. в Главный штаб о том, что, по его мнению, надо отнести «расходы по квартирному довольствию городских приставов во всех городах края на городские средства подлежащих городов»[1107]. Азиатская часть поинтересовалась у Яфимовича, в пределах каких сумм следует выдавать квартирное довольствие городским приставам. Он отвечал ей 23 декабря 1889 г., что в Туркестанском крае уездным полицейским приставам выдается квартирных денег в сумме 300 руб. в год и поэтому надо столько же выдавать и приставам в крупных городах. Дальше началось согласование по этому вопросу с «заинтересованными» ведомствами – МВД, Государственным контролем и министерством финансов. «Товарищ» министра внутренних дел писал 21 февраля 1890 г. военному министру П.С. Ванновскому о том, что его ведомство не против того, чтобы городские приставы в Ташкенте, Казалинске, Новом Маргилане и Самарканде были приравнены ко «2-му разряду местностей, указанных в расписании, установленном для исчисления квартирных окладов военным и полицейским чинам»[1108]. Государственный контролер сообщал 9 марта 1890 г. военному министру о том, что он не

[1106] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1317 – О квартирных деньгах городским полицейским приставам в Туркестанском крае. Л. 1.
[1107] Там же. Л. 3 об.
[1108] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1317 – О квартирных деньгах городским полицейским приставам в Туркестанском крае. Л. 13-13об.

против назначения городским приставам Туркестанского края «квартирных» по 300 руб. в год. Как обычно, не спешило с ответом министерство финансов. Только 28 августа 1890 г. «товарищ» министра финансов, тайный советник Д.Ф. Кобеко писал военному министру о том, что его ведомство считает неправильным замену предоставления квартир «натурой» выдачей «квартирных» денег. Азиатская часть Главного штаба уведомила 2 сентября 1890 г. об этом туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенанта А.Б. Вревского. Он писал 21 декабря 1890 г. начальнику Главного штаба о том, что поддерживает прежнее предложение генерала Яфимовича, так как «отнесение на городские доходы квартирного довольствия городских приставов признается вполне возможным»[1109]. Далее в деле приводятся сведения Канцелярии туркестанского генерал-губернатора о сметах доходов и расходов таких городов Туркестанского края, как: Коканд, Самарканд, Катта-Курган, Новый Маргилан и Казалинск.

Смета доходов и расходов г. Ташкента за 1888 г. публиковалась в газете «Туркестанские ведомости»[1110]. О том, как была исполнена ташкентская «смета» в 1888 г. сообщала та же газета в 1889 г.[1111]. В начале августа 1889 г. была опубликована смета доходов и расходов города, намеченная Ташкентской городской думой на 1889 год[1112]. В ноябре 1890 г. «Туркестанские ведомости» сообщали об исполнении ташкентской городской сметы доходов и расходов за 1889 год[1113]. Через неделю газета опубликовала городскую смету Ташкента на 1890 год[1114]. Из приведенных в архивном деле городских смет и опубликованных ташкентских явствовало, что города Туркестанского края способны были выплачивать «квартирные» деньги местным полицейским приставам из своих бюджетов. Поэтому военный министр П.С. Ванновский писал министру финансов

[1109] Там же. Л. 22.
[1110] Туркестанские ведомости. 1888. № 27. 12 июля; там же. № 29. 26 июля.
[1111] Там же. 1889. № 30. 25 июля.
[1112] Там же. № 31. 1 августа.
[1113] Там же. 1890. № 46. 13 ноября.
[1114] Туркестанские ведомости. № 47. 20 ноября.

И.А. Вышнеградскому о том, что его ведомство внимательно изучило сметы доходов и расходов крупных городов Туркестанского края и пришло к выводу о том, что надо, чтобы управления городов края сами назначали, исходя из своих возможностей, размер квартирных денег городским приставам, так как никаких иных, кроме городских сумм, «источников на выдачу квартирных денег названным чинам не имеется»[1115].

И.А. Вышнеградский отвечал 14 февраля 1891 г. военному министру, что он не имеет ничего против такого решения вопроса и рекомендовал военному министерству войти с соответствующим представлением на «Высочайшее имя» о том, чтобы городским приставам Туркестанского края, за неимением квартир «натурой», выдавали пособия для найма квартир в размере 300 руб. в год. Ванновский внял совету коллеги и отдал распоряжение Азиатской части Главного штаба разработать соответствующее представление в Государственный совет. Она подготовила такой документ 22 февраля 1891 г., в котором предлагала дополнить штаты, определенные «Туркестанским положением» 1886 г., установлением: «Городским полицейским приставам взамен квартир в натуре, где их не существует, выдавать по 300 рублей в год из городских средств»[1116].

Государственный совет рассматривал это представление военного министерства в «Соединенных департаментах» и вынес по этому поводу решение, одобренное Общим собранием членов Совета. Председатель Государственного совета сообщал 3 июня 1891 г. военному министру о том, что в тот же день император утвердил принятый документ [1117]. Закон полностью повторял вышеприведенное предложение военного министерства. Однако он мало улучшил решение вопроса об обеспечении полицейских Туркестанского края государственным жильем. 21 ноября 1898 г.

[1115] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1317 – О квартирных деньгах городским полицейским приставам в Туркестанском крае. Л. 112 об.
[1116] Там же. Л. 118 об.
[1117] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О размерах квартирных денег для полицейских приставов в городах Туркестанского края. 3 июня 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7787. С. 352.

туркестанский генерал-губернатор, генерал-лейтенант С.М. Духовской сообщал в рапорте военному министру о том, что, за неимением казенных квартир, большинство полицейских края по-прежнему живет на частных квартирах[1118].

Нелишне заметить, что выплаты по квартирному довольствию должны были учитывать и расходы на отопление и освещение жилья, для чего существовало специальное расписание [1119] . Оно было составлено на основании закона от 20 мая 1902 г.[1120]. Он делил города и веси России на 8 разрядов. Полные генералы получали на отопление и освещение квартир в год по 1-му разряду – 500 руб., а по 8-му – 125 руб. Далее соответственно: генерал-лейтенанты – 375 и 100; генерал-майоры – 250 и 75; штаб-офицеры (полкового уровня) – 200 и 62 р.50 коп.; прочие штаб-офицеры – 150 и 37 р.50 коп.; обер-офицеры (ротного уровня) – 100 и 25; прочие обер-офицеры – 62 р.50 коп. и 17 р.50 коп.[1121]. Закон касался военных, однако, понятно, что он напрямую относился и к чинам туркестанской полиции, подчиненной военному ведомству.

Безусловно, указанные выше выплаты в значительной мере облегчали решение квартирного вопроса чиновниками Туркестанского края, однако ненадолго. В конце XIX – начале XX в. хорошие квартиры в Ташкенте и крупных городах региона серьезно подорожали. Особенно подскочили цены на квартиры в краевом центре. В 1892 г. военный министр П.С. Ванновский вошел с представлением в Государственный совет о назначении «квартирных» денег начальнику г. Ташкента и его помощнику. В конце года

[1118] РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 2229 – Об усилении штатов полицейских команд в городах Туркестанского края. (8 декабря 1898 г. – 8 июня 1903 г.). Л. 1.

[1119] Расписание окладов офицерских чинов на отопление и освещение квартир // Свод законов Российской империи. Т. 4. СПб., 1912. С. 284; Расписание окладов офицерских чинов на отопление и освещение квартир // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 2. СПб., 1904. Штаты и табели. № 21484. С. 172.

[1120] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об установлении новых расписаний квартирных окладов для воинских чинов, управлений, штабов и заведений военного ведомства. 20 мая 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21484. С. 362-363.

[1121] Расписание окладов офицерских чинов на отопление и освещение квартир // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 2. СПб., 1904. Штаты и табели. № 21484. С. 172.

закон был подготовлен, обсужден в Государственном совета и утвержден царем[1122]. Он имел самое непосредственное отношение рассматриваемой теме, поскольку начальник Ташкента ведал всей городской полицией как русской, так и «туземной». Начальнику Ташкента был установлен оклад «квартирных» денег в 500 руб. в год, а его помощнику - 400 руб. Закон предписывал: «Вызываемый этой мерой расход в количестве девятисот рублей ежегодно отнести на средства города Ташкента»[1123].

Через несколько дней после издания этого законодательного акта, 10 декабря 1902 г. туркестанский генерал-губернатор Н.А. Иванов писал в рапорте военному министру А.Н. Куропаткину о том, что за время после утверждения «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г. цены на квартиры из 1-3 комнат возросли на 115%[1124]. Можно с уверенностью утверждать, что в последующем они возросли еще более – в полтора, а то и два раза[1125]. Особенно резко повышение цен на квартиры происходило в годы первой мировой войны, когда в Среднюю Азию хлынул поток беженцев из Европейской России и плата за них достигла небывалых ранее размеров.

Нельзя сказать, чтобы правительство никак не реагировало на меняющиеся обстоятельства жилищного вопроса в Средней Азии. В 1898 г. был издан закон о квартирном довольствии офицеров, «классных» чиновников и лиц военного духовенства Закаспийской области во время командировок и временных отлучек, которые ранее несли серьезные траты в этом отношении[1126]. Законом от 3 июня 1911 г. были введены новые оклады квартирных выплат для офицерских, «классных» и медицинских чинов

[1122] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О назначении квартирных денег Начальнику города Ташкента и его Помощнику. 7 декабря 1892 года // ПСЗРИ-3. Т.12. СПб., 1895. № 9129. С. 675.

[1123] Там же.

[1124] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2867 – Об увеличении содержания чинам административно-полицейского управления Туркестанского края. (1902-1903 гг.). Л. 8 об.

[1125] См.: РГВИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 456 - Дело о мерах борьбы с дороговизной квартир и земель в Туркестанских городах (1910). Лл. 1, 3, 4, 6, 9.

[1126] Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета – О производстве квартирных денег офицерским и классным чинам и лицам военного духовенства войск Закаспийской области во время командировок и других отлучек по делам службы. 18 мая 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15420. С. 341.

военного ведомства и военного духовенства Туркестанского военного округа, а также утверждено расписание местностей округа по разрядам для исчисления означенных окладов[1127]. Как отмечалось, всего устанавливалось 8 разрядов. Через полтора года был принят упоминавшийся выше закон, согласно которому из земских сборов на средства Государственного казначейства перечислялись и расходы «по квартирному довольствию чинов полиции»[1128]. Это перекликалось с принятым ранее законом об изменении некоторых правил об удовлетворении квартирным «довольствием» офицерских и «классных» чинов[1129].

Выше упоминалось о правовых актах, касавшихся полиции Закаспийской области, изданных после ее присоединения к Туркестанскому краю. Однако логика исследования квартирного вопроса в данном случае требует свидетельства о том, как он решался в ней до указанного факта. В штатах, приложенных к первому «Закаспийскому положению» 1874 г., казенная квартира полагалась только его начальнику [1130] . Проект «Временного положения об управлении Закаспийской областью» 1882 г. о квартирном обеспечении чинов администрации и полиции не упоминал[1131].

[1127] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон - Об установлении новых расписания квартирных окладов для офицерских, классных и медицинских чинов военного ведомства и военного духовенства Туркестанского военного округа и расписания местностей сего округа по разрядам для исчисления означенных окладов. 3 июня 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1914. № 35447. С. 528; Расписание местностей Туркестанского военного округа по разрядам для исчисления квартирных окладов для офицерских, классных и медицинских чинов военного ведомства и военного духовенства // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 2. СПб., 1914. Штаты и табели. № 35447. С. 281-283.

[1128] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об улучшении земских и городских финансов. 5 декабря 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 38452. С. 1631.

[1129] Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об изменении некоторых правил об удовлетворении квартирным довольствием офицерских и классных чинов строевых воинских частей и унтер-офицеров дополнительного штата Губернских жандармских управлений. 24 мая 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 35266. С. 399-400.

[1130] Высочайше утвержденный 9 марта 1874 года Штат управления Закаспийского Военного отдела // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 3. СПб., 1876. № 53233. С. 36.

[1131] См.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 692 - Об устройстве управлений и войск Закаспийской области. (8 февраля 1881- 31 марта 1882 г.).

Но и в «высочайше» утвержденном варианте «Закаспийского положения» от 6 июня 1882 г. в не было никаких указаний по этому поводу[1132]. В этом не было ничего странного, поскольку область подчинялась начальству Русского Кавказа, где действовали нормативы квартирного обеспечения офицеров и «классных» чинов, в том числе полицейских, установленные законом от 22 августа 1868 г.[1133]. Они были подтверждены законом от 5 июня 1884 г., указывавшем, что, если офицеры в Закаспийской области не имеют квартир, то им предоставляются «квартирные оклады в размере, установленном для чинов Кавказского Военного округа по 3-й категории Высочайше утвержденной 22 августа 1868 года Табели»[1134]. А она отмечала, что, по указанной категории, женатый генерал-лейтенант получал 786 руб., а холостой – 738 руб. Соответственно: генерал-майор - 540 и 492; штаб-офицер – 300 и 252; обер-офицер – 174 и 126[1135]. Диссертант полагает, что никто не усомнится в связи закона с рассматриваемой тематикой, поскольку офицеры в Закаспийской области – начальники уездов и приставы исполняли полицейские функции. Именно так расценивал их роль в управлении ею министр финансов И.А. Вышнеградский, который при обсуждении в Государственном совете проекта «Временного положения об управлении Закаспийской областью» 1890 г. предложил отнести расходы «по производству квартирных денег Участковым Приставам и Уездным Начальникам на существующий в области сбор на общественные

[1132] См.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 760 – Об устройстве управления Закаспийской областью. (2 января 1882 - 4 августа 1884 г.).

[1133] Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О производстве квартирных от казны денег генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам, служащим в войсках и военных управлениях на Кавказе. 22 августа 1868 года // ПСЗРИ-2. Т. 43. Отд. 2. СПб., 1873. № 46205. С. 194-195.

[1134] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О размере квартирных окладов для офицерских чинов в Закаспийской области. 5 июня 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 4. СПб., 1887, № 2295. С. 347.

[1135] Высочайше утвержденная 22 августа 1868 года табель квартирных денег от казны для генералов, штаб и обер-офицеров и классных чиновников, служащих в войсках и военных управлениях Кавказского военного округа // ПСЗРИ-2. Т. 43. Отд. 3. СПб., 1873. Штаты и табели. № 46205. С. 799.

надобности»[1136]. Как отмечалось, указанное «Временное положение» было утверждено императором Александром III 6 февраля 1890 г.[1137]. И оно передавало регион в полное ведение военного министерства. В примечаниях к штатам отмечалось, что все чины управления Закаспийской областью, кроме переводчиков и техперсонала, «пользуются или казенными квартирами в натуре в зданиях, построенных на суммы, поступающие с населения на общественные надобности, или получают деньги по табели, установленной для Кавказского военного округа»[1138].

В Закаспийской области квартирной проблемы не было, пожалуй, только у ее начальника. Уже в 1891 г. на содержание дома начальника Закаспийской области и командующего войсками в ней, по статье 11, § 7 сметы Главного Инженерного управления, в государственном бюджете выделялось 7.600 руб. в год[1139]. Столько же на эти цели было заложено в бюджете на следующий год[1140]. Между тем, квартирный вопрос в области стоял очень остро. Было мало даже подходящих съемных квартир. В 1892 г. начальник области, генерал-лейтенант А. Н. Куропаткин добился выделения кредита в 50 тыс. руб. на постройку квартир для чиновников. В первый год кредиты взяли 51 чиновников, в 1893 – 11 и в 1895 – 3. За 6 лет было построено 47 домов в Асхабаде и Мерве, что несколько снизило остроту квартирной проблемы[1141].

[1136] Россия. Государственный совет. Об изменении положения и штатов управления Закаспийской области. Представление Военного министерства. 28 октября 1889 года. СПб., 1889. С. 6.

[1137] Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд.1. СПб., 1893. № 6576. С. 70-75.

[1138] Временный штат военно-народного управления Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 2. СПб., 1893. Штаты и табели. № 6576. С. 94.

[1139] Высочайше утвержденная 30 декабря 1891 года Общая государственная роспись доходов и расходов на 1892 год // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 8212. Приложения к тому. С. 511.

[1140] Высочайше утвержденная 28 декабря 1892 года Общая государственная роспись доходов и расходов на 1893 год // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 9212. Приложения к тому. С. 421.

[1141] Обзор Закаспийской области за 1890-1896 гг. Асхабад: тип. Федорова, 1897. С. 521.

Осенью 1908 г. началось обсуждение вопроса о новых штатах «военно-народного» управления в Закаспийской области. Вопрос о квартирном обеспечении чинов полиции при этом тоже учитывался. При отсутствии квартир «натурой», выдавались соответствующие деньги из городских доходов и земских сборов. Так, например, чинам Асхабадской городской полиции выделялось для съема квартир по 174 руб. в год[1142].

Несмотря на предпринимаемые правительством меры по решению квартирного вопроса в Закаспийской области, он по-прежнему оставался весьма острым. Канцелярия военного министерства писала 16 декабря 1916 г. в Главное управление по квартирному довольствию войск о том, что право офицеров строевых частей, командированных для исправления должностей бывших заведующих полицейской частью и управляющих населением в Закаспийской области на вторые квартирные деньги предусмотрено статьей 1064-й, книги XIX Свода Военных постановлений. Она отмечала, что военные чины заведуют полицией в Закаспийской области, в крепости Кушка, в Кизил-Арвате, в Отамышском и Тохтамышском приставствах Мервского уезда. Канцелярия указывала, что, поскольку их использование имеет «целью усиление личного состава местной администрации Закаспийской области, то источником для расходов по выдаче командируемым чинам вторых квартирных денег должны были бы служить те средства, за счет которых производится содержание чинов военно-народного управления Закаспийской области» [1143]. Канцелярия военного министра рекомендовала на 1917 г. включить это в статью 2, § 15 сметы Главного штаба на «содержание областных и уездных установлений военно-народного управления в Туркестанском генерал-губернаторстве» [1144]. Она

[1142] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3014 – Дело об увеличении штата военно-народного управления в Закаспийской области. (23 сентября 1908 - 3 апреля 1909 г.). Л. 20.
[1143] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4600 – О праве офицеров строевых частей, командированных для исправления должностей бывших заведывавших полицейской частью и управляющих населением в Закаспийской области на вторые квартирные деньги и об источнике для покрытия подобного рода расходов. Л. 2.
[1144] Там же. Л. 2 об.

отмечала, что «командирование офицерских чинов для исполнения полицейских обязанностей по военно-народному управлению Закаспийской области производится непрерывно с 1890 года»[1145]. Канцелярия военного министра считала, что это надо менять, увеличив состав полицейских сил в уездах и приставствах Закаспийской области. И предусмотреть это при составлении нового «Положения об управлении Туркестанским краем». Однако вскоре последовала Февральская революция 1917 г., которая похоронила все планы царской власти в этом отношении, а равно и во всем ином.

Таким образом, несмотря на то, что царское законодательство предусматривало обеспечение чинов полиции Русского Туркестана жильем, тем не менее, в большинстве случаев власти не могли предоставлять им квартиры «в натуре», а, вместо них, выделяло «квартирные деньги» для найма жилья, поскольку власти фактически пренебрегали жилищным строительством для государственных служащих. Поэтому квартирный вопрос среди региональных полицейских продолжал оставаться острым. Можно утверждать, что он так и не был окончательно решен до падения царизма в России и Средней Азии.

б) *О форме одежды полицейских в Русском Туркестане*

Сегодня можно нередко увидеть ответственных работников ведомств, в которых введена форменная одежда (министерства обороны, внутренних дел, чрезвычайных ситуаций, юстиции и др.), носящих гражданские костюмы во время исполнения своих служебных обязанностей. Работники полиции рангом ниже тоже не составляют исключение. Однако в царской России это было почти невозможно – только секретные агенты «охранки», разведки, контрразведки и иных спецслужб могли допускать такую вольность. Даже императоры фактически повседневно носили военные мундиры полковников, так как они не могли присвоить сами себе генеральские звания. Все

[1145] Там же. Л. 3.

российские чиновники были облачены в форменную одежду, что позволяло им не только выделяться из общей массы населения, но и отличаться друг от друга, поскольку служащие всех учреждений носили свои ведомственные мундиры, с особыми знаками, кроем, цветом и т.п.

Закон указывал: «Форменная одежда означает место служения, а также степень звания и должности»[1146]. Этому помогало и шитье на мундире, разряд которого указывался в штатах всех гражданских министерств и ведомств. Как правило, оно точно соответствовало «классу» должности, занимаемой чиновником[1147]. Закон указывал: «Форма одежды полагается: парадная, праздничная, обыкновенная, будничная, особая, дорожная и летняя»[1148]. В форменную одежду входили: полукафтан, брюки, шляпа по чину, шпага, жилет, галстук, перчатки, мундирный фрак, двубортный сюртук, шинель, плащ, а также ордена и знаки отличия. В феврале 1834 г. император Николай I утвердил «Положение о гражданских мундирах». § 113 указывал, что мундиры «столичной» полиции в С-Петербурге и Москве должны быть темнозелеными, включая и брюки такого же цвета[1149]. Согласно § 114, форма полиции в городах и уездах Империи тоже имела такой цвет. § 116 акта устанавливал темносиний цвет мундиров чинов водной и речной полиции[1150]. Положения закона от 27 февраля 1834 г. были

[1146] Высочайше утвержденное Положение о гражданских мундирах. 27 февраля 1834 года // ПСЗРИ-2. Т. 9. Отд. 1. СПБ., 1835. № 6860. § 1. С. 168; Приложение к статье 531. Свод правил о ношении форменной одежды чинами гражданских ведомств // Устав о службе по определению правительства. Издание 1896 года // Свод законов Российской империи. Книга первая. Т. 3. СПб., 1912. С.149.

[1147] См. напр.: Высочайше утвержденное описание обмундирования чинов городской и земской полиции на Кавказе и за Кавказом. 18 октября 1852 года // ПСЗРИ-2. Т. 27. Отд. 1. СПб., 1853. № 26647. С. 593.

[1148] Приложение к статье 531. Свод правил о ношении форменной одежды чинами гражданских ведомств // Устав о службе по определению правительства. Издание 1896 года // Свод законов Российской империи. Книга первая. Т. 3. СПб., 1912. С. 149.

[1149] Высочайше утвержденное Положение о гражданских мундирах. 27 февраля 1834 года // ПСЗРИ-2. Т. 9. Отд. 1. СПБ., 1835. № 6860. С. 180.

[1150] Высочайше утвержденное Положение о гражданских мундирах. 27 февраля 1834 года // ПСЗРИ-2. Т. 9. Отд. 1. СПБ., 1835. № 6860. С. 181.

закреплены в Своде законов Российской империи[1151]. Указанная форма одежды чиновников полиции сохранялась до 1860-х гг.

Можно с уверенностью утверждать, что полицейская форма была наиболее известна среди народа, поскольку он постоянно общался с ее носителями. В пореформенный период образцом стала служить форма полицейских чинов С-Петербургской полиции, установленная законом от 2 февраля 1863 г.[1152]. Она была темно-зеленого цвета, с особенными околышем и гербом. В мае того же года законодатель установил новую форму обмундирования чинов Московской городской полиции[1153]. Закон отмечал, что для Московской городской полиции вводится форма образца С-Петербургской полиции, но с различием – вместо белого цвета на «приборах» желтый цвет, а на форме – московский герб. В марте 1867 г. император Александр II утвердил описания формы «столичных»[1154] полиций, а также обмундирования и вооружения в городах и уездах, управляемых на основании «Общего губернского учреждения»[1155]. В марте 1884 г. царь Александр III издал закон о новой форме обмундирования чинов городской и уездной полиции[1156]. Акт указывал, что он распространяется на всех

[1151] Приложение к статье 975-й «Устава о службе по определению правительства». Положение о форме одежды гражданских чинов в Империи // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1857. С. 555-728.

[1152] Именной, объявленный Сенату С-Петербургским военным генерал-губернатором – О форме обмундирования чинов С-Петербурской полиции. 2 февраля 1863 года // ПСЗРИ-2. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. № 39241. С. 119-120; Высочайше утвержденные 2 февраля 1863 года описания формы обмундирования для чиновников С-Петербургской полиции. // ПСЗРИ-2. Т. 38. Отд. 2. СПб., 1866. Штаты и табели. № 39241. С. 16-18.

[1153] Именной, объявленный Сенату Министром внутренних дел – О новой форме обмундирования чинов Московской городской полиции. 24 мая 1863 года // ПСЗРИ-2. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. № 39659. С. 495.

[1154] В царской России официально считались столицами: Санкт-Петербург и Москва – В.Л.

[1155] Высочайше утвержденные описания: I) последовавших по Высочайшей воле изменений в форме обмундирования и вооружения чинов С-Петербургской и Московской полиции и II) формы обмундирования и вооружения в городах и уездах по Общему учреждению управляемых. 10 марта 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44330. С. 257; см. описания: ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 2. СПб., 1871. № 44330. Штаты и табели. С. 55-57.

[1156] Высочайшее Повеление, объявленное Министром Внутренних дел - О присвоении новой формы обмундирования чинов городской и уездной полиции. 15 марта 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 4. Отд. 1. СПб., 1887. № 2097. С. 194.

полицейских, но кроме «столичных» - С-Петербурга и Москвы. К нему прилагалось описание формы обмундирования и вооружения чинов городской и уездной полиций Империи[1157]. Все их чины – от офицерских до низших – носили шапки из черной мерлушки с темнозеленым верхом. На околыше крепилась посеребряная бляха с гербом губернии. В летнее время полицейские носили фуражки темнозеленого цвета, с козырком. В зимнее время - кафтаны темнозеленого сукна, в летнее – кители. Брюки были из серосинего сукна с оранжевой опушкой, заправленные в брюки. Полицейские носили также плащи серого цвета с петлицами из темнозеленого сукна. Статья 507-я «Устава о службе гражданской по определению правительства» указывала, что ведомства должны были выдавать поступающим на службу для приобретения обмундирования 71 руб. 42 коп.[1158]. А статья 1058-я устанавливала выдачу низшим служителям полиции форменной одежды «ежегодно, без всякого вычета из жалованья»[1159]. Выплаты производились на одну только полицейскую одежду. Так, закон от 14 декабря 1889 г. о полиции в г. Верном указывал о назначении «на обмундирование по двадцати пяти рублей в год на каждого полицейского»[1160]. В начале XX в. в Туркестанском крае выделялось на обмундирование: старшим городовым - по 50 руб. в год, а младшим – 25 руб.[1161]. Вместе с тем, закон от 21 апреля 1903 г. устанавливал, что полицейские в городах Туркестанского края должны были приобретать обмундирование за свой счет[1162]. Тем не менее, соответствующие средства

[1157] Высочайше утвержденное 15 марта 1884 года описание формы обмундирования и вооружения чинов городской, за исключением столичных, и уездной полиций Империи. // ПСЗРИ-3. Т. 4. Отд. 1. СПб., 1887. Штаты и табели. № 2097. С. 134-135.

[1158] Устав о службе гражданской по определению правительства // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1857. С. 103.

[1159] Там же. С. 224.

[1160] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О штатном составе полицейской команды в городе Верном и о способе покрытия расходов на ее содержание. 14 декабря 1889 года. // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6439. С. 655.

[1161] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3147 – Об изменениях в штатах полиции в городах Туркестанского генерал-губернаторства. (17 февраля 1903 - 8 мая 1905 года). Л. 57 об.

[1162] Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об устройстве полицейских команд в городах Туркестанского края. 21 апреля 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22816. С. 402.

выделялись. Например, 18 декабря 1907 г. туркестанский генерал-губернатор Н.И. Гродеков писал в военное министерство о том, что надо учредить при станции «Голодная степь» Среднеазиатской железной дороги полицейский надзор из 3-х пеших полицейских, с выделением им по 25 руб. в год для обмундирования «на средства Государственного казначейства»[1163]. Но были и иные выплаты. Так, например, 22 декабря 1905 г. исполняющий должность туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант В. В. Сахаров писал военному министру о том, что он утвердил дополнительный штат полиции в Новом Маргилане числом в 10 человек с предоставлением им по 35 руб. в год на обмундирование каждому[1164]. В г. Катта-Кургане, Самаркандской области на обмундирование простого городового выделялось 20 руб. в год[1165]. Но не везде уточнялись суммы на полицейскую форму. Например, в решении Самаркандского областного правления от 13 сентября 1907 г. относительно полицейской команды в г. Джизаке указывалось, что «в сумме жалованья должны считаться и деньги на обмундирование»[1166]. В некоторых документах туркестанских властей о городской и сельской полиции об обмундировании ее служащих вообще не упоминалось.

Как не раз отмечалось, на территориях, подчиненных военному министерству, изначально функционировала своя полиция. Ее представители, как и все «классные» чиновники, были обязаны носить мундиры военного ведомства. Так было, например, на Кавказе и в Черномории в первой половине XIX в.[1167]. Поэтому проект «Туркестанского

[1163] РГВИА, Ф. 400. Оп. 1. Д. 3619 - Об учреждении полицейского надзора при станции «Голодная степь» Среднеазиатской железной дороги. (28 декабря 1907 – 1 июля 1911 года). Л. 1.

[1164] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3417 – Об увеличении штата полиции в городах Аулиеата, Сыр-дарьинской области и Скобелеве (бывший Новый Маргелан) Ферганской области. (4 января 1906 – 5 декабря 1911 года). Л. 1

[1165] Там же. Д. 3630 – Об учреждении штатов полицейских команд в городах Катта-кургане, Джизаке и Ходженте, Самаркандской области. (31 августа 1907 - 4 августа 1908 года). Л. 2.

[1166] Там же. Л. 13.

[1167] № 13419. 26 апреля 1840 года – Высочайше утвержденный штат военному управлению на Кавказской линии и в Черномории. Пункт 8. // ПСЗРИ-2. Т. 15. Отд. 2. СПб., 1841. С. 78.

положения» 1867 г. отмечал, что все «классные» чиновники, служащие по военно-народному управлению должны носить мундиры военного ведомства, «за исключением чиновников Министерств: финансов, иностранных дел, почт и телеграфов»[1168].

В мае 1877 г. законодатель снес изменения в форму обмундирования гражданских чинов военного ведомства. Они были следующими: 1. «Плечевые жгуты» заменили на погоны – «серебряные на красном сукне для гражданских чинов военного ведомства»[1169]. 2. У чинов VI-XIV-го классов ввели красную выпушку на шароварах. 3. Плащ и шинель оставили «по-прежнему из черного сукна, но с суконными клапанами на воротниках и металлическими пуговицами, как было прежде сего присвоено»[1170]. 4. Закон отмечал: «Шпоры дозволить иметь только тем чиновникам, которые должны быть в походах верхом»[1171]. В 1880 г. был издан закон о форме одежды для служащих по «военно-народному» управлению Туркестанским краем, не имеющих воинских званий и «классных» чинов, то есть для низших чинов полиции и вспомогательного персонала[1172]. Форму этой категории чинов составляли: «фуражка черного сукна с красным околышем и кокардой гражданского образца; сюртук черного сукна, двубортный с серебряными пуговицами; жилет черного сукна, двубортный; галстук черный; панталоны черного сукна; плащ гражданского покроя, черного сукна, в зимнее время может быть на меху; шпага пехотного образца»[1173].

[1168] Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. С. 74.

[1169] Именной, объявленный в приказе по Военному ведомству - О некоторых изменениях в форме обмундирования гражданских чинов Военного ведомства. 28 мая 1877 года // ПСЗРИ-2. Т. 52. Отд. 1. СПб., 1879. № 57419. С. 687.

[1170] Там же.

[1171] Там же.

[1172] Высочайшее повеление – Об описании формы обмундирования для лиц, служащих по военно-народному управлению Туркестанского генерал-губернаторства, не имеющих чинов и не занимающих классных должностей. 10 ноября 1880 года // ПСЗРИ-2. Т. 55. Отд. 1. СПб., 1884. № 61529. С. 678.

[1173] 10 ноября 1880 года. Описание формы обмундирования для лиц, служащих по военно-народному управлению Туркестанского генерал-губернаторства, не имеющих чинов и не занимающих классных должностей // ПСЗРИ-2. Т. 55. Отд. 2. СПб., 1884. № 61529. С. 492.

«Соединенные департаменты» Государственного совета, обсуждая проект «Положения об управлении Туркестанским краем», подготовленный правительственной комиссией под председательством графа Н. П. Игнатьева, указывали, что «не следует забывать, что *туземное население, со времени его покорения, видело над собой исключительно военную силу и привыкло подчиняться распоряжениям начальников, облеченных в военный мундир*, и требовавших, по привычке к воинской дисциплине, безусловного исполнения предписаний власти». (Курс. – В.Л.) По их мнению, резкое изменение устройства Туркестанского края (то есть передача его в ведение МВД) «оказалось бы мерой не вполне осторожной»[1174]. Генерал М.А. Терентьев - участник присоединения Средней Азии к России в 1860-х гг. писал в 1906 г. о том, что «военных слушаются охотнее … это давно замечено и не в одной России». Поэтому, он отмечал, что в Туркестанском крае все чины, «имеющие непосредственное отношение к народу были одеты по-военному»[1175].

Неудивительно, что в «Положении об управлении Туркестанским краем» 1886 г. законодатель опять указал: «Все чины, служащие по административно-полицейскому управления, состоят в ведении Военного министерства и носят форму, присвоенную чинам этого Министерства»[1176]. Вместе с тем, законодатель стремился выделить форму одежды для чиновников, занимавших именно полицейские должности в регионе с тем, чтобы она отличалась от установленного облачения армейских офицеров Туркестанского военного округа. 21 апреля 1887 г. император Александр III утвердил соответствующий закон, который указывал: «1. Помощникам военных губернаторов в Туркестанском крае, состоящим в гражданских чинах, иметь, *подобно чинам полиции*, сюртуки и плащи (пальто) с узкими

[1174] РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 827 – Дело о преобразовании управления Туркестанского края. Л. 13 об.
[1175] Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В 3-х томах. Т.3. СПб., 1906. С. 326.
[1176] Штат управления Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. Штаты и табели. С. 115.

плечевыми погонами во всех случаях, когда названные лица исполняют, как *начальники полиции* наружную службу и не обязаны по действующим узаконениям быть в парадной форме, причем плащ (пальто) должен быть темносинего цвета. 2. Штаб и обер-офицерам и гражданским чиновникам, *занимающим полицейские должности* в городских и уездных установлениям Туркестанского края иметь форму обмундирования и снаряжения, согласно краткому описанию и рисунку бляхи на головном уборе, установленном для Туркестанского генерал-губернаторства»[1177]. (Курс. – В.Л.)

К закону прилагался «Рисунок металлических блях и на шашки военных и гражданских чинов, занимающих полицейские должности в Туркестанском крае». На нем была изображена «бляха с гербом Туркестанского генерал-губернаторства»[1178]. Этот акт относился только к областям Туркестанского края, поскольку Семиреченская область уже 5 лет была в подчинении Министерства внутренних дел и вся тамошняя полиция надевала форму этого ведомства, о которой автор писал выше. А полиция в Закаспийской области, где принципы «военно-народного» управления действовали без изменений, всегда носила чисто армейскую военную форму, причем, она никогда не соотносилась закаспийскими властями с форменной одеждой чинов Департамента полиции МВД.

В 1899 г., после окончательного объединения всех российских областей в Средней Азии в рамках одного генерал-губернаторства (края) последовал закон о форме одежды чинов, занимающих административные и полицейские должности в пределах Туркестанского края. Он отмечал: «Чинам, занимающим административные *и полицейские должности* в областях Семиреченской, Сырдарьинской (с Аму-Дарьинским отделом),

---

[1177] Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром - О форме обмундирования и снаряжения военных и гражданских чинов, занимающих полицейские должности в городах и уездных установлениях Туркестанского края, а также Штаб и Обер-офицеров и нижних чинов артиллерийских парков. 21 апреля 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4368. С. 180.

[1178] Реестр рисункам, принадлежащим к VII тому Третьего Полного собрания законов 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4368. Л. 3.

Самаркандской и Ферганской присвоить форму одежды, установленную примечанием 1 к Высочайше утвержденному в 6-й день февраля 1890 года штату военно-народного управления Закаспийской области, то есть форму Военного Министерства»[1179]. (Курс. – В.Л.) В этом примечании указывалось: «Все чины, занимающие должности, сим штатом определенные, состоят в ведомстве Военного министерства и носят форму, присвоенную чинам этого Министерства» [1180] . Таким образом, закон теперь уже относился и к гражданским служащим в Семиреченской и Закаспийской областях.

В течение 10 лет закон не вызывал в туркестанской администрации никакого непонимания. Однако 4 октября 1909 года управляющий Канцелярией туркестанского генерал-губернатора, полковник В.А. Мустафин писал в рапорте начальнику Главного штаба о том, что «высочайшим» повелением от 16 ноября 1899 года была установлена форма для чинов административно-полицейского управления в областях Туркестанского края, но при этом осталось непонятным «какую именно форму должны носить полицейские чины Туркестанского края: офицеры и чиновники, причем, если будет указание, что чиновникам полагается носить форму военно-народного управления, то следует ли им носить вместо шпаги шашку офицерского образца и кабур с револьвером, без чего они при исполнении служебных обязанностей обходиться не могут»[1181]. Он указывал, что, если полицейские чиновники должны носить полицейскую форму образца 1887 г., то надо об этом уведомить краевую канцелярию. Он просил «выяснить возможно скорее, ввиду полученного циркуляра Департамента полиции от 11 сентября

[1179] Высочайшее Повеление, объявленное Военным Министром – О форме одежды чинов, занимающих административные и полицейские должности в пределах Туркестанского Генерал-Губернаторства. 16 ноября 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17745. С. 1142.

[1180] Временный штат военно-народного управления Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 2. СПб., 1893. Штаты и табели. № 6576. С. 94.

[1181] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3849 – О форме обмундирования чинов, служащих по административно-полицейскому управлению в Туркестанском крае (14 окт. 1909 - 20 авг. 1910). Л. 1 об.

сего года за № 33852»[1182]. Департамент полиции МВД отмечал в нем, что полицейские чины произвольно меняют форму, что вводит в заблуждение нижних чинов военнослужащих, которые не могут понять, кто перед ними – полицейский офицер или рядовой чин службы МВД.

26 октября 1909 года исполняющий должность начальника Азиатской части, полковник С.В. Цейль писал в Канцелярию туркестанского генерал-губернатора о том, что «офицерские чины полиции носят форму применительно к приказу 1889 года за № 323, а чиновники же продолжают носить чисто полицейскую форму, установленную в 1887 году»[1183].

Канцелярия разослала уведомление об этом руководителям областей Туркестанского края с просьбой высказать свои соображения по этому поводу. 14 октября 1909 г. военный губернатор Сырдарьинской области, генерал-лейтенант М.Я. Романов в рапорте в Канцелярию туркестанского генерал-губернатора предложил обсудить вопрос о том, следует ли носить «классным» чинам «плечевые знаки», то есть погоны, поскольку в Сырдарьинской области «полицейские чины военно-народного управления, не имеющие чинов, носят погоны титулярного советника»[1184]. Он писал о том, что те, у кого нет «классных» чинов, «могут быть без погон», но только не полицейские приставы, так как, если у них не будет «опознавательных» знаков, то нарушители порядка будут оказывать им сопротивление.

Краевая канцелярия запросила на сей счет Главный штаб, а тот обратился за разъяснениями в Главное Интендантское управление военного министерства. 2 декабря 1909 года управляющий делами его Технического комитета писал в Главный штаб о том, что «гражданские чиновники, не имеющие чинов, не имеют право ношения погон, так как последние

[1182] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3849 – О форме обмундирования чинов, служащих по административно-полицейскому управлению в Туркестанском крае (14 окт. 1909 - 20 авг. 1910). Л. 1 об.
[1183] Там же. Л. 3.
[1184] Там же. Л. 9.

установлены взамен знаков на воротниках мундирной одежды, а эти знаки, чиновникам, не имеющим чинов, присвоены не были»[1185].

С.В. Цейль этим объяснением не удовлетворился и обратился в Департамент полиции МВД с запросом: «Имеют ли право ношения погон чины туркестанской полиции, не имеющие классных чинов и в утвердительном случае, какие именно: соответствующие ли классу должности или присвоенные первому классному чину»[1186]. Таковым считался XIV-й «классный» чин по петровской «Табели о рангах» - коллежского регистратора. 31 декабря 1909 г. Департамент полиции МВД писал в Главный штаб о том, что, по приказу министра внутренних дел И.Н. Дурново от 5 июля 1894 года, «классные полицейские должности не могут быть замещаемы лицами, не имеющими классных чинов, почему в новой форме (1887 г. – В.Л.) и не установлено для последних особых отличий в плечевых знаках». Он отмечал, что чины туркестанской полиции, не имеющие «классных» чинов, могут носить «кафтан без плечевых знаков, то есть форму, установленную для гражданских чиновников военного ведомства «Высочайшим» повелением 28 мая 1877 года и установленную формой 15 марта 1884 года»[1187]. 6 марта 1910 года полковник Цейль сообщил об этих разъяснениях в Канцелярию туркестанского генерал-губернатора. Он указывал, что простые канцелярские служащие в полиции должны носить кафтаны без плечевых знаков, а также и приставы, не имеющие «классных» чинов. Но, если туркестанская администрация против этого, то она может ходатайствовать перед военным министром о том, чтобы он испросил «высочайшее повеление» о распространении на Туркестанский край положений циркуляра министра внутренних дел от 5 июля 1894 г. «о том, что классные полицейские должности не могут быть замещаемы лицами, не

[1185] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3849 – О форме обмундирования чинов, служащих по административно-полицейскому управлению в Туркестанском крае (14 окт. 1909 - 20 авг. 1910). Л. 14 об.
[1186] Там же. Л. 15.
[1187] Там же. Л. 16 об.

имеющими чинов»[1188]. Однако полковник В.А. Мустафин, доложивший об этом туркестанскому генерал-губернатору А.В. Самсонову, не получил от того разрешения на такое ходатайство, так как из состава краевой полиции пришлось бы увольнять немало сотрудников. Поэтому военный министр, генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов, посетив Туркестанский край в марте-апреле 1912 г., писал во «всеподданнейшем» отчете о своей поездке об одежде туркестанских чиновников: «Очень невзрачная форма у туркестанских чиновников, похожая на интендантскую, а нужно чтобы она была удобной и красивой для поднятия престижа военно-народного управления в глазах туземцев, придающих большое значение - как народы Востока – внешнему виду»»[1189].

Это было следствием скупого финансирования служебного обмундирования по сметам Главного Интендантского управления военного министерства. Есть основания полагать, что форма одежды служащих, в том числе полицейских, могла бы измениться в последующем, однако вскоре началась первая мировая война, потом вспыхнул мятеж 1916 г. и вопрос о форме туркестанских полицейских чиновников остался нерешенным, вплоть до падения царизма в Феврале 1917 года.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что обеспечение жильем полицейских чинов в царской России предусматривалось законодательством, однако оно устанавливало его не повсеместно и не во всех случаях. Точно также обстояло дело и в Русском Туркестане. Казенные квартиры («в натуре») полицейским служащим предоставлялись относительно редко, поскольку их было мало из-за отсутствия специального на то строительства. Поэтому большей частью жилищные проблемы решались за счет, так называемых «квартирных денег». Однако их часто не хватало для приобретения или найма подходящего жилья. В Закаспийской области при

[1188] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3849 – О форме обмундирования чинов, служащих по административно-полицейскому управлению в Туркестанском крае (14 окт. 1909 - 20 авг. 1910). Л. 1 об. Л. 19-19 об.

[1189] *Котюкова Т.В.* Окраина на особом положении…Туркестан в преддверии драмы / Т.В. Котюкова. М.: Научно-политическая книга, 2016. С. 45-46.

Куропаткине были предприняты меры по кредитованию чиновников, в том числе полицейских, для строительства частных домов, но они не получили широкого распространения. Можно сказать, что квартирный вопрос в рядах дореволюционной туркестанской полиции был решен лишь относительно. Вышеприведенное также свидетельствует о том, что в царской России все ведомства имели свою форменную одежду чинов, имевшую большое значение в общественной жизни, поскольку она позволяла сразу же определять социальный статус ее носителя - военного или гражданского служащего всех рангов. Естественно, что наибольшую известность имела одежда полицейских чинов, которые были повседневным «оком» государства, надзиравшим за поведением всех его граждан. Вместе с тем, в рассматриваемом Русском Туркестане военная форма чинов административно-полицейского управления краем имела особенное значение, так как коренное население ассоциировало ее с принадлежность к власти, которой они привыкли изначально подчиняться.

Таким образом, полицейские региона всех уровней носили форму одежды чинов военного министерства, что сближало их со всеми другими сотрудниками «военно-народного управления» региона, тоже облаченными в нее. Приобретение форменной одежды полицейскими чинами региона подлежало оплате из специально назначенных сумм. Следует признать, что форма одежды полицейских на российских территориях Средней Азии отчасти соотносилась с облачением чинов министерства внутренних дел, в связи с чем военное ведомство консультировалось по этому поводу с Департаментом полиции МВД.

***

Содержание главы позволяет утверждать, что, несмотря на принципы «военно-народного управления», содержание чинов полиции в Русском Туркестане осуществлялось на основе окладов соответствующих гражданских должностей по «классам» чинопроизводства. Они

устанавливались правительственными «положениями» об управлении регионом (1865, 1867, 1886 гг.), а также иными законодательными актами. Руководители областных и уездных полицейских управлений на российских территориях Средней Азии числились в гражданских чинах и получали «зарплату» в виде жалованья и «столовых» денег, по меркам общегосударственных установлений для служащих в полиции. Кроме того, они получали деньги на наем переводчиков, для разъездов, на «экстраординарные» расходы. Главный полицейский – туркестанский генерал-губернатор получал три четверти оклада содержания за осуществление функций гражданского, в том числе полицейского, управления. Оклады сотрудников уездных полицейских управлений зависели от их «классных» чинов, а у тех, кого их не было, получали жалованье по установленным «тарифам». Опыт Русского Туркестана показывает, что уровень материального состояния чинов полиции среднего и низшего звена был зыбким, в связи с ростом рыночных цен и усилившейся в период вступления страны в стадию империализма инфляцией. Туркестанская администрация в начале XX в. усиленно добивалась повышения окладов содержания полицейским служащим, однако правительство не спешило с удовлетворением ее ходатайств.

Вследствие этого чины полиции вынуждены были искать возможности дополнительных заработков, в том числе коррупционные. Это не было сугубо региональным, туркестанским явлением, поскольку царское правительство фактически изначально старалось переложить содержание полиции на средства населения. Они были основным источником ее финансирования в стране. В Русском Туркестане это относилось, прежде всего, к содержанию полицейских команд за счет городских доходов (бюджетов). Приведенные примеры показывают, что органы местного самоуправления пытались сопротивляться указанной политике царской власти, но редко имели успех на этом направлении. Наиболее остро противостояли ей города в Семиреченской области, где было больше

русского населения, чем в других местах региона. Только законом от 5 декабря 1912 г. государство взяло на себя половину расходов на содержание полиции в городах и весях Русского Туркестана.

Система пенсионного обеспечения сложилась в России с петровских времен. Она охватывала не только чиновников и военных, но и всех тех, кто служил в разном качестве государству. В первое время пенсии назначались с личного разрешения носителей высшей власти. Позже их установление определялось «Уставом о пенсиях и единовременных пособиях» от 6 декабря 1827 г. Закон предусматривал 9 разрядов пенсий. Большинство из них были связаны с «классами» чиновников по чинопроизводству, установленных петровской «Табелью о рангах» 1722 г. Естественно, что все это распространялось и на полицейских служащих в областях Русского Туркестана. Во всех вышеуказанных правительственных «положениях» об управлении регионом, в разделе о штатах, указывались должности чиновников, их «классы» по чинопроизводству и обязательно разряды по пенсиям. Выплаты по ним были твердо установленными, однако сроки их выслуги были разными. Упоминаемые выше законы о преимуществах службы на отдаленных окраинах Российской империи указывали, что три дня службы чиновника администрации и полиции в Русском Туркестане засчитывались за четыре, для получения половины пенсии нужно было проработать в крае 20 лет, а полной – 25 лет. В центральных губерниях для таких случае устанавливались сроки в 25 и 35 лет. Льготное пенсионное обеспечение чиновников, в том числе полицейских, в российских областях Средней Азии было призвано также привлекать на службу в регион опытные и квалифицированные кадры, однако этот фактор срабатывал относительно.

Кроме пенсионных льгот и преимуществ, существовали и иные. В частности, устанавливались прибавки к жалованью за прослуженные пять лет, единовременные пособия за то же и такой же срок, существовали льготы по получению первого «классного» чина, выплаты «подъемных» для семейных и холостых, средств на обзаведение на новых местах,

командировочных, бесплатное лечение и обеспечение лекарствами, выплата денег на воспитание детей и на их обучение в высших и средних учебных заведениях, с оплатой проезда к местам их нахождения и др. Такие льготы и преимущества тоже должны были служить «приманкой» для службы в Русском Туркестане чиновников из других краев, губерний и областей России, однако с таким же результатом, как и пенсионные.

Таким образом, разного рода льготы и преимущества полицейской службы в Русском Туркестане, в известной мере, облегчали ее тяготы, однако, не делали ее более привлекательной для перспективных кадров из «внутренней» России.

Царское законодательство предусматривало квартирное обеспечение военнослужащих и гражданских чиновников, в том числе полицейских. Жилье должно было предоставляться государством или «обывателями», то есть городами. Однако на деле чины полиции получали его редко и далеко не повсеместно. В большинстве случаев им выплачивались «квартирные» деньги на наем жилья. В Русском Туркестане положение было сложнее. Проект «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях» 1867 г., вообще, не упоминал о квартирном обеспечении полицейских. Только «Туркестанское положение» 1886 г. его установило, указав, что при отсутствии казенного жилья, чинам административно-полицейского управления выплачиваются суммы на наем квартир из городских доходов (бюджетов) и земского сбора. Закон 1889 г. о квартирном довольствии полицейских чинов МВД не коснулся их туркестанских коллег, однако побудил краевую администрацию добиваться от «центра» принятия и для них такого же законодательного акта. Закон 1891 г. повысил выплаты полицейским приставам Туркестанского края для найма жилья за счет, однако, городских доходов. В Семиреченской и Закаспийской областях, управлявшихся на основании своих собственных правительственных «положений», состояние квартирного обеспечения было таким же, как и «коренных» субъектах Туркестанского края. И после

объединения всех российских областей Средней Азии в рамках одного генерал-губернаторства положение «квартирного» вопроса в крае фактически оставалось прежним.

В царской России все полицейские были облачены в свою ведомственную форму. Образцом служила служебная одежда чинов полиции Санкт-Петербурга. Однако на территориях, находившихся в ведении военного министерства, в том числе в Русском Туркестане, полицейские носили форму этого ведомства со всеми присущими установлениями законов 1877 и 1880 гг. относительно полицейской одежды чинов военного министерства. Форма предоставлялась интендантскими службами, или же выделялись деньги на ее приобретение офицерскими и низшими чинами полиции, причем оплата производилась из народных средств – городских доходов и земских сборов. Таким образом, по форме офицерские чины полиции Русского Туркестана не отличались от прочих военных и гражданских чиновников региона, а простые полицейские – от солдат воинских подразделений местного военного округа.

Военный министр В.А. Сухомлинов считал форму туркестанских полицейских «невзрачной» и предлагал ее изменить, но этого не случилось. Таким образом, общее материальное обеспечение чинов полиции в Русском Туркестане было разнообразным, однако в целом являлось недостаточным для полного удовлетворения их насущных жизненных и служебных потребностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании содержания диссертационного исследования, можно прийти к заключению о том, что история имперской полиции в Русском Туркестане ранее не была изучена полноценным и объективным образом. Дореволюционная и советская историография подходила к исследованию проблемы с идеологических позиций, а освободившаяся от их влияния современная отечественная историческая литература осветила ее лишь частично. В результате, проблема организации и деятельности полиции в Русском Туркестане оставалась фактически нерешенной. Диссертант приложил научно-исследовательские усилия с тем, чтобы добиться максимально возможной ликвидации «белых пятен». В этом ему помогло использование многочисленных источников – опубликованных правовых, архивных, публицистических и мемуарных. На основании современной методологии диссертанту удалось осуществить комплексное изучение поставленной научной проблемы.

Полиция как историческое явление возникла еще в недрах потестарного общества. Она осуществляла надзор за поведением членов родоплеменных коллективов, призванных строго следовать предписаниям их властной верхушки, соблюдение которых было обязательно для всех. Они определялись спецификой природных, географических, бытовых, религиозных и иных условий. Так некогда сформировалась полиция в Древнерусском государстве, а также в исламском мире, включая среднеазиатские ханства – Бухарское, Кокандское и Хивинское. В каждом из них она имела свои особенности, но повсеместно полиция действовала на основе установлений мусульманского права (шариата), местных обычаев и традиций, что допускал ханифитский мазхаб ислама. Так же везде исламские власти имели при себе учреждения тайной (политической) полиции для борьбы с инакомыслием и посягательствами заговорщиков на престол. Ее просчеты приводили к дворцовым переворотам и восстаниям, чем была

полна жизнь и в среднеазиатских ханствах. Именно поэтому уже после прихода России в Среднюю Азию, но по независящим от нее причинам, окончательно пало Кокандское ханство. Не исключено, что такая же судьба могла ждать Бухарское и Хивинское ханства, однако при помощи и содействии царского правительства они избежали этой участи. Российское влияние, безусловно, сказывалось и на деятельности местной мусульманской полиции.

Полиция имперской России действовала только на основании законодательных актов государственной власти – «Общего губернского учреждения» и др. Однако правительство в полицейской политике поступало диалектически – кроме общих императивов, применялись особые установления, учитывавшие специфику конкретных регионов империи. Так было и в Русском Туркестане. Полицейская доктрина власти формировалась здесь на основе как общегосударственных законодательных норм, так и региональных, в связи с чем исследование строится на сравнении общего положения царской полиции в Российской империи с ее состоянием в Туркестанском регионе.

«Временное Положение» об управлении Туркестанской областью от 6 августа 1865 г. было, скорее, «черновым» документом и не содержало твердых правовых установлений относительно полиции, основанных на общероссийской практике. Поэтому формирование реальной полицейской доктрины в Русском Туркестане началось, на наш взгляд, с проекта «Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях» 1867 г., составлявших российское генерал-губернаторство (край) в Средней Азии, подчиненного, в отличие от прочих краев, губерний и областей царистской империи, не МВД, а военному министерству. Документ не получил полноценного законодательного статуса, однако, с личного распоряжения царя, действовал в полной мере в крае почти два десятилетия, определяя и характер деятельности администрации и полиции на его территории. Вместе с тем, перед властями нового края была поставлена

задача доработать документ, с учетом замечаний и предложений, высказанных министерствами и ведомствами при его обсуждении.

Попытки туркестанской администрации в 1871 и 1873 гг. улучшить его содержание с целью официального узаконения терпели провал не только потому, что первый туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман выдвигал в своих проектах излишне амбициозные предложения, а по причине уверенности царя и военного ведомства в том, что «Положение» 1867 г. еще не исчерпало свой административный ресурс, допускавший широкие возможности управленческой импровизации. Поэтому отклонение проектов 1871 и 1873 гг. представляется диссертанту политической игрой высших властей с тем, чтобы дать возможность администрации Кауфмана в таком режиме гибко реагировать на возникающие проблемы руководства краем. Более того, «верхи» империи не препятствовали первому туркестанскому генерал-губернатору позже применить отклоненные проекты для управления в Амударьинском отделе и Ферганской области, образованной на землях бывшего Кокандского ханства.

Только после того, как стало очевидным, что «Туркестанское положение» 1867 г. уже утрачивает свой регулирующий потенциал, правительство учредило комиссию для разработки нового генерального документа по управлению регионом, поскольку в этот период Семиреченская область уже была выведена из его состава, а Закаспийская область еще не была в него включена. В результате работы комиссии было принято «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г., получившее полный законодательный статус. Оно внесло немного изменений в деятельность региональной полиции, однако обеспечило исполнение ее принципов юридической конкретикой. С учетом его установлений в последующем принимались законодательные акты по управлению краем, в том числе, полицейского характера. Но фактически изначально в «Положении» 1886 г. обнаружились недостатки регулирующего свойства, которые особенно проявились после присоединения к Туркестанскому краю

снова Семиреченской и впервые - Закаспийской области. Каждая из них имела свои правительственные акты об управлении, что затрудняло их применение, совместно с «Туркестанским положением» 1886 г. Поэтому царские власти создавали несколько раз комиссии для выработки единого для всех пяти областей края «положения» об управлении, но так и не смогли добиться успешного результата. Естественно, что административно-правовые нестыковки трех актов – «Туркестанского», «Закаспийского» и «Степного» отражались и на деятельности полиции в «коренных» и присоединенных областях Туркестанского генерал-губернаторства. Для решения возникающих проблем правительство издавало законодательные акты по отдельным областям края. Кроме того, туркестанские генерал-губернаторы законом 1899 г. были наделены полномочиями личной властью купировать последствия противоречий в правоприменении, возникающих между указанными тремя актами об управлении различными частями Русского Туркестана в процессе их практического использования.

Важной составной частью деятельности туркестанской полиции было осуществление ею государственного надзора за политически неблагонадежными лицами на основе общероссийского закона 1882 г. Наиболее опасные из них высылались из региона в установленные МВД места в России, в том числе, в Сибирь, согласно установлениям об административной ссылке. «Туркестанское положение» 1886 г. предоставило право ее применения генерал-губернатору края. Полицейскому надзору подлежали и высланные в Среднюю Азию политически неблагонадежные люди из «внутренних» губерний и областей России. К ним, в частности, относился и член императорской «августейшей фамилии», «Его Императорское Высочество», великий князь Николай Константинович Романов. Кроме того, деятельность полиции в Русском Туркестане починялась общеимперским законам об «усиленной» и «чрезвычайной» охране, издававшимся на основании «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа

1881 г. Поэтому регион в целом, а также по отдельным его местностям, постоянно находился в положении «усиленной», или «чрезвычайной «охраны», что предоставляло краевой полиции не только более широкие права, чем обычно, но и возлагало на нее дополнительную ответственность за поддержание должного правопорядка. Однако туркестанская полиция старалась не злоупотреблять своими «исключительными» полномочиями, опасаясь экстремальной реакции со стороны коренного мусульманского населения.

Поскольку регион находился в ведении военного министерства, то формирование полицейских кадров во многом зависело от армейского контингента. Исключение должна была составлять Семиреченская область, которая в 1882-1897 гг. подчинялась МВД, но и в ней, как правило, военные возглавляли полицейские подразделения. Так было и по всей России, где повсеместно армейские офицеры могли без труда переходить на службу в полицию. В Русском Туркестане ею руководили фактически только военные, хотя закон не запрещал гражданским чиновникам занимать командные должности в ее рядах, тем более что в штатных расписаниях «армейцы» числились в гражданских «классах» по «Табели о рангах» 1722 г. Преимущества военных в полиции Русского Туркестана определялись их принадлежностью к армейскому ведомству и спецификой ее функционирования. В краях, губерниях и областях, управлявшихся МВД, в уездах существовали раздельные управления – административные и полицейские. Последние возглавлялись исправниками, обладавшими, по «Общему губернскому учреждению», обширными полномочиями. В туркестанских уездах их начальники были одновременно и главами местной полиции, то есть исполняли функции российских исправников.

Таким образом, чисто административные функции здесь не просто соединялись, а фактически органически сливались в одном лице с полицейскими. А начальниками уездов в Русском Туркестане были военные офицеры. Они имели двух помощников – старшего и младшего. Старший мог

быть и гражданским чиновником, но, как правило, состоял штаб-офицером и ответственность за полицейские дела лежала на нем. Младший помощник был из числа «туземцев» и наблюдал за порядком в сельской местности - в волостях, аулах и кишлаках. Он тоже имел классный чин, но невысокий. В уездных полицейских управлениях служили также гражданские чиновники низших классов – секретари, письменные и «словесные» переводчики. «Словесные» переводчики и прочие низшие служащие были без «классных» чинов. Уездные управления, в основном, составляли сельскую полицию в Русском Туркестане.

Что касается городской полиции, то она функционировала в областных и уездных центрах региона, а также в строго установленных законом «безуездных» городах. Это относилось как к Туркестанскому краю, так и к Семиреченской и Закаспийской областям, когда они не входили в его состав. Городская полиция подчинялась уездным начальникам, а там, где их не было – участковым приставам. За ее деятельностью наблюдали военные губернаторы и областные правления. При решении вопросов об образовании городских полицейских команд (их количестве и материальном содержании) участвовали депутаты от органов местного общественного самоуправления. Таким образом, повсеместно в Русском Туркестане полиция формировалась не только на основе установлений правительственных «положений» об управлении, но - и отдельных, специальных законодательных актов власти.

Одной из важнейших проблем исследования явилось материальное обеспечение туркестанской полиции. Его анализ показал, что финансирование последней фактически совпадало с основными денежными выплатами полицейским чинам в самой России. Оклады содержания так же делились на «жалованье» и «столовые» (деньги на питание), для определенных должностей устанавливались разъездные деньги, средства на канцелярские расходы, для конной полиции – выплаты на прокорм лошадей. Источники финансирования полиции в самой России и в Туркестане тоже были общими. Убеждение многих в том, что царская полиция содержалась

исключительно за счет казны, то есть государства, не выдерживают критики, поскольку в большинстве случаев она финансировалась на средства народа – городских доходов, земских сборов, страховых фондов и т.п.

Чины полиции имели право на бесплатное служебное жилье, а там, где его не было – на «квартирные» деньги. Кроме того, на определенных условиях, им было доступно бесплатное лечение и получение медикаментов. При окончании срока службы, или при выходе в отставку они получали пенсии, согласно разрядам, установленных законом для каждого «классного» чина, а также для лиц, не имеющих такового. Однако сроки для их выслуги в Русском Туркестане были сокращенными, в связи с государственными установлениями о службе на отдаленных окраинах империи. Они же определяли льготы и преимущества полицейской службы на их территории. Более того, особым законом были учреждены специальные преференции такого рода для чинов полиции, служивших в регионах, подчиненных ведению военного министерства. Полицейские всех должностей и рангов в Русском Туркестане были обязаны носить форменную одежду, утвержденную для чинов военного министерства. Для ее пошива или приобретения выделялись определенные специальные суммы. При всем кажущемся законодательном благополучии, относительно материального обеспечения и иного стимулирования полицейской службы в российских областях Средней Азии, реальное жизненное положение ее представителей было непростым в условиях быстро растущей инфляции и дороговизны жизни. Особенно трудным было положение низших чинов полиции, оклады содержания которых уступали даже заработкам простых наемных рабочих. На протяжении всего полувекового периода существования царской власти в Русском Туркестане предпринимались различные попытки улучшения материального положения государственных служащих низших рангов, в том числе полицейских, однако они не привели к заметному росту их материального благосостояния и повышению качества жизни.

Подводя итоги данного исследования, хотелось бы отметить, что, несмотря на русофобские заявления части историков из современных «центральноазиатских» государств о негативной роли России в дореволюционном и Советском Туркестане, проведенный анализ свидетельствует о прогрессивном историческом влиянии полиции на развитие региона. Ее присутствие становилось одним из факторов модернизации края, вело к установлению современных правовых норм и учреждений, обеспечивало спокойствие и благополучие его населения. Безусловно, имели место выступления мусульман против русской власти из-за непонимания очевидной полезности предпринимаемых ею мер («холерный бунт» 1892 г.), или кровопролитные действия мусульманских фанатиков в Андижане 1898 г. по причине превратного истолкования привнесенных Россией новшеств. Сказывалось влияние Османской (Турецкой) империи и соседних мусульманских стран. Однако они не охватили весь региональный коренной мусульманский социум, иначе бы царская власть не удержалась в крае силой 50 тыс. военнослужащих. В 1916 г. она повисла над бездной исторического краха не столько из-за восстания мусульманского населения, сколько по причине всеобщего краха царистской системы. Таким образом, это относилось более к политическому режиму в стране, нежели к России как государству.

Незадачливый «премьер» Временного правительства А.Ф. Керенский, проведший детство и юность в Русском Туркестане, указывал: «На Западе широко распространено мнение, что в своем стремлении русифицировать мусульманское население Россия уничтожила ранее сложившуюся цивилизацию Средней Азии. Я своими глазами наблюдал результаты русского правления в Туркестане и считаю, что они делают честь России. Успех зиждился на терпимости к местному образу жизни. Русские города росли и процветали бок о бок с местным населением. Наряду с сохранением традиционной системы мусульманского обучения, открывались русские школы, которые были доступны всем. Местная судебная система, основанная

на Коране, сосуществовала с открытым судебным разбирательством, принятым в России»[1190].

Таким образом, прогресс в развитии края после его присоединения к Российской империи был очевиден и попытки очернить русское присутствие в Средней Азии противоречат историческим фактам. Если бы сегодня какой-то сказочный джинн одним мановением смог бы удалить с территории Средней Азии все то, что было привнесено сюда Россией, русским народом и иными некоренными этносами, то взору людей представилась бы печальная картина – пространство без железных дорог, автострад, линий электропередач, заводов, шахт, театров и многого другого.

И из духовной жизни коренных народов региона исчезли бы классическая русская литература, музыкальное, изобразительное искусство и т.п. Царский генерал М.А. Терентьев, участник присоединения Средней Азии, оценивая политику России в этом регионе, в начале XX в. писал: «Во всяком случае, все мероприятия наши по вопросу об ассимиляции народностей Туркестанского края принадлежат будущему. Но есть одно мощное средство, которое всегда применялось в Российской империи немедленно ко всем присоединяемым к ней народам — это мощное средство: равноправность. Перед таким, искони усвоенным нами, христианским космополитизмом не существуют: «ни раб, ни свободь, ни грек, ни варвар, ни скиф, ни иудей». Наша политика, по отношению к покоренным народам, есть политика гражданского равноправия. Житель, только что занятой Кульджи, только что взятых Ташкента, Самарканда и т. д. делается сразу таким же русским гражданином, каков, например житель Москвы, да еще, пожалуй, и с большими льготами ... Если такой путь ведет к укоренению наших начал, ведет к тому, что теперь истый мусульманин начинает держаться, относительно своего ближнего, как повелевает русский закон, а, следовательно, как подобает доброму христианину — то, значит, путь этот

[1190] Цит. по: *Литвинов П.П.* 1916 год: исторический оптимизм трагедии. Бишкек, 2022. С. 297.

хорош и наша миссия не бесплодна. Политика наша, по отношению к завоеванным странам, отличалась всегда особенным великодушием и, так сказать, самопожертвованием. Такая политика проведена по всей нашей истории и составляет одно из ее блистательных отличий. В этой-то политике, в этом христианском космополитизме и заключается наша сила. В этом и наша будущность»[1191]. Вряд ли стоит подтверждать и то, что такая политика не имела ничего общего с пресловутой «полицейщиной».

В настоящее время в суверенных государствах Средней Азии – бывших братских республиках СССР все более растет понимание действительной роли России в исторических судьбах их народов, расширяются экономические, торговые, культурные и иные связи. Власти в них теперь стараются сохранить присутствие русских и русскоязычных среди населения, расширяют ареалы изучения русского языка среди коренных этносов в своих странах.

Видный туркестановед XIX в., профессор Н.И. Веселовский справедливо отмечал: «Нам нет надобности оправдываться перед кем-либо в наших действиях в Средней Азии и оправдываться мы ни в каком случае не будем, но всегда можем с гордостью указать на то, что происходило в Средней Азии до нас, и что стало там теперь»[1192]. Это мнение можно вполне распространить и на деятельность дореволюционной российской полиции в этом регионе. Совершенно очевидно, что без ее деятельности на ниве поддержания законности и правопорядка, обеспечения условий для спокойного развития экономических, политических, социальных и духовно-культурных институтов многое из того, что удалось России достигнуть и совершить в Средней Азии в дореволюционный период, осталось бы только благими намерениями.

[1191] *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. С. 360–361.

[1192] *Веселовский Н.* Новые материалы по истории Кокандского ханства. СПб., б.г. С. 195.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

I. Архивные материалы

1. Архив Государственного Исторического музея (АГИМ) (г. Москва)

Фонд 208 – Черняев Михаил Григорьевич

Фонд 307 – Гродеков Николай Иванович

2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) (г. Москва)

Фонд 102 – Департамент полиции МВД

Фонд 730 – Игнатьев Николай Павлович

Фонд 1115 – Ростовцевы, графы

3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА) (г. Москва)

Фонд 1385 – Остен – Сакен Ф.Р., барон (1738-1914)

4. Российский Государственный исторический архив (РГИА) (г. Санкт Петербург)

Фонд 37 – Горный департамент

Фонд 560 – Общая канцелярия Министерства финансов

Фонд 565 – Департамент Государственного казначейства

Фонд 1284 – Департамент общих дел МВД

Фонд 1291 – Земский отдел МВД

Фонд 1396 – Ревизия сенатора К.К. Палена Туркестанского края

5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) (г. Москва)

Фонд 89 – Личный архив Поливанова А.А.

Фонд 165 – Куропаткин А.Н.

Фонд 400 – Главный штаб. Азиатская часть

Фонд 546 – Главное Военно-санитарное управление Военного министерства

Фонд 1402 – Военно-санитарное управление Штаба Туркестанского военного округа

Фонд 2000 – Главное управление Генерального штаба

6. Центральный государственный архив Казахстана (ЦГА Каз.)

Фонд 44 – Семиреченское областное правление

7. Центральный государственный архив Кыргызстана (ЦГА Кыр.)

Фонд 149- Андижанское уездное правление (г. Андижан, Ферганская область).

Фонд 154- Ошский уездный начальник.

8. Центральный государственный архив Туркменистана (ЦГА Тур.)

Фонд 1. Оп.2 – Канцелярия начальника Закаспийской области

9. Центральный государственный архив Узбекистана (ЦГА Узб.)

Фонд 1 – Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора

10. Фонд рукописей Российской Национальной библиотеки (ФР РНБ) (г. Санкт-Петербург)

Фонд 354 – Кобеко Д.Ф.

Фонд 377 – Корнилов И.П.

Фонд 874 – Архив Шубинского С.Н

II. Опубликованные источники

Законодательные акты

11. Соборное Уложение // ПСЗРИ-1. Т. 1. СПб., 1830. № 1. Глава XVII. СПб., 1830.

12. Наказ о градском благочинии. 30 апреля 1649 года // ПСЗРИ-1. Т. 1. СПб., 1830. № 6.

13. Морской устав. 13 января 1720 года // ПСЗРИ-1. Т. 6. СПб., 1830. № 3485.

14. Высочайшая резолюция на докладе Полицмейстерской канцелярии – Об учреждении полиции в городах. 23 апреля 1733 года // ПСЗРИ-1. Т. 9. СПб., 1830. № 6378.

15. Статьи объезжим Головам. 19 марта 1686 года // ПСЗРИ-1. Т. 1. СПб., 1830. № 1181.

16. Наказ князю Волконскому, назначенному в город Чернигов воеводой – Об управлении казенными земскими и военными делами. 8 февраля 1696 года // ПСЗРИ-1. Т. 3. СПб., 1830. № 1540.

17. Наказные статьи Нерчинским воеводам – Об управлении земскими и военными делами. 18 февраля 1696 года // ПСЗРИ-1. Т. 3. СПб., 1830. № 1542.

18. Наказ Окольничему князю Волконскому, определенному в Терек воеводой. 14 мая 1697 года // ПСЗРИ-1. Т. 3. СПб., 1830. № 1585.

19. Наказ ближнему боярину, князю Черкасскому, назначенному в Тобольск воеводой – Об управлении казенными, земскими и военными делами. 1 сентября 1697 года // ПСЗРИ-1. Т. 3. СПб., 1830. № 1594.

20. Наказные статьи в Сибирь, Тюменскому воеводе, стольнику Тухачевскому. 16 января 1699 года. // ПСЗРИ-1. Т. 3. СПб., 1830. № 1670.

21. Сенатский – Об отпуске из Штатс-конторы в Комиссариат на жалованье отставному генералитету по 50.000 рублей ежегодно, и неопределении пенсий никому без Высочайшей воли. 8 апреля 1763 года // ПСЗРИ-1. Т. 16. СПб., 1830. № 11788.

22. Высочайше утвержденный доклад Сената – О пенсионах статских чиновников. 7 июня 1764 года // ПСЗРИ-1. Т. 16. СПб., 1830. № 12175. Регламент о управлении Адмиралтейств и флотов. 24 августа 1765 года // ПСЗРИ-1. Т. 17. СПб., 1830. № 12459.

23. Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи. Части первая и вторая. 7 ноября 1775 года // ПСЗРИ-1. Т.20. СПб., 1830. № 14392.

24. Устав благочиния или полицейский. 8 апреля 1782 года // ПСЗРИ-1. Т. 21. СПб., 1830. № 15379.

25. Сенатский, по Высочайше утвержденному докладу – О производстве пенсий отставным унтер-офицерам и рядовым из общих государственных доходов. 27 июля 1799 года // ПСЗРИ-1. Т. 25. СПб., 1830. № 19052.

26. Манифест – Об учреждении Министерств. 8 сентября 1802 года. // ПСЗРИ-1. Т. 27. СПб., 1830. № 20406.

27. Именной, данный Военной коллегии – О предоставлении чрез военного министра на Высочайшее усмотрение в случае какой-либо отмены в выдаче пенсионов и провианта. 18 июля 1804 года // ПСЗРИ-1. Т. 28. СПб., 1830. №21402.

28. Именной, данный Сенату – О производстве из губернских секретарей в коллежские секретари, а из сего чина в титулярные советники. 16 апреля 1811 года // ПСЗРИ-1. Т. 31. СПб., 1830. № 24596.

29. Манифест – Общее учреждение Министерств. 25 июня 1811 года // ПСЗРИ-1. Т. 31. СПб., 1830. № 24686.

30. Именной, данный Сенату – О оставлении пенсионов, пожалованных уволенным от военной службы чиновникам при определении их к должностям по части полицейской. 26 марта 1813 года // ПСЗРИ-1. Т. 32. СПб., 1830. № 25361.

31. Именной, данный Сенату – Об оставлении пенсионов штаб и обер-офицерам из числа отставленных за полученными в последнюю войну ранами, при определении их по гражданской службе. 30 августа 1815 года // ПСЗРИ-1. Т. 33. СПб., 1830. № 25931.

32. Именной – О присоединении Министерства полиции к Министерству внутренних дел. 4 ноября 1819 года // ПСЗРИ-1. Т. 36. СПб., 1830. № 27964.

33. Сенатский, с прописанием Высочайшей воли – О сравнении гражданских чиновников в производстве им пенсиона с военными. 30 апреля 1819 года // ПСЗРИ-1. Т. 36. СПб., 1830. № 27779.

34. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О назначении пенсионов и единовременных выдач чиновникам градских

полиций из сумм Государственного казначейства. 30 июня 1823 года // ПСЗРИ-1. Т. 38. СПб., 1830. № 29524.

35. Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд.1. СПб., 1867.

36. Именной, данный Управляющему Министерством Внутренних Дел – О присоединении Особенной Канцелярии Министерства Внутренних Дел к Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 3 июля 1826 года // ПСЗРИ-2. Т. 1. СПб., 1830. № 449.

37. Именной – Об учреждении пяти округов Жандармского Корпуса. 28 апреля 1827 года // ПСЗРИ-2. Т. 2. СПб., 1830. № 1062.

38. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О неназначении пенсионов ниже ста рублей, когда жалованье было не менее сей суммы. 28 декабря 1826 года // ПСЗРИ-2. Т. 1. СПб., 1830. № 776.

39. Уставы о пенсиях и единовременных пособиях. 6 декабря 1827 года // ПСЗРИ-2. Т. 2. СПб., 1830. № 1592. § 107. Примерное расписание окладов для определения пенсий гражданским чиновникам по их должностям.

40. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об улучшении в Астрахани квартирного довольствия военно-сухопутным и морским чинам. 30 июня 1828 года // ПСЗРИ-2. Т. 3. Отд. 1. СПб., 1830. № 2118.

41. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О производстве квартирного довольствия по новому Положению со времени получения иного на месте. 26 ноября 1829 года // ПСЗРИ-2. Т. 4. СПб., 1830. № 3296.

42. Высочайше утвержденные правила в руководство Комитета, Высочайше утвержденного в 18 день августа 1814 года , для пособия раненым и семействам убитых на сражении и умерших от ран. 12 декабря 1829 года // ПСЗРИ-2. Т. 4. СПб., 1830. № 3333. Ч. 1. Глава VIII.

43. Высочайше утвержденное Положение о гражданских мундирах. 27 февраля 1834 года // ПСЗРИ-2. Т. 9. Отд. 1. СПБ., 1835. № 6860. § 1.

44. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О производстве обревизования действий дворянских депутатских собраний. 20 апреля 1834 года // ПСЗРИ-2. Т. 9. Отд. 1. СПб., 1835, № 7007.

45. Именной, объявленный министру внутренних дел военным министром - О замещении полицейских мест в Кавказской области военными офицерами. 15 мая 1837 года // ПСЗРИ-2. Т. 12. Отд. 1. СПб., 1838. № 10241.

46. Высочайше утвержденное Положение о порядке производства дел исполнительных С. Петербургской полиции. 1 апреля 1838 года // ПСЗРИ-2. Т. 13. Отд. 1. СПб., 1839. № 11109.

47. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров, объявленное Военным министром – О производстве военным чиновникам, поступившим в гражданские должности, того оклада, который должности присвоен. 28 марта 1839 года // ПСЗРИ-2. Т.14. Отд. 1. СПб., 1840. № 12184.

48. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О квартирных деньгах и помещениях для полицейских чиновников в губернских, уездных и других городах. 16 мая 1839 года // ПСЗРИ-2. Т.14. Отд. 1. СПб., 1840. № 12353.

49. Высочайше утвержденное Положение Совета министров – Об определении в Холмскую городскую полицию помощника Городничего. 19 сентября 1839 года // ПСЗРИ-2. Т. 14. Отд. 1. СПб., 1840. № 12704.

50. Высочайше утвержденный штат военному управлению на Кавказской линии и в Черномории. Пункт 8. 26 апреля 1840 года // ПСЗРИ-2. Т. 15. Отд. 2. СПб., 1841. № 13419.

51. Штат Уманской военной городской полиции 4 мая 1840 года // ПСЗРИ-2. Т.15. Отд. 2. СПб., 1841. № 13442.

52. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О квартирных деньгах С-Петербургским полицмейстерам. 8 мая 1844 года // ПСЗРИ-2. Т. 19. Отд.1. СПб., 1845. № 17902.

53. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О производстве жалованья военным чинам, назначаемым на гражданские должности. 27 марта 1845 года // ПСЗРИ-2. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1846. № 18871.

54. Высочайше утвержденное описание обмундирования чинов городской и земской полиции на Кавказе и за Кавказом. 18 октября 1852 года // ПСЗРИ-2. Т. 27. Отд. 1. СПб., 1853. № 26647.

55. Именной, данный Сенату – О правилах для назначения пенсий и пособий увольняемым от службы чиновникам и семействам их. 6 ноября 1852 года // ПСЗРИ-2. Т. 27. Отд. 1. СПб., 1853. № 26747.

56. Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета – О новом штате Таганрогской городской полиции. 3 июня 1853 года // ПСЗРИ-2. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1854. № 27314.

57. Сенатский, по Высочайшему повелению – О порядке назначения пенсий служащим в Закавказском крае чиновникам и их семействам. 24 января 1857 года // ПСЗРИ-2. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1858. № 31443.

58. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О порядке переименования и производства в чины лиц, переходящих из военной в гражданскую службу. 29 июня 1859 года // ПСЗРИ-2. Т. 34. Отд. 1. СПб., 1860. № 34689.

59. Высочайше утвержденные Временные Правила об устройстве Полиции в городах и уездах Губерний по Общему Учреждению управляемых. 25 декабря 1862 года // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд. 2. СПб., 1865. № 39087.

60. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об отпуске сумм на содержание Полиции по новым штатам 25-го декабря 1862 года. 25 декабря 1862 года // ПСЗРИ-2. Т. 37. Отд.1. СПб., 1865. № 39089.

61. Именной, объявленный Сенату С-Петербургским военным генерал-губернатором – О форме обмундирования чинов С-Петербурской полиции. 2 февраля 1863 года // ПСЗРИ-2. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. № 39241.

62. Высочайше утвержденные описания формы обмундирования для чиновников С-Петербургской полиции.2 февраля 1863 года // ПСЗРИ-2. Т. 38. Отд. 2. СПб., 1866. Штаты и табели. № 39241.

63. Именной, объявленный Сенату Министром внутренних дел – О новой форме обмундирования чинов Московской городской полиции. 24 мая 1863 года // ПСЗРИ-2. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. № 39659.

64. Именной, объявленный в приказе Военного министра – Об окладах жалованья, пенсий и столовых денег, а также о фуражном и денщичьем довольствии чинов военно-сухопутного ведомства. 17 апреля 1859 года // ПСЗРИ-2. Т. 34. Отд. 2. СПб., 1861. № 34385.

65. Высочайше утвержденное Положение о Военно-Окружных управлениях. 6 августа 1864 года // ПСЗРИ-2. Т. 39. Отд. 1. СПб., 1867. № 41162.

66. Именной, объявленный Сенату военным министром – Об образовании Туркестанской области. 12 февраля 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41792.

67. Именной, объявленный в приказе Военного Министра - Об упразднении Управления Сыр-Дарьинской Линией и образовании вместо Оного Управления Туркестанской области. 12 февраля 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41870.

68. Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПБ., 1867. № 42372.

69. Высочайше утвержденный 6 августа 1865 года Временный штат Военно-Народного Управления в Туркестанской области. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 2. СПб., 1867. № 42372.

70. Высочайше утвержденный 29 марта 1867 года общий штат Военного министерства. // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 2. СПб,, 1871. Штаты и табели. № 44412.

71. Высочайше утвержденные описания: I) последовавших по Высочайшей воле изменений в форме обмундирования и вооружения чинов С-

Петербургской и Московской полиции и II) формы обмундирования и вооружения в городах и уездах по Общему учреждению управляемых. 10 марта 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44330.

72. Именной, данный Сенату - Об учреждении Туркестанского Генерал-Губернаторства в составе двух областей Семиреченской и Сыр-Дарьинской. 11 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44831.

73. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О производстве квартирных от казны денег генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам, служащим в войсках и военных управлениях на Кавказе. 22 августа 1868 года // ПСЗРИ-2. Т. 43. Отд. 2. СПб., 1873. № 46205.

74. Высочайше утвержденная табель квартирных денег от казны для генералов, штаб и обер-офицеров и классных чиновников, служащих в войсках и военных управлениях Кавказского военного округа. 22 августа 1868 года // ПСЗРИ-2. Т. 43. Отд. 3. СПб., 1873. Штаты и табели. № 46205.

75. Именной, данный Сенату – О преобразовании управления Киргизскими Степями Оренбургского и Сибирского ведомств и Уральскими и Сибирскими Казачьими Войсками. 21 октября 1868 года // ПСЗРИ-2. Т. 43. Отд. 2. СПб., 1873. № 46380.

76. Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – О назначении Полицмейстеру города Новочеркасска двойных квартирных денег. 7 марта 1870 года // ПСЗРИ-2. Т. 45. Отд. 1. СПб., 1874. № 48108.

77. Именной, объявленный в приказе Военного Министра 14-го того же июля - Об учреждении Туркестанского Военного Округа. 13 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 48844.

78. Высочайше утвержденные Правила о порядке действия чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений. 19 мая 1871 года // ПСЗРИ-2. Т. 46. Отд. 1. СПб., 1874. № 49615.

79. Именной, объявленный Сенату министром юстиции - Об ограничении права военных чинов занимать должности по гражданскому ведомству. 1 марта 1872 года // ПСЗРИ-2. Т. 47. Отд. 1. СПб., 1875. № 50585.

80. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О производстве квартирного довольствия чиновникам военно-окружных управлений и управлений местных войск, а также чиновникам и мастеровым классных чинов артиллерийского ведомства. 25 апреля 1872 года // ПСЗРИ-2. Т. 47. Отд. 1. СПб., 1875. Дополнения к 47-му тому Втор. Собр. Зак. № 50774-а.

81. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании квартирного довольствия генералов и офицеров. 31 мая 1872 года // ПСЗРИ-2. Т. 47. Отд. 1. СПб., 1875. № 50915.

82. Высочайше утвержденный 9 марта 1874 года Штат управления Закаспийского Военного отдела // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 3. СПб., 1876. № 53233.

83. Именной, объявленный в приказе по Военному ведомству – Об управлении Закаспийским краем. 9 марта 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд.1. СПб., 1876. № 53233.

84. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров, объявленное Сенату Министром Внутренних Дел - О предоставлении Уездным Начальникам Степных областей Оренбургского края и Западной Сибири права налагать административные взыскания на должностных киргизов. 19 апреля 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 53397.

85. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О преобразовании воинской квартирной повинности. 8 июня 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 53623.

86. Высочайше утвержденный 25 февраля 1875 года штат Киевской городской полиции // ПСЗРИ-2. Т. 50. Отд.3. СПб., 1877. № 54433 Штаты и табели.

87. Именной, данный Сенату – О порядке управления в Ферганской области. 19 февраля 1876 года // ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд.1. СПб., 1878. № 55593.

88. Именной, объявленный Сенату Товарищем Министра Юстиции – Об образовании Ферганской области. 19 февраля 1876 года // ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд.1. СПб., 1878. № 55594.

89. Высочайше утвержденная 12 марта 1868 года Общая государственная роспись доходов и расходов на 1868 год. // ПСЗРИ-2. Т. 43. Отд.3. СПб., 1873. № 45598.

90. Высочайше утвержденный 17 декабря 1877 года штат Новочеркасской полиции // ПСЗРИ-2. Т. 52. Отд. 3. СПб., 1879. Штаты и табели. № 57998. Пункт 2.

91. Высочайше утвержденные проект Временного положения о полицейских урядниках в 46-ти губерниях, по Общему учреждению управляемых. 9 июня 1878 года // ПСЗРИ-2. Т. 53. Отд. 1. СПб., 1880. № 58610.

92. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об усилении Киевской городской полиции. 15 июня 1879 года // ПСЗРИ-2. Т. 54. Отд. 2. СПб., 1881. № 59778.

93. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – Об усилении состава полиции в некоторых губернских и уездных городах. 19 ноября 1878 года // ПСЗРИ-2. Т. 53. Отд. 2. СПб., 1880. № 59025.

94. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об отпуске суммы на усиление полиции в городах Киеве и Харькове. 29 января 1880 года // ПСЗРИ-2. Т. 54. Отд. 2. СПб.1881. № 60449

95. Высочайшее повеление – Об описании формы обмундирования для лиц, служащих по военно-народному управлению Туркестанского генерал-губернаторства, не имеющих чинов и не занимающих классных должностей. 10 ноября 1880 года // ПСЗРИ-2. Т. 55. Отд. 1. СПб., 1884. № 61529.

96. Описание формы обмундирования для лиц, служащих по военно-народному управлению Туркестанского генерал-губернаторства, не имеющих чинов и не занимающих классных должностей. 10 ноября 1880 года. // ПСЗРИ-2. Т. 55. Отд. 2. СПб., 1884. № 61529.

97. Высочайшее повеление, объявленное Военным министром - О переселении в Закаспийскую область, на реку Кушку, 218 семей русских земледельцев. 5 мая 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895.

98. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О назначении особого Полицейского Пристава в город Коканд. 7 ноября 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890.

99. Именной, данный Сенату - О присоединении к Империи, занятой Нашими войсками территории туркменов Текинского рода и образовании из нея и земель Закаспийского военного отдела области Закаспийской с включением оной в состав Кавказского Военного Округа. 6 мая 1881 года // ПСЗРИ-3. Т. 1. СПб., 1885. № 142.

100. Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. 14 августа 1881 года // ПСЗРИ-3. Т. 1. СПб., 1885. № 350.

101. Высочайше утвержденное Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей. 12 марта 1882 года // ПСЗРИ-3. Т. 2. СПб.,1886. № 730.

102. Именной, данный Сенату - О сосредоточении высшего надзора по управлению областями Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской в лице Генерал-Губернатора и о подчинении губерний Тобольской и Томской Общему порядку высшего управления, существующему для внутренних губерний. 18 мая 1882 года // ПСЗРИ-3. Т. 2. Отд.1. СПб.,1886. № 886.

103. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О численном составе и устройстве полицейских команд в городах, для которых не издано особых штатов полиции. 14 апреля 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889.

104. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О квартирном довольствии семейств нижних чинов в Закаспийской области. 20 января 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. Дополнения к 4-му тому Третьего ПСЗРИ. № 1976 а.

105. Высочайше утвержденные Временные правила о пенсиях рабочим казенных горных заводов и рудников, у тративших трудоспособность на заводских или рудничных работах. 15 мая 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 2087.

106. Высочайшее Повеление, объявленное Министром Внутренних дел - О присвоении новой формы обмундирования чинов городской и уездной полиции. 15 марта 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 4. Отд. 1. СПб., 1887. № 2097.

107. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О преимуществах гражданской службы в Закаспийской области. 22 января 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 2688.

108. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О размере квартирных окладов для офицерских чинов в Закаспийской области. 5 июня 1884 года // ПСЗРИ-3. Т. 4. СПб., 1887, № 2295.

109. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об учреждении Политического Агентства в Бухаре. 12 ноября 1885 года // ПСЗРИ-3. Т. 5. СПб., 1887. № 3274.

110. Штат управления Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. Штаты и табели.

111. Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанского края. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т.6. СПб., 1888. № 3814.

112. Высочайше утвержденные Правила об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. 13 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3817.

113. Высочайше утвержденное Положение об Азиатской части Главного штаба. 30 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3850.

114. Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром - О форме обмундирования и снаряжения военных и гражданских чинов, занимающих полицейские должности в городах и уездных установлениях Туркестанского

края, а также Штаб и Обер-офицеров и нижних чинов артиллерийских парков. 21 апреля 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4368.

115. Реестр рисункам, принадлежащим к VII тому Третьего Полного собрания законов 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4368. Лист 3

116. Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром - О форме обмундирования и снаряжения военных и гражданских чинов, занимающих полицейские должности в городах и уездных установлениях Туркестанского края. 21 апреля 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4368.

117. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об установлении размера прогонной платы в Закаспийской области. 28 апреля 1887 года // ПСЗРИ-3 Т. 7. СПб., 1889. № 4401.

118. Высочайше утвержденные Правила об особых преимуществах государственной службы по военному ведомству в отдаленных местностях Империи. 15 июня 1887 года. // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4597.

119. Именной, данный Сенату - Об обращении в состав Государевых имений части земель, вновь присоединенных в Средней Азии. 6 августа 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4670.

120. Высочайше утвержденное Мнение Соединенных Департаментов Государственной Экономии и Законов Государственного совета - По вопросу о надбавках к содержанию чиновников административно-полицейского управления Туркестанского края. 7 марта 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891.

121. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - По проекту временного штата городских полицейских управлений в Асхабаде и Мерве. 10 ноября 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4790.

122. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции - О распространении действия правил о порядке производства дознаний по государственным преступлениям на местности, входящие в состав Туркестанского генерал-губернаторства». 16 декабря 1887 года // ПСЗРИ-3. Т. 7. СПб., 1889. № 4885.

123. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции - О штате Удельного управления Мургабского Государева Имения и о предоставлении Управляющему тем Имением одинаковых с начальником Округа в Закаспийской области прав в полицейском отношении. 16 января 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. № 4947.

124. Высочайше утвержденные 16 января 1888 года Штаты Мургабского Государева Имения. 16 января 1888 года // ПСЗРИ-3. Т. 8. СПб., 1890. Штаты и табели. № 4947.

125. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О назначении особого Полицейского Пристава в город Катта-Курган, Самаркандской области. 13 февраля 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 5784.

126. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О предоставлении городским старшинам (аксакалам) в Туркестанском крае прав по наложению на туземцев взысканий за маловажные полицейские проступки. 24 января 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 5732.

127. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О сохранении за лицами, занимающими должности по управлению Туркестанского края прежних прав по чинопроизводству и пенсии. 4 мая 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 5973.

128. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О квартирном довольствии полицейских чиновников. 4 мая 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 5976.

129. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об учреждении в городе Самарканде должностей Полицейского Пристава и Надзирателя. 23 мая 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6038.

130. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об усилении личного состава Полицейского управления в городе Асхабаде. 20 ноября 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6374.

131. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О штатном составе полицейской команды в городе Верном и о способе покрытия расходов на ее содержание. 14 декабря 1889 года. // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891. № 6439.

132. Временный штат военно-народного управления Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 2. СПб., 1893. Штаты и табели. № 6576.

133. Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд.1. СПб., 1893. № 6576.

134. Высочайше утвержденные Правила для взаимных отношений гражданских и военных властей. 27 марта / 11 мая 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. отд. 1. СПб., 1893. № 6680

135. Высочайше утвержденное Мнение Департамента Государственной Экономии Государственного совета - Об определении размера кредита на содержание домов и дач Генерал-Губернатора и Военных Губернаторов в Туркестане. 14 июня 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд.1. СПб., 1893. № 6971.

136. Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7574.

137. Штат управления Семиреченской области. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. Штаты и табели. № 7574.

138. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О размерах квартирных денег для полицейских приставов в городах Туркестанского края. 3 июня 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 7787.

139. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об отпуске квартирных денег семействам нижних чинов, служащих в Туркестанском военном округе. 16 марта 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8427.

140. Высочайше утвержденная 30 декабря 1891 года Общая государственная роспись доходов и расходов на 1892 год // ПСЗРИ-3. Т. 11. СПб., 1894. № 8212. Приложения к тому.

141. Высочайше утвержденное Мнение Соединенных департаментов Законов и Государственной экономии Государственного совета – О разъяснении законоположений, касающихся оплаты вычетов из содержания некоторых должностных лиц, поступивших на службу в Закаспийскую область до издания нового Положения об управлении сей областью. 23 марта 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8455.

142. Именной, Высочайший указ, данный Сенату - О введении в действие нового Городового Положения. 11 июня 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8707.

143. Высочайше утвержденное Городовое Положение. 11 июня 1892 года // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 8708.

144. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О назначении квартирных денег Начальнику города Ташкента и его Помощнику. 7 декабря 1892 года // ПСЗРИ-3. Т.12. СПб., 1895. № 9129.

145. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О праве бесплатного лечения и пользования медикаментами лиц, служивших в Туркестанском крае по административно-полицейскому управлению и о способах покрытия расходов по сему предмету. 14 декабря 1889 года // ПСЗРИ-3. Т. 9. СПб., 1891.

146. Высочайше утвержденная 28 декабря 1892 года Общая государственная роспись доходов и расходов на 1893 год // ПСЗРИ-3. Т. 12. СПб., 1895. № 9212. Приложения к тому.

147. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об изменении некоторых постановлений Положения об управлении Туркестанского края, касающихся административного его устройства. 19 января 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 9262.

148. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О порядке заведования пригородными участками в Туркестанском крае. 1 ноября 1893 года. 8 ноября 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 10008.

149. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О производстве отпуска поверстной платы в размере по 3 копейки на каждую лошадь, полагаемую чинам при следовании по всем безразлично вьючным путям Туркестанского округа и смежных с ним степных областей. 19 декабря 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10170 а. Дополнение к тому 13-му ПСЗРИ-3.

150. Высочайше утвержденная 28 декабря 1893 года Общая государственная роспись доходов и расходов на 1894 год // ПСЗРИ-3. Т. 13. СПб., 1897. № 10222. Приложения к тому.

151. Высочайшее повеление, объявленное военным министром - О предоставлении уездным начальникам Закаспийской области права заковывать арестантов в кандалы. 1 февраля 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10316.

152. Высочайшее Повеление, объявленное Министром Внутренних Дел – Об утверждении списка городских поселений Степного Генерал-Губернаторства и Гродненской губернии, в коих вводится предусмотренное статьею 22 Высочайше утвержденного 11 июня 1892 года Городового Положения, упрощенное городское общественное управление. 6 мая 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. СПб., 1898. № 10584.

153. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О пополнении штата управления Туркестанского края. 28 ноября 1894 года // ПСЗРИ-3. Т. 14. Отд. 1. СПб., 1898. № 11066.

154. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об учреждении письменного переводчика при Верненском городском полицейском управлении. 17 апреля 1895 года. // ПСЗРИ-3. Т.15. СПб., 1899. № 11545.

155. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О включении Семипалатинска в число городов, в коих на должности Полицмейстеров допускаются военные чины. 15 апреля 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 12770.

156. Высочайше утвержденное Положение Военного совета - Об учреждении полицейского поста на Чиназской переправе на реке Сыр-дарье. 19 сентября 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13244.

157. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об увеличении состава городской полиции в Туркестанском крае. 2 декабря 1896 года // ПСЗРИ-3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 13474.

158. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об усилении Омской, Семипалатинской и Верненской городской полиции. 1 декабря 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14727.

159. Именной, Высочайший указ, данный Сенату - О разделении Сибири и Среднеазиатских областей на военные округа с соответствующими изменениями в устройстве их высшего гражданского управления. 26 декабря 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14818.

160. Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета – О производстве квартирных денег офицерским и классным чинам и лицам военного духовенства войск Закаспийской области во время командировок и других отлучек по делам службы. 18 мая 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15420.

161. Высочайше утвержденное Временное положение о Крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. 2 июня 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15503.

162. Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета – Об увеличении содержания военным губернаторам и начальникам областей, состоящим в ведении военного министерства. 4 июня 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 190., № 15525.

163. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров - О гражданском переустройстве Среднеазиатских Областей. 11 июня 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд.1. СПб., 1902. № 17177.

164. Высочайшее Повеление, объявленное Военным Министром – О форме одежды чинов, занимающих административные и полицейские должности в пределах Туркестанского Генерал-Губернаторства. 16 ноября 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17745.

165. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об учреждении должностей 32 участковых приставов в Туркестанском крае. 6 марта 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18241.

166. Высочайшее Повеление, объявленное Военным Министром - О размере содержания Командующего войсками Туркестанского Военного округа и о кредитах, отпускаемых в его распоряжение. 24 марта 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18356.

167. Высочайше утвержденное Положение об уездных земельно-податных присутствиях в областях Самаркандской, Ферганской и Сыр-дарьинской. 10 июня 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18781.

168. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О предоставлении чинам военно-народного управления Закаспийской области права бесплатного лечения в военно-врачебных заведениях и бесплатного же пользования медикаментами из аптек сих заведений. 7 августа 1900 года. // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19159.

169. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров - Об изменении существующего порядка отпуска разъездных денег чинам уездных управлений в Семиреченской области. 11 декабря 1900 года // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19370.

170. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О дополнении статьи 29 Правил об особых преимуществах государственной службы по военному ведомству в отдаленных окраинах Империи. 12 февраля 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 19680.

171. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об учреждении должностей Городского Пристава в город Пишпек, Семиреченской области. 19 марта 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 19836.

172. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - О предоставлении Уездным Начальникам Туркестанского края прав по наложению взысканий на лиц нетуземного происхождения. 8 июня 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20344.

173. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – Об упразднении полицейского поста в селении Чиназ на переправе через реку Сыр-Дарью. 2 июля 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20469.

174. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров - Об учреждении полицейского надзора вдоль линии северного участка Оренбурго-Ташкентской железной дороги. 23 октября 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20669.

175. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об учреждении должности Полицейского Пристава в городе Самарканде. 5 ноября 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20698.

176. Высочайшее повеление, объявленное Военным министром – О новых окладах содержания чинам Главных управлений Военного министерства. 29 марта 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21286.

177. Расписание окладов содержания офицерских и классных чинов Главных управлений Военного министерства 29 марта 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 2. СПб., 1904. № 21286. Штаты и табели.

178. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об установлении новых расписаний квартирных окладов для воинских чинов, управлений, штабов и заведений военного ведомства. 20 мая 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21484.

179. Расписание окладов офицерских чинов на отопление и освещение квартир // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 2. СПб., 1904. Штаты и табели. № 21484.

180. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О назначении разъездных денег четырем Становым приставам вдоль линии северного участка Оренбурго-Ташкентской железной дороги. 28 июня 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21785.

181. Высочайше утвержденное Положение Военного совета - О прибавочном жалованье чинам военно-народного управления Туркестанского края. 5 сентября 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21993.

182. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О предоставлении права чинам военно-народных управлений и их семействам 6-ти округов Дагестанской области пользоваться лекарствами из окружных аптек. 13 сентября 1902 года. // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд.1. СПб., 1904. № 22002

183. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об увеличении состава городской полиции в Ферганской и Самаркандской областях. 8 декабря 1902 года // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 22224.

184. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Об учреждении в Семиреченской области семи новых должностей участковых приставов. 11 декабря 1902 года. // ПСЗРИ-3. Т. 22. Отд. 1. - СПб., 1904. № 22260.

185. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О предоставлении начальнику, уездным начальникам, их помощникам и приставам Закаспийской области прав по наложению взысканий на местное население. 2 апреля 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22765.

186. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об устройстве полицейских команд в городах Туркестанского края. 21 апреля 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22816.

187. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об упразднении должности Старшего Аксакала в городе Старом Маргилане. 8 июня 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 23116.

188. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета - Об усилении полиции на острове Челекен, Закаспийской области. 23 февраля 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24092.

189. Высочайшее повеление, объявленное Министром путей сообщения – О соединении Оренбургской ветви Самаро-Златоустовской железной дороги с Оренбургско-Ташкентской железной дорогой под общим названием «Ташкентской железной дороги». 16 апреля 1904 года. // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24373.

190. Высочайшее повеление, объявленное Министром внутренних дел – О замещении воинскими чинами и офицерами Отдельного корпуса жандармов должностей Полицмейстеров в городах, в коих губернаторы и градоначальники имеют пребывавние и должности Помощника Виленского Полицмейстера. 27 мая 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд.1. СПб., 1907. - № 24636.

191. Высочайшее повеление, объявленное Военным министром - Об утверждении штатов полицейских команд в русских частях городов Туркестанского края: Самарканда, Петро-Александровска, Казалинска, Перовска, Оша и Андижана. 26 ноября 1904 года // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 25429.

192. Высочайше утвержденные 26 ноября 1904 года штаты полицейских команд в русских частях городов; Самарканда, Самаркандской области; Петро-Александровска, Казалинска и Перовска, Сыр-дарьинской области и Андижана и Оша, Ферганской области // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 2. СПб., 1907. № 25429.

193. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О продлении срока действия Положения об усиленной охране в городе Ташкенте, Ташкентском, Чимкентском и Аулиеатинском уездах Сыр-дарьинской области, и в областях Ферганской и Самаркандской. 4 августа 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26616.

194. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров - Об оставлении без изменений до 1 января 1908 года действующего Временного положения об управлении Закаспийской областью. 9 июля 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28113.

195. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О продлении срока действия Положения об усиленной Охране в некоторых местностях Сыр-дарьинской области и в Ферганской и Самаркандской областях. 13 сентября 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28346.

196. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О замене введенного в Ферганской области положения об усиленной охране положением чрезвычайной охраны. 17 сентября 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28346.

197. Именной Высочайший указ, данный Сенату – О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования. 9 ноября 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд.1. . СПб., 1909. № 28528.

198. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров - О временном увеличении штатов полиции в городах Аулиеате, Сырдарьинской области и Новом Маргилане, Ферганской области. 11 ноября 1906 года // ПСЗРИ-3. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28540.

199. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О выдаче офицерским и классным чинам 11-го Туркестанского стрелкового батальона вторых квартирных денег. 9 января 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 28775.

200. Именной Высочайший указ, данный Сенату – О продлении срока действия введенного в полосе отчуждения Средне-Азиатской железной дороги и в прилегающих к ней городах и поселениях Положения чрезвычайной охраны. 14 марта 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 28989.

201. Высочайше утвержденное Положение о выборах в Государственную Думу. 3 июня 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29242.

202. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров - О составлении нового Положения об управлении Туркестанским краем и об отсрочке передачи сего края в ведение Министерства внутренних дел. 30 июля 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29439.

203. Высочайше утвержденное Положение Совета министров – О переименовании областного города Ферганской области Нового Маргелана в «Скобелев». 23 октября 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. СПб., 1910. № 29682.

204. Высочайшее Повеление, объявленное Министром Юстиции – Об утверждении Инструкции Сенатору, назначенному по Высочайшему Повелению к производству Ревизии Туркестанского края. 18 июня 1908 года // ПСЗРИ-3. Т. 28. Отд.1. СПб., 1911. № 30500.

205. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров - О прекращении работ Особого Вневедомственного Совещания по составлению нового Положения об управлении Туркестанским краем. 24 марта 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 31643.

206. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату - О продлении чрезвычайной охраны в Закаспийской области в пределах полосы отчуждения Средне-Азиатской ЖД и прилегающих к ней городах: Красноводске, Кызыл-Арвате, Асхабаде и Мерве. 3 октября 1909 года // ПСЗРИ-3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32588.

207. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон - Об изменении состава Полицейской Команды в городе Скобелев (Новом Маргилане) Ферганской области. 6 июня 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33671.

208. Штат Управления Пристава в Мургабском Государевом Имении в Байрам-Али, Закаспийской области. 10 июня 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 2. СПб., 1913. Штаты и табели. № 33714.

209. Высочайше утвержденное Положение Совета министров – О переименовании Маргеланского уезда, Ферганской области в Скобелевский уезд с присвоением означенного названия также всем учреждениям, именующимся по названию указанного уезда. 31 октября 1910 года // ПСЗРИ-3. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 34317.

210. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об изменении некоторых правил об удовлетворении квартирным довольствием офицерских и классных чинов строевых воинских частей и унтер-офицеров дополнительного штата Губернских жандармских управлений. 24 мая 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПБ., 1914. № 35266.

211. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон - Об учреждении полицейского надзора при станции «Голодная Степь» Средне-Азиатской железной дороги. 1 июня 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1914. № 35393.

212. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон - Об установлении новых расписания квартирных окладов для офицерских, классных и медицинских чинов военного ведомства и военного духовенства Туркестанского военного округа и расписания местностей сего округа по разрядам для исчисления означенных окладов. 3 июня 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1914. № 35447.

213. Расписание местностей Туркестанского военного округа по разрядам для исчисления квартирных окладов для офицерских, классных и медицинских чинов военного ведомства и военного духовенства // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 2. СПб., 1914. Штаты и табели. № 35447.

214. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон - Об учреждении в пределах Ферганской области нового Участкового Управления. 23 декабря 1911 года // ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1914. № 36276.

215. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон – Об улучшении земских и городских финансов. 5 декабря 1912 года // ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 38452.

216. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров - О возведении возникшего при станции Арысь, Ташкентской железной дороги, Чимкентского уезда, Сыр-дарьинской области поселка на степень безуездного города с названием Арысь. 11 февраля 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 38776.

217. Высочайшее повеление, объявленное военном министром - О перечислении Узгентского участка из Андижанского уезда в Ошский уезд, Ферганской области. 13 мая 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 39388.

218. Высочайше утвержденное Положение Совета министров - О включении города Красноводска, Закаспийской области в число местностей, в коих воспрещено жительство и пребывание лицам, подвергаемым по судебным приговорам надзору полиции. 24 мая 1913 года // ПСЗРИ-3. Т. 33. Отд. 1. СПб., 1916. № 39412.

219. Именной, объявленный в приказе по Военному ведомству - О некоторых изменениях в форме обмундирования гражданских чинов Военного ведомства. 28 мая 1877 года // ПСЗРИ-2. Т. 52. Отд. 1. СПб., 1879. № 57419.

220. Описание формы обмундирования для лиц, служащих по военно-народному управлению Туркестанского генерал-губернаторства, не имеющих чинов и не занимающих классных должностей 10 ноября 1880 года // ПСЗРИ-2. Т. 55. Отд. 2. СПб., 1884. № 61529.

221. Общее губернское учреждение // Свод законов Российской империи. Т.2. СПб., 1833.

222. Устав о службе гражданской по определению правительства // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1857.

223. О производстве в чины переходящих из военной в гражданскую службу // Устав о службе гражданской по определению правительства // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1867.

224. Устав о пенсиях и единовременных пособиях // Свод законов Российской империи. Т.3. Уставы о службе гражданской. СПб., 1835. Книга 3.

225. О преимуществах службы в отдаленных и малонаселенных краях Империи и в губерниях Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской // Устав о службе гражданской по определению правительства // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1857. Раздел V.

226. Свод учреждений государственных. Издание 1906 года // Свод законов Российской Империи. Издание 1912 года. Т. 1. Ч. 2. СПБ., 1912. О производстве в чины переходящих из военной в гражданскую службу //

227. Устав о службе по определению правительства. Книга первая. Издание 1896 года // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1912.

228. Устав о службе по определению правительства. Книга первая. Издание 1896 года // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1912.

229. Приложение к статье 161-й (прим.) «Положения об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 года - Особые правила о порядке производства дознаний по государственным преступлениям в местностях, входящих в состав Туркестанского генерал-губернаторства // Свод законов Российской империи. Т.2. Ч. 1. СПб., 1900.

230. Временное положение об управлении Закаспийской области. Издание 1892 года // Свод законов Российской империи. Т. II. СПб., 1912.

231. Табель окладам пенсий, назначаемых гражданским чиновникам, их вдовам и семьям // Уставы о пенсиях и единовременных пособиях. Издание 1896 года. // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1912.

232. Приложение к статье 1056-й «Устава о службе по определению правительства». О квартирных деньгах и помещениях для полицейских

чиновников в губернских, уездных и других городах // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1857.

233. Устав о земских повинностях. Издание 1899 года. // Свод законов Российской империи. Т. 4. СПб., 1912.

234. Приложение к статье 557 (прим.). О квартирном довольствии полицейских чиновников. Устав о службе по определению правительства. Книга первая. Издание 1896 года // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1912.

235. Приложение к статье 975-й «Устава о службе по определению правительства». Положение о форме одежды гражданских чинов в Империи // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1857.

236. Расписание окладов офицерских чинов на отопление и освещение квартир // Свод законов Российской империи. Т. 4. СПб., 1912.

237. Приложение к статье 531. Свод правил о ношении форменной одежды чинами гражданских ведомств // Устав о службе по определению правительства. Издание 1896 года // Свод законов Российской империи. Книга первая. Т. 3. СПб., 1912.

238. Временное положение об управлении Туркестанской областью // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1865. № 77.

239. Высочайше утвержденный закон – О государственной росписи доходов и расходов на 1916 год. 8 апреля 1916 года // Собрание узаконений и распоряжений правительства, № 96, отдел первый, 14 апреля 1916 года. СПб., 1916. № 763.

240. Общее учреждение Земской полиции // Общее губернское учреждение // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СП., 1857.

241. Наказ чинам и служителям полиции // Общее губернское учреждение // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СП., 1857.

242. Особенные губернские учреждения // Свод законов Российской империи Т.2. Свод учреждений государственных и губернских. Учреждения губернские. СПб., 1833.

243. Государственная роспись доходов и расходов на 1914 год. 22 июня 1914 года // Собрание узаконений и распоряжений правительства, № 143, отдел первый, 24 июня 1914 года. СПб., 1914, № 1596. С. 2405

244. Особые журналы Совета министров Российской империи. (1909-1917 гг.) 1912 год. М., 2004. С. 360

245. Россия. Государственный Совет. Департамент Законов. Материалы. Т. 168.

246. Россия. Государственный Совет. Департамент Законов. Материалы. Т. 167.

III. Статистические и справочные издания

247. Гейер, И.И. Путеводитель по Туркестану. Ташкент, 1901. 255 с.

248. Ислам. Словарь атеиста. М.: Политиздат, 1988. 252 с.

249. Костенко, Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения. Т. 2. СПб., 1880. 261 с.

250. Любимов, П.П. Религии и вероисповедный состав населения Азиатской России. Петроград, 1914. 45 с.

251. Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 1-V. СПб., 1872-1879. 573 с.

252. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. М., 1983. 816 с.

253. Религиоведение. Энциклопедический словарь. М.: Академический Проект, 2006. 1254 с.

254. Словарь иностранных слов. Изд. 13. М., 1986. 606 с.

255. Советский энциклопедический словарь. Изд. третье. М.: Советская энциклопедия, 1984. 1599 с.

256. Справочник необходимых познаний. Пермь: «Вся Пермь». «Алгос-Пресс», 1995. 512 с.

257. Статистический ежегодник России. Изд. Статистического Комитета МВД. СПб., 1914.

258. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 543 с.

259. Центральный Государственный исторический архив УзССР. Путеводитель / Сост.: З.И. Агафонова, Н.А. Халфин. Ташкент, 1948. 183 с.

IV. Публикации документов

260. Восстание 1916 года. Документы и материалы. Бишкек: КРСУ, 2015.

261. Восстание 1916 года в Казахстане (документы и материалы). Алма-Ата: изд. и тип. Изд-ва Акад. наук КазССР, 1947. 214 с.

262. Восстание 1916 года в Кыргызстане: Сборник документов. Бишкек: КРСУ, 2011. 304 с.

263. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сборник документов. М., 1960. 792 с.

264. Восстание 1916 года в Средней Азии: Сборник документов / Под ред. П.Г. Галузо. Ташкент, 1932. 175 с.

265. Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сборник документов и материалов. М.: Марджани, 2016. 468 с.

266. Восстание 1916 года в Туркмении. Документы и материалы. Ашхабад, 1938. 319 с.

267. Временное положение об управлении Туркестанской областью // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1865. № 77. 31 августа.

268. Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о проведенной в 1908-1909 гг. по Высочайшему Повелению Сенатором,

Гофмейстером, графом Паленом К.К. Ревизии Туркестанского Края. Ч. 2. Административный строй: органы краевого, областного, уездного и сельского управления. СПб., 1910. 53 с.
269. Высочайше утвержденный Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., типограф. воен. м-ства, 1867. 74 с.
270. Высочайше утвержденный закон – О государственной росписи доходов и расходов на 1916 год. 8 апреля 1916 года // Собрание узаконений и распоряжений правительства, № 96, отдел первый, 14 апреля 1916 года. СПб., 1916. № 763.
271. Государственная роспись доходов и расходов на 1914 год. 22 июня 1914 года // Собрание узаконений и распоряжений правительства, № 143, отдел первый, 24 июня 1914 года. СПб., 1914. № 1596.
272. Государственный совет. Об изменении положения и штатов управления Закаспийской области. Представление Военного министерства. 28 октября 1889 года. СПб., 1889.
273. Грозный 1916-й год: Сборник документов и материалов. Том 1. Алматы, 1998. 423 с.
274. Материалы к докладу о двадцатилетии киргизского восстания 1916 г. Фрунзе, 1936. 30 с.
275. Обзор Закаспийской области за 1890-1896 гг. Асхабад: тип. Федорова, 1897. 613 с.
276. Объяснительная записка к Положению и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сырдарьинской областей. СПб., 1867. - 74 с.
277. Объяснительная записка к Положению и штатам // Проект Положения об управлении в Семиреченский и Сыр-дарьинской областях. Ташкент, 1880. 288 с.
278. Особый журнал Совета министров от 20 ноября 1912 года – По Проекту основных начал преобразования управления Туркестанским краем // Особые

журналы Совета министров Российской империи. (1909-1917 гг.) 1912 год. М., 2004.

279. Отчет о служебной поездке военного министра в Туркестанский военный округ в 1901 году. СПб., 1902. 147 с.

280. Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. СПб.: Сенат. тип., 1909-1911. – Полиция безопасности: [С прил.]. 1910.

281. Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПБ., 1884.

282. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Областное управление. СПб., 1910.

283. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Полиция безопасности. СПБ., 1910.

284. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Уездное правление. СПб., 1910.

285. Пояснительная записка к Проекту Положения об управлении областей Туркестанского Генерал-губернаторства. СПб., 1874.

286. По Туркестану. Объезд туркестанским генерал-губернатором С.М. Духовским Самаркандской и Ферганской областей в 1898 году. Ташкент, 1898. 192 с.

287. Проект Всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881. СПб., 1885.

288. Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867.

289. Россия. Военное министерство. Главный штаб. Азиатская часть. Свод замечаний министров, Государственного контролера и Туркестанского генерал-губернатора на составленный комиссией проект Положения об управлении Туркестанским краем с объяснениями и возражениями на оные военного министра по соглашению с генерал-губернатором. СПб., 1886.

290. Россия. Комиссия для составления объединенного Положения об управлении областей Туркестанского края. Протоколы заседаний Ташкент, 1904

291. Россия. Главный Штаб. Азиатская часть. Об учреждении в городе Коканде, Ферганской области Городского полицейского управления. Представление Военного министерства в Государственную думу от 4 мая 1916 года. № 785. СПб., 1916.

292. Россия. Государственный совет. Об изменении положения и штатов управления Закаспийской области. Представление Военного министерства. 28 октября 1889 года. СПб., 1889.

293. Россия под надзором. Отчеты III Отделения. 1827-1869: Сборник документов / Сост.: М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006. - 703 с.

294. Сборник действующих обязательных постановлений Туркестанского Генерал-губернатора. Ташкент, 1915.

295. Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. История в документах. Том I-II. Бишкек: КРСУ, 2015-2016.

296. Туркестан в имперской политике России: Монография в документах. М.: Кучково поле, 2016. - 878 с.

V. Периодическая печать

297. Вестник полиции. Еженедельный журнал с иллюстрациями. С-Петербург. 1907-1917 гг.

298. Вечер.1894-1909 гг.

299. Голос. 1865-1883 гг.

300. Московские ведомости. 1865-1917 гг.

301. Москва. Газета политическая, экономическая и литературная. 1867-1868 гг.

302. Новое время. 1868-1917 гг.

303. Русский инвалид. 1865-1917 гг.

304. Санкт-Петербургские ведомости. 1865-1917 гг.

305. Терджиман. 1883-1917 гг.

306. Туркестанские ведомости. 1870-1917 гг.

307. Туркестанские епархиальные ведомости. 1906-1917 гг.

308. Туркестанский курьер. 1908-1917 гг.

VI. Мемуары и дневники

309. Айни Садриддин. Бухара. Воспоминания. М., 1960. 1088 с.

310. Белью. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгар в 1873-1874 г. СПб: тип. т-ва «Обществ. польза», 1877. 309 с.

311. Бернс, А. Кабул. Путевые записки сэра Александра Борнса в 1836, 1837 и 1838 годах. Ч. 1. М., 1847. 395 с.

312. Бланкеннагель. Замечания майора Бланкеннагеля, впоследствие поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793-94 годах. Изд., с объясн. В.В. Григорьевым. Санкт-Петербург: тип. Морск. м-ва, 1858. 32 с.

313. Валуев, П.А. Дневник (1865-1876). Т. 2. М., 1861. 586 с.

314. Витте, С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960. 470 с.

315. Дониш, Ахмад. Путешествие из Бухары в Петербург. Душанбе, 1960. 300 с.

316. Дониш, Ахмад. История Мангитской династии / Перевод, предисловие и примечание И.А. Наджафовой. Душанбе, 1967. 142 с.

317. Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1929. № 3 (34).

318. Ефремов, Ф. Девятилетнее странствование. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1952. 88 с.

319. Костенко, Л.Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. СПб., 1871. 109 с.

320. Крестовский, В.В. В гостях у Эмира Бухарского. СПб., 1887. 432 с.

321. Мейендорф, Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975. 180 с.

322. Милютин, Д.А. Дневник. 1873-1875. Т. 1. М., 1947. 256 с.

323. Пашино, П.И. Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. СПб., 1868.

VII. Библиографические издания

324. Абдирашидов Зайнабидин. Аннотированная библиография туркестанских материалов в газете «Таржуман» (1883-1917). Токио, 2011. 232 с.

325. Авшарова, М.П., Алашникова, А.И., Кайзер С.И. История Узбекистана. Указатель советской литературы. 1917-1952. Ташкент: Узбекистан, 1968. 167 с.

326. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года. М.: Восточ. лит., 2005. 293 с.

327. Библиографический словарь. М.: «Восточная литература», 2005.

328. Виткинд, Н.Я. Библиография по Средней Азии (Указатель литературы по колониальной политике царизма в Средней Азии). М.: Изд. Ком. Ун-та трудящихся Востока им. И.В. Сталина, 1929. 166 с.

329. Закаспийский край. 1865-1885. Систематический сборник библиографических указаний, книг и статей о Закаспийском крае и сопредельных странах. Сост. З.М. Пенкина. СПб., 1888. 123 с.

330. История Казахстана. Библиографический указатель. Кн. 2. Алма-Ата, 1988. 435 с.

331. История МВД России в правовых актах и научных исследованиях (1802-2002): Библиографический указатель. Сост.: Т.Н. Москалькова. М.: Спарк, 2003. 158 с.

332. Краткий библиографический указатель литературы по Туркестану. Ташкент, 1924. 112 с.

333. Межов, В.И. Библиография Азии. Т. 1-2. СПб., 1891-1892.

334. Потёмкин, И.А., Климов, А.Ю., Синиченко, В.В. и др. Энциклопедия административно-полицейских учреждений России М., Академия Управления МВД России, 2022. 482 с.

335. Российская полиция: история становления и деятельности. К 300-летию российской полиции. Библиографический указатель. Курск, 2017.

336. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. Ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. 575 с.

337. Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности / Сост. В.И. Межов. Ташкент.

ЛИТЕРАТУРА

I. Монографические издания

1. Абакумов, О.Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826-1866 гг./ О.Ю. Абакумов. М.: Центрополиграф, 2017. 319 с.

2. Айтаков, Н. Три года Туркмении. Ашхабад: Туркменское Государственное Издательство, 1926. - 56 с.

3. Аликберов, А.К., Бобровников, В.О., Бустанов, А.К. Российский ислам. Очерки истории и культуры. / А.К.Аликберов, В.О. Бобровников, А.К. Бустанов М.: ИВ РАН, 2019. 455 с.

4. Андреева, И.А. Полицейская система Франции: монография / И.А. Андреева; М-во внутрен. дел Рос. Федерация, Ом. акад. Омск: ОмА МВД России, 2011. 231 с.

5. Анцыферов, Л.В. Гашишизм в Средней Азии. Ташкент, 1937. 45 с.

6. Арендаренко, Г.А. Досуги в Туркестане. 1874-1889 / Г.А. Арандаренко. - Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1889. 666 с.

7. Азадаев, Фаттах.Ташкент во второй половине XIX века [Текст]: Очерки соц.-экон. и полит. истории / Акад. наук УзССР. Ин-т истории и археологии. - Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1959. 242 с.

8. Ахмедов, Р. Материалы по истории таджикского народа. Душанбе, 2004.

9. Балашев, Н.И. Туркестан. Ташкент, 1920. 50 с.

10. Бартольд, В.В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения в 9 томах. Т. II. Ч. 1. М.: изд. Академии наук СССР, 1963. 256.

11. Бахрушин, С.В. История народов Узбекистана. М., 1947. - 423 с.

12. Белинский, В.Г. История Малороссии Николая Маркевича. Москва, 1842.

13. Белинский, В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 4. М., 1979. 661 с.

14. Бернс, А. Кабул. Путевые записки сэра Александра Борнса в 1836, 1837 и 1838 годах. Ч. 1. М., 1847.

15. Брайнин, С., Шапиро, Ш. Об истории Алаш-Орды. Алма-Ата, 1935. 148 с.

16. Брежнева, С.Н. Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России (вторая половина XIX в. – начало XXI). М., 2005. 50 с.

17. Брун А.Х. Смутные времена: опыт большевистской России в Туркестане. Лондон, 1931.

18. Вамбери, Арминий. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году. СПб.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1865. 221 с.

19. Вамбери, А. Очерки Средней Азии. Москва: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1867. 362 с.

20. Вамбери, А. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. По восточным обнародованным и необнародованным рукописным историческим источникам / Пер. А.И.Павловского: В 2 т. СПб., 1873. 221 с.

21. Вамбери, А. Очерки и картины восточных нравов. Вамбери. СПб: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1877. 279 с.

22. Вамбери, А. Моя жизнь. М., 1914. 407 с.

23. Васильев, Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 636 с.

24. Вахабов, М. Ташкент в годы трех революций. Ташкент: Госиздат УзССР, 1957. 284 с.

25. Венюков, М. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб., 1877. С. 297.

26. Веселовский, Н. Новые материалы по истории Кокандского ханства. СПб., б.г.

27. Всемирная история: В 10 т. Т. 1. М., 1955. 747 с.

28. Всеобщая история государства и права / Под ред. К.И. Батыра. М., 2001. 494 с.

29. Волков, И.В. Исторические аспекты цивилизационной политики царской России в Средней Азии. Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02, Бишкек, 2020. 477 с.

30. Галузо, П.Г. Национально-освободительное движение в Средней Азии // Революция в Средней Азии. Ташкент, 1929. 114 с.

31. Галузо, П.Г. Туркестан – колония. (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). М., 1929. 162 с.

32. Галузо, П.Г. Троцкистско-колонизаторская концепция истории Туркестана-колонии: Сб. статей. М. - Ташкент, 1933. - 63 с.

33. Губер, А.А., Ким Г.Ф., Хейфец А.Н. Новая история стран Азии и Африки. М., 1975. 540 с.

34. Галузо, П.Г. Туркестан-колония. Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии. Ташкент, 1935. 222 с.

35. Гафуров Б.Г. История таджикского народа. Сталинабад, 1949; Гафуров Б.Г. История таджикского народа в кратком изложении. Сталинабад, 1949.

36. Гафуров, Б. История таджикского народа в кратком изложении. Изд. второе. М., 1952. 490 с.

37. Гафуров, Б.Г. История таджикского народа. Изд. 3-е. Т. 1. М., 1955. 544 с.

38. Гейер, И.И. Туркестан. Ташкент, 1909. 346 с.

39. Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В., Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 1998. 701 с.

40. Джурабаев, Д.Х. Бухарский эмират второй половины XVIII – первой половины XIX вв. в письменных источниках: Дис. … докт. ист. наук. Худжанд, 2014. 425 с.

41. Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. СПб., 1911. 520 с.

42. Дронов, И.Е. Сильный, Державный… Жизнь и царствование Императора Александра III. М.: Русский издательский центр, 2012. 706 с.

43. Ерошкин, Н.П. Самодержавие накануне краха. М., 1975. 160 с.

44. Жуковский, С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Петроград, 1915. 215 с.

45. Иванов, П.П. Очерки истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). М., 1958. 247 с.

46. Искандаров, Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX века (в двух книгах). Душанбе, 1963.

47. История Андижана. Ташкент: Фан, 1980. 238 с.

48. История Бухары с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976. 383 с.

49. История государства и права Казахстана. Ч. 1. Алма-Ата, 1954. 61 с.

50. История государства и права Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1982. 182 с.

51. История государства и права / Под ред. Ю.П. Титова. М., 1998. 563 с.

52. История государства и права СССР. Часть 1. М.: «Юридическая литература», 1972. 670 с.

53. История государственного управления в России / Под ред. проф. А.Н. Марковой. М., 1997. 311 с.

54. История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. М., 1977. 966 с.

55. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. 3. Алма-Ата, 1979. 544 с.

56. История Каракалпакской АССР (С древнейших времен до наших дней). Ташкент, 1986. 364 с.

57. История Коканда. (С момента присоединения Средней Азии к России до настоящего времени). Ташкент, 1984. 215 с.

58. История Киргизской ССР: В 5 т. Т. 2. Фрунзе, 1986. 477 с.

59. История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1947. 512 с.

60. История народов Узбекистана. Т. 1. С древнейших времен до начала XVI века. Ташкент, 1950. 474 с.

61. История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1993. 510 с.

62. История российской полиции. Научный справочник-календарь памятных дат: Монография / А.Н. Конев и др. / Под общ. ред. В.Л. Кубышко. 2-е изд. М.: Академия управления МВД России, 2020. Т. 1. 351 с.

63. История Самарканда. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1969. 484 с.

64. История советского государства и права Узбекистана. Т. 1. Ташкент, 1960. 511 с.

65. История СССР. Ч.2. 1861-1917. М., 1978. - 527 с.

66. История стран Азии и Африки в средние века. Ч. 2. М., МГУ, 1987. - 276 с.

67. История таджикского народа. Т. 1. М., 1949. 497 с.

68. История таджикского народа. Т. 2. Кн. 2. Поздний феодализм (XVII-1917 г.). М., 1964. 356 с.

69. История Таджикской ССР. Душанбе, 1983. 398 с.

70. История Ташкента. С древнейших времен до победы Февральской буржуазно-демократической революции. Ташкент, 1988. 291 с.

71. История Туркменской ССР. Т. 1. Кн. 2. Ашхабад, 1957. 531 с.

72. История Узбекской ССР: В 4 т. Т. 2. От присоединения узбекских ханств к России до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1968. - 662 с.

73. История Узбекской ССР. С древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1974. 583 с.

74. История Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976. 316 с.

75. Ишанов, А.И., Саматова, Х.С., Уразаев, Ш.З. История государства и права Узбекистана. Ч. 1. Ташкент, 1969. 140 с.

76. Киняпина, Н.С., Блиев, М.М., Дегоев, В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.). М.: Издательство МГУ, 1984. 378 с.

77. Климович Л.И. Ислам в царской России. М., 1936. 496 с.

78. Костенко, Л.Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. СПб., 1871. 109 с.

79. Костенко, Л.Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871. 358 с.

80. Котюкова, Т.В. Окраина на особом положении… Туркестан в преддверии драмы. М.: Научно-политическая книга, 2016. 390 с.

81. Котюкова, Т.В. Туркестанское направление думской политики России 1905-1917 гг.). М., 2008. 201 с.

82. Крыльцов, И.И. Управление и суд в Туркестане – колонии царской России. Дис. … докт. юр. наук. Свердловск, 1943.

83. Кулиев, О. Административно-территориальное устройство Туркменистана. Ашхабад, 1989. 319 с.

84. Куропаткин, А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны. Ее военные силы, промышленность и торговля. СПб.: Имп. Рус. геогр. о-во, 1879. 439 с.

85. Литвинов, Вл.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и нового времени). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. 377 с.

86. Литвинов, Вл.П. Государство и паломничество мусульман в царской России: туркестанский вариант. (По архивным, правовым и иным материалам): монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2016. 567 с.

87. Литвинов Вл.П. Исторический опыт Российского государства в организации и регулировании паломничества мусульман Средней Азии. 1865-1917. Дис. … доктора ист. наук. 2019.

88. Литвинов Вяч.П. Административная ссылка в царской России: туркестанский вариант: (по архивным, правовым и иным материалам) Елец, 2010. 308 с.

89. Литвинов Вяч.П. Государство и полиция в царской России туркестанский вариант (очерки истории): монография. Воронеж, 2025. 609 с.

90. Литвинов, П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865-1917) (по архивным материалам). Елец: ЕГПИ, 1998. 319 с.

91. Литвинов, П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). Елец: ЕГПИ, 1996. 226 с.

92. Литвинов, П.П. Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам): Монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. 539 с.

93. Литвинов, П.П. Благовест над землями ислама: Русский Туркестан (по архивным, правовым и иным источникам): монография. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. 537 с.

94. Литвинов, П.П. 1916 год: Исторический оптимизм трагедии: монография. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2022. 356 с.

95. Логофет, Д.Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки. Кн. 1-3. СПб., 1909.

96. Логофет, Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909. 239 с.

97. Лыкошин, Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Петроград: Т-ва В.А. Березовский, 1917. 425 с.

98. Маев, Н.А. Очерки Бухарского ханства. Ташкент, 1875. 185 с.

99. Малицкий, Н. Ишаны и суфизм. Ташкент, 1898. 16 с.

100. Масалиева, О.М. История Бухарского, Хивинского, Кокандского ханств в англо-американской историографии: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Ташкент, 1999. 31 с.

101. Машанов, М. Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим инородцам. Казань, 1910. 123 с.

102. Мец, А. Мусульманский Ренессанс. М.: Издательство «ВиМ», 1996. 536 с.

103. Миддендорф, А.Ф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. 602 с.

104. Миронов, Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века. М.: «Весь мир», 2012. 844 с.

105. Миронов, Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3 томах. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 907 с.

106. Мулукаев, Р.С. Полиция в России (IX – начало XX в.). Нижний Новгород, 1993. 104 с.

107. Наливкин, В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент: А.Л. Кирснер, 1913. 144 с.

108. Наливкин, В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886. 245 с.

109. Наливкин, В. Краткая история Кокандского ханства. Казань: типогр. Император. ун-та, 1886. 215 с.

110. Ниалло Азиз. Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Фрунзе, 1941. 161 с.

111. Олещук, Ф.О. О реакционной роли мусульманского духовенства. Алма-Ата. 1937. 28 с.

112. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств: Коллективная монография. М., 2009. 389 с.

113. Остроумов, Н.П. Сарты. Этнографические материалы. Т. 1. Ташкент: Типо-лит. торг. дома «Ф. и Г. бр. Каменские», 1890. 272 с.

114. Очерки Бухары. В забытой стране. М., 1912. 175 с.

115. Перегудова, З.И. Политический сыск России (1880-1917 гг.). М., 2000. 430 с.

116. Пропащин, А. Генерал-адъютант Константин Петрович фон Кауфман как устроитель Туркестанского края (1867-1882). Ташкент, 1913. 158 с.

117. Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Вып. 2. М. - Л., 1940. С. 115-122.

118. Против исторической концепции М.Н. Покровского. Вып.1. М. - Л., 1939. 517 с.

119. Реент, Ю.А. Общая и политическая полиция России (1900-1917 гг.): Монография. Рязань: «Узорочье», 2001. 284 с.

120. Резцов, Л. Октябрь в Туркестане. Ташкент, 1927. 119 с.

121. Рыскулов, Т. Р. Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925. 218 с.

122. Россия в исторических судьбах таджикского народа / Ред. Р.М. Масов. Душанбе, 1998. 156 с.

123. Россия и Средняя Азия. Т. 1. Политика и ислам в конце XVIII – начале XX в.: Коллективная монография. М., 2011. 469 с.

124. Россия и Туркмения в XIX в.: К вхождению Туркмении в состав России. Ред. Г.И. Карпов, А.Г. Соловьев, Д.Ф. Масловец. Составители: А.Г. Соловьев, А.А. Сенников, Д.Ф. Масловец. Ашхабад: Туркменское государственное издательство, 1946.

125. Сафаров, Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана). Репринт. изд. Оксфорд, 1985. 223 с.

126. Семенов, А.А. К истории дипломатических сношений между Россией и Бухарой в начале XIX в. Ташкент, 1951. 69 с.

127. Семенов, А.А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 2. Сталинабад, 1954. 75 с.

128. Сизиков, М.И., Борисов А.В., Скрипилев А.Е. История полиции России (1718-1917 гг.). Вып. 2. М., 1992. 55 с.

129. Скрипилев, А.Е. Полиция Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Полиция и милиция России: страницы истории. М.: Наука, 1995. 62 с.

130. Смирнов, Н.А. Мусульманское сектантство. М., 1930. 53 с.

131. Сокол, Эдвард Дэннис. Восстание 1916 г. в Русской Центральной Азии. Бишкек, 2016. 191 с.

132. Соловьева, О.А. Лики власти Благородной Бухары. СПб., 2002. 189 с.

133. Соловьев, С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 4. Т. 7-8. М., 1989. 751 с.

134. Соловьев, С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 12. Т. 23-24. М., 1993. 687 с.

135. Сталин, И. Вопросы ленинизма. Издание одиннадцатое. М: Госполитиздат, 1952. 652 с.

136. Струмилин, С.Г., академик. Очерки экономической истории России. М.: Изд-ство соц-эконом. лит-ры, 1960. 548 с.

137. Сухарева, О.А. Ислам в Узбекистане. Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1960. 86 с.

138. Терентьев, М.А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами: В 3 т. Том III. СПб.: типография Комарова, 1906. 496 с.

139. Туркестан в имперской политике России: Монография в документах. Отв. ред. Т.В. Котюкова. М., 2016. 878 с.

140. Тухтаметов, Т.Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX – начале XX в. Ташкент, 1966. 178 с.

141. Тухтаметов, Т.Г. Россия и Бухарский эмират в начале XX в. Душанбе, 1977. - 208 с.

142. Федоров, Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925. 80 с.

143. Фомченко, А.П. Русские поселения в Бухарском эмирате. Ташкент, 1958. 78 с.

144. Халфин, Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. 406 с.

145. Халфин, Н.А. Россия и Бухарский эмират на западном Памире (конец XIX – начало XX в.). М., 1975. 127 с.

146. Ханыков, Н. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. - 282 с.

147. Центральная Азия в составе Российской империи: Коллективная монография. М., 2008. 451 с.

148. Шубинский П. Очерки Бухары. СПб., 1892. 108 с.

149. Чокаев М. Туркестан под властью Советов. Париж., 1935. - 129 с

150. Энгельс Фридрих. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М., 1982. 221 с.

II. Статьи из периодических изданий

151. Архипов, И.Л. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко // Отечественная история. 2006. № 3. С. 114-126.

152. Астанова, Г.Ю. Документальные источники Бухарского ханства XIX – начала XX в. об административных делениях и их размерах // Позднефеодальный город Средней Азии: Сб. статей. Ташкент, 1990. С. 216-221.

153. Банникова, Е.В. Оренбургские купцы Деевы // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 16-17 мая 2013 г. М., 2013. С. 60-67.

154. Блинова, В.В., Рубин В.А., Судоргина Т.В. «Зная порывы Его Высочества… Я поставлю часовых и помещу Великого Князя в царских комнатах вокзала железной дороги». Неравный брак внука Николая I и

дочери Оренбургского полицмейстера А.Г. Дрейера // Вестник архивиста. 2018. № 2. С. 564-577.

155. Бородин, А.П. П.Н. Дурново: портрет царского сановника // Отечественная история. 2000. № 3. С. 48-69.

156. Борисов, А.В. Проблемы реформирования полиции Российской империи в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 1 (125). С. 78-81.

157. Бухерт, В.Г. «Мы стали твердой ногою на Аму-дарье». Хивинский поход 1873 г. в описании великого князя Николая Константиновича // Источник. 2002. № 4. С. 14-22.

158. Вахидов, Ш.Х. Взгляд мусульманских авторов на русское завоевание Туркестана. Эволюция новых реалий: «за» и «против» // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сб. материалов. Ташкент, 2008. С.83-99.

159. Верт, Пол. Противоречия и нюансы судьбы русского консерватора // Диалог о книге. «К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России». Александра Полунова // Российская история. 2013. № 1. С. 97-100.

160. Воинова, Л.Е. Анализ бюджетного обеспечения МВД Российской империи в XIX-XX вв. // История государства и права. Научно-правовое издание. 2011. № 11. С. 41-47.

161. Воробьев, А.В. Разбойный приказ в XVI – начале XVII века: эволюция, руководство и административная практика // Российская история. 2012. № 1. С. 17-30.

162. Воронин, В.Е. Великий князь Константин Николаевич и попытка создания «оппозиции Его Величества» в первые годы царствования Александра III // Отечественная история. 2008. № 5. С. 131-139.

163. Гайда, Ф.А Предпоследний премьер Российской империи А.Ф. Трепов. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. № 4. С. 26-40.

164. Георгиева, Н.Г. Методология исторического исследования и особенности исторического познания // Человек и общество в истории

российской цивилизации. Материалы научно-практической конференции. М.: РУДН, 2004. С. 118-126.

165. Григорьева, В.А. История государственного регулирования алкогольного рынка в России // XXI национальная научная конференция (с международным участием). Молодежная секция. Апрель 2020: Сборник докладов. Таганрог, 2020. С. 6-8.

166. Гросул, В.Я. Истоки трех русских революций // Отечественная история. 1997. № 6. С. 34-54.

167. Дингельштедт, Н. Мирная политика и бескровные завоевания (Туркестан. 1884-1889) // Северный вестник. 1892. № 6. Июнь. С. 42-58.

168. Игнатенко, А. Восток – дело тонкое, или интрига в мусульманском мире // Наука и религия. 2001. № 5-7. С. 5-23; 6-40; 7-25.

169. Искандаров, Б.И. Социально-экономический и политический строй Восточной Бухары и Памира накануне присоединения Средней Азии к России // История СССР. 1959. № 4. С. 126-137.

170. Кадырбаев, А.Ш. Материалы РГА ВМФ о народах Приаралья и их взаимоотношениях с Россией, Великобританией, Персией. По письмам А.И. Бутакова. 1848-1849 гг. // Иран-наме. Научный востоковедческий журнал. 2009. № 1. С. 237-250.

171. Керенский, А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 113-136.

172. Кобзева, О.П. Николай Федорович Петровский – выдающийся русский туркестановед и дипломат // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова: Сб. материалов. Ташкент. 2008. С. 161-165.

173. Конев, А.Н. Подготовка высших управленческих кадров для МВД России: уроки истории // Российская полиция: Три века служения Отечеству. Сборник статей Юбилейной Международной научной конференции. Часть 1 / Под ред. В.Л. Кубышко. 21 декабря 2018 г. М.: Академия управления МВД России, 2019. С. 25-33.

174. Котюкова, Т.В. В.П. Наливкин – русский администратор в Туркестане (две стороны восприятия действительности) // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное: Материалы XII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 29-30 мая 2008 г. М., РУДН, 2008. С. 216-223.

175. Крупенкин, Е.Н. Политические отношения Российской империи и Хивинского ханства в 1867-1870 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 101-104.

176. Кудин, В.А. От полиции Российской империи к полиции Российской Федерации: два века истории // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 2 (50). С. 4-11.

177. Литвинов Вяч. П. Российская полиция в Бухарском ханстве // Вестник Таджикского национального университета. 2021. №4. С. 19-30.

178. Литвинов, Вл. П., Литвинов, Вяч. П. Дорога на «Крышу мира» // Россия: цивилизация, патриотизм, культура: Материалы Пятой всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. М.: РУДН, 2003. С. 124-132.

179. Литвинов, Вяч.П. «Его Императорское Высочество» под надзором полиции в Русском Туркестане // Журнал "Вопросы истории". 2022 №2-1 С. 57-64.

180. Литвинов, Вяч.П. Административно-полицейское регулирование положение мусульманской женщины в Русском Туркестане // Вестник Российского университета дружбы народов. 2024. Том 23 №3. С. 272-285.

181. Литвинов, Вяч.П. Армия и полиция в Царской России: проблемы взаимоотношений //Журнал «Власть». 2022. Т.30. №6 С. 221-228.

182. Литвинов, Вяч.П. Борьба царской власти с наркотиками в Русском Туркестане // Вестник Таджикского национального университета. 2024. № 3. С. 10-14.

183. Литвинов, Вяч.П. Государство и полиция в русском Туркестане начала XIX века // Проблемы истории общества, государства и права. Сборник научных трудов.2021. Выпуск 13-й. С. 308-339.

184. Литвинов, Вяч.П. Железнодорожная полиция в царской России: Ташкентское направление // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2016. Т.16, № 4. С. 8-11.

185. Литвинов, Вяч.П. Из истории железнодорожной полиции в Туркестане конца XIX века // Вестник КРСУ, 2014. Т. 14. № 9. С. 59-62.

186. Литвинов, Вяч.П. Источники финансирования царской полиции: Русский Туркестан // Журнал «Власть». 2024. Т.32 №5. С. 288-294.

187. Литвинов, Вяч.П. К истории российской полиции: первые жандармы в Туркестане // Вестник КРСУ. Том 16, №12. С.47-51.

188. Литвинов, Вяч.П. Льготы и преимущества, которые давала полицейская служба в царской России: Средняя Азия // Ученные записки Казанского университет Серия Гуманитарные науки. 2024. Том 166, книга 4 С. 131-141.

189. Литвинов, Вяч.П. Методология современной исторической науки: мнение туркестановеда // Жернал «Клио». 2024. №12 (216). С. 256-263.

190. Литвинов, Вяч.П. Мусульмане в системе полицейской службы в Русском Туркестане // История государства и права. 2022. №9. С. 68-73.

191. Литвинов, Вяч.П. О высылке «вредных» мусульман из царского Туркестана (по архивным материалам) // Вестник КРСУ. 2015. Том 15, № 6. С. 73-77.

192. Литвинов, Вяч.П. О форме одежды полицейских в царской России: туркестанский вариант // Журнал «Власть». 2024. Т.30, № 2. С. 256-260.

193. Литвинов, Вяч.П. Об организации розыскной полиции в Русском Туркестане // «Клио». 2024. №6 (210). С.118-125.

194. Литвинов, Вяч.П. Пенсионное обеспечение полицейских служащих в царской России: Туркестанский регион // Журнал «Власть». 2024. Т.32 № 4. С. 272-279.

195. Литвинов, Вяч.П. Первая железная дорога в Средней Азии и ее охрана: историко-правовой аспект // Журнал «Власть». 2021. Т.29. № 4. С. 240-246.

196. Литвинов, Вяч.П. Полицейский надзор за проституцией в Царской России: туркестанский вариант // Журнал для ученых «Клио». 2024. № 4 (208). С.80-89.

197. Литвинов, Вяч.П. Правовое регулирование деятельности железнодорожной полиции в Средней Азии (1880-гг – 1917 г.) // Материалы научно-практической конференции по актуальным проблемам права и экономики к 20-летию юридического факультета ЕГУ им. И.А. Бунина и 75-летию Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина Елец. 2015. С. 70-76.

198. Литвинов, Вяч.П. Правовое регулирование оборота алкогольной продукции в Русском Туркестане: полицейский аспект // История государства и права. 2021. № 9. С. 56-62.

199. Литвинов, Вяч.П. Проблемы полицейской службы в государствах мусульманского Востока: эпоха Средневековья и Новое время // Исламоведение. 2021. Т. 12, № 3. С. 102–113.

200. Литвинов, Вяч.П. Религиозная полиция в исламском мире: среднеазиатские ханства // Журнал для ученых «Клио». 2024. №1 (205). С. 45-51.

201. Литвинов, Вяч.П. Формирование нормативно-правовых основ полицейской службы в русском Туркестане: первоначальный период царской власти в регионе (1865-1870-е гг.) // Вестник Таджикского национального университета. 2023. № 6. С. 5-14.

202. Литвинов, Вяч.П. Царская полиция в Русском Туркестане: историография проблемы // Жернал «Клио». 2024. № 9 (213) С. 30-42.

203. Литвинов, Вяч.П., Литвинов П.П. О специфике деятельности железнодорожной полиции в Туркестане (конец XIX - XX вв.) // Вестник КРСУ. 2014 Том 14, № 6. С. 24-29.

204. Литвинов, П.П. «Узбекская» модель государственности в Средней Азии: история и современность // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Вып. 5. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002.

205. Литвинов, П.П. От Христа к Магомету: религиозное ренегатство в Средней Азии (конец XIX – начало XX вв.). (По архивным материалам) // Собор (Альманах по религиоведению). Елец: ЕГПИ, 1999. С. 131-151.

206. Миронов, Б.Н. Об этнической дискриминации в позднеимперской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 164-185.

207. Мулукаев Р.С. В борьбе с профессиональной преступностью (из опыта российской полиции) // Государство и право. 2004. № 9. С. 81-88.

208. Муромцева, Л.П. Сергей Андреевич Муромцев – председатель I Государственной Думы // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2006. № 4. С. 69-83.

209. Мухамедина, Ш. Водворение русской гражданственности в Центральной Азии (1865-1886 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Исторические и политические науки. 2016. № 1. С. 106-122.

210. Небратенко, Г.Г. Ведомственное образование МВД России на рубеже XIX-XX вв. // Российская полиция: Три века служения Отечеству. Сборник статей Юбилейной Международной научной конференции. Часть 1 / Под ред. В.Л. Кубышко. 21 декабря 2018 г. М.: Академия управления МВД России, 2019. С. 213-219.

211. Нормухамедова, Маликахон. Взаимосвязь секуляризма с исламской культурой и образованием в Узбекистане // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? Материалы международного «круглого стола» (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.). Алматы, 2008. С. 259-280.

212. Озмитель, Е.Е. Религиозно-нравственное состояние переселенцев в Туркестане // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова: Сборник материалов. 27 ноября 2008 г., Ташкент. Ташкент, 2010. С. 288-289.

213. Петров, А.В. Место полиции Урала и Сибири в системе полицейских учреждений в России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 3. С. 185-192.

214. Петров, Ю.А. Приветственное слово // Российская полиция: Три века служения Отечеству: Сборник статей Юбилейной Международной научной конференции. Часть 1 / Под ред. В.Л. Кубышко. 21 декабря 2018 г. М.: Академия управления МВД России, 2019. С. 3-7.

215. Петровский, И.В. Социальный портрет чиновничества городских учреждений города Вологды середины XIX в. // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное: Материалы XII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 29-30 мая 2008 г. М.: РУДН, 2008. С. 318-325.

216. Рассказов, В.Л. Историография сыскной полиции Российской империи // Юрист-Правовед. 2015. № 2 (69). С. 117-120.

217. Рассказов, В.Л. Органы сыскной полиции Российской империи в трудах отечественных исследователей // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 107 (03). С. 243-258.

218. Рахимзода, Р.Х. Состояние розыскной деятельности в досоветском Таджикистане // Юридические науки: история и современность. 2016. № 7. С. 136-147.

219. Реент, Ю.А. Полицейский аппарат Российской империи: этапы развития // Российская полиция: Три века служения Отечеству: Сборник статей Юбилейной Международной научной конференции. Часть 1 / Под ред. В.Л. Кубышко. 21 декабря 2018 г. М.: Академия управления МВД России, 2019. С. 40-49.

220. Репников, А.В., Гребенкин И.Н. Василий Витальевич Шульгин // Вопросы истории. 2010. № 5. С. 25-40.

221. Сафонов, А.А. Генезис вероисповедной политики Российского государства. XVIII – начало XX века // История государства и права. 2007. № 2. С. 20-23.

222. Синиченко, В.В. Деятельность жандармских подразделений МВД России в 1914 г. на востоке империи при переходе на военное положение // В сборнике: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXV международной научно-практической конференции. 2020. С. 428-432.

223. Сичинский, Е.П. Проблемы комплектования городских полицейских команд на Южном Урале в конце XVIII – начале XX в. // История государства и права. 2005. № 9. С. 27-30.

224. Смыкалин, А.С.; Шамсумова, Э.Ф. Особенности взаимоотношений политической и уголовной полиции Императорской России в конце XIX – начале XX в. // Российская полиция: Три века служения Отечеству: Сборник статей Юбилейной Международной научной конференции. Часть 1 / Под ред. В.Л. Кубышко. 21 декабря 2018 г. М.: Академия управления МВД России, 2019. С. 284-294.

225. Суменкова, М.В.; Катомина, В.А. Административно-правовые меры борьбы с пьянством в России: история и современность // Genesis: исторические исследования. 2020. № 5. С. 81-95.

226. Сумина, Е.А.; Аказеев, Д.М. Эволюция аппаратов по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации // Российская полиция: Три века служения Отечеству. Сборник статей Юбилейной Международной научной конференции. Часть 2 / Под ред. В.Л. Кубышко. 21 декабря 2018 г. М.: Академия управления МВД России, 2019. С. 257-265.

227. Тадтаев, Т.В. Южная Осетия, Грузия и российская политика на Кавказе // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 147-152.

228. Торопкин, С.А. Лишение сотрудников полиции права на пенсию: история и современность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. С. 178-173.

229. Терентьев, М. Туркестан и туркестанцы // Вестник Европы. № 9-11. 1875.

230. Федоров, Г.П. Моя служба в Туркестанском крае (1870-1906 годы) // Исторический вестник. 1913. Ноябрь. С. 786-893.

231. Федоров Е.Г. Революция 1905-1907 гг. в Казахстане // Большевик Казахстана. 1940. № 12.

232. Шестаков А.В. Восстание в Средней Азии 1916 года // Историк-марксист. 1926. № 2.

233. Шульце Д., Кравчук Л.С. Из истории создания железнодорожной полиции в Германии // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 3. С. 78-83.

234. Юдин Е.Г. Правовое положение сыскной полиции Российской империи в начале XX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 2 (7). С. 276-279.

235. Южаков Ю.Д. Итоги 27-летнего правления Туркестанским краем // Русский вестник. 1891. Т. 215. Июль.

III. Литература на иностранных языках

236. Becker, Seymour. Russia’s Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva. 1865-1924. Harvard University Press. 1968. 417 p.

237. Bonvalot, Gabriel. Throught the Heart of Asia over the Pamirs to India. In 2 Vols. London, 1889. 281 p.

238. Boulger, D.C. Central Asian portraits. The celebrities of the Khanates and the neigbouring states. London, 1880. 310 p.

239. Central Asia. 130 years of Russian Dominance. A historical overview. Ed. by E.A. Allworth. London, 1994. 650 p.

240. Central Asia. A Century of Russian Rule. Ed. by E.Allworth. Columbia Univ. Press. New-York – London, 1967. 552 p.

241. Cobbold? R.P. The Innermost Asia. Travel and sport in the Pamirs. London, 1900. 3534 p.

242. Crews, R. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA; London: Harvard University Press. 2006. 463 p.

243. D'Encausse H.C. Islam and the Russian Empire. Reform and Revolution in Central Asia. London, 1988. 267 p.

244. Dobson, George. Russia's railway advance into Central Asia. Notes of a journey from St.Peterburg to Samarkand. - London, 1890. 439 p.

245. Dunmore. The Pamirs: Being a narrative of a year's expedition on horseback and on foot throught Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia. In 2 Vols. London, 1893. 360 p.

246. Geiss, P.G. Pre-Tsarist and Tsarist Central Asia: Communal Commitment and Political Order in Change. London; NY: Routledge Curzon. 2003. 320 p.

247. Hopkirk, P. The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. Oxford, 2001; Brower D. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London, 2003. 560 p.

248. Lansdell, H.D.D. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. In 2 Vols. London, 1885. 687 p.

249. Mackenzie, David. The Lion of Tashkent. The Career of general M.G.Cheniaev. Univ. of Georgia Press. Athens, 1974. 267 p.

250. Meakin, A. In Russian Turkestan. A garden of Asia and its people. London, 1903. 316 p.

251. Morrison, A. Russian Rule in Turkestan and the Example of British India. 1860-1917. // Slavonic and East European Review. 2006. Vol. 84. № 4. 666-707 p.

252. Schuyler, Eugene. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Vol.1-2. London: Low, Marston,1876.

253. Skrine, F.G and Ross E.D. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest times. London, 1899. 444 p.

254. Weinerman, E. The Polemics between Moscow and Central Asians on the Decline of Central Asia and Tsarist Russian's Role in the History of the Region // Slavonic and East European Review. 1993. Vol. 71. № 3. p. 428-481.

255. Wolf, Joseph. Mission to Bokhara. London, 1969. 495 p.

IV. Учебная и методическая литература

256. Актуальные проблемы истории органов внутренних дел: Учебное пособие / А.В. Борисов и др. М.: Академия управления МВД России, 2019. 80 с.

257. Алимова, Д.А.; Каримов, Р.Х.; Акилов, К.А.; Раджабов, К.К.; Алимов, И.А.; Маврулов, А.А. История Узбекистана (1917-1991): Учебник для учащихся 10 классов общеобразовательных школ. Ташкент, 2005. 432 с.

258. Борисов, А.В., Рыжова Ю.В., Кужахметова С.Н. Актуальные проблемы истории органов внутренних дел: Учебно-практическое пособие. М., 2020. 87 с.

259. Апарин, Ю.В. Из истории политического сыска и общей полиции в России. Тула, 1994. 77 с.

260. Быков, А.В. Основные вехи истории российской полиции: Учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России. 2018. 79 с.

261. Георгиева, Н.Г. Историческое источниковедение: теоретические проблемы: учебник для вузов. М.: Проспект, 2016. 247 с.

262. Глазунова, Н.И. Система государственного и муниципального управления: Учебник. М.: Проспект, 2008. 640 с.

263. Дидык, М.Е. История государственного управления: Учебник. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. 286 с.

264. Еремян В.В., Федоров М.В. История местного самоуправления в России (XII – начало XX в.): Учеб. пособие. М.: РУДН, 1999. 294 с.

265. Исаев И.А. История государства и права России. М., 2002. 334 с.

266. История государства и права СССР. Учебник. Часть 1. М., 1972. 670 с.

267. История государственного управления России. Ростов н/Д., 1999. 542 с.

268. История кыргызов и Кыргызстана: Учебник для вузов. Изд. 3-е. Бишкек, 2000. 359 с.

269. История полиции дореволюционной России. Сборник документов и материалов: Учебное пособие. М., 1981. 94 с.

270. История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы: Учебное пособие / Под ред. проф. В.М. Курицына М., 1998. 200 с.

271. История религии: В 2 т. Т. 1. Учебник / В.В. Винокуров, А.П. Забияко, З.Г. Лапина и др. / Под общ. ред. И.Н. Яблокова. М.: Высшая школа, 2002. 463 с.

272. Кохановский, В.П. Философия и методология науки: Учебник для высших учебных заведений. Ростов н/Д.: «Феникс», 1999. 574 с.

273. Лобанов, А.В., Широков Г.Г. История полиции России: Учебное пособие. СПб.: Северо-Западный институт повышения квалификации ФСКН России, 2015. 197 с.

274. МВД России и межведомственное взаимодействие в сфере правоохранительной деятельности в начале XX века Синиченко, В.В., Полянский, И.С., Миклошевич, К.С. Учебно-методическое пособие / Иркутск, 2019. 48 с.

275. Мулукаев, Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел: Учебник для вузов. М.: Nota bene Медиа Трейд компания. 2005. 336 с.

276. Мунчаев, Ш.М., Устинов В.М. История России: Учебник для вузов. М., 2008. 784 с.

277. Омельченко, Н.А. История государственного управления в России: учебник для вузов. М., 2008. 463 с.

278. Передня, Д.Г. История и методология юридической науки: Учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2019. 90 с.

279. Теория государства и права. Курс лекций. М., 2001. 771 с.